

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 3 (62) 2022

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. И. Третьяков, начальник Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

С. М. Голятина, адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. Т. Аширбекова, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

М. В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

О. П. Грибунов, директор Иркутского юридического института — филиала Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

И. С. Дикарев, начальник института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» — 22761.

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

Редакторы
Т. В. Рассказова,
М. В. Остертак

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
22.09.2022.

Дата выхода в свет:
26.09.2022.

Формат 60Х84/8.
Печать офсетная.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 24,0.
Усл. печ. л. 22,3.
Тираж 500. Заказ 36.

Цена по подписке
на 2022 г.
по каталогу
«Пресса России»
1194 руб. 00 коп.
(2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2022

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

С. В. Катков, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, начальник Департамента государственной службы и кадров МВД России, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Ненад Милич, проректор по учебной работе Криминалистического полицейского университета (Сербия), доктор юридических наук, профессор.

Д. М. Миразов, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор.

А. Л. Осипенко, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, главный научный сотрудник по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Г. А. Печников, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Победкин, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

В. А. Ручкин, профессор кафедры судебной экспертизы и физического материаловедения Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

А. С. Самоделькин, начальник НИЦ № 2 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

К. К. Сейтенов, профессор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. С. Чичерин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

М. А. Шматов, профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

С. А. Янин, профессор кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской
академии МВД России /
Journal of the Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia. —
Volgograd :
VA MVD Rossii, 2022. —
No 3 (62). — 192 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific journals
and publications,
where main research results
of doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system Russian
index scientific citation.
Full-text versions of articles
and bibliographic lists
are placed on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI № FS77-75804
as of May 23, 2019

Subscription
at the catalogue
"Pressa Rossii" – **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

No 3 (62)
2022

EDITOR-IN-CHIEF

V. I. Tretyakov, Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Academy for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

M. S. Kolosovich, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

EXECUTIVE SECRETARY

S. M. Golyatina, Post-Graduate Student at the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The editorial council

A. P. Alekseeva, Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Professional and Psychological Training and Management of Internal Affairs Bodies of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, Senior Researcher of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination of the South Ural State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. T. Ashirbekova, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

M. V. Bavsun, Deputy Head of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Glebov, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

O. P. Gribunov, Head of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

I. S. Dikarev, Head of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

O. B. Dronova, Professor at the Department of Criminalistic Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

Editors
T. V. Rasskazova,
M. V. Ostertak

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
22.09.2022.

Date of publication:
26.09.2022.

Format 60X84/8.
Offset printing.
Font Arial.
Physical print sheets 24,0.
Conventional print sheets 22,3.
500 copies. Order 36.

Subscription price
for the 2022
according by catalogue
"Pressa Rossii"
1194 rub. 00 kop.
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2022

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

S. V. Katkov, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Head of the Department of the Civil Service and Personnel of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the Interior Bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Nenad Milić, Vice-Rector for teaching of the University of Criminal Investigation and Police Studies (Serbia), Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. L. Osipenko, Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Chief Researcher for the Study of Problems of the History of the Ministry of the Interior of Russia of the Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

G. A. Pechnikov, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. V. Pobedkin, Head of the Department of Criminal Policy of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. A. Ruchkin, Professor at the Department of Forensic Examination and Physical Materials Science of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. S. Samodelkin, Head of the Research Center No. 2 of the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

K. K. Seitenov, Professor at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

B. P. Smagorinsky, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Senior Researcher of Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. S. Chicherin, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

M. A. Shmatov, Professor at the Department of Preliminary Investigation of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

S. A. Yanin, Professor at the Investigation Work Organization Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Вологина Е. В., Голоманчук Э. В.
Особенности коррупционной преступности
и коррупционных правонарушений
в сфере здравоохранения:
доктринальный и практический аспекты

9

Гусев С. Н.
Детерминанты совершения актов скулшутинга

15

Нифталиева И. А.
Социально-философские основания
принципа справедливости в уголовном праве

21

*Семененко Г. М., Базулина А. А., Четвероус А. Н.,
Кокарева Е. В.*
Предупреждение
дорожно-транспортных происшествий
с участием транспортных средств,
осуществляющих грузовые перевозки:
проблемы и пути противодействия

29

Стародубцева О. Н.
Личность пенитенциарного преступника,
склонного к совершению побега
из мест лишения свободы

37

Сысолина Н. С., Кушнарева А. В.
Развитие досуговой деятельности
несовершеннолетних как направление
профилактики подростковой преступности

44

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Виноградова С. Л.
Видеозапись
как альтернатива институту понятых

51

Горкина Е. В., Митькова Ю. С., Колбасина Е. Е.
Доказательственный потенциал
освидетельствования:
несовершенство права и практики применения

57

Лугинец Э. Ф., Бондарь М. М., Николаева Т. А.
Гражданский иск в уголовном судопроизводстве
России: понятие, нормативно-правовая база,
актуальные проблемы и их разрешение

64

CONTENTS

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

Vologina E. V., Golomanchuk A. V.
Features of corruption crime
and corruption offences
in the field of health:
doctrinal and practical aspects

Gusev S. N.
Determinants of the schoolshooting acts

Niftaliyeva I. A.
Social and philosophical bases
of the principle of justice in criminal law

*Semenenko G. M., Bazulina A. A., Chetverous A. N.,
Kokareva E. V.*
Prevention
of road traffic accidents
involving vehicles
for freight transportation:
problems and ways to counteract

Starodubtseva O. N.
Personality
of penitentiary criminal prone
to escape from places of imprisonment

Sysolina N. S., Kushnareva A. V.
Development of leisure activities
of juveniles as a direction
of prevention of teenage crime

CRIMINAL PROCEDURE

Vinogradova S. L.
Video recording
as an alternative to the institute of witnesses

Gorkina E. V., Mitkova Yu. S., Kolbasina E. E.
Evidential potential of examination:
imperfection of law and practice
in the application

Luginets E. F., Bondar M. M., Nikolaeva T. A.
Civil action in criminal proceedings in Russia:
definition, normative legal base,
actual problems and their resolution

<i>Насонов А. А.</i> Публичные интересы в уголовном процессе России и роль категории «согласие» в достижении их сбалансированности	76	<i>Nasonov A. A.</i> Public interests in the criminal process of Russia and the role of the category "consent" in achieving their balance
<i>Насонова И. А., Халимоненко С. С.</i> Проблемы совершенствования запретов в международном сотрудничестве по уголовно-процессуальным вопросам	85	<i>Nasonova I. A., Khalimonenko S. S.</i> Problems of improving prohibitions in international cooperation on criminal procedure issues
<i>Шарипова А. Р.</i> Институт возвращения судом уголовного дела прокурору: межотраслевые аналогии	95	<i>Sharipova A. R.</i> Institute for the return of a criminal case to a prosecutor by a court: intersectoral analogies
<i>Шестакова С. Д.</i> Роль компаративистики в развитии российской уголовно-процессуальной доктрины	103	<i>Shestakova S. D.</i> Role of comparative studies in Russian doctrine of criminal procedure development
КРИМИНАЛИСТИКА		CRIMINALISTICS
<i>Бобовкин С. М., Климова Я. А., Полунин В. П.</i> Использование возможностей цифровой криминалистики (на примере судебно-почерковедческой экспертизы)	109	<i>Bobovkin S. M., Klimova Ya. A., Polunin V. P.</i> The use of digital forensics capabilities (on the example of forensic handwriting examination)
<i>Замылин Е. И., Шевчук И. В.</i> Предъявление для опознания в ходе предварительного расследования: к вопросу об оценке его результатов	118	<i>Zamylin E. I., Shevchuk I. V.</i> Presentation for identification during the preliminary investigation: to the question of evaluating its results
<i>Пупцева А. В., Дорошенко О. М.</i> Проблемные вопросы раскрытия и расследования незаконного сбыта наркотиков, совершенного бесконтактным способом	126	<i>Puptseva A. V., Doroshenko O. M.</i> Problematic issues of detection, disclosure and investigation of illegal drug sales committed by contactless method
<i>Решняк О. А.</i> Основные элементы криминалистической характеристики мошенничеств в сфере государственных выплат	131	<i>Reshnyak O. A.</i> Main elements of the criminalistic characteristics of fraud in the sphere of state payments
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ		OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES
<i>Бакланов Л. А.</i> Недопустимость разглашения сведений об осуществлении оперативно-разыскной деятельности	137	<i>Baklanov L. A.</i> Inadmissibility of disclosing information on operational-search activities

- Батоев В. Б.*
Интеграция информационных ресурсов органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность: перспективы создания единой государственной цифровой платформы обмена оперативно-разыскными данными
- Контемирова Ю. В., Тарасова М. Ю., Шматов М. А.*
Приоритетные направления законодательного регулирования отношений в сфере противодействия хищениям транспортных средств
- Мелихов А. И.*
Предупреждение, предотвращение, профилактика и предостережение в оперативно-разыскной деятельности
- Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В.*
Содействие граждан правоохранительным органам как правовой институт: постановка проблемы
- Тимришев А. К., Артюхов А. В.*
Отдельные вопросы правовой регламентации осуществления оперативно-разыскной деятельности в помещениях камерного типа специальных учреждений МВД России
- Трибуна молодого ученого**
- Кубицки А. В.*
Криминалистическая характеристика преступлений в сфере незаконного оборота винодельческой продукции, совершенных на территории Республики Молдова
- 144 *Batoev V. B.*
Integration of information resources of bodies carrying out operational search activities: prospects for creating a unified state digital platform for the exchange of operational search data
- 152 *Kontemirova Yu. V., Tarasova M. Yu., Shmatov M. A.*
Priority directions of legislative regulation of relations in the sphere of countering theft of vehicles
- 158 *Melikhov A. I.*
Repression, suppression, prevention and caution in operational-search activities
- 166 *Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V.*
Citizens' assistance to law enforcement agencies as a legal institution: statement of the problem
- 175 *Timrishev A. K., Artyukhov A. V.*
Some issues related to legal regulation while conducting detective activity in the chamber-type premises of the special institutions of the Interior Ministry of Russia
- WORD TO A YOUNG SCIENTIST**
- 183 *Kubitsky A. V.*
Criminalistic characteristics of crimes related to illegal trafficking of wine products committed in the territory of the Republic of Moldova

УДК 343.9

doi: 10.25724/VAMVD.A012

**ОСОБЕННОСТИ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
И КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ДОКТРИНАЛЬНЫЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Елена Вильгельмовна Вологина*, **Эйда Владимировна Голоманчук****,

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, vologina-e@mail.ru

** Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия, golomanchuk-ev@ranepa.ru

Аннотация. Коррупция является общепризнанным злом, борьба с которым сопровождается человечесество на всем протяжении истории. Медицина, как особая сфера, также подвержена влиянию коррупционных рисков; более того, они в некоторых направлениях представляются более реальными и значимыми по своим последствиям. В настоящей статье дается комплексное исследование особенностей коррупционной преступности и коррупционных правонарушений в сфере здравоохранения в доктринальном и практическом аспектах. Авторы указывают на возможные способы минимизации коррупции в медицинской отрасли и высказывают собственную точку зрения на вопросы обнаружения фактов совершения коррупционных преступлений медиками. Отмечена необходимость постоянного проведения качественной оценки коррупционных рисков, по результатам которой будут разрабатываться новые методы борьбы с коррупционной составляющей, а также роль знакомства с такими рисками для лиц, осуществляющих оперативно-разыскные мероприятия и проводящих расследование коррупционных преступлений. Выводы и предложения направлены на формирование категориально-понятийного аппарата и носят практический характер.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное преступление, коррупционное правонарушение, коррупция в сфере здравоохранения, коррупционные риски

Для цитирования: Вологина Е. В., Голоманчук Э. В. Особенности коррупционной преступности и коррупционных правонарушений в сфере здравоохранения: доктринальный и практический аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 9—14. doi: 10.25724/VAMVD.A012

**FEATURES OF CORRUPTION CRIME AND CORRUPTION OFFENCES
IN THE FIELD OF HEALTH:
DOCTRINAL AND PRACTICAL ASPECTS**

Elena Vilgelmovna Vologina*, **Ada Vladimirovna Golomanchuk****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, vologina-e@mail.ru

** Volgograd Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russia, golomanchuk-ev@ranepa.ru

Abstract. Corruption is a universally recognized evil that has accompanied humanity throughout history. Medicine, as a special field, is also susceptible to corruption risks; moreover, they appear in some directions to be more real and significant in their consequences. This article gives a comprehensive study of the peculiarities of corruption crime and corruption offences in the field of health care in doctrinal and practical aspects. The authors point out possible ways to minimize corruption in the medical industry and express their own views on the issues of detecting the facts of corruption crimes committed by doctors. It was noted that there is a need for continuous qualitative assessment of corruption risks, the results of which will develop new methods of combating the corruption component, as well as the role of familiarization with such risks for those carrying out operational activities and investigations of corruption offences. The conclusions and proposals are aimed at the formation of a categorical and conceptual framework and are of a practical nature.

Keywords: corruption, corruption crime, corruption offence, corruption in the health sector, corruption risks

For citation: Vologina E. V., Golomanchuk A. V. Features of corruption crime and corruption offences in the field of health: doctrinal and practical aspects. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—14, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A012

Коррупция плотно проникла во все сферы жизни человека, правонарушения коррупционной направленности встречаются, конечно же, и в медицинской отрасли, при этом, как показали прошедшие два года, медицина приняла на себя мощнейший удар пандемии, и это, помимо прочего, обнажило многие коррупционные проблемы. Важным аспектом актуальности необходимо назвать и отсутствие разработанности теоретической базы. Вопросы организационно-правовых аспектов противодействия коррупции в сфере здравоохранения в сравнении с похожими исследованиями в иных сферах носят менее разработанный характер.

Бесспорно, коррупция является широкомасштабным явлением, которое подвергается всестороннему изучению в различных странах и многими направлениями науки. Считаем необходимым проанализировать отдельные особенности коррупции как социально-правового явления. Коррупция трактуется как разнообразные деяния, направленные на извлечение прибыли и выгод за совершение действия или бездействия, противоречащего интересам общества и государства. Современное право не смогло выработать единого комплексного подхода к термину «коррупция», и большинство стран мира определяет и систематизирует деяния, образующие коррупционные преступления, правонарушения и проступки, но не саму коррупцию.

Несмотря на противодействие коррупции со стороны органов государственной власти и всей общей совокупности предупредительных и карательных мер, обсуждаемое явление распространяется на течение всех процессов жизни общества, негативно сказываясь на политической и экономической устойчивости [1]. Коррупция как негативное явление подрывает национальную безопасность, создавая реальную угрозу государству и обществу, противодействовать которой возможно лишь в условиях взаимодействия социальной, политической и правовой систем.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» № 273-ФЗ¹ определяет коррупцию путем перечисления определенных преступных деяний: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг

имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

Право использует две дефиниции, играющие важнейшую роль для всякого практика — как оперативника и (или) следователя, так и работника кадрового подразделения, осуществляющего работу по противодействию коррупции. Первая — «злоупотребление должностным положением» — напрямую связана с занимаемой должностью и спецификой служебных полномочий, которые при этом по своей правовой и реализационной сути гораздо шире, чем полномочия сугубо должностные. Это обусловлено тем, что должностные полномочия находятся в тесной правовой связи с замещаемой должностью, тогда как функции служебные, в том числе если они носят дискреционный характер, могут осуществляться в рамках профессиональных обязанностей более широким кругом субъектов.

Вторая дефиниция — «незаконное использование должностного положения» — определяет характеристику специального статуса и рамок профессиональных возможностей, текстуально закрепленных в регламентах и инструкциях.

Эти дефиниции формируют выделение специальных критериев коррупционной преступности, при которых главенствующее положение отдано субъекту, совершившему коррупционное деяние, обладающему определенной совокупностью административно-хозяйственных функций, организационно-распорядительных или властных полномочий.

По сути, все они напрямую связаны со статусом лица и состоят в различных направлениях деятельности — от общего руководства трудовым коллективом и определения его кадрового состава до контроля над дисциплиной; от права подписи документов от имени организации (учреждения) до привлечения к ответственности и возможности увольнения и т. п. [2]

Так как мы исследуем специфику коррупции в сфере медицины, отметим, что таковые обязанности выполняют, в том числе, главный врач и его заместители, начмед, заведующие отделениями и главный бухгалтер и иные лица.

В момент, когда медработник осуществляет свою основную функцию — заботу о здоровье пациента, т. е. непосредственно лечит (осматривает, оперирует, проводит любые медицинские манипуляции), он не выступает в статусе должностного лица с позиции коррупционной ответственности, но ответственность за взятки, конечно, несет.

¹ О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 52. Ст. 6228.

Вместе с тем при формировании и последующей выдаче рецепта на лекарственные средства, больничного (листа нетрудоспособности), медицинского заключения он определяется уже как лицо должностное и получает совершенно иной коррупционный статус [3].

Так, Следственное управление (СУ) СКР по Ульяновской области возбудило уголовное дело против группы врачей, которых подозревают в мошенничестве (ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)), искажении информации, создающем опасность для жизни и здоровья людей (ч. 1 ст. 237), неправомерном воздействии на информационную структуру Российской Федерации (ч. 4 ст. 274.1), изготовлении и обороте поддельных документов (ч. 1 ст. 327). В период с мая по июнь 2021 г. эти медработники организовали представление в Территориальный фонд обязательного медицинского страхования Ульяновской области заведомо ложных сведений о количестве граждан, прошедших диспансеризацию. Должностными лицами фонда, введенными в заблуждение, была произведена оплата якобы оказанных медицинских услуг в размере не менее 500 тыс. руб.¹ Мы видим, что действовали они именно как должностные лица.

Отметим, что государство для противодействия коррупции осуществляет планомерный контроль над доходами и расходами разных категорий лиц, в число которых попали также и главные врачи учреждений здравоохранения [4]. Учитывая, что главврачи ежегодно сообщают государству информацию о собственных доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также делают это и за супругов и детей, не достигших совершеннолетия, мы можем сделать вывод об их повышенной коррупционной ответственности.

Главный врач может совершить различные коррупционные деяния. Так, в Волгограде задержали по подозрению в коррупции при получении взятки сотрудницу комитета здравоохранения Волгоградской области Светлану Колесникову и главврача Волжской детской городской больницы Евгения Дергачева. Последний фиктивно трудоустроил в возглавляемое им медицинское учреждение на различные должности 11 человек без фактического выполнения последними трудовых обязанностей. Незаконно начисленную заработную плату участники преступной группы на протяжении пяти

лет похищали и распоряжались ею по своему усмотрению. Общая сумма незаконно полученных денежных средств составила не менее 4 млн руб. Кроме того, Дергачев вступил в преступный сговор с заведующей сектором по контролю за техническим состоянием государственных учреждений комитета здравоохранения Волгоградской области Колесниковой и на систематической основе передавал ей денежные средства за общее покровительство и попустительство по службе при проведении проверок и решении вопросов, возникающих в текущей деятельности больницы. По мнению следствия, общая сумма денежных средств, переданных Дергачевым в качестве взятки Колесниковой с 2016 г. по 1 февраля 2021 г., составила не менее 2,5 млн руб.²

Выделим и охарактеризуем наиболее распространенные коррупционные преступления в сфере здравоохранения.

Растрата и расхищение (средств, выделенных на здравоохранение, или доходов, полученных за счет платежей со стороны потребителей) могут происходить как на государственном уровне и уровне органов местного самоуправления, так и непосредственно в медицинских организациях и учреждениях, получающих такие средства; растрата и расхищение лекарств, других ресурсов и оборудования медицинского назначения, которые могут расхищаться как для личного пользования, так и для использования в частной практике, или в целях дальнейшей перепродажи.

Так, 23 декабря 2020 г. Кировский районный суд Уфы признал бывшую заведующую аптекой Республиканского центра по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями Раузу Шаймарданову виновной в присвоении антивирусных препаратов (ч. 3 ст. 160 УК РФ) и подделке документов (ч. 2 ст. 327 УК РФ). Она была приговорена к 3,5 годам условного лишения свободы с испытательным сроком на три года и лишением права заниматься фармацевтической деятельностью на два года³. Как установлено следствием, Рауза Шаймарданова в период с января по май 2018 г. похитила вверенные ей антивирусные препараты, предназначенные для профилактики и лечения ВИЧ, на общую сумму 970 тыс. руб.,

² Силовики вскрыли коррупцию в облздраве: 11 «мертвых душ» и взятки. URL: <https://bloknot-volgograd.ru/news/volgogradskie-siloviki-vskryli-korrupsiyu-v-oblzd-1310044> (дата обращения: 13.04.2022).

³ Новости // Официальный сайт Прокуратуры Республики Башкортостан. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_02/massmedia/news?item=57359165 (дата обращения: 13.04.2022).

¹ Следователи уличили врачей в предательстве. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4910627> (дата обращения: 13.04.2022).

подписав отчеты о том, что препараты уже были использованы медучреждением.

Коррупция в сфере государственных закупок: вовлеченность в различные сговоры, взяточничество и получение «откатов» в сфере государственных закупок приводят к переплатам за получаемые товары и услуги или к невозможности обеспечения качества, обусловленного контрактами для таких товаров и услуг. Кроме того, расходы больниц могут включать значительные затраты на капитальное строительство и приобретение дорогостоящего оборудования, т. е. затраты в тех сферах государственных закупок, где существует особая опасность коррупционных действий.

Так, в результате выборочных проверок был выявлен ряд грубых нарушений при закупке медицинского оборудования для четырех лечебных учреждений в период 2002—2010 гг. — речь шла о закупках магнитно-резонансного томографа, оборудования для отделения радионуклидной терапии, а также видеозендоскопических комплексов. Оборудование приобреталось для двух областных онкологических диспансеров в Челябинске и Магнитогорске, а также для двух перинатальных центров. По оценкам экспертов, оборудование было закуплено на общую сумму около 612 млн руб., однако его реальная стоимость была ниже на 251 млн руб.¹

Коррупция в платежных системах: бесплатное обслуживание, подделка страховых документов или использование средств медицинских учреждений в интересах тех или иных привилегированных пациентов; выставление незаконных счетов страховым компаниям, государственным органам или пациентам в отношении не входящих в соответствующие перечни или вовсе не оказанных услуг в целях максимизации доходов; подделка счетов, квитанций, расходных документов или учет фиктивных пациентов; а также развитие собственного бизнеса за счет создания финансовых стимулов или выплаты «откатов» врачам за направление пациентов в ту или иную организацию; неправомерное направление врачами пациентов государственных медицинских учреждений на обслуживание в собственные частные структуры; проведение неоправданного медицинского вмешательства в целях увеличения собственных доходов.

Коррупция в системе поставок лекарственных препаратов: лекарства расхищаются на различных уровнях системы распределения; государствен-

ные чиновники могут требовать «вознаграждение» за выдачу разрешений на продажу продукции или работу тех или иных структур, за проведение таможенной очистки или установление выгодных цен; нарушение кодексов поведения на рынке может приводить к тому, что врачи будут вынуждены отдавать предпочтение определенным лекарствам при выписке рецептов; у поставщиков могут вымогаться различные уступки на условии выписки рецептов на их продукцию; еще одной возможной формой коррупционных действий здесь является выдача разрешений на торговлю поддельными или иными некачественными лекарственными препаратами.

Так, по информации УФАС по Свердловской области, областная станция переливания крови и компания «Альфа-Фарм» заключили «ограничивающее конкуренцию устное соглашение». С 2015 по 2018 г. станция переливания крови продавала иммуноглобулин только «Альфа-Фарм», предоставляя компании скидку в 30 %.

Иным организациям свердловская станция переливания крови отказывала и направляла в «Альфа-Фарм», поэтому в большинстве государственных торгов у этой компании не было конкурентов, делая ее единственным участником закупочных процедур.

Станция переливания крови была оштрафована на 2,4 млн руб., главврач — на 15 тыс. руб. Директор компании уже выплатил штраф в размере 15 тыс. руб.²

Коррупция в учреждениях, предоставляющих медицинские услуги: вымогательство или согласие на получение незаконного вознаграждения за услуги, официально оказываемые бесплатно; взимание платы за особые привилегии или медицинские услуги; а также вымогательство или согласие на получение взяток за вмешательство в практику найма, лицензирования, аккредитации или сертификации тех или иных структур.

Приведенный сгруппированный перечень наиболее распространенных коррупционных схем, подкрепленный практическими примерами, носит далеко не закрытый характер, поэтому можно сделать вывод, что специфические особенности проявления коррупции в сфере здравоохранения в действительности требуют постоянного наблюдения и выработки мер по противодействию в каждой отдельной группе [5].

Практика антикоррупционных мер в области здравоохранения показывает всесторонний и каче-

¹ Следователи выяснили, что на медоборудование денег не жалели. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2126019> (дата обращения: 13.04.2022).

² Пресс-служба // Официальный сайт ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/publications/20048> (дата обращения: 13.04.2022).

ственный подход организаций и учреждений здравоохранения (на примере Волгоградской области), что на нынешнем этапе продвижения государственной политики по противодействию коррупции является весьма показательным результатом.

Однако наличие проблем и продолжающихся коррупционных явлений резюмирует антикоррупционную деятельность в сфере здравоохранения как недостаточную и требующую большего внимания и развития.

Хотелось бы отметить, что повышение зарплаты — один из главных принципов для уменьшения риска коррупции и привлечения более компетентных людей в систему здравоохранения. Актуальной мерой в данном случае является внесение в законодательство изменений, связанных с начислением медикам оклада, в первую очередь, на основе уровня квалификации.

Так, по итогам заседания Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, которое прошло под руководством Татьяны Голиковой 29 декабря 2020 г., установили единые рекомендации по оплате труда медработников на 2021 г., что остается актуальным и в 2022 г.: оклад — не менее 55 % от общей структуры заработной платы в среднем по региону. В случае действительного повышения заработной платы медицинских работников представляется интересным в будущем проследить влияние на динамику коррупционных правонарушений в рассматриваемой нами области.

Отдельно как эффективную меру противодействия коррупции в сфере здравоохранения выделим цифровизацию и информатизацию отрасли, которые обеспечат открытость и прозрачность деятельности медицинских организаций и учреждений, что, в свою очередь, также повлияет на открытость процессов оплаты предоставляемых услуг. Такая база станет серьезным препятствием для совершения коррупционных правонарушений и в перспективе минимизирует их.

Таким образом, в ходе установления актуальных мер противодействия коррупции в сфере здравоохранения была рассмотрена практика антикоррупционных мер в области здравоохранения на примере Волгоградской области, а также предложены меры по противодействию коррупции в сфере здравоохранения, среди которых мы выделим следующие:

— постоянная качественная оценка существующих коррупционных рисков;

— оптимизация структуры зарплаты медицинских работников;

— дальнейшая разработка политики по цифровизации и информатизации отрасли здравоохранения;

— постоянное изучение, обобщение и актуализация правовых механизмов противодействия коррупции в сфере здравоохранения.

С учетом анализа теоретических и нормативных источников по теме исследования, материалов практического характера предложим следующие меры по минимизации коррупции в сфере здравоохранения:

— постоянное проведение качественной оценки системы коррупционных рисков, по результатам которой должны разрабатываться новые методы борьбы с коррупционной составляющей в практической повседневной деятельности медработников;

— разработка нового законодательного положения по расчету зарплаты медикам, где начисление оклада как главной составляющей оплаты должно соответствовать уровню квалификации и специальных познаний, навыков и умений;

— создание программного обеспечения для цифровизации медицинских услуг с использованием технологий и оборудования исключительно российского производства;

— постоянное изучение, обобщение и актуализация правовых механизмов противодействия коррупции в сфере здравоохранения, в том числе лицами, осуществляющими оперативно-разыскные мероприятия и проводящими расследование коррупционных преступлений.

Совокупность названных мер обеспечит открытость и прозрачность деятельности медицинских организаций и учреждений, что, в свою очередь, также повлияет на открытость процессов оплаты предоставляемых услуг, повысит престиж деятельности в сфере здравоохранения, повлияет на улучшение взаимоотношений между медицинскими сотрудниками и гражданами, а также повысит доверие последних к государству в целом.

Систематизация предложенных нами мер и их постепенное внедрение позволят осуществить эффективное противодействие коррупционным преступлениям и правонарушениям коррупционного характера в сфере здравоохранения.

---

1. Огнерубов Н. А. Преступления в сфере медицинской деятельности: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2021. 123 с.

---

1. Ognrubov N. A. Crimes in the field of medical activity. Manual for universities. Moscow: Yurayt, 2021: 123. (In Russ.).

2. Амиантова И. С. Противодействие коррупции: учеб. пособие для среднего профессионального образования. Москва: Юрайт, 2021. 149 с.

3. Медицинское право: правовая грамотность врача: учеб. пособие для вузов / Е. Х. Баринов [и др.]; под ред. Е. Х. Баринова. Москва: Юрайт, 2020. 117 с.

4. Голоманчук Э. В., Яготинцева Т. Ю., Астафурова О. А. Отдельные проблемы правового регулирования процесса осуществления контроля над расходами должностных лиц в Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 243—250.

5. Землякова С. А., Каюшникова Ю. Е. Коррупционные правонарушения в сфере здравоохранения // Проблемы противодействия коррупции в современном обществе. Волгоград: Волгогр. ин-т управления — филиал РАНХиГС: ред.-изд. отдел Волгогр. технол. колледжа, 2020. С. 59—62.

Вологина Елена Вильгельмовна,
доцент кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
vologina-e@mail.ru

Голоманчук Эйда Владимировна,
доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградского института управления —
филиала Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
г. Волгоград,
кандидат юридических наук;
golomachuk-ev@ranepa.ru

2. Amiantova I. S. Anti-corruption. Textbook allowance for secondary vocational education. Moscow: Yurayt; 2021: 149. (In Russ.).

3. Barinov E. Kh. (et al.) Medical law: legal literacy of a doctor. Manual for universities. Ed. E. Kh. Barinov. Moscow: Yurayt; 2020: 117. (In Russ.).

4. Golomanchuk E. V., Yagotintseva T. Yu., Astafurova O. A. Separate problems of legal regulation of the process of exercising control over the expenses of officials in the Russian Federation. Business. Education. Right, 243—250, 2021. (In Russ.).

5. Zemlyakova S. A., Kayushnikova Yu. E. Corruption offenses in the healthcare sector. In: Problems of combating corruption in modern society. Volgograd: Volgograd Institute of Management — branch of the RANEPa: Editorial and publishing department of Volgograd technological college; 2020: 59—62. (In Russ.).

Vologina Elena Vilgelmovna,
associate professor
at the criminal procedure department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
vologina-e@mail.ru

Golomanchuk Ada Vladimirovna,
associate professor at the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd Institute of Management —
a branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President
of the Russian Federation, Volgograd;
candidate of juridical sciences;
golomachuk-ev@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 27.06.2022; одобрена после рецензирования 07.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 27.06.2022; approved after reviewing 07.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.91-053.6
doi 10.25724/VAMVD.A013

ДЕТЕРМИНАНТЫ СОВЕРШЕНИЯ АКТОВ СКУЛШУТИНГА

Сергей Николаевич Гусев

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, Oneshot34@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ причин и условий совершения актов скулшутинга. Автор отмечает, что в настоящее время дифференцируются следующие детерминанты массовых убийств в образовательных организациях:

— на уровне макросреды: политическая ситуация в стране, социально-экономические условия жизни общества;

— уровне микросреды: негативная обстановка в семье (конфликты, насилие, недостаток общения с родными и близкими, поощрение агрессивного поведения, гипо- и гиперопека, вместе или по отдельности формирующие эмоциональную депривацию — дефицит или полное отсутствие эмоциональных контактов), буллинг, влияние на поведение несовершеннолетнего компьютерных игр с элементами жестокости.

Особое внимание уделяется существованию в информационно-телекоммуникационной сети Интернет деструктивных групп, культивирующих колумбайн¹, пропагандирующих идеологию насилия, убийств и суицида, и их влиянию на личность потенциальных стрелков.

Делается акцент на некоторых психологических проблемах и расстройствах (теомании), которые в том числе обуславливают совершение актов скулшутинга.

Ключевые слова: детерминанты, скулшутинг, образовательные организации, несовершеннолетние

Для цитирования: Гусев С. Н. Детерминанты совершения актов скулшутинга // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 15—20. doi: 10.25724/VAMVD.A013

DETERMINANTS OF THE SCHOOLSHOOTING ACTS

Sergey Nikolaevich Gusev

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, Oneshot34@mail.ru

Abstract. The paper provides analysis of the causes and conditions leading to school shooting incidents. It is noted that currently we can differentiate between the following determinants of mass murders in educational facilities:

— At the macro environment level: the political situation in the country, the social and economic conditions in the society;

— At the microenvironment level: a toxic atmosphere in a family (conflicts, violence, lack of communication with relatives and close friends, encouragement of aggressive behavior, hypo- and hypercare, all of which factors combined or individually form emotional deprivation, i.e. a deficit or complete absence of emotional contact), bullying, impact of violent computer games on the behavior of minors.

Particular attention is given to destructive groups existing on the Internet which cultivate the Columbine culture, promote the ideology of violence, murder and suicide, and to their impact on the personality of potential shooters.

Emphasis is placed on certain psychological problems and disorders (theomania), which among other things lead to school shooting incidents.

Keywords: determinants, school shooting, educational facilities, minors

For citation: Gusev S. N. Determinants of the schoolshooting acts. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 15—20, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A013

В 2021 г. в России среди прочих были зарегистрированы два преступления, связанные с причинением смерти двум и более лицам, совершенные в учебных заведениях: в мае в казанской гимназии № 175 были расстреляны дети и педагоги, девять человек погибли, 23 госпитализированы с ранениями; в сентябре аналогичное преступление произошло в Пермском государственном университете, преступником были убиты шесть человек, еще 47 был причинен вред здоровью различной степени тяжести. С сожалением приходится констатировать тот факт, что в нашей стране это далеко не первые случаи. Так, 14 ноября 2019 г. в Амурском колледже строительства и жилищно-коммунального хозяйства (г. Благовещенск) в результате стрельбы один человек погиб, трое пострадали, стрелок совершил суицид; 17 октября 2018 г. было совершено массовое убийство в Керченском политехническом колледже, 21 человек погиб, 67 получили ранения; 10 мая 2018 г. студент Барабинского филиала Новосибирского колледжа транспортных технологий имени Н. А. Лунина открыл беспорядочную стрельбу по однокурсникам, один человек был ранен, двое пострадали, выпрыгнув из окна, стрелок покончил с собой. Всего с 2017 г. МВД России зафиксировало 70 фактов скулшутинга (от англ. school — школа, shoot — стрельба) в 34 субъектах Федерации (в статистику вошли совершенные атаки и случаи подготовки к нападениям)¹ (рис. 1).

По мнению специалистов, в настоящее время агрессивное поведение несовершеннолетних, правонарушения, совершаемые ими, и скулшутинг являются международными проблемами, имеющими, однако, свою региональную специфику². Причинам и условиям их возникновения, а также факторам, способствующим усилению девиантогенных тенденций среди подростков, посвящено немало научных публикаций [1—3], анализ которых позволяет выделить следующие детерминанты массовых убийств в образовательных организациях:

1) на уровне макросреды:

- политическую ситуацию, складывающуюся в стране;
- социально-экономические условия жизни общества;

¹ См.: МВД насчитало в России 70 случаев «скулшутинга». URL: https://eanews-ru.turbopages.org/turbo/eanews.ru/s/news/mvd-naschitalo-v-rossii-70-sluchayev-skulshutinga_14-02-2022 (дата обращения: 24.04.2022).

² См.: Слабиев А. Кто такие «колумбайнеры», и как школе с ними бороться? URL: <https://pravoslavie-ru.turbopages.org/turbo/pravoslavie.ru/s/121772.html> (дата обращения: 24.04.2022).

2) на уровне микросреды:

- негативную обстановку в семье;
- буллинг (кибербуллинг) — агрессию одних детей против других, выраженную в психологическом насилии (словесной травле, распространении слухов, бойкоте);
- влияние на поведение несовершеннолетнего компьютерных игр с элементами жестокости.

Кроме того, не стоит забывать об особенностях конкретной личности, ее психологических проблемах и расстройствах, если таковые имеются.

Зарубежные криминологи в числе факторов, провоцирующих скулшутинг, называют «ощущение социального одиночества, „выключенности“ из социума; наличие психологических трудностей или расстройств (необязательно психических заболеваний); вовлечение в культурный сценарий, где насилие и оружие рассматриваются как средство решения проблем, признак мужественности; отсутствие системы выявления потенциальных массовых убийств в школах; наличие доступа к оружию» [4, с. 270].

В рамках данной статьи сосредоточимся на факторах, детерминирующих совершение актов скулшутинга, связанных с микросредой — непосредственным окружением потенциального преступника (офлайн и онлайн), а также с некоторыми особенностями личности. В связи со сказанным в первую очередь необходимо обратить внимание на родных и близких, друзей и одноклассников преступника, поскольку семья и школа являются фундаментальными институтами, где происходит социализация личности.

Формированию деструктивного поведения несовершеннолетних способствуют так называемые дисфункции семьи: гипопека и гиперопека, жестокость и насилие, конфликты, дефицит общения с родителями и т. д. В случае когда несовершеннолетний постоянно наблюдает проявления агрессии со стороны родителей, он начинает воспринимать такое поведение как норму, становится озлобленным, занимает по отношению к окружающим оборонительную позицию, остро реагирует на раздражители. Если подросток воспитывается в условиях недостаточной заботы, чувствует незащищенность, страдает от отсутствия родительской любви и ласки, у него развивается эмоциональная депривация (при этом ей часто сопутствуют социальная, когнитивная и иные виды депривации), он ощущает себя одиноким и покинутым, испытывает трудности в общении с людьми, нередко имеет склонность к депрессии, у него не формируются привязанности.

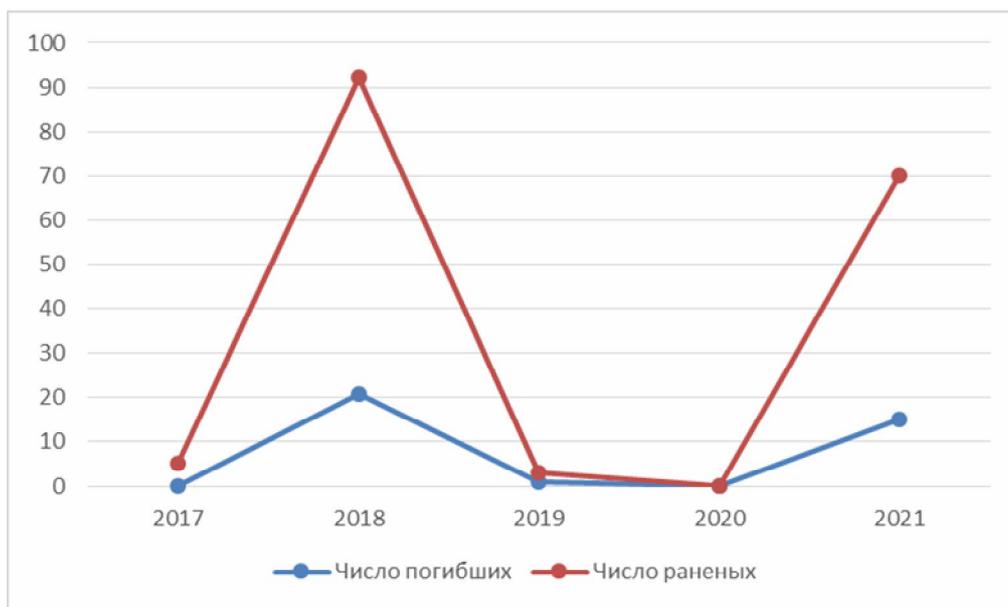

Рис. 1. Число погибших и раненых в результате скулшутинга в России в 2017—2021 гг.

Молодые люди, которые не могут спрятать свою неуверенность и эмоциональную уязвимость, в ряде случаев становятся жертвами буллинга. Согласно докладу о положении дел в мире в сфере профилактики насилия в отношении детей за 2020 г., подготовленному Организацией Объединенных Наций, треть школьников 11—15 лет хотя бы раз подвергалась издевательствам и травле со стороны сверстников¹. Некоторые специалисты отмечают, что в настоящее время проблема буллинга носит остросоциальный характер и нередко влечет за собой непоправимые последствия²: жертвы, испытывая сильный гнев, который, по утверждению известного психолога Ф. Перлза, является обратной стороной беспомощности, берутся за оружие и идут восстанавливать справедливость. Так, очевидцы трагедии в Барабинском филиале Новосибирского колледжа транспортных технологий имени Н. А. Лунина говорили о том, что стрелок «был спокойным парнем, которого донимали одноклассники»³. Однако здесь важно сделать оговорку: основной дифференцирующий признак скулшутинга состоит в том, что мишенью преступника становятся не только

его обидчики (если таковые имелись), но и те, кто изначально не был целью, соответственно, причинно-следственную связь с буллингом можно установить не всегда.

Хаотичная стрельба создает ощущение иррациональности происходящего и часто называется термином RampageSchoolShooting — школьные расстрелы в приступе безумства⁴. Отметим, что о сумасшествии школьных стрелков заводят речь практически после каждого массового убийства. Применительно к таким преступникам нередко упоминают теоманию — психическое заболевание, тяжело поддающееся коррекции или лечению, при котором лицо осознает себя богом, повелителем судеб, находится в возбужденном состоянии, переживает вспышки агрессии, негативно воспринимает окружающий мир, не знает чувства страха и твердо верит в собственное могущество⁵. В качестве примера можно привести Э. Харриса, положившего 20 апреля 1999 г. вместе с Д. Клиболдом в школе «Колумбайн» начало цепочке расстрелов в учебных заведениях. Вооружившись стрелковым оружием и самодельными взрывными устройствами, они убили 13 человек и ранили 37, а после покончили с собой. Однако это было не просто массовое

¹ См.: Доклад о положении дел в мире в сфере профилактики насилия в отношении детей за 2020 год. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page...wZGYmdGV4dD0lRDAIQ> (дата обращения: 24.04.2022).

² См.: Буллинг, скулшутинг. URL: <https://b17-ru.turbopages.org/turbo/b17/s/article/344650> (дата обращения: 24.04.2022).

³ Шутько А. Колумбайн. Что это такое простыми словами. URL: https://anticwar.ru/kolumbaiun_chno_eto_takoe_prostmi_slovami_7709 (дата обращения: 25.04.2022).

⁴ См.: Скулшутинг: что побуждает детей устраивать бойню и как это предупредить? URL: <https://zen.yandex.ru/media/timepsychology/skulshuting-chno-pobujdaet-detei-ustraiwat-boiniu-i-kak-eto-predupredit-5ca128f421a86300b4ca643f> (дата обращения: 24.04.2022).

⁵ См.: Ковалева Н. С. Комплекс Бога. Теомания. URL: <https://psylib-org.turbopages.org/turbo/psylib.org/s/kompleks-boga/> (дата обращения: 25.04.2022).

убийство, за ним скрывалась целая идеология, получившая впоследствии название «идеология Колумбайна». Довольно часто ее сравнивают с террористическими взглядами, но «у колумбайнеров нет политических мотивов, они не подвержены религиозным идеям, у них... свое мнение обо всем происходящем и своя позиция (даже когда у них возникает представление о „божественном“ праве решать судьбу других — это идеология, их искаженное мировоззрение, не имеющее отношения к религиозному аспекту)... Колумбайнерами движут две цели: желание прославиться, „оставить свой след в истории“ и идейная установка, что они своими действиями ускоряют процесс естественного отбора, подобно богам, они могут решать, кому жить, а кому умереть» [5, с. 39].

Исследуя психотипы колумбайнеров Э. Харриса и Д. Клиболда, А. В. Шарапов отмечает: «Эрик Харрис — ярко выраженный психопат с нарциссическими чертами личности. „Я чувствую себя Богом, и я хотел бы, чтобы все были официально ниже меня“, — записал он в своем дневнике...»¹. Примерно теми же установками руководствовался и казанский стрелок И. Галявиев: накануне массового убийства он создал telegram-канал, где выложил свое фото в боевой амуниции и черной маске с надписью «БОГ». На допросе он утверждал: «Я замкнутый одинокий человек. Я бог. Все остальные — мои рабы и считаются „биомусором“. Все они должны делать, что я захочу...»². Однако, несмотря на подобные заявления и даже наличие психических расстройств, школьные стрелки, в том числе И. Галявиев, в большинстве случаев признаются вменяемыми: в России направлением на принудительное лечение закончилось только четыре аналогичных случая (С. Гордеев, совершивший убийство в школе № 263 г. Москвы 3 февраля 2014 г.; несовершеннолетний, напавший на школу № 5 г. Улан-Удэ 19 января 2018 г.; А. Тагиров, устроивший поджог в классе и ранивший двух человек в школе № 1 г. Стерлитамака 18 апреля 2018 г.; И. Халфин, взявший в заложники учащихся гимназии № 7 г. Казани 13 мая 2019 г.).

Рассматривая дело И. Галявиева, суд указал, что причиной совершения преступления стало стремление стрелка «подражать действиям неформальных представителей одной из деструктивных субкульту-

тур, сведения о которых он почерпнул из сети Интернет, скопировав их поведение при нападении»³. Ранее ученые полагали, что школьные стрелки преимущественно являются одиночками. Сегодня эта точка зрения вызывает сомнения. Ю. В. Суходольская справедливо отмечает: «...мотивы для совершения актов скулшутинга устанавливаются и поддерживаются именно связями с радикальными платформами в сети Интернет, а также в социальном офлайн-окружении; характер социальных связей играет немалую роль на различных стадиях формирования личности скулшутера — от идеологического осмысления идеи о массовом убийстве до принятия мер по планированию и подготовке актов скулшутинга» [3, с. 67]. В настоящее время видеоролики, пропагандирующие идеологию насилия и массовых убийств, появляются в Интернете с угрожающей быстротой. Так, прокуратурой г. Ростова-на-Дону в ходе мониторинга интернет-сайтов было установлено, что на интернет-странице <...> содержится информация, демонстрирующая агрессивное поведение, сцены убийства и самоубийства, совершенные Э. Харрисом и Д. Клиболдом в школе «Колумбайн»... В своем решении Первомайский районный суд г. Ростова-на-Дону указал, что нахождение в открытом доступе подобной информации фактически способствует совершению преступлений, противоправных действий, административных правонарушений, тем самым нарушаются публичные интересы Российской Федерации и права неопределенного круга лиц, в том числе право граждан на гарантированную Конституцией Российской Федерации жизнь»⁴.

Большую тревогу вызывает тот факт, что «более 70 тысяч подростков состоят в сообществах, пропагандирующих идеологию насилия. В подобных группах круглосуточно героизируют маньяков и убийц. Детей учат собирать самодельные бомбы и пользоваться оружием, натравливают на окружающих... Специалисты утверждают, что с 2018 года более 5 миллионов детей вовлекались в группы с деструктивным содержанием. Как следствие, попытки терактов в школах участились по всей стране»⁵,

³ В колонию отправились только четверо: судьба школьных стрелков в России. URL: <https://ngs24.ru/text/incidents/2022/05/11/71319206> (дата обращения: 25.04.2022).

⁴ См.: Решение № 2А-1654/2019 2А-1654/2019~М-771/2019 М-771/2019 от 8 апреля 2019 г. по делу № 2А-1654/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt...=#searchResult> (дата обращения: 23.06.2022).

⁵ Скулшутинг: как быть с новой интернет-опасностью для детей. URL: <https://crimea-mk-ru.turbopages.org/turbo/crimea.mk.ru/s/incident/2020/11/11/skulshuting-kak-byt-s-novoy-internetopasnostyu-dlya-detey.html> (дата обращения: 24.04.2022).

¹ Шарапов А. В. Психотипы колумбайнеров. URL: <https://b17-ru.turbopages.org/turbo/b17.ru/s/article/130345/> (дата обращения: 25.04.2022).

² Я убивал один, хотел показать людям, что все они мои рабы. URL: <https://business-gazeta-ru.turbopages.org/turbo/business-gazeta.ru/s/article/509119> (дата обращения: 24.04.2022).

а число лиц, страдающих синдромом Вертера (в нашем случае подражателей Э. Харриса и Д. Клиболда), выросло в несколько раз. Среди них нужно упомянуть и В. Рослякова, совершившего массовое убийство в Керченском политехническом колледже. Следователям удалось восстановить «весь тот мир, в который он был погружен последние два года: ссылки, статьи и видео, посещения сайтов про маньяков и серийных убийц. Весь этот ужас он собирал на флеш-карту. То есть Влад был поглощен этой темой, связанной со взрывными устройствами, применением оружия, со смертями, с расстрелами»¹.

С развитием сети Интернет колумбайн был возведен в ранг культа. Подростки из ряда стран стали романтизировать школьных стрелков, «вдохновляться» их идеями и воплощать их в жизнь. Безусловно, деструктивные интернет-сообщества, пропагандирующие скулшутинг, должны немедленно блокироваться Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, а их организаторы — нести ответственность. Считаем, что признание движения «Колумбайн» террористическим и запрещенным на территории России позволит Роскомнадзору быстрее выявлять столь опасный контент и запрещать доступ к нему. Однако напрасно полагать, что основной детерминантой скулшутинга является участие молодых людей в подобных группах.

1. Карпов В. О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4 (34). С. 442—446.

2. Давыдов Д. К., Хломов К. Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4 (32). С. 62—76.

3. Суходольская Ю. В. Факторы, детерминирующие совершение массового убийства в образовательной организации, и механизм преступного поведения скулшутера // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 3 (83). С. 64—70.

4. Rampage: The social roots of school shootings / K. S. Newman, C. Fox, W. Roth [et al.]. New York: Basic books, 2004.

¹ Расстрел в Керчи. Хронология последнего дня Владислава Рослякова. URL: <https://zen.yandex.ru/media/baza/rasstrel-v-kerchi-hronologija-poslednego-dnia-vladislav-rosliakova-5da82032e6cb9b00b2915cab> (дата обращения: 24.04.2022).

По нашему мнению, нужно принять во внимание точку зрения, согласно которой «подростки нападают на школы не потому что состоят в таких сообществах, напротив, они ищут такие сообщества потому, что готовы к противоправным действиям... если у подростка искажена эмоционально-волевая сфера, он ищет допинг в виде шок-контента»². Причины данного искажения необходимо искать в отношениях с непосредственным окружением — родными, близкими, друзьями и т. д. (конфликты, акты насилия, частые стрессы, социально-бытовое неблагополучие, дефицит общения с семьей, вызывающий ощущение неполноценности, и др.).

В завершение отметим, что сегодня борьба со скулшутингом должна носить комплексный характер и охватывать юридическую, социальную, психологическую и иные отрасли. Однако начинать нужно с малого — оказания несовершеннолетнему необходимой поддержки, проявления заинтересованности в его делах, равнодушия к его проблемам, обучения правильному общению с окружающими людьми.

1. Karpov V. O. Columbian Cult: the main determinants of mass killings in schools. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 442—446, 2018. (In Russ.).

2. Davydov D. K., Khlomov K. D. Mass killings in educational institutions: mechanisms, causes, prevention. National Psychological Journal, 62—76, 2018. (In Russ.).

3. Sukhodolskaya Yu. V. Factors determining the commission of mass murder in an educational organization, and the mechanism of criminal behavior of the schoolshooter. Bulletin of the University of the Procurator's Office of the Russian Federation, 64—70, 2021. (In Russ.).

4. Newman K. S., Fox C., Roth W. [et al.]. Rampage: The social roots of school shootings. New York: Basic books, 2004. (In Eng.).

² Колумбайн. Опасное деструктивное явление. URL: <https://xn--d1arfh.xn--p1ai/2020/03/26/kolumbajn-opasnoe-destruktivnoe-yavlenie/> (дата обращения: 25.04.2022).

5. Пучнин А. В., Пучнина М. Ю. Идеология «колумбайн» как экстремистская и террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 38—43.

Гусев Сергей Николаевич,
старший преподаватель
кафедры огневой подготовки
Волгоградской академии МВД России;
Oneshot34@mail.ru

5. Puchnin A. V., Puchnina M. Yu. Ideology "columbine" as an extremist and terrorist threat to the national security of the Russian Federation. Society and law, 38—43, 2021. (In Russ.).

Gusev Sergey Nikolaevich,
senior lecturer at the department of fire training
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
Oneshot34@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.211
doi: 10.25724/VAMVD.A014

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Ирина Алисаламовна Нифталиева

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, niftalieva89@yandex.ru

Аннотация. В статье с учетом социально-философских концепций выделены основания принципа справедливости в уголовном праве.

Анализ истории философии показал, что проблема понимания справедливости всегда находилась в центре внимания мыслителей. В самых ранних учениях о человеке, обществе и государстве эта категория наделялась особым социальным статусом. Античные философы указывали на то, что содержание справедливости носит исторический характер и определяется в зависимости от времени, места и особенностей общественного развития. Средневековые философы вслед за мыслителями древности рассматривали справедливость с позиций всеобщности. Вместе с тем эта категория подвергалась в эпоху Средневековья исключительно теологическому истолкованию. Мыслители Нового времени подчеркивали важнейшее значение справедливости при формировании общественного сознания, гражданского общества и права. В новейшей философии получила развитие идея, согласно которой, с одной стороны, все люди равны в обладании всеми основными правами и обязанностями, но с другой стороны, допускается неравенство между ними, приводящее к компенсирующим последствиям для общества.

Автор приходит к выводу, что с точки зрения социальной философии справедливость — это всеобъемлющая историческая категория. Пронизывая широкую сферу жизнедеятельности людей, она возникает, существует и изменяется на определенном этапе развития конкретного общества. Содержание справедливости не является вечным и неизменным. Представления об этой категории, ее понимание зависят от времени, места, особенностей общества и государства. Справедливость — ориентир в формировании права, некая призма, через которую необходимо рассматривать закон на предмет его соответствия определенным требованиям.

Ключевые слова: принцип справедливости, категория «справедливость», социальная философия, характер, значение, содержание, равенство, неравенство, преступление, наказание

Для цитирования: Нифталиева И. А. Социально-философские основания принципа справедливости в уголовном праве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 21—28. doi: 10.25724/VAMVD.A014

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL BASES OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN CRIMINAL LAW

Irina Alisalamovna Niftaliyeva

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, niftalieva89@yandex.ru

Abstract. Taking into account social and-philosophical concepts the given article deals with the bases of the principle of justice in criminal law.

The analysis of the history of philosophy showed that the problem of understanding justice has always been the focus of attention of scientists. In the earliest teachings about the man, the society and the state, this category was provided with a special social status. The ancient philosophers pointed out that the content of justice is of a historical nature and is determined depending on the time, the place and the specifics of the social development. The medieval philosophers following the ancient thinkers determined justice from the standpoint of universality. At the same time in the Middle Ages the mentioned category was subjected to an theological interpretation exclusively. The thinkers of the New Age emphasized the crucial importance of justice while forming public consciousness, civil society and law. In the latest philosophy the idea has been developed according to which,

on the one hand, all people are equal in the possession of all basic rights and duties, but, on the other hand, inequality among them exists and it leads to compensatory consequences for the whole society.

The author of the given article concludes that from the point of view of social philosophy justice is said to be a comprehensive historical category. Penetrating a wide sphere of human life it appears, exists and changes at the certain stage of the development of the particular society. The content of justice is not an eternal and unchanging phenomenon. The ideas about this category and its understanding depend on the time, the place, the specifics of the society and the state. Justice is a guideline while forming law, a kind of prism through which it is necessary to consider the law in relation to its compliance with certain requirements.

Keywords: principle of justice, category "justice", social philosophy, character, meaning, content, equality, inequality, crime, punishment

For citation: Niftaliyeva I. A. Social and philosophical bases of the principle of justice in criminal law. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 21—28, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A014

В Российской Федерации как в правовом социальном государстве соблюдение и защита прав и свобод человека имеют приоритетное значение. Президент России В. В. Путин неоднократно в своих выступлениях подчеркивал, что обязанность государства состоит, прежде всего, в выработке действенных механизмов, направленных на беспрепятственное обеспечение прав и свобод человека, провозглашенных Конституцией Российской Федерации высшей ценностью¹.

Одним из таких механизмов, безусловно, выступает уголовно-правовое регулирование. Не подвергается сомнению роль уголовного права в гарантии защиты человека, общества и государства от преступных посягательств. Однако чтобы исполнять свое предназначение, уголовный закон должен адекватно отражать происходящие в обществе процессы.

Достижение соответствия уголовного законодательства социальным реалиям предполагает учет общественного правосознания, включающего такие идеи мироустройства, как справедливость, равенство, гуманизм. Именно «эти идеи, преломленные через содержание предмета уголовного права, и образуют то, что сейчас принято называть принципами уголовного права» [1, с. 11].

Уголовный кодекс Российской Федерации в статье 6 устанавливает ключевое звено в механизме обеспечения прав и свобод человека, оказавшегося в сфере уголовного права, — принцип справедливости. Законодательное закрепление этой идеи является одним из важнейших достижений современного уголовного права. Вместе с тем легальное определение принципа справедливости вряд ли следует признать соответствующим характеру одно-

именной социально-философской категории. Кроме того, в уголовно-правовой доктрине до настоящего момента не сложилось единой позиции по ряду проблем, непосредственно связанных с принципом справедливости. В частности, по-разному решаются вопросы о сущности принципа справедливости, его месте в системе уголовно-правовых принципов и направлениях реализации [2, с. 18—19; 3, с. 12; 4, с. 74].

Полагаем, что разрешению названных проблем будет способствовать выявление социально-философских оснований принципа справедливости. Следует отметить, что справедливость принадлежит к числу центральных категорий социальной философии, занимавших умы людей на протяжении существования человечества. Мыслители разных исторических периодов рассуждали о характере справедливости, ее значении и связи с правом.

Так, софисты считали справедливым господство одних людей над другими. Главный политический тезис Фрасимаха гласит: «Справедливость... это то, что пригодно сильнейшему» [5, с. 93]. С аристократических позиций рассматривал эту категорию и Калликл. По мнению мыслителя, справедливо то, что сильный правит слабым. Такой закон природы действует, согласно идеям софиста, среди животных, людей, государств и народов и представляет собой право «лучших» на неравенство [6, с. 46].

Полемизируя с софистами, Сократ отстаивал равенство как основу справедливости и полисного порядка. Под равенством мыслитель понимал равенство по человеческой ценности, которая находится в разуме и состоит в понимании блага полиса [6, с. 55—56].

Сократ называл вопросы о справедливости и несправедливости не просто личными или общественными, а общечеловеческими, всеобщими и вечными. Справедливость, наряду с мужеством,

¹ Путин назвал права и свободы человека высшей ценностью. URL: <https://ria.ru/20210707/putin-1740213268.html> (дата обращения: 09.07.2021).

благоразумием, смелостью, честностью, дружелюбностью и другими этическими добродетелями, представляет собой знание, обеспечивающее выбор блага и отклонение зла. Ксенофонт отмечал, что для Сократа то, что совершается посредством справедливости, есть нравственно-прекрасное [7, с. 97—98].

Согласно философии Платона идея справедливости должна быть положена в основу построения нормального государства как целостного организма. Так же, как и в человеке, государственная справедливость достигается путем гармонизации и равновесия основополагающих добродетелей. Правители (философы) в идеальном государстве Платона составляют разум души, воины — сердце, крестьяне — чувства [8, с. 79—420].

Справедливость Платона требует определенного порядка и иерархической соподчиненности и состоит в том, чтобы каждый человек занимался своим делом, «которое ему подобает» и «к которому у него есть способности» [9, с. 171], и не вмешивался в дела других. Согласно воззрениям мыслителя справедливость заключается в соответствии человека своему назначению и занимаемому месту в обществе [8, с. 205].

Как и Сократ, Платон утверждал, что основу справедливости составляет равенство. Вместе с тем он делил равенство на два вида: арифметическое и геометрическое. Первый вид — это равенство меры, веса, числа, второй — равенство по достоинству и добродетелям.

Дальнейшее развитие платоновского подхода к справедливости осуществил Аристотель в своем учении о частной справедливости. Мыслитель выделял две формы частной справедливости: распределяющую и уравнивающую. Распределяющая представляет собой распределение благ и зол между членами общества в зависимости от вклада каждого в общее дело и с учетом особенностей личности. Нормы такой формы справедливости характеризуются субъективностью и зависят от государственного устройства, а также существующих нравственных ценностей [10, с. 153].

Уравнивающая справедливость заключается в распределении благ и зол между людьми независимо от их индивидуальных особенностей. Такой вид справедливости применяется при обмене вещей и при назначении наказания. Справедливо наказать — значит найти меру, соответствующую нанесенному в результате преступления ущербу. Философ отмечал, что правила, одинаковые для всех, должны исполняться всеми, поскольку «безразлично, кто у кого украл — добрый у дурного или

дурной у доброго — и кто сотворил блуд — добрый или дурной; но если один поступает несправедливо, а другой терпит несправедливое и один причинил вред, а другому он причинен, то закон учитывает разницу только с точки зрения вреда, с людьми же он обращается как с равными» [10, с. 153]. Нельзя не согласиться с мнением А. В. Разина о том, что Аристотель, рассуждая о справедливости, выделил такую сущностную характеристику права, как применение равного масштаба к неравным лицам [11, с. 489].

В одних случаях Аристотель предлагал применять уравнивающую справедливость, в других — распределяющую. Справедливым, по мнению мыслителя, является и равенство в отношении равных, и неравенство в отношении неравных.

В целом следует заключить, что концепция Аристотеля о справедливости представляет собой объединение и дальнейшее развитие предшествующих подходов. Так, софисты утверждали, что основным элементом содержания справедливости является неравенство. Сократ и Платон, напротив, отстаивали равенство как основу справедливости. В учении Аристотеля эти два направления объединяются благодаря тому, что философ рассматривал людей одновременно и как равных, и как неравных индивидов. Содержание справедливости, согласно представлениям мыслителя, составляют равенство и неравенство.

Эпикур относил справедливость к историческим понятиям. По мнению философа, содержание справедливости зависит исключительно от особенностей общества и государства, места и времени. Представления о справедливости зависят от потребностей взаимного общения людей [12, с. 441].

Таким образом, анализ античной философии явственно свидетельствует о том, что справедливость выступала универсальным критерием оценки поступков людей, исходя из полезности или вредности для всего общества или господствующих слоев. Как часть человеческой природы она обуславливала общественные отношения и устройство государства, составляла основу формирования законов и права. Античные философы указывали на то, что содержание категории справедливости носит исторический характер и определяется в зависимости от времени, места и особенностей общественного развития.

Зарождение христианства привело к теологическому пониманию рассматриваемой категории. Ярчайший представитель средневековой философской мысли Фома Аквинский в своем учении о справедливости воспроизводил положения Ари-

стотеля, подводя под них религиозную основу. Вслед за древнегреческим философом Аквинский выделял два вида справедливости: коммутативную (справедливость при обмене) и дистрибутивную (справедливость при распределении). Первый вид справедливости регулирует отношения частных лиц при обмене вещами, второй возникает при общественном распределении материальных или духовных благ (имущества, почестей и т. д.). Как и его выдающийся предшественник, богослов отмечал, что в основе коммутативной справедливости лежит принцип равенства, не учитывающий индивидуальных особенностей человека. Дистрибутивная справедливость, напротив, по утверждению мыслителя, принимает во внимание достоинства человека.

Фома Аквинский признавал наряду с естественным правом существование человеческих законов (*lex humana*). Закон он трактовал как всеобщее правило, побуждающее к действию либо заставляющее воздерживаться от него, выражающее благо всех членов общества и устанавливаемое всем обществом, сущность которого заключается в упорядочивании жизнедеятельности человека «под углом зрения блаженства как конечной цели» [13, с. 823—862].

Человеческие законы Фома Аквинский разделял на справедливые и несправедливые. К справедливым, в частности, предъявлялся ряд требований: соответствие естественному закону, определенная цель (достижение общего блага), выполнимость установок, изложенных в законе, равенство этих установок для всех людей (тягот, лишений, повинностей и т. д.), принятие закона в надлежащем порядке.

Несправедливые же законы Аквинский делил на два вида. Несправедливые законы первого вида не содержат те или иные признаки закона (например, превышение законодателем своих полномочий, нарушение установленного порядка принятия закона и т. д.). Второй вид несправедливых законов — те, которые противоречат естественным и божественным законам [13, с. 823—862].

Средневековые философы, таким образом, вслед за мыслителями древности рассматривали справедливость с позиций всеобщности. Вместе с тем эта категория в эпоху Средневековья подвергалась исключительно теологическому истолкованию. Признавалась также тесная связь справедливости с правом. Неоценимым достижением средневековой философской мысли стали сформулированные Фомой Аквинским требования, которым должен соответствовать справедливый закон.

Возникновение и развитие капиталистических отношений привело к преобладанию концепции

формирующегося буржуазного права, основанного преимущественно на юридическом понимании справедливости. Предложенная основоположниками европейской философии права (Г. Гроцием, Ж.-Ж. Руссо, Т. Гоббсом, Дж. Локком) теория включает положение о справедливости как неотъемлемом признаке права. Так, по мнению родоначальника «юридического мировоззрения» Нового времени Г. Гроция, «право... означает не что иное, как то, что справедливо, при этом преимущественно в отрицательном, а не в утвердительном смысле, так как право есть то, что не противоречит справедливости» [14, с. 68].

Согласно трактовке Ш. Л. Монтескье, внесшего весомый вклад в развитие философии права и государства, позитивный закон предполагает справедливые отношения. По мнению мыслителя, справедливость обуславливает закон, а не создается им. «Законам, созданным людьми, — рассуждал Монтескье, — должна была предшествовать возможность справедливых отношений. Говорить, что вне того, что предписано или запрещено положительным законом, нет ничего ни справедливого, ни несправедливого, значит утверждать, что до того, как был начертан круг, его радиусы не были равны между собой» [15, с. 164]. Тем самым он предъявлял к справедливым законам такое важнейшее требование, помимо названных Фомой Аквинским, как социальная обоснованность.

В своем учении Монтескье исследовал факторы, обуславливающие справедливость положительного закона. К таким факторам французский философ относил соответствие закона особенностям народа, форме правления, географическому положению, климату, численности населения и т. д.

Содержательную философскую разработку концепции справедливости осуществил И. Кант. В работе «Метафизика нравов» он наделяет эту идею особым статусом, отмечая, что «если исчезнет справедливость, жизнь людей на земле уже не будет иметь никакой ценности» [16, с. 256]. По мнению немецкого философа, ничто не может возмущать человека больше, чем несправедливость, поскольку никакие другие виды зла несравнимы с ней.

Кант различал правовой и моральный виды справедливости. Согласно его представлениям правовая справедливость имеет первоочередное значение и должна принудительно насаждаться, чтобы в обществе восторжествовала моральная справедливость. Выделялись также справедливость карающая и справедливость распределительная. Первая предполагает назначение наказания, соразмерного

совершенному деянию, вторая — определение вознаграждения, соответствующего заслуге.

В кантовской философии справедливость входит в содержание основных институтов уголовного права. Так, под уголовным наказанием Кант понимал справедливое возмездие, выражающееся в причинении государством определенного страдания преступнику за совершенное деяние. В основу наказания должна быть положена идея абсолютного равенства между деянием и воздаянием [16, с. 256].

Проблема справедливости и права занимает центральное место и в философии Г. В. Ф. Гегеля. Мыслитель утверждал, что происходящие в обществе процессы и явления управляются «высшей справедливостью, заключенной в природе и истине» [17, с. 128]. По его мнению, право должно быть справедливым, а чтобы понимать, какое его содержание в действительности справедливо, необходимы «обычный здравый смысл и ясный разум» [17, с. 378]. Принципы всеобщего благосостояния и справедливости должны стать ориентирами в деятельности законодателя.

Вслед за Кантом Гегель развивал теорию наказания с точки зрения идеи справедливости. Согласно представлениям мыслителя, поскольку преступление имеет «определенный качественный и количественный объем», то и справедливое наказание должно иметь такой же объем. Вместе с тем тождество преступления и наказания — это «равенство не по специфическому, а по в себе сущему характеру нарушения, по его ценности» [18, с. 148—149]. Философ при этом уточнял, что «справедливость определения наказаний по их качественному и количественному характеру — нечто более позднее, чем субстанциальность самого предмета», что необходимо учитывать «природу конечного» [18, с. 149]. В итоге, по утверждению Гегеля, описанное тождество позволит наказанию выступать в качестве «наказующей справедливости» и одной из форм справедливости в государстве [18, с. 148, 152].

Гегелевская и кантовская теории наказания существенным образом отличаются друг от друга. Принципиальное расхождение заключается в том, что справедливое наказание у Канта — это и есть то самое «специфическое равенство», отвергаемое Гегелем.

К проблеме справедливости обращались и основоположники марксизма. Они не искали основу справедливости в «вечной природе» человека, отвергая при этом субъективный характер справедливости, а выводили конкретно-историческое содержание данной категории в различных общественно-экономических формациях. Ими было сфор-

мулировано положение о зависимости справедливости от объективного поступательного общественного развития.

Соотношение справедливости, равенства и права немецкий философ и социолог К. Маркс раскрывал на примере двух рабочих, которые равны до тех пор, пока «их рассматривают под одним углом зрения» — как рабочих, отбрасывая другие стороны. Однако если принимать во внимание, что один одареннее другого, а значит работоспособнее, один женат и имеет детей, а другой — нет, то получается, что при равном труде и равном участии в общественном потребительском фонде один получает на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого. Из вышесказанного следовал вывод: «Чтобы избежать всего этого, право, вместо того, чтобы быть равным, должно быть неравным». «Право, — указывал он, — никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» [19, с. 27].

Таким образом, философия Нового времени определяла справедливость как всестороннюю категорию, понимание которой зависит от социального развития конкретного общества. Мыслители подчеркивали важнейшее значение справедливости при формировании общественного сознания, гражданского общества и права. Весьма ценными для современного уголовного права являются положения Монтескье о социальной обоснованности законов и теории наказаний Канта и Гегеля.

В новейшей философии подход к справедливости получил разработку в концепции И. А. Ильина. В своем учении русский философ опирался на выводы Аристотеля об одновременном равенстве и неравенстве индивидов. Он подчеркивал, что поскольку люди от природы неодинаковы, то справедливая норма права не может возлагать равные обязанности на разных в зависимости от пола, возраста, состояния здоровья и других обстоятельств людей. Правовые требования должны соответствовать индивидуальным особенностям, при этом, как отмечал И. А. Ильин, «кому больше дано, с того больше и взыщется». И далее продолжал: «...справедливость требует, чтобы правовые нормы сохраняли в своих требованиях соразмерность действительным свойствам и деяниям людей» [20, с. 94].

Один из крупнейших исследователей проблем справедливости XX в. американский философ Джон Ролз в своей фундаментальной работе *Theory of Justice* создал идеальную общественную модель, основанную на сочетании двух универсальных

принципов: индивидуальной свободы и справедливого распределения материальных благ. Первый принцип Ролза предполагает равенство в обладании всеми основными правами и обязанностями. Важное место в нем занимают свобода личности, совести и мысли, политическая свобода, право собственности и др. Раскрывая сущность второго принципа справедливости, философ допускал наличие социального или экономического неравенства. Вместе с тем такое неравенство должно приводить к компенсирующим последствиям для всего общества, а в особенности для менее преуспевающих его членов, при условии открытости должностей и честного равенства возможностей. Из этого следует, что различия по политическому или имущественному положению не должны влиять на шансы человека в получении образования, должности, доходов или власти.

Джон Ролз тем самым приходит к выводу, что неравенство в справедливом обществе возможно. Однако обязательным его условием является улучшение положения всех членов общества. Несправедливость, по мнению американского философа, есть «неравенства, которые не дают преимуществ каждому». Основной же целью «теории справедливости», по утверждению Ролза, является адекватная реконструкция процедур распределения справедливости и благ в обществе [21, с. 267].

Советский и российский специалист в области философии права В. С. Нерсисянц определял справедливость как сущностное свойство права. «Справедливо то, — писал он, — что выражает право, соответствует праву и следует праву. Действовать по справедливости — значит действовать правомерно, соответственно всеобщим и равным требованиям права» [22, с. 45].

Отрицание правового характера справедливости приводит к неправильному пониманию этой категории. За справедливость начинают принимать «требования уравниловки или привилегий», различного рода (политические, экономические и т. д.) притязания. Далее следует подмена всеобщего значения справедливости неким частным интересом. Несмотря на это, право все же не игнорирует особенные интересы и требования, однако они должны найти в нем справедливое «признание, удовлетворение и защиту». «Справедливость, — подчеркивал В. С. Нерсисянц, — представляя всеобщее формально-правовое начало, возвышается над всем этим партикуляризмом фактического, „взвешивает“ (на единых весах правовой регуляции и правосудия, посредством общего масштаба права) и оценивает это фактическое формально-

равным, а потому и одинаково справедливым для всех правовым мерилom» [22, с. 47—48].

Философы XX — начала XXI в. развивают положения мыслителей предшествующих периодов о правовом характере рассматриваемой категории. Справедливость является качеством права, его началом. Без справедливости право не может существовать. В новейшей философии получила развитие идея, согласно которой, с одной стороны, все люди равны в обладании всеми основными правами и обязанностями, но с другой стороны, допускается неравенство между ними, приводящее к компенсирующим последствиям для общества.

Рассмотрение справедливости как категории философии служит ключом к пониманию справедливости как принципа права. Так, великие мыслители древности указывали на многогранный и исторический характер справедливости. Средневековые философы вслед за мыслителями древности рассматривали справедливость с позиций всеобщности. Вместе с тем эта категория подвергалась в эпоху Средневековья исключительно теологическому истолкованию. Философия Нового времени определяла справедливость как всестороннюю категорию, понимание которой зависит от социального развития конкретного общества. Мыслители подчеркивали важнейшее значение справедливости при формировании общественного сознания, гражданского общества и права. Философы XX — начала XXI в. развивают положения мыслителей предшествующих периодов о правовом характере рассматриваемой категории. Справедливость является качеством права, его началом. Без справедливости право не может существовать.

Проведенное исследование позволяет выделить социально-философские основания принципа справедливости в уголовном праве. Итак, справедливость — это всеобъемлющая историческая категория. Пронизывая широкую сферу жизнедеятельности людей, она возникает, существует и изменяется на определенном этапе развития конкретного общества. Содержание справедливости не является вечным и неизменным. Представления об этой категории, ее понимание зависят от времени, места, особенностей общества и государства. Справедливость не просто находится в непосредственной связи с правом. Эта категория — ориентир в формировании права, некая призма, через которую необходимо рассматривать закон на предмет его соответствия определенным требованиям.

1. Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2004. 694 с.

2. Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть: учебник. Краснодар: Куб. гос. аграр. ун-т, 1999. 444 с.

3. Уголовное право России: учеб. для вузов. В 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. Москва: НОРМА, 2000. 639 с.

4. Курс уголовного права. В 5 т. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении: учеб. для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Москва: ЗЕРЦАЛО, 2002. 611 с.

5. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3 / пер. с древнегреч. С. С. Аверинцева [и др.]; общ. ред. А. Ф. Loseva [и др.]; примеч. А. А. Тахо-Годи. Москва: Мысль, 1994. 654 с.

6. Нерсесянц В. С. Сократ. Москва: Наука, 1980. 150 с.

7. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / пер. и послесл. С. И. Соболевского; РАН, Ин-т философии. Москва: Наука, 1993. 379 с.

8. Платон. Филеб. Государство. Тимей. Критий : пер. с древнегреч. / общ. ред. А. Ф. Loseva [и др.]. Москва: Мысль, 1999. 656 с. (Классическая философская мысль).

9. Платон. Государство. Законы. Политик. Москва: Мысль, 1998. 798 с.

10. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4 / пер. с древнегреч., общ. ред. А. И. Доватура. Москва: Мысль, 1984. 830 с.

11. Разин А. В. Этика: учеб. для вузов. 3-е изд. Москва: Акад. проект, 2006. 624 с.

12. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / общ. ред. А. Ф. Loseva; АН СССР, Ин-т философии. Москва: Мысль, 1979. 620 с. (Философское наследие).

13. Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1, ч. 2 / ред.-сост. В. В. Соколов. Москва: Мысль, 1969. 936 с. (Философское наследие).

14. Гроций Г. О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. Москва: Госюриздат, 1956. 868 с.

15. Монтескье Ш. Л. де. Избранные произведения / общ. ред. и вступ. ст. проф. М. П. Баскина; примеч. Р. С. Миндлиной; Акад. наук СССР. Ин-т философии. Москва: Госполитиздат, 1955. 800 с.

16. Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 4, ч. 2 / под общ. ред. В. Ф. Асмуса. Москва: Мысль, 1965. 478 с. (Философское наследие АН СССР).

1. Maltsev V. V. Principles of criminal law and their implementation in law enforcement activity. Saint Petersburg: Juridical Center Press; 2004: 694. (In Russ.).

2. Galiakbarov R. R. Criminal law. Common part. Textbook. Krasnodar: The State Agrarian University of Kuban; 1999: 444. (In Russ.).

3. Criminal law of Russia. Textbook for higher educational institutions. In 2 vols. Vol. 1. General Part. Ed. by A. N. Ignatov, Yu. A. Krasikov. Moscow: NORMA; 2000: 639. (In Russ.).

4. Course of criminal law. In 5 vols. Vol. 1. General Part. Doctrine of Crime. Textbook for universities. Ed. by N. F. Kuznetsova, I. M. Tyazhkova. Moscow: Zertsalo; 2002: 611. (In Russ.).

5. Plato. Collection of Works. In 4 vols. Vol. 3. Translation from the ancient greek by S. S. Averintsev [et al.]; gen. ed. by A. F. Losyev [et al.]; note by A. A. Takho-Godi. Moscow: Mysl; 1994: 654. (In Russ.).

6. Nersesyants V. S. Socrates. Moscow: Nauka; 1980: 150. (In Russ.).

7. Xenophon. Memories of Socrates. Translation and postscript by S. I. Sobolevsky; Russian Academy of Science, Institute of Philosophy. Moscow: Nauka; 1993: 379. (In Russ.).

8. Plato. Philebus. State. Timaeus. Critias. Translation from the ancient greek. Gen. ed. by A. F. Losyev [et al.]. Moscow: Mysl; 1999: 656. (Classical Philosophical Thought). (In Russ.).

9. Plato. State. Laws. Politician. Moscow: Mysl; 1998: 798. (In Russ.).

10. Aristotle. Works. In 4 vols. Vol. 4. Translation from the ancient greek and gen. ed. by A. I. Dovatura. Moscow: Mysl; 1984: 830. (In Russ.).

11. Razin A. V. Ethics. Textbook for universities. 3rd ed. Moscow: Academic Project; 2006: 624. (In Russ.).

12. Diogenes Laertes. On Life, teachings and sayings of famous philosophers. Gen. ed. by A. F. Losyev; Academy of Sciences of the USSR, Institute of Philosophy. Moscow: Mysl; 1979: 620. (Philosophical Heritage). (In Russ.).

13. Anthology of world philosophy. In 4 vols. Vol. 1, part 2. Comp. ed. V. V. Sokolov. Moscow: Mysl; 1969: 936. (Philosophical Heritage). (In Russ.).

14. Grotius G. On law of war and peace: three books that explain natural law and law of peoples as well as the principles of public Law. Moscow: Gosjurizdat; 1956: 868. (In Russ.).

15. Montesquieu Ch. L. de. Selected works. Gen. ed. and prologue by prof. M. P. Baskin; note by R. S. Mindlina; Academy of Sciences of the USSR. Institute of Philosophy. Moscow: Gospolitizdat; 1955: 800. (In Russ.).

17. Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. Москва: Наука, 1978. 437 с. (Памятники философской мысли).

18. Гегель Г. В. Ф. Философия права. Москва: Мысль, 1990. 524 с.

19. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 48 т. Т. 19. 2-е изд. Москва: Госполитиздат, 1961. 671 с. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

20. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. 1992. № 3. С. 93—99.

21. Ролз Дж. Теория справедливости / науч. ред. В. В. Целищев; пер. с англ. В. В. Целищева при участии В. Н. Карповича и А. А. Шевченко. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 534 с.

22. Нерсесянц В. С. Философия права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: НОРМА, 2009. 848 с.

16. Kant I. Works. In 6 vols. Vol. 4, part 2. Gen. ed. by V. F. Asmus. Moscow: Mysl; 1965: 478. (Philosophical Heritage of the Academy of Sciences of the USSR). (In Russ.).

17. Hegel G. V. F. Political works. Moscow: Nauka; 1978: 437. (Artifacts of philosophical thought). (In Russ.).

18. Hegel G. V. F. Philosophy of law. Moscow: Mysl; 1990: 524. (In Russ.).

19. Marx K., Engels F. Works. In 48 vols. Vol. 19. 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat; 1961: 671. (Institute of Marxism-Leninism under the CPSU Central Committee). (In Russ.).

20. Ilyin I. A. General doctrine of law and state (fragments). Jurisprudence, 93—99, 1992. (In Russ.).

21. Rawls J. Theory of Justice. Sci. ed. by V. V. Tselishchev; transl. from English by V. V. Tselishchev with participating V. N. Karpovich and A. A. Shevchenko. Novosibirsk: Publishing House of University of Novosibirsk; 1995: 534. (In Russ.).

22. Nersesyants V. S. Philosophy of law. Textbook. 2nd ed., rev. and add. Moscow: NORMA; 2009: 848. (In Russ.).

Нифталиева Ирина Алисаламовна,
преподаватель кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
niftalieva89@yandex.ru

Niftaliyeva Irina Alisalamovna,
lecturer at the department of criminal
procedure of the educational
and scientific complex
on the preliminary investigation
in the Internal Affairs Bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
niftalieva89@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 13.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 13.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.9

doi: 10.25724/VAMVD.A015

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ
С УЧАСТИЕМ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ГРУЗОВЫЕ ПЕРЕВОЗКИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Григорий Михайлович Семененко*, **Анна Анатольевна Базулина****, **Алексей Николаевич Четвероус*****,
Елена Валерьевна Кокарева****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, grigorii_001@mail.ru

** Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия, anna.bazulina@mail.ru

*** Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Россия, n431vk@mail.ru

**** Международный юридический институт, Москва, Россия, lenok7979@mail.ru

Аннотация. В последние годы благодаря принимаемым мерам на территории Российской Федерации наблюдается уменьшение количества дорожно-транспортных происшествий, однако авторы статьи обращают внимание на факт роста числа дорожно-транспортных происшествий с участием транспортных средств, осуществляющих грузовые перевозки.

Обеспечение безопасности дорожного движения является одной из важнейших задач, на решение которой неоднократно обращалось внимание Президентом Российской Федерации В. В. Путиным. Авторами статьи с целью выработки превентивных мер, направленных на уменьшение дорожно-транспортных происшествий с участием транспортных средств, осуществляющих грузовые перевозки, было проведено исследование детерминантов, способствующих совершению дорожно-транспортных происшествий с участием водителей транспортных средств, осуществляющих грузовые перевозки. На основании проведенного исследования авторами статьи сформулирована классификация дорожно-транспортных происшествий, разбитая по группам детерминантов их совершения, к каждой из которых был предложен комплекс мер предупреждения совершения дорожно-транспортных правонарушений водителями, осуществляющими грузовые перевозки.

Ключевые слова: дорожно-транспортные происшествия, водители, грузовые перевозки, детерминанты

Для цитирования: Предупреждение дорожно-транспортных происшествий с участием транспортных средств, осуществляющих грузовые перевозки: проблемы и пути противодействия / Г. М. Семененко, А. А. Базулина, А. Н. Четвероус, Е. В. Кокарева // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 29—36. doi: 10.25724/VAMVD.A015

**PREVENTION OF ROAD TRAFFIC ACCIDENTS
INVOLVING VEHICLES FOR FREIGHT TRANSPORTATION:
PROBLEMS AND WAYS TO COUNTERACT**

Grigory Mikhailovich Semenenko*, **Anna Anatolievna Bazulina****, **Alexey Nikolaevich Chetverous*****,
Elena Valerievna Kokareva****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, grigorii_001@mail.ru

** Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, anna.bazulina@mail.ru

*** Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgodonsk, Russia, n431vk@mail.ru

**** International Law Institute, Moscow, Russia, lenok7979@mail.ru

Abstract. In recent years, due to the measures taken in the Russian Federation, the number of road traffic accidents has been decreasing. However, the authors of the article draw attention to the fact that the number of road traffic accidents involving vehicles for freight transportation is growing.

Ensuring road safety is one of the most critical problems. The President of the Russian Federation V. V. Putin repeatedly drew attention to the need to solve this problem. The authors of the article, in order to develop preventive measures aimed at reducing road traffic accidents involving vehicles for freight transportation, conducted a study of the determinants that contribute to the commission of road accidents involving drivers of vehicles for freight transportation. Based on the conducted study, the authors of the article proposed a classification of road traffic accidents divided into groups of determinants of road traffic accidents. For each of these groups a set of preventive measures was proposed in order to prevent the commission of road traffic offenses by drivers engaged in freight transportation.

Keywords: road traffic accidents, drivers, freight transportation, determinants

For citation: Semenenko G. M., Bazulina A. A., Chetverous A. N., Kokareva E. V. Prevention of road traffic accidents involving vehicles for freight transportation: problems and ways to counteract. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 29—36, 2022. doi: 10.25724/VAMVD.A015

Проблема предупреждения дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП) на территории Российской Федерации в последние годы стала одной из насущных. В первую очередь это связано со стремительным ростом числа автомобилей, выходом на рынок мощных и скоростных транспортных средств. В 2021 г. в нашей стране для перевозки грузов использовались 3,8 млн автомашин с полной массой более 3,5 т¹.

Несмотря на весь комплекс мер, предпринимаемых сотрудниками правоохранительных органов, учеными и государственными структурами, достигнуть значимых показателей в предупреждении ДТП пока не удалось. Об этом свидетельствуют данные официальной статистики за 2020 г.: всего на улицах и дорогах России зарегистрировано 145 073 (–11,7 %) ДТП, в которых погибли 16 152 (–4,9 %) человека и получили ранения 183 040 (–13,2 %) человек [1]. Невзирая на определенные позитивные изменения, уровень дорожно-транспортной аварийности остается достаточно высоким: каждое одиннадцатое (9,6 %) ДТП приводит к смертельному исходу (13 903, –3,8 %). Одним из факторов сокращения числа ДТП в 2020 г. стали ограничительные меры, введенные в связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19. Установленные в соответствии с указами Президента Российской Федерации в апреле и мае нерабочие дни, а также особый порядок передвижения лиц и транспортных средств в этот период привели к значительному сокращению доли населения, вовлеченного в дорожное движение, вследствие чего отмечено снижение основных показателей аварийности.

Аналогичная ситуация наблюдается и при совершении ДТП с участием транспортных средств, осуществляющих грузовые перевозки, большинство

из которых, как показывает практика, влечет за собой летальный исход. Так, рост числа погибших в ДТП с участием грузового транспорта за рассматриваемый период зафиксирован в 26 регионах страны. В результате анализа количества автотранспортных средств, осуществляющих грузоперевозки на территории Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что физическим лицам принадлежит 60 % транспортных средств (3 914 444), юридическим лицам — 39 % (2 557 520), индивидуальным предпринимателям — 1 % (73 873). На ДТП с участием грузового транспорта физических лиц приходится 61,5 % от всех ДТП с участием грузового транспорта и 57,2 % от всех погибших. На юридических лиц — 37 %, погибших — 39,2 %. Отдельного внимания заслуживают показатели для грузового транспорта индивидуальных предпринимателей. Здесь доля ДТП составляет 3,8 %, погибших — 7 %. По нашему мнению, увеличение количества ДТП с участием грузового транспорта связано с ростом числа грузоперевозок на территории России. По данным Росстата, автомобильный транспорт обеспечивает порядка 70 % их объема. Ежегодно происходит 16—17 тыс. ДТП с участием транспортных средств, осуществляющих грузовые перевозки². Выразим солидарность с точкой зрения большинства отечественных и зарубежных авторов, согласно которой основной причиной ДТП является человеческий фактор. Ранее мы уже отмечали, что «...причин ДТП много, но, как бы разнообразны они ни были, в большинстве случаев вина лежит именно на человеке. Наибольшую опасность представляет сознательное нарушение Правил дорожного движения, получившее сегодня, к сожалению, широкое распространение» [2, с. 49]. Однако не стоит забывать и об иных факторах.

¹ См.: Аварии грузовиков в 2021 г. URL: <https://igrader.ru/> (дата обращения: 20.03.2022).

² См.: Международный форум «Транспорт России». URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/9786> (дата обращения: 12.03.2022).

В целях выработки мер, направленных на сокращение числа ДТП с участием транспортных средств, осуществляющих грузовые перевозки, нами были изучены данные официальной статистики ГИБДД МВД России, мнения ученых [3], нормативные правовые акты Российской Федерации. На основании этого предлагаем классифицировать ДТП с учетом следующих детерминантов:

- психофизиологические особенности человека;
- погодные условия;
- техническая неисправность транспортных средств;
- несоблюдение Правил дорожного движения.

Считаем, что в целях предупреждения ДТП с участием транспортных средств, осуществляющих грузовые перевозки, необходимо объединить усилия государственных органов и коммерческих организаций. Для этого рассмотрим группы детерминантов совершения анализируемых ДТП, к каждой из которых предложим комплекс превентивных мер.

В соответствии с приведенной ранее классификацией в первую группу детерминантов совершения ДТП с участием транспортных средств, осуществляющих грузовые перевозки, надлежит включить время нахождения в пути, возраст водителя, отвлечение внимания от дороги (разговоры по мобильному телефону, управление электронными устройствами во время движения), засыпание за рулем.

Время нахождения в пути

Практика показывает, что водители транспортных средств, осуществляющих грузоперевозки на большие расстояния, подвержены утомляемости. Как следствие, время реакции увеличивается, точность восприятия и оценка дорожной обстановки снижаются. Утомление представляет собой закономерный процесс временного снижения работоспособности, наступающий в результате деятельности, при которой возникают нарушения в работе органов и систем организма¹. Вполне естественно, что этот процесс сопровождает деятельность водителей, поскольку часто время их нахождения в пути составляет до десяти суток. При утомлении у водителя возникают апатия, вялость, рассеивается внимание, притупляется чувство ответственности. Характерными признаками утомления могут служить незначительные ошибочные действия, что для водителя недопустимо. Кроме того, на психофизиологические функции водителей, осуществляющих грузовые

перевозки, могут влиять и такие факторы, как болезни, употребление алкогольных напитков, наркотиков, лекарств, нездоровый психологический климат на работе или в семье и т. д. [3] Данные выводы подтверждаются и анализом причин ДТП с участием транспортных средств, осуществляющих грузовые перевозки в Европе: так, из 624 ДТП в 6 % случаев основной причиной аварии была усталость водителя, при этом 37 % таких аварий завершились летальным исходом. В 68 % случаев, когда причиной совершения ДТП была усталость, в аварию попадали грузовик и другие транспортные средства, в 29 % случаев — только грузовик². Выходом из сложившейся ситуации может стать ужесточение контроля со стороны инспекторов ДПС ГИБДД МВД России за соблюдением требований использования тахографов во всех автомобилях, осуществляющих грузовые перевозки, предусмотренных ст. 26.1 Правил дорожного движения на территории Российской Федерации (ПДД)³. Согласно этим правилам непрерывность управления транспортным средством не должна превышать 4 ч 30 мин, после чего водитель обязан сделать остановку на 45 мин. Кроме того, в соответствии со ст. 26.2 Правил дорожного движения время управления транспортным средством не должно превышать 9 ч в течение периода, не превышающего 24 ч с момента начала управления транспортным средством, после завершения ежедневного или еженедельного отдыха. Допускается увеличение этого времени до 10 ч, но не более двух раз в течение календарной недели. Тахографом называется устройство, предназначенное для считывания и фиксации всей информации о транспорте во время движения: скорости, времени в пути, маршрута движения. Эти данные позволяют установить время отдыха водителя. Исходя из сказанного, отметим, что контролирующим органам необходимо тщательно следить за тем, чтобы водители не осуществляли грузоперевозки при приведенных далее обстоятельствах:

- с неисправным или неработающим (например, вследствие манипуляции) тахографом;
- использованием тахографа, у которого закончился срок эксплуатации блока СКЗИ;

² См.: Научное исследование причин дорожно-транспортных происшествий в Европе. URL: www.iru.org (дата обращения: 12.03.2022).

³ См.: Об утверждении требований к тахографам, устанавливаемым на транспортные средства, категорий и видов транспортных средств, оснащаемых тахографами, правил использования, обслуживания и контроля работы тахографов, установленных на транспортные средства: приказ Минтранса России от 28 октября 2020 г. № 440. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ См.: Об утверждении Правил перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом: постановление Правительства Российской Федерации от 1 октября 2020 г. № 1586 // СЗ РФ. № 41. Ст. 6428.

— использованием тахографа, не соответствующего установленным требованиям;

— при манипуляциях с регистрируемой тахографом информацией (блокирование, корректирование, модифицирование, фальсифицирование);

— уничтожении данных, хранящихся в тахографе и на карте водителя, а также распечаток с тахографа.

Особого внимания заслуживают места отдыха водителей, где они могут принять пищу, душ, осуществить ремонт транспортного средства. Важно отметить, что большинство водителей предпочитают спать в кабине автомобиля. Причиной данной ситуации является финансовый вопрос: человек не желает тратить денежные средства на ночлег, кроме того, многие так делают по привычке. Довольно часто для отдыха водители выбирают места возле постов ДПС, рядом с заправочными станциями и т. д. Естественно, полноценным такой отдых признать нельзя. Он не способствует повышению работоспособности и часто приводит к ДТП. Нередко водители, осуществляющие грузоперевозки, особенно в темное время суток, останавливаются на обочине дороги, при этом не выставляют аварийных знаков, не обозначают полуприцеп включенными габаритными огнями, что в том числе может служить причиной ДТП. Так, в Прибайкальском районе 12 марта 2022 г. 54-летний водитель автомобиля «Ниссан Караван» следовал по трассе Улан-Удэ — Турунтаево — Курумкан — Новый Уоян. В 4 км от села Кика он врезался в стоящий на обочине автомобиль ГАЗ-66 с прицепом с последующим столкновением с автомобилем «Тойота Лит Ас Ноа». В результате ДТП водитель «Ниссана» от полученных травм скончался на месте, его пассажир — 61-летний мужчина — был доставлен в больницу¹.

Во избежание подобных ситуаций предлагаем оборудовать на трассах охраняемые автостоянки для водителей, осуществляющих грузоперевозки, на расстоянии 30—50 км. На дорогах с большим движением автотуристов потребность в таких стоянках значительно выше. Практика показывает, что здесь нужны небольшие площадки (на 5—10 автомобилей) через каждые 10 км. Стоянки для отдыха желательно располагать вблизи водоемов и лесных массивов, а также около достопримечательностей [5]. Сделаем акцент и на том, что водителю, осуществляющему грузоперевозки, необхо-

димо распланировать схему и план поездки, включая время в пути, маршруты проезда, место и продолжительность отдыха; находиться на связи с диспетчером круглосуточно; заключать контракт на перевозку груза с компаниями, страхующими грузы и имеющими хорошую репутацию; никогда ни с кем в рейсе не обсуждать, какой груз и по какому маршруту перевозится.

Возраст водителя

Согласно данным МВД России значительное количество ДТП совершают водители 30—40 лет, с наиболее тяжкими последствиями — 50—60 лет. Одна из причин сложившейся ситуации, по нашему мнению, состоит в том, что водители 30—40 лет имеют весьма солидный опыт управления грузовыми транспортными средствами, чувствуют себя уверенно, а часто и самоуверенно, особенно когда пересаживаются за руль машины с высокими техническими и скоростными характеристиками.

В целях снижения показателей аварийности мы предлагаем компаниям, частным лицам, осуществляющим грузоперевозки регулярно, в соответствии с разработанным и утвержденным на год тематическим планом, проводить еженедельные занятия с водителями о соблюдении правил дорожного движения, информировать их об изменениях ПДД, демонстрировать им видеоролики о ДТП с обсуждением действий водителей, лучше, если на подобные занятия будут приглашены сотрудники ДПС ГИБДД МВД России. Кроме того, на наш взгляд, руководителям компаний нужно отслеживать нарушения водителями грузовых транспортных средств ПДД, с теми, кто постоянно пренебрегает правилами, проводить дополнительные занятия, злостных нарушителей вовсе отстранять от управления транспортным средством, водителей, которые не имеют штрафов, поощрять за безопасную езду [6].

Отвлечение внимания от дороги

Данная проблема оказывает все более негативное влияние на безопасность дорожного движения. В числе факторов риска: мобильные телефоны, громкая музыка, наружная реклама, наушники и т. д., — использование которых при управлении транспортным средством водители недооценивают. По информации экспертного центра «Движение без опасности», отвлечение внимания от дороги даже на секунду может привести к ДТП. При разрешенной скорости в 60 км/ч автомобиль проезжает за секунду порядка 17 м. Ситуация на дороге меняется моментально, и у водителя может не остаться времени, чтобы среагировать. Если в какой-то момент он отвлекается от происходящего на трассе, его автомобиль фактически

¹ См.: В Бурятии водитель «Ниссана» погиб, врезавшись в стоящий на обочине грузовик. URL: <https://arigus.tv/news/incidents> (дата обращения: 27.03.2022).

становится неуправляемым¹. Данный тезис подтверждают исследования, проведенные страховой компанией Allianz: отвлечение внимания от дороги является причиной одного из десяти ДТП². Согласно информации Всемирной организации здравоохранения разговоры по мобильному телефону во время вождения повышают риск попадания в ДТП в четыре раза, при этом не имеет значения, используется беспроводная гарнитура или нет³. В целях искоренения анализируемых причин и условий совершения ДТП рекомендуем следующее:

— в случае если необходимо срочно ответить на звонок, смс, голосовое сообщение и т. д., прекратить движение и лишь затем начинать разговор или набор текста;

— установить в салоне автомобиля, осуществляющего грузовые перевозки, средства видеофиксации, с помощью которых компания может контролировать соблюдение водителем правил дорожного движения, определять эффективность принятых им решений, в том числе в аварийных ситуациях.

Засыпание за рулем автомобиля

По данным Минтранса России, одной из самых частых причин совершения ДТП является засыпание за рулем (порядка 20 % от всех ДТП⁴). Во избежание подобных ситуаций компаниям и частным лицам, осуществляющим грузовые перевозки, необходимо приобрести устройства, контролирующие состояние водителя во время движения: наушники, регистрирующие наклон головы (они издают звуковой сигнал, когда водитель характерно «кивает»), камеры, следящие за частотой моргания и движением глазных яблок, по которому можно выявить засыпающего человека.

Во-вторую группу детерминантов ДТП мы включили погодные условия, оказывающие значительное влияние на вероятность возникновения аварийности на дорогах и служащие причиной ДТП в 10—14 % случаев. Наиболее часто это атмосферные осадки: выпадающие из облаков (дождь, изморось, ледяной дождь, снег, мокрый снег, снежная крупа, ледяная крупа, снежные зерна, ледяные иглы, град) и наземные гидрометеоры, выделяющиеся на поверхностях

земли и предметов (жидкий налет, иней, твердый налет, изморось, гололед)⁵. Наличие таких факторов, как выпадение осадков в виде снега, обледенение дорожного покрытия, негативно сказывается на управлении грузовым транспортным средством, увеличивает тормозной путь.

В рамках предупреждения ДТП, связанных с погодными условиями, предлагаем регулярно проводить сезонные инструктажи со всеми водителями грузового транспорта. В тематику включать вопросы об особенностях эксплуатации транспортных средств в весенне-летний и осенне-зимний периоды, а также в сложных погодных условиях. Для поездок по дорогам, покрытым снегом и льдом, на автотранспортном средстве с разрешенной общей массой более 3 500 кг необходимо иметь цепи противоскольжения. При ухудшении погодных условий может быть введено движение в колоннах.

К третьей группе детерминантов относится техническая неисправность транспортных средств. Как показывает исследование, проведенное Научным центром безопасности дорожного движения, в 2020 г. наиболее распространенными техническими неисправностями либо условиями, при которых запрещена эксплуатация транспортных средств, были: наличие конструктивных изменений по сравнению с серийным транспортным средством, сведения о которых отсутствуют в регистрационных документах, — 587 (43,2 %) ⁶; установка на одну ось шин различных размеров, конструкций, моделей, с различными рисунками протектора — 289 (21,3 %); неисправность внешних световых приборов — 126 (9,3 %); износ рисунка протектора — 112 (8,2 %); разрыв колеса — 101 (7,4 %); коэффициент светопропускания стекол менее нормативного — 64 (4,7 %); неисправность рабочей тормозной системы — 39 (2,9 %); отсоединение колеса — 35 (2,6 %). Для устранения данной проблемы считаем необходимым установление в автотранспортных средствах, осуществляющих грузоперевозки, интеллектуальных систем. Они способны предотвратить столкновение с другим автомобилем, сообщить водителю о неисправностях, позволяют проводить диагностику электронных систем автомобиля вне автотранспортного предприятия, определить вид

¹ См.: Управление России по городу Екатеринбург. URL: <https://екб.66.мвд.рф/news/item/21901373> (дата обращения: 16.03.2022).

² См.: Официальный сайт страховой компании Альянс. URL: <https://www.allianz.com/en.html> (дата обращения: 16.03.2022).

³ См.: Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru> (дата обращения: 16.03.2022).

⁴ См.: Системы помощи водителю и безопасность автомобиля. URL: <https://www.tadviser.ru> (дата обращения: 16.03.2022).

⁵ См.: Гидрометцентр России: классификация осадков. URL: <https://meteoinfo.ru> (дата обращения: 16.03.2022).

⁶ Необходимо отметить, что наличие конструктивных изменений по сравнению с серийным транспортным средством, сведения о которых отсутствуют в регистрационных документах, на грузовом транспорте регистрируется в два раза чаще, чем в целом на всех транспортных средствах.

и местонахождение возникшей неисправности в случае ее появления в рейсе без дополнительной аппаратуры.

В четвертую группу причин совершения ДТП водителями грузового транспорта входит несоблюдение ими ПДД, в частности несоблюдение скоростного режима, нарушение правил проезда перекрестков, неправильные маневры при смене полосы движения.

Несоблюдение скоростного режима

Как известно, скорость движения оказывает значительное влияние на тяжесть ДТП: чем она выше, тем большее количество механической (кинетической) энергии должно быть поглощено ударом. Согласно статистике ГИБДД МВД России превышение скорости является самым частым нарушением ПДД: штрафы за нарушение скоростного режима составляют 85 % от общего количества штрафов в среднем по России. При этом динамика неутешительная: в 2020 г. количество штрафов составило 124 млн, что на 23 % больше, чем в 2019 г.

Считаем, что увеличение штрафных санкций и ужесточение ответственности за превышение скоростного режима не приведут к положительному результату, здесь нужен комплекс следующих мер:

- оснащение автотранспортных средств, осуществляющих грузовые перевозки, специальной интеллектуальной системой контроля за скоростью, которая с учетом знаков дорожного движения, в том числе ограничивающих скоростной режим, должна сообщать водителю о нарушении ПДД, а в случае необходимости ограничивать мощность двигателя;
- снижение скоростного режима в городах до 40 км/ч, что позволит сократить число ДТП;
- организация одностороннего движения на узких участках дороги;
- увеличение и расширение участков дороги;
- выведение транзитного приграничного движения за пределы городов;
- освещение дорог и подсветка пешеходных переходов в течение всей ночи;
- дифференциация полос для легковых и грузовых автомобилей на дорогах с многорядным движением, выделение отдельных полос для маршрутного пассажирского транспорта.

Нарушение правил проезда перекрестков

Наиболее часто водители автотранспортных средств, осуществляющих грузовые перевозки, совершали ДТП из-за нарушения правил проезда перекрестков (25 943 ДТП, или 17,9 %) (рис. 1).

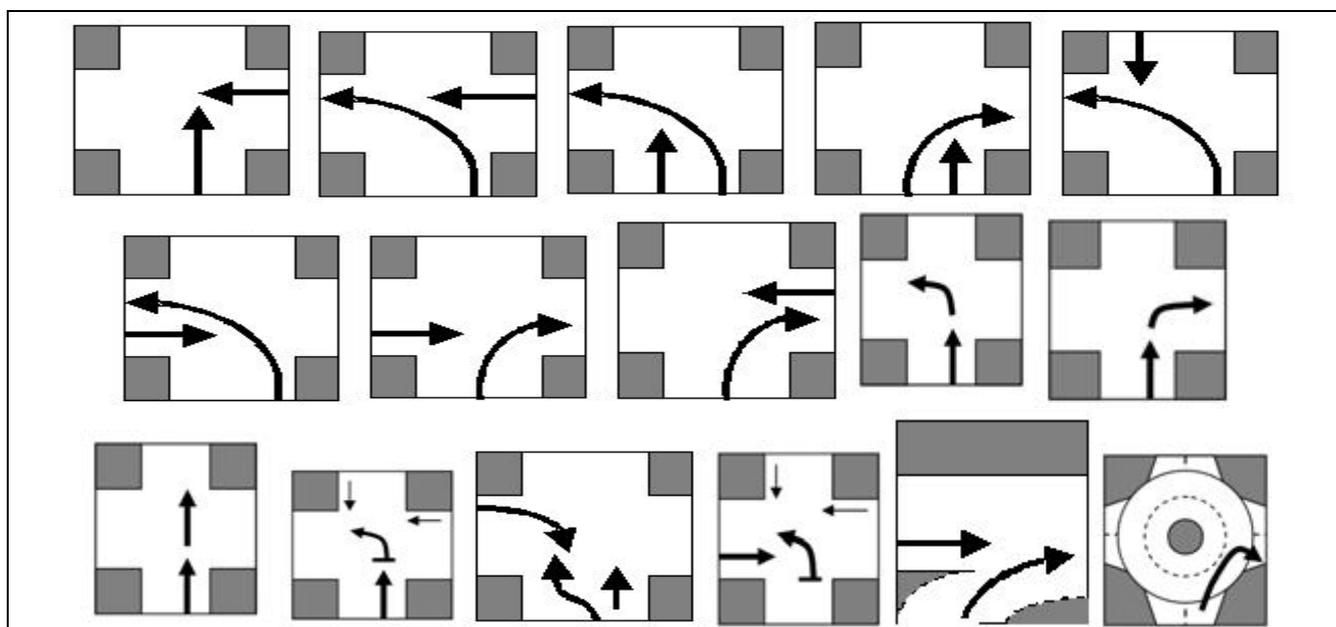

Рис. 1. Конфигурация ДТП с участием транспортных средств, осуществляющих грузовые перевозки, на перекрестках

В более чем 30 % случаев (независимо от того, виновен в ДТП водитель грузовика или другого транспортного средства) основным фактором, при-

водящим к аварии, является нарушение правил проезда перекрестков (несоблюдение знаков дорожного движения — 20,1 %, ограниченная видимость

при проезде перекрестков — 4,5 %, неверный маневр при повороте — 7,8 %). Полагаем, что в решении данной проблемы может помочь установка сверхзвуковых систем предупреждения столкновения; систем связи между транспортными средствами для оповещения об опасности на местах; зеркал, уменьшающих «мертвую зону» обзора.

Неправильный маневр при смене полосы движения
Основными причинами ДТП из-за нарушения маневра при обгоне, являются: несоблюдение скоростного режима — 22 %, недостаточный опыт вождения — 10 %, выезд за полосу (например на крутом повороте) — 6,2 %, потеря транспортным средством сцепления с дорожным покрытием — 2,4 %, ошибка при торможении — 1,3 % (рис. 2).

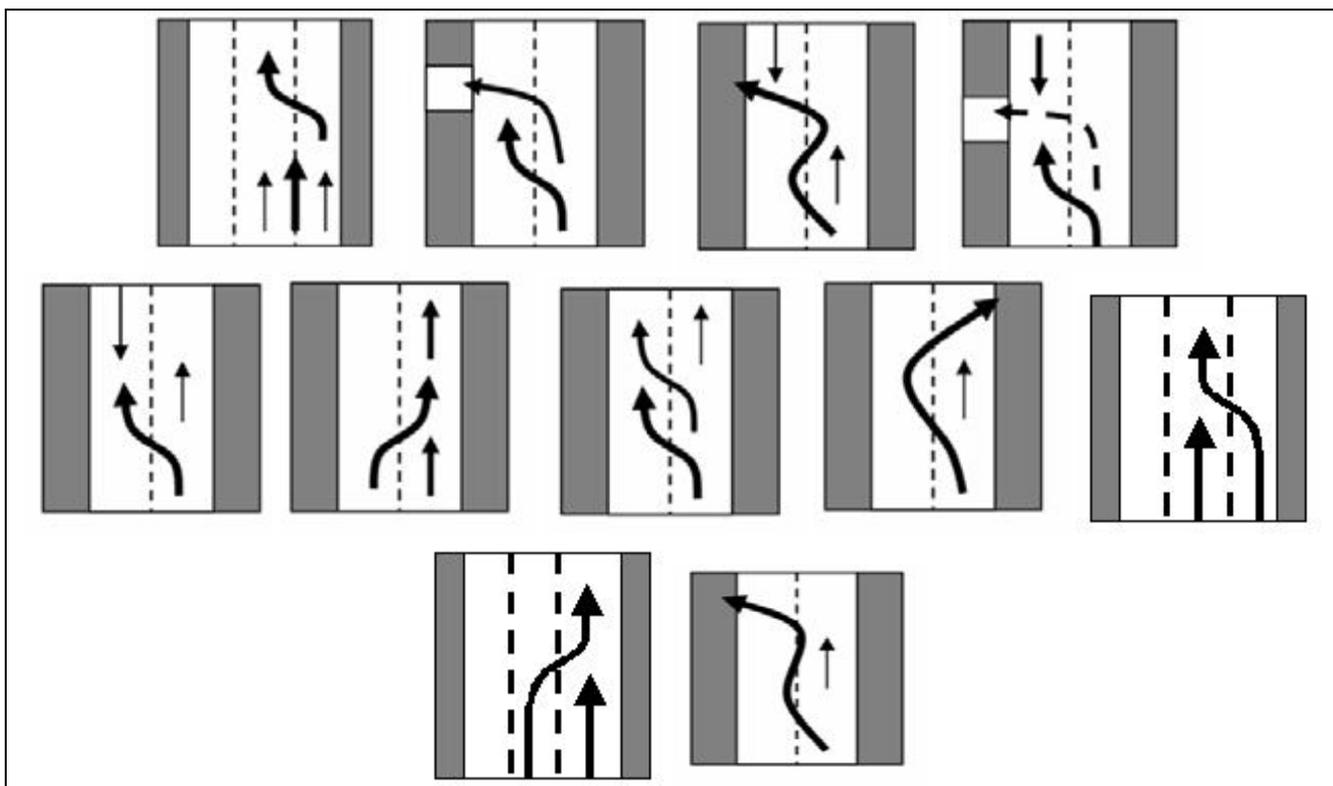

Рис. 2. Конфигурация ДТП из-за нарушения маневра при смене полосы движения при обгоне

В числе мер, направленных на снижение числа ДТП, совершаемых при осуществлении маневра при смене полосы движения, нужно указать следующие:

- сосредоточение внимания на состоянии дорожного покрытия (часто причиной неправильного маневра при смене полосы движения является потеря транспортным средством сцепления с дорогой);
- поддержание состояния дорожной инфраструктуры в соответствии с существующими и ожидаемыми транспортными потоками;

— совершенствование опыта вождения посредством регулярного прохождения переподготовки.

Приведенный нами перечень детерминантов совершения ДТП водителями транспортных средств, осуществляющих грузовые перевозки, не является исчерпывающим. Однако полагаем, что, если сосредоточить внимание даже на этих причинах и условиях и устранить их, количество ДТП с участием такого транспорта существенно снизится.

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2020 год: информ.-аналит. обзор. Москва: НЦ БДД МВД России, 2021. 79 с.

1. Road traffic accidents in the Russian Federation for 2020. Information-analytical review. Moscow: Scientific Centre for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2021: 79. (In Russ.).

2. Стрилец О. В., Семенов Г. М., Пшеничкин А. А. Дорожно-транспортные происшествия с участием пешеходов: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 48—56.

3. Семенов Г. М., Чхвимиани Э. Ж. Применение инновационных технологий в целях предупреждения дорожно-транспортных происшествий на территории Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 62—69.

4. Пугачев И. Н. Организация и безопасность движения: учеб. пособие. Хабаровск: Изд-во Хабаровского гос. тех. ун-та, 2004. 232 с.

5. Крапивина Е. А., Попова С. Ю., Качинский Ю. Р. Безопасность транспортного процесса: учеб. пособие. Челябинск: Южно-Уральский технолог. ун-т, 2021. 78 с.

6. Зелинский Я. Факторы, обуславливающие существование безопасного для граждан государства // Вестник Московского областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 110—115.

Семенов Григорий Михайлович,
заместитель начальника
кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
grigorii_001@mail.ru

Базулина Анна Анатольевна,
доцент кафедры педагогики
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России
им. В. Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук;
anna.bazulina@mail.ru

Четвероус Алексей Николаевич,
старший преподаватель кафедры
огневой и физической подготовки
Волгодонского филиала Ростовского
юридического института МВД России;
n431vk@mail.ru

Кокарева Елена Валерьевна,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Международного юридического института,
кандидат юридических наук, доцент;
lenok7979@mail.ru

2. Striletz O. V., Semenenko G. M., Pshenichkin A. A. Road traffic accidents involving pedestrians: criminal law and criminological aspects. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 48—56, 2019. (In Russ.).

3. Semenenko G. M., Chkhvimiani E. J. Application of innovative technologies in order to prevent road traffic accidents in the territory of the Russian Federation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 62—69, 2018. (In Russ.).

4. Pugachev I. N. Organization and traffic safety. Study guide. Khabarovsk: Publishing house of Khabarovsk State Technical University; 2004: 232. (In Russ.).

5. Krapivina E. A., Popova S. Yu., Kachinsky Yu. R. Security of the transport process. Study guide. Chelyabinsk: South Ural University of Technology; 2021: 78. (In Russ.).

6. Zielinsky J. Factors causing the existence of a safe state. Bulletin of the Moscow region state university. Series: Jurisprudence, 110—115, 2019. (In Russ.).

Semenenko Grigory Mikhailovich,
deputy head of the department of criminalistics
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
grigorii_001@mail.ru

Bazulina Anna Anatolievna,
associate professor at the department
of the training and scientific complex
of the psychology of official activity
of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of pedagogical sciences;
anna.bazulina@mail.ru

Chetverous Alexey Nikolaevich,
senior lecturer at the department
of fire and physical training
of Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
n431vk@mail.ru

Kokareva Elena Valerievna,
associate professor at the criminal law disciplines
of the International Law Institute,
candidate of juridical sciences, docent;
lenok7979@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.06.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 22.06.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.91

doi: 10.25724/VAMVD.A016

**ЛИЧНОСТЬ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПРЕСТУПНИКА,
СКЛОННОГО К СОВЕРШЕНИЮ ПОБЕГА
ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Олеся Николаевна Стародубцева

Воронежский институт ФСИН России, Воронеж, Россия, lsstar189@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется структура личности осужденного, склонного к побегу из мест лишения свободы, исходя из его социально-демографических, уголовно-правовых, нравственно-психологических и биофизиологических свойств и качеств. Изучение элементов структуры личности такого преступника позволяет составить усредненный портрет — собирательный образ, используемый в дальнейшем для определения наиболее подходящих профилактических мер воздействия на нарушителей закона.

С помощью другого способа изучения личности преступника — типологии — автор выявляет наиболее характерные типы пенитенциарных преступников, склонных к побегу из мест лишения свободы. В статье рассматриваются две наиболее приемлемые типологии, подходящие для пенитенциарных преступников — типология, составленная в зависимости от характера взаимодействия ситуации, в которой совершено преступление, и личности преступника, и типология, сформированная исходя из побудительных мотивов к совершению преступления. Изучение типологий осужденных, склонных к совершению побега из мест лишения свободы, позволило автору составить криминологическую модель таких пенитенциарных преступников.

Правильная оценка и учет наиболее распространенных характеристик пенитенциарных преступников, склонных к побегу из мест лишения свободы, могут оказать помощь личному составу уголовно-исполнительной системы в определении направлений профилактического воздействия на осужденных.

Ключевые слова: пенитенциарные преступники, личность осужденного, конвоирование, профилактическая работа

Для цитирования: Стародубцева О. Н. Личность пенитенциарного преступника, склонного к совершению побега из мест лишения свободы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 37—43. doi: 10.25724/VAMVD.A016

**PERSONALITY OF PENITENTIARY CRIMINAL
PRONE TO ESCAPE FROM PLACES OF IMPRISONMENT**

Olesya Nikolaevna Starodubtseva

Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Voronezh, Russia, lsstar189@gmail.com

Abstract. The article examines the personality structure of a convict prone to escape from places of imprisonment, based on his socio-demographic, criminal law, moral-psychological and biophysiological properties and qualities. Studying the elements of the personality structure of such a criminal makes it possible to draw up an average portrait — a collective image used in the future to determine the most suitable preventive measures to influence violators of the law.

With the help of another way of studying the personality of the criminal — typology — the author identifies the most characteristic types of penitentiary criminals who are prone to escape from places of imprisonment. The article considers the two most acceptable typologies suitable for penitentiary criminals — a typology compiled depending on the nature of the interaction of the situation in which the crime was committed, and the personality of the offender and a typology formed based on the incentive to commit the crime. The study of typologies of convicts prone to escape from places of imprisonment allowed the author to draw up a criminological model of such penitentiary criminals.

Correct assessment and accounting of the most common characteristics of penitentiary criminals prone to escape from places of imprisonment can assist the personnel of the penal system in determining the directions of preventive impact on convicts.

Keywords: prison offenders, convict identity, convoy, preventive work

For citation: Starodubtseva O. N. Personality of penitentiary criminal prone to escape from places of imprisonment. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 37—43, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A016

В криминопенологии большое внимание уделяется изучению личности пенитенциарного преступника. Многие ученые предлагали собственные трактовки данного термина. Наиболее удачным нам видится определение, представленное в работе А. В. Кулакова: «личность пенитенциарных преступников представляет собой один из видов (типов) личности осужденного, который совершил преступление уже после того, как ему был вынесен приговор, и он уже отбывает наказание» [1, с. 176].

Настоящее исследование посвящено изучению личности части пенитенциарных преступников, а именно осужденных, склонных к совершению побега из мест лишения свободы (ст. 313 Уголовного кодекса Российской Федерации).

В местах лишения свободы осужденный находится под воздействием средств исправления, результативность которого определяет весь итог работы уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) в целом. Отсюда вытекает потребность как можно более полно и всесторонне познать личность осужденного — объекта профилактического воздействия, привлекая для этого знания по психологии, психиатрии, философии, социологии, криминологии и другим наукам, чтобы не допустить его побега.

Изучение личности осужденного, от которого можно ожидать побега из мест лишения свободы, состоит, с одной стороны, в анализе его свойств и качеств, а с другой — социальной среды, окружающей его в учреждении УИС. Причины совершения побегов из мест лишения свободы и поведенческие реакции осужденного на совершенное преступление становятся ясны, только если глубоко исследована его личность с учетом всех ее признаков. Условия совершения таких преступлений, как правило, тесно связаны с социальной средой, в которой пребывает осужденный в местах лишения свободы. Здесь проявляется воздействие неформальных социальных групп, в состав которых попадает осужденный, причем особенно важно их социально-психологическое влияние на конкретную личность в условиях учреждения, исполняющего наказания. Отрицать существенное влияние на человека социальной среды при формировании его личности и поведенческих реакций нельзя. К осужденным это относится также в полной мере, поскольку их окружение и социальная среда многократно усиливают влияние на них из-за своей специфики.

Прежде всего, они изолированы, их окружает закрытый коллектив, круг общения у этих лиц узок, они вынуждены подчиняться сложившейся в учреждении преступной иерархии и определяемым ею правилам поведения. Длительное нахождение в условиях изоляции влечет деформацию личности и приобретение определенных качеств.

Личность пенитенциарного преступника формируется путем приобретения набора негативных свойств и качеств, соответствующих демонстрируемому им преступному поведению. Склонный к побегу из мест лишения свободы преступник — это все тот же пенитенциарный преступник, ему свойственны в большинстве случаев те же характеристики, но есть и свои особенности. Изучение структуры личности пенитенциарного преступника, склонного к совершению побега из мест лишения свободы, основывается на анализе его социально-демографических, уголовно-правовых, нравственно-психологических и биофизиологических свойств и иных качеств, позволяет составить его усредненный портрет — собирательный образ, используемый в дальнейшем для определения наиболее подходящих профилактических мер воздействия на этих нарушителей закона [2, с. 26].

К *социально-демографическим* характеристикам относятся пол, возраст, семейное положение, трудоспособность, профессиональные навыки и др.

Согласно статистическим данным Федеральной службы исполнения наказаний России, преобладающее большинство пенитенциарных преступников — это мужчины (93 %), женщины составляют 7 %. К категории лиц, склонных к совершению побега из мест лишения свободы, чаще всего относят представителей молодежной группы осужденных: наибольшее число среди них — 41 % — совершило такие преступления в возрасте от 26 до 35 лет; доля лиц в возрасте от 36 до 55 лет составила 32 %; до 25 лет — 14 %; достигших на момент совершения преступления 56 и более лет — 13 %¹. Похожие сведения приводят и ученые, посвятившие свои исследования проблемам пенитенциарной преступности. По мнению Т. Н. Радочиной и А. Н. Баранова, самыми склонными к побегу, включая

¹ Статистические данные // Федеральная служба исполнения наказаний России: сайт. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 04.05.2022).

побеги при конвоировании, являются молодые осужденные в возрасте от 26 до 35 лет [3, с. 56]¹.

Важную роль в структуре личности пенитенциарного преступника, склонного к совершению побега из мест лишения свободы, играет семейное положение. Как показывают исследования, примерно 60 % таких осужденных либо никогда не состояли в браке, либо были уже в разводе к моменту совершения побега².

Образовательный уровень у осужденных, склонных к совершению побега из мест лишения свободы, невысок. 6,8 % осужденных имели на момент вынесения судом обвинительного приговора начальное образование, 18,8 % — неполное среднее, 42,2 % — среднее образование [4, с. 78]. Следовательно, образовательный уровень осужденных неизбежно отражается на их общей культуре, интересах, статусе. Отрицательные показатели такого уровня порождают в сознании человека, пребывающего в исправительном учреждении, преступные установки, следствием которых становятся новые преступления. Такая личность намного легче усваивает тюремную идеологию.

Что касается *уголовно-правовой* характеристики, то 30 % от общего количества осужденных можно отнести к категории рецидивистов и профессиональных преступников, склонных к совершению побега из мест лишения свободы. Лица, совершившие побег из мест лишения свободы, чаще всего отбывали срок лишения свободы за кражу, грабёж и хулиганство [4, с. 79]. Длительность назначенного срока лишения свободы, судя по результатам научных исследований, тоже коррелирует со склонностью к совершению побега. Так, А. А. Нуждин делает вывод о том, что наиболее подвержены риску побега осужденные, которые отбывают продолжительный срок лишения свободы (более 5 лет) [4, с. 80]. Необходимо учитывать данный факт, уделяя особое внимание осужденным к длительным срокам лишения свободы, из категории рецидивистов.

В структуре личности осужденных, склонных к совершению побега из мест лишения свободы, важным элементом являются *нравственно-психологические* свойства. Значение, в частности, имеют

мировоззрение, ценностные ориентиры, убеждения, пути формирования преступного замысла, способствующие этому факторы. По мнению исследователей, осужденные, склонные к совершению побега, страдают низкой самооценкой, слабым интеллектуальным уровнем, испытывают такое состояние, как отрицательная реакция на окружающий мир. Эти люди не склонны к сочувствию, проявляют агрессию, безразличны к происходящему [5, с. 8].

Психическое состояние осужденного требует учета и пристального внимания. Это особенно относится к лицам, осужденным за тяжкие и особо тяжкие преступления. И не только потому, что совершить подобное деяние сложно человеку без психических отклонений, но и потому, что таким лицам часто назначаются длительные сроки заключения, и риск возникновения у них психических проблем в процессе его отбытия довольно высок. В итоге у них нередко либо формируется новое психическое отклонение, либо обостряется уже имеющееся заболевание [6, с. 120; 7, с. 7]. Сформированное психическое отклонение способствует тому, что негативные личностные качества проявляются у осужденных гораздо быстрее, что отражается на их поведении и создает благодатную почву для преступной деятельности [8; с. 29]. Таким образом, в исправительном учреждении личность осужденного помимо имеющихся у него свойств и качеств дополняется новыми характеристиками. В частности, к ним относятся:

- высокая тревожность;
- оборонительная позиция по отношению ко всем;
- повышенное усвоение негативного опыта среды исправительного учреждения.

Помимо этого определенное влияние на личность пенитенциарного преступника оказывает негласная иерархия преступной среды, существующая в исправительном учреждении. Она характеризуется не только наличием определенных правил поведения, но и требует от осужденного в отдельных случаях нарушения установленных режимом содержания запретов, которое положительно воспринимается среди спецконтингента: если осужденный нарушает режимные требования и оказывается в штрафном изоляторе, то его авторитет внутри сообщества осужденных возрастает; если осужденный участвует в различных мероприятиях, организованных исправительным учреждением, то статус его снижается.

Все перечисленные обстоятельства неизбежно отражаются на свойствах и качествах личности

¹ Баранов А. Н. К вопросу предупреждения правонарушений, связанных с побегами из ИУ, СИЗО и при конвоировании: оперативно-розыскной аспект // Современные научные исследования и инновации. 2019. № 2. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2019/02/88725> (дата обращения: 23.04.2022).

² Баранов А. Н. К вопросу предупреждения правонарушений, связанных с побегами из ИУ, СИЗО и при конвоировании: оперативно-розыскной аспект.

пенитенциарного преступника, объединенных в его усредненный портрет.

А. В. Кулаков в своем исследовании также попытался сформулировать обобщенное представление об осужденном, однако основное внимание он сосредоточил на лицах с психическими отклонениями, которые проявились в повышенной побеговой активности и направленности личности на совершение иных преступлений:

«— это лицо мужского пола, довольно молодой, поскольку его возраст не превышает 35 лет,

— его образование не выше среднего специального, зачастую оно получено за решеткой,

— до попадания в места лишения свободы определенного рода занятий не имел,

— место проживания — город,

— семьи и детей не имеет,

— воспитание протекало в неблагополучной семье,

— генетически предрасположен к алкоголизму,

— находится в колонии строгого режима, поскольку совершил умышленное тяжкое преступление,

— судим неоднократно,

— в тюремной субкультуре имеет нейтральный либо низкий статус,

— часто нарушает режим учреждения,

— не трудоустроен, задействован лишь в хозяйственных работах,

— до попадания в исправительное учреждение мог состоять на учете психоневрологического диспансера,

— плохо привыкает к условиям учреждения,

— часто конфликтует,

— агрессивен» [1, с. 29].

Исходя из представленных описаний, можем сделать вывод о том, что наши результаты в целом совпадают с мнением других ученых. Однако есть некоторые отличия. Обобщая все описанные нами характеристики личности осужденных, склонных к совершению побега из мест лишения свободы, можно сформулировать *усредненный портрет личности такого преступника*: это мужчина в возрасте от 26 до 35 лет, не состоящий в браке, имеющий среднее образование, относящийся к категории рецидивистов и профессиональных преступников, отбывающий продолжительный срок лишения свободы за кражу, грабеж или хулиганство, страдающий низкой самооценкой, слабым интеллектуальным уровнем, испытывающий такое состояние, как отрицательная реакция на окружающий мир, не имеющий сочувствия к окружающим, проявляющий агрессию, безразличный к происходящему,

у которого диагностировано психическое отклонение, не ограничивающее его вменяемости.

Усредненный портрет личности осужденных, склонных к совершению побега из мест лишения свободы, — это абстрактный собирательный образ, набор качеств, который может никогда не встретиться у одного человека. Вместе с тем, даже при наличии всех этих характеристик у одного осужденного, нельзя однозначно утверждать, что он непременно совершит преступление. Усредненный портрет — это лишь вспомогательный ориентир, позволяющий более или менее точно определить контингент, подлежащий профилактическому воздействию. Таким образом, весь набор личностных характеристик пенитенциарного преступника оказывает влияние на потенциальную возможность совершения им преступления. Проявляются же эти личные свойства во многом под влиянием особой социальной среды исправительного учреждения. Личный состав УИС должен уделять указанной группе осужденных особое внимание, проявляя повышенную наблюдательность и готовность пресечь противоправное поведение.

Не менее информативными свойствами обладает другой способ изучения личности осужденных, склонных к совершению побега из мест лишения свободы, — *типология* пенитенциарных преступников, т. е. условное разделение их свойств и качеств на однородные группы по существенному признаку.

Наиболее удачной типологией в российской криминологии является типология А. И. Долговой, составленная *в зависимости от характера взаимодействия ситуации, в которой совершено преступление, и личности преступника* [9, с. 378]. Этот вид группировки часто используется учеными в качестве способа поиска особенностей личности различных преступников. Так, Т. Н. Радочина, руководствуясь типологией А. И. Долговой, определила следующие характеристики, присущие пенитенциарным преступникам [3, с. 56]:

1. *Последовательно-криминогенный тип* пенитенциарных преступников — это лица с устойчивыми отрицательными свойствами и качествами, многократно судимые, совершавшие в прошлом тяжкие или особо тяжкие преступления, практически не поддающиеся исправлению, поскольку преступная деятельность для них, как правило, является их профессией. Профилактические меры в отношении них дают малый результат. С ними должна проводиться длительная интенсивная профилактическая работа индивидуального характера.

2. *Ситуативно-криминогенный тип* пенитенциарных преступников — это лица, чаще всего совершившие умышленные хорошо спланированные и подготовленные преступления. Они лучше поддаются профилактическому воздействию, чем последовательно-криминогенные, поскольку в их личности присутствуют положительные свойства.

3. *Ситуативный тип* пенитенциарных преступников — это лица, совершившие в большинстве случаев спонтанные преступления, без предварительной подготовки, под воздействием внешней ситуации, оказавшей на них сильное психоэмоциональное влияние. В целом они склонны к законопослушному поведению, их личность характеризуется общей положительной направленностью.

Оценивая перечисленные типы осужденных с позиций их склонности к совершению побега из мест лишения свободы, можно с уверенностью сказать, что наибольшую предрасположенность демонстрирует первый тип — последовательно-криминогенный. И подтверждение нашим выводам мы находим в научных работах других авторов, например Ж. Я. Резника [10, с. 57].

Следующая типология, которую используют криминологи для оценки преступного поведения личности, принадлежит Ю. М. Антоняну [11, с. 92—93] и сформирована исходя из *побудительных мотивов к совершению преступления*. Исследователи пенитенциарной преступности сходятся во мнении, что основными мотивами к совершению побега из мест лишения свободы у осужденных выступают пренебрежение установленными правилами, неподчинение и неуважение к государственной воле (престижный мотив) [12, с. 37]. Осужденный, отбывающий наказание, связанное с лишением свободы, ранее уже продемонстрировавший нежелание соблюдать установленные в государстве запреты, вновь нарушает требования режима, сопровождая свои действия повышенной агрессией.

Действительно, многие осужденные, находящиеся в исправительных учреждениях, хотя и характеризуются негативной социальной направленностью, но не склонны к побегу, будучи лишеными свободы. Выявляя мотивы совершения побега из мест лишения свободы, важно установить связь содеянного с прежним опытом осужденного и всеми элементами структуры его личности. Исследователи при этом отмечают крайне слабое стремление осужденных, склонных к совершению побега из мест лишения свободы, к самоанализу своего поведения. Они часто не могут четко сформулировать, что именно побудило их к выбору определенного вари-

анта поведения, называют внешние, поверхностные, незначительные факторы. Так, осужденный может в качестве мотива побега назвать клевету со стороны сотрудников УИС, но объяснить причинно-следственную связь между «оговором» и принятием решения об оставлении места отбывания наказания он в большинстве случаев не в состоянии [13, с. 45]. Накопленный опыт знаний в области психологии осужденных позволяет ученым систематизировать некоторые характеризующие личность особенности, которые требуют учета при организации профилактической работы, направленной на недопущение побегов. Обязательному изучению в этом случае подлежит:

— вид преступлений, за которые осужденный был лишен свободы и которые совершал уже будучи под стражей;

— отношение осужденного к содеянному и к постановленному судом приговору;

— наличие криминальных связей у осужденного, единоличный или групповой характер его преступной деятельности;

— наличие психоэмоциональных травмирующих обстоятельств, спровоцировавших осужденного к совершению преступления (например, проблемы в семье);

— адаптивность, способность приспособиться к ситуации [3, с. 80].

Изучение типологий осужденных, склонных к совершению побега из мест лишения свободы, позволяет нам составить *криминологическую модель* таких пенитенциарных преступников — это представители последовательно-криминогенного типа, т. е. лица с устойчивыми отрицательными свойствами и качествами, многократно судимые, совершавшие в прошлом тяжкие или особо тяжкие преступления, являющиеся профессиональными преступниками, основными мотивами к совершению побега из мест лишения свободы у которых выступают пренебрежение установленными правилами, неподчинение и неуважение к государственной воле — престижный мотив.

Анализ личностных характеристик осужденных к лишению свободы с учетом усредненного портрета и криминологической модели наиболее типичных преступников данного вида позволит сотрудникам УИС качественнее прогнозировать варианты индивидуального преступного поведения спецконтингента, предотвращать попытки нарушения режима содержания на самой ранней стадии, грамотно выстраивать профилактическую работу.

1. Кулаков А. В. Предупреждение преступного поведения осужденных с психическими девиациями в местах лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2019. 209 с.

2. Алексеева А. П. Криминология. Особенная часть: учеб.-метод. пособие. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2007. 128 с.

3. Радочина Т. Н., Белов В. И. Криминологическая характеристика личности осужденного, совершившего преступление при отбывании лишения свободы в тюрьме // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 2. С. 55—58.

4. Нуждин А. А. Характеристика личностных свойств осужденного, совершившего побег из исправительного учреждения // Вестник Московского университета МВД. 2015. № 5. С. 78—80.

5. Акчурин А. В. Типичный пенитенциарный преступник: от криминологии к криминалистике // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1. С. 80—87.

6. Чернышкова М. П., Дебольский М. Г., Дегтярева О. Л. Социально-психологический анализ побеговых ситуаций в учреждениях УИС // Прикладная юридическая психология. 2015. № 4. С. 119—127.

7. Копыткин С. А. Социально-значимые заболевания осужденных как фактор, влияющий на их преступную деятельность. Особенности расследования таких преступлений // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 5. С. 6—9.

8. Перемолотова Л. Ю. О личности осужденных, совершивших преступление в условиях исправительного учреждения // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 2. С. 27—30.

9. Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. 1008 с.

10. Резник Ж. Я. Значение профилактической работы с лицами, склонными к побегу // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы: сб. материалов Междунар. науч.-практ. межведомств. конф. (19—20 октября 2016 г.). Воронеж: Науч. кн., 2016. С. 56—59.

11. Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. Москва: Логос, 2004. 448 с.

12. Николаенко М. А. Криминологическая характеристика преступности в местах лишения свободы // Актуальные исследования. 2020. № 2 (5). С. 36—39.

13. Стародубцева О. Н. Проблемы предупреждения преступлений, совершаемых осуж-

1. Kulakov A. V. Prevention of criminal behavior of convicts with mental deviations in places of imprisonment. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Samara; 2019: 209. (In Russ.).

2. Alekseeva A. P. Criminology. Special part. Educational and methodological manual. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2007: 128. (In Russ.).

3. Radochina T. N., Belov V. I. Criminological characterization of the personality of a convict who committed a crime while serving imprisonment in prison. Criminal executive law, 55—58, 2010. (In Russ.).

4. Nuzhdin A. A. Characteristic of the personal properties of a convict who escaped from a correctional institution. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs, 78—80, 2015. (In Russ.).

5. Akchurin A. V. Typical penitentiary criminal: from criminology to criminalistics. Legal science and law enforcement practice, 80—87, 2015. (In Russ.).

6. Chernyshkova M. P., Debolsky M. G., Degtyareva O. L. Socio-psychological analysis of escape situations in institutions of the penal enforcement system. Applied legal psychology, 119—127, 2015. (In Russ.).

7. Kopytkin S. A. Socially significant diseases of convicts as a factor affecting their criminal activities. Features of the investigation of such crimes. Vedomosti of the penal system, 6—9, 2017. (In Russ.).

8. Peremolotova L. Yu. On the identity of convicts who committed a crime in a correctional institution. Criminal executive law, 27—30, 2013. (In Russ.).

9. Criminology. Textbook. General ed. A. I. Dolgova. 4th ed., rev. and add. Moscow: Norma: INFRA-M; 2020: 1008. (In Russ.).

10. Reznik Zh. Ya. Significance of preventive work with persons prone to escape. In: Technique and safety of objects of the penal system. Collection of materials of International scientific practice inter-agency conference, 19—20 October 2016. Voronezh: Scientific Book; 2016: 56—59. (In Russ.).

11. Antonyan J. M. Criminology. Selected lectures. Moscow: Logos; 2004: 448. (In Russ.).

12. Nikolaenko M. A. Criminological characterization of crime in places of imprisonment. Actual research, 36—39, 2020. (In Russ.).

13. Starodubtseva O. N. Problems of preventing crimes committed by convicts and persons detained during escort. In: Technique and safety of objects of the penal system. Collection of materials from the International scientific and practical conference,

денными и лицами, заключенными под стражу при конвоировании // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (18—19 мая 2022 г.) / Воронежский институт ФСИН России. Воронеж: Науч. кн., 2022. С. 43—49.

Стародубцева Олеся Николаевна,
доцент кафедры уголовно-исполнительного
и уголовного права
Воронежского института ФСИН России,
кандидат юридических наук;
lsstar189@gmail.com

18—19 May 2022. Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Voronezh: Scientific Book; 2022: 43—49. (In Russ.).

Starodubtseva Olesya Nikolaevna,
associate professor at the department
of criminal executive and criminal law
of the Voronezh Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
candidate of juridical sciences;
lsstar189@gmail.com

Статья поступила в редакцию 27.06.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 27.06.2022; approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.91-053.6
doi: 10.25724/VAMVD.A017

**РАЗВИТИЕ ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК НАПРАВЛЕНИЕ
ПРОФИЛАКТИКИ ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

Наталья Сергеевна Сысолина*, **Анна Васильевна Кушнарева****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, kindgirl-natalie@yandex.ru

** Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, akushnareva@mvd.ru

Аннотация. В настоящей статье автор рассматривает проблему организации и обеспечения досуга несовершеннолетних в качестве одного из детерминантов подростковой преступности. Приведены аргументы, доказывающие, что ввиду неустойчивости эмоционально-волевой сферы подростков отсутствие их продуктивной занятости во внеучебное время носит криминогенный характер, формирует у них антиобщественные установки, тормозит развитие культурно-нравственных ценностей и при определенных условиях приводит к проявлению крайней формы негативного девиантного поведения — совершению преступлений.

Сделан вывод, что одним из направлений профилактики преступности несовершеннолетних как первого этапа ее предупреждения является развитие досуговой деятельности подрастающего поколения во внеучебное время.

В статье рассмотрено законодательное регулирование данного вопроса на международном и федеральном уровнях, обозначены основные обязанности органов системы профилактики безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних в этом направлении.

Авторами также проанализированы проблемы, возникающие в связи с обеспечением полезного досуга подростков, среди которых обозначены: отсутствие надлежащего финансирования и обеспечения материально-техническими ресурсами за счет бюджетных средств; недостаток рабочих мест и форм занятости, учитывающих интересы современного подрастающего поколения; пробелы в мотивационной сфере. По итогу рассмотренных проблем предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, подростковая преступность, предупреждение преступности, профилактика преступности, детерминанты преступности, причины и условия преступности, досуговая занятость

Для цитирования: Сысолина Н. С., Кушнарева А. В. Развитие досуговой деятельности несовершеннолетних как направление профилактики подростковой преступности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 44—50. doi: 10.25724/VAMVD.A017

**DEVELOPMENT OF LEISURE ACTIVITIES OF JUVENILES AS A DIRECTION
OF PREVENTION OF TEENAGE CRIME**

Nataliya Sergeevna Sysolina*, **Anna Vasilievna Kushnareva****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, kindgirl-natalie@yandex.ru

** Voronezh Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Voronezh, Russia, akushnareva@mvd.ru

Annotation. In this article, the author considers the problem of organizing and ensuring the leisure of minors as one of the determinants of teenage crime. Arguments are given that, in view of the instability of the emotional and volitional sphere of adolescents, the absence of their productive engagement during extracurricular time is of a criminogenic nature, forms antisocial attitudes in them, inhibits the development of cultural and moral values and, under certain conditions, leads to the manifestation of an extreme form of negative deviant behavior — committing crimes.

It is concluded that one of the directions for the prevention of teenage crime as the first stage of its prevention is the development of leisure activities of the younger generation during extracurricular time.

The article considers the legislative regulation of this issue at the international and federal levels, identifies the main responsibilities of the organs of the system for the prevention of neglect and homelessness of minors in this direction.

The authors also analyzed the problems that arise in connection with the provision of useful leisure for adolescents, among which are: lack of adequate funding and provision of material and technical resources at the expense of budgetary funds; lack of jobs and forms of employment that take into account the interests of the modern younger generation; gaps in the motivational area. Based on the results of the problems considered, ways to solve them are proposed.

Keywords: juvenile crime, teenage crime, crime prevention, crime prevention, determinants of crime, causes and conditions of crime, leisure engagement.

For citation: Sysolina N. S., Kushnareva A. V. Development of leisure activities for minors as a way of preventing juvenile delinquency. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 44—50, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A017

Пороки развития социальной сферы в любом государстве приводят к регрессу как всего общества, так и отдельного индивидуума. Недостатки принимаемых решений в этой области влекут за собой социальную напряженность и конфронтацию, упадок культурного и правового воспитания, а также повышение негативной девиантной активности уязвимых слоев населения — в частности, подрастающего поколения. Наиболее опасной формой такой девиации выступает преступность несовершеннолетних, которую в настоящей статье предлагается именовать также подростковой преступностью и под которой подразумевается социальное, негативное, правовое, способное к расширенному воспроизводству явление, представляющее собой совокупность преступлений, совершенных лицами в возрасте от 14 до 18 лет, на определенной территории за некий период.

Многие исследователи преступности данного вида в качестве главных ее причин и условий определяют именно социальные проблемы: потеря авторитетности молодежных организаций, духовное обеднение, безработица и т. п. Однако комплекс детерминант, обуславливающих преступность несовершеннолетних, представлен и другими криминогенными факторами: негативное воздействие ближайшего круга общения, пробелы в воспитании со стороны родителей и образовательных организаций, отрицательное влияние сети Интернет и пр.

В свою очередь, Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов одной из причин подростковой преступности назвал упущения в организации профилактической работы в учреждениях образования, органах опеки и попечительства, комиссиях по делам несовершеннолетних¹. Очевидно, что подобная профилактическая работа

должна включать в том числе эффективную организацию досуговой занятости подростков, которая бы превратила свободное от учебы время в условие для саморазвития, а не для деградации личности ребенка с последующими преступными последствиями.

Как отмечает А. А. Беженцев, «досуг несовершеннолетних — это своеобразный потенциал общества завтрашнего дня, ибо именно от того, как человек научится организовывать свой досуг в детские годы, зависит наполненность всей его дальнейшей взрослой жизни» [1, с. 70]. Также справедливо мнение, что упущение в организации успешной деятельности ребенка еще на ранней стадии развития, когда ярко начинают проявляться его потребности в какой-либо самостоятельной занятости, может привести к дальнейшим отклонениям в поведении [2, с. 29].

Данные тезисы находят свое отражение на практике и подтверждаются работой центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел (далее — ЦВСНП), в обязанности которых входит установление обстоятельств, причин и условий, способствующих совершению подростками общественно опасных деяний, и проведение с ними профилактической работы. Так, при приеме каждого несовершеннолетнего правонарушителя составляется индивидуальная анкета, в которой, помимо прочего, отражаются сведения о его интересах и досуговой занятости².

Согласно исследованию, проведенному О. А. Дорожкиной и Т. В. Хромовой, доля доставляемых в ЦВСНП подростков, которые имеют неустойчивую позицию в отношении к учебе, школе, спортивной секции, составляет 52—64 %. А интересы тех из них, кто все же занят организованным досугом (11 %), ограничиваются силовыми и боевыми видами спорта, восточными единоборствами, иногда — тех-

¹ Координационное совещание по вопросам профилактики, выявления, пресечения и расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении их // Генеральная прокуратура РФ: офиц. сайт. 2022. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=56752099> (дата обращения: 22.05.2022).

² О совершенствовании деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей: приказ МВД России от 1 сентября 2012 г. № 839. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ническими кружками. Среди несовершеннолетних лиц, уже вставших на противоправный путь поведения и имеющих криминологический рецидив, доля охваченных досугом подростков оказалась нулевой. Вместе с тем лиц с литературными, эстетическими и художественными интересами среди этих категорий выявлено не было [3, с. 251].

Очевидно, что у значительной части несовершеннолетних, не занятой продуктивным досугом, происходит сужение круга интересов и появляется больше свободного времени. В силу своего возраста, неустойчивой эмоционально-волевой сферы подростки склонны находить деструктивные развлечения в уличных компаниях, употреблении алкоголя, наркотиков, компьютерных играх и социальных сетях. В свою очередь, это приводит к низкому уровню развития, появлению антиобщественных установок и совершению противоправных деяний.

Таким образом, одним из детерминантов преступности несовершеннолетних на современном этапе выступают недостатки их досуговой занятости. Соответственно, чтобы минимизировать влияние данного обстоятельства, действующего в связке с иными криминогенными факторами, государство и общество должны осуществлять целенаправленную предупредительную деятельность, состоящую в принятии комплекса общесоциальных и специально-криминологических мер. Применительно к рассматриваемой проблеме представляется, что воздействие на досуг несовершеннолетних является направлением первого этапа предупреждения преступности данного вида — профилактики, которая, собственно, и состоит в принятии мер по выявлению и устранению ее причин и условий.

О необходимости обеспечения со стороны государства и общества несовершеннолетних полноценной досуговой занятостью, включающей дополнительное образование, добровольный труд и конструктивные развлекательные мероприятия, говорит также международное законодательство. Так, резюмируя положения ст. 13 и 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., принципа 7 Декларации прав ребенка 1959 г., ст. 31 Конвенции о правах ребенка 1989 г., ст. 10 и 29 Руководящих принципов Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности несовершеннолетних 1990 г., можно заключить, что несовершеннолетние имеют право не только на образование, но и на доступ к таким досуговым (трудовым и развлекательным) мероприятиям, которые способствуют комплексному развитию личности, интеграции их в социум и проявлению своих способностей, возвращают чувство ответственности и соци-

ального долга. Государство, в свою очередь, должно поощрять стремление подростков заниматься полезной деятельностью, минимизируя тем самым риски развития негативного девиантного поведения.

Российское законодательство в полной мере отражает указанные положения международно-правовых актов и возлагает функции обеспечения несовершеннолетних просветительским досугом, отдыхом, полезной занятостью и трудом на органы, осуществляющие управление в сфере образования, организации, ведущие образовательную деятельность, органы и их учреждения по делам молодежи, а также органы службы занятости¹. Например, образовательные учреждения должны обеспечивать организацию общедоступных кружков, секций спортивной, технической и иной направленности и привлекать к участию в них лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста. В отношении же подростков с негативно отклоняющимся поведением, с которыми проводится индивидуальная профилактическая работа, органы внутренних дел совместно с вышеуказанными субъектами аналогично обязаны решать вопросы организации обучения, труда, оздоровительного отдыха и досуга².

Однако на практике с полноценной реализацией указанных положений закона возникает немало сложностей. Рассмотрим основные причины, по которым обеспечение подростков продуктивным досугом часто не организовано на должном уровне и не достигает своих целей.

Одной из проблем является недостаток обеспечения и организации именно бесплатной досуговой деятельности несовершеннолетних. Так, в большинстве российских школ внеурочная занятость учеников часто организована недостаточно, бюджетные занятия предусмотрены в малом количестве, не в каждом образовательном учреждении и охватывают преимущественно начальные классы. В то время как наиболее склонная к совершению правонарушений категория несовершеннолетних, приближающихся или уже достигших возраста уголовной ответственности, остается без должного внимания и контроля со стороны институтов социализации.

¹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 (ред. от 31.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Анализ рынка дополнительного образования детей показал, что в 2016—2020 гг. численность учреждений дополнительного образования в Российской Федерации, под которым понимается неформальное образование, связанное с индивидуальным развитием ребенка в культуре, которое он выбирает сам (или с помощью взрослого), в соответствии со своими желаниями и потребностями, сократилась на 20,9 % за счет бюджетного сектора, в котором происходит оптимизация финансирования госучреждений¹.

В 2020 г. на ситуацию частично повлиял приказ Минпросвещения Российской Федерации, регулирующий вопросы организации образовательной деятельности в условиях распространения новой коронавирусной инфекции, который предусмотрел электронную форму работы с обучающимися². Формально объем дистанционного сектора дополнительного образования детей в стране увеличился с наиболее интенсивным приростом во время карантина, но произошло это преимущественно за счет перевода в онлайн-формат тех организаций, которые уже имели свой контингент учащихся.

Стоимость дополнительного обучения и занятий при этом регулярно увеличивается: удельный вес услуг, оказываемых на коммерческой основе, вырос с 54 до 62 %, количество обучающихся же почти не изменилось. Социологические опросы родителей несовершеннолетних из 84 регионов страны также показали, что в России с каждым годом все больше кружков и секций становятся платными, и значительная часть российских детей сегодня не посещают никаких дополнительных занятий. В 28 % случаев это связано именно с тем, что бюджет семьи не предусматривает таких затрат³. Особенно пла-

чевная ситуация складывается в сельской местности, где недостаток финансирования, развитой инфраструктуры и доступа к дополнительному образованию, спорту и саморазвитию подростков способствует формированию у них антиобщественных установок.

Об этом же свидетельствует криминогенная обстановка в регионах. К примеру, по итогам 2020 г. в Новгородской области почти на ¼ (24,1 %) выросло общее количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, на 40 % — преступлений, совершенных ими в состоянии алкогольного опьянения, и на 7,5 % — количество несовершеннолетних рецидивистов. Регион стал одним из лидеров по удельному весу подростков в расчете от общего числа выявленных лиц, совершивших преступления, на территории Российской Федерации и в 2021 г.

В то же время региональным законодательством Новгородской области в области профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних уделено внимание вопросам организации их досуга и обеспечения возможности трудоустройства⁴. Однако традиционным фактором риска при этом указан экономический, предусматривающий недостаток финансирования или задержки запланированных мероприятий государственной программы, который может повлечь увеличение числа преступлений, совершаемых подростками, и снижение количества лиц, вовлеченных в систему дополнительного образования.

Аналогичное положение дел наблюдается и в других регионах страны, что еще раз подтверждает вывод о наличии проблемы экономического обеспечения и финансирования досуга несовершеннолетних.

В указанном выше анализе рынка дополнительного образования специалисты видят и другую проблему. Так, большим вызовом для указанного сектора на территории Российской Федерации является не только отсутствие широких видов досуга для подростков, финансируемых за счет бюджетных средств, но и необязательный характер дополнительных занятий, права на доступ к которым не гарантированы государством.

---

vse-bolshe-kruzhkov-i-sekciy-dlya-detey-stanovyatsya/ (дата обращения: 25.07.2022).

⁴ О государственной программе Новгородской области «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Новгородской области на 2021—2025 годы: постановление правительства Новгородской области от 15 февраля 2021 г. № 33. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

¹ Анализ рынка дополнительного образования детей в России в 2016—2020 гг., оценка влияния коронавируса и прогноз на 2021—2025 гг. // ООО «БизнесСтат»: [сайт]. С. 14. URL: https://businessstat.ru/images/demo/additional_educational_of_children_russia_demo_businessstat.pdf (дата обращения: 25.07.2022).

² Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы начального общего, основного общего и среднего общего образования, образовательные программы среднего профессионального образования, соответствующего дополнительного профессионального образования и дополнительные общеобразовательные программы, в условиях распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации: приказ Минпросвещения России от 17 марта 2020 г. № 104. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Опрос ОНФ показал, что в России все больше кружков и секций для детей становятся платными // Общероссийский народный фронт: офиц. сайт. URL: <https://onf.ru/2019/05/23/opros-onf-pokazal-chto-v-rossii->

Удачным решением на этом фоне выглядит положение федеральных государственных образовательных стандартов начального, основного и среднего общего образования о внеурочной деятельности образовательных организаций, согласно которому последняя входит в состав образовательной программы и носит такой же обязательный характер, как и урочная, обязывая несовершеннолетних посещать предусмотренные школой мероприятия¹.

На практике же реализация данной нормы сопряжена с большими сложностями, основные из которых — отсутствие необходимых помещений (поскольку школы работают в режиме нескольких учебных смен), педагогических, материально-технических и, главное, финансовых ресурсов. Все это затрудняет соблюдение другого требования, согласно которому план внеучебной деятельности образовательной организации должен составляться с учетом индивидуальных особенностей и потребностей учащихся, превращая посещение несовершеннолетними указанных мероприятий в еще одну повинность.

Следующим обстоятельством, препятствующим широкой занятости несовершеннолетних в свободное от учебы время, является их банальная незаинтересованность в том, что предлагает государство и общество. Актуальным становится вопрос изучения современных предпочтений подрастающего поколения, результаты которых должны использоваться при принятии целевых программ и стратегий развития молодежной политики.

Так, одно из исследований говорит о том, что несовершеннолетние предпочитают новые, часто опасные, экстремальные виды досуга, предусматривающие риск и хорошую физическую подготовку (скайукинг, диггерство, сталкерство, бейскамбинг, акрострит, паркур) [4, с. 150]. Согласно другим данным, подростки активно ищут способы легального заработка и интересуются онлайн-предпринимательством².

Само собой, та бесплатная досуговая деятельность, которая предоставляется органами власти различных уровней, зачастую не в полной мере учитывает их потребности и не дает возможности

¹ Об участии учеников муниципальных и государственных школ РФ во внеурочной деятельности: письмо Министерства просвещения Российской Федерации от 5 сентября 2018 г. № 03-ПГ-МП-42216. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Исследование: российских подростков больше интересуется в Сети заработок // РИА Новости: офиц. сайт. URL: <https://turbo.ria.ru/20210902/podrostki-1748273659.html> (дата обращения: 25.07.2022).

реализовать свои интересы в специально организованном для них формате. К тому же общее количество трудовых мест, выделяемых несовершеннолетним службами занятости населения на территории Российской Федерации, также не отвечает потребностям молодежи: работы для подростков попросту не хватает [5, с. 28].

Подобная ситуация характерна и для других стран. К примеру, данные опроса свидетельствуют, что одна треть подростков соседней Республики Казахстан в возрасте 14—18 лет также испытывают регулярные трудности с поиском работы³. Вместе с тем в другом исследовании отмечается, что увеличение безработицы всего на 1 % приводит к росту преступности уже на 8 %⁴.

Исходя из вышеизложенного, развитие досуговой деятельности как одно из направлений профилактики преступности несовершеннолетних должно предусматривать следующие мероприятия:

1. Развитие бесплатного дополнительного образования, учреждения которого будут широко финансироваться из средств федерального, регионального и местного бюджетов с особым вниманием к отдаленным сельским районам.

К слову, важность данного подхода подчеркнул в своей речи Президент Российской Федерации В. В. Путин, предложив выделить значительные средства на модернизацию домов культуры, библиотек, музеев в сельской местности, в малых исторических городах России, а также создать президентский фонд культурных инициатив, чтобы поддержать проекты в сфере культуры, искусства и творчества со стороны креативных команд⁵.

Организация таких мероприятий должна при этом охватить как сельскую местность, где остро стоят проблемы отсутствия продуктивного досуга и подростковой преступности, так и крупные города, где более всего сосредоточено население. В случае эффективной реализации данной инициативы в масштабах всей страны и с учетом уже прини-

³ О положении детей в Республике Казахстан за 2019 год: докл. Комитета по охране прав детей Министерства образования и науки Республики Казахстан // Параграф «Юрист»: информ.-правовой портал. URL: <https://online.zakon.kz/m/amp/document/34456750> (дата обращения: 25.07.2022).

⁴ О состоянии и развитии системы образования Республики Казахстан по итогам 2017 года: нац. докл. М-ва образования и науки Республики Казахстан // АО «Информационно-аналитический центр»: офиц. сайт. URL: <https://iac.kz/wp-content/uploads/2021/11/nacjonalnyj-doklad-po-itogam-2017-goda.pdf> (дата обращения: 22.05.2022).

⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

маемых мер по предупреждению преступности несовершеннолетних можно прогнозировать отрицательную динамику данного вида преступности на ближайшие годы.

2. Организация субъектами профилактики безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних досуговой занятости последних с учетом их потребностей и интересов на современном этапе. Работа в данном направлении должна предусматривать и решение проблем с организацией внеурочной деятельности общеобразовательных организаций. Именно такой подход может обеспечить тот уровень заинтересованности подростков, который будет способствовать их интеллектуальному, творческому, физическому, культурно-нравственному, а в последующем и профессиональному развитию.

3. Совершенствование организации трудовой деятельности несовершеннолетних в свободное от учебы время. Отдельной мерой профилактики в данном секторе должно служить совершенствование системы квотирования рабочих мест для несовершеннолетних, которое бы предусматривало как непосредственное увеличение самих рабочих мест, так и расширение сфер деятельности, которыми бы могли заниматься подростки с учетом их интересов: физические нагрузки, наука, творчество, IT-технологии и т. п.

4. Совершенствование механизмов активизации и повышение мотивации несовершеннолетних к занятиям в спортивных секциях, творческих, научных кружках, а также к самостоятельному легальному заработку. В век развития компьютерных технологий именно отсутствие мотивации зачастую становится камнем преткновения на пути подростка к осознанной и продуктивной деятельности в свободное от учебы время, что в дальнейшем нередко приводит к негативному девиантному поведению.

Мерами профилактики в данном случае могут служить:

— более широкое информирование несовершеннолетних со стороны соответствующих органов и учреждений о возможности посещения тех или иных секций, кружков на бюджетной основе, а также законной оплачиваемой работе во время каникул;

— расширение направлений досуговой развивающей деятельности, ориентация на развитие лидерских, творческих и организаторских способностей;

— предоставление рабочих мест с обязательным учетом мнения, интересов и потребностей современного подрастающего поколения.

Подобное включение подростков в досуговую, развивающую деятельность в качестве меры по раннему выявлению и профилактике их девиантного поведения предусматривается также Концепцией развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 г., утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 марта 2017 г. № 520-р.

Предупреждение преступности несовершеннолетних, безусловно, должно строиться на принципе комплексного подхода, включающего меры социально-правового, экономического, политического, идеологического и организационного характера. Однако при всей важности правовых запретов на совершение преступлений воздействие на детерминанты подростковой преступности выглядит наиболее эффективным способом ее профилактики. Именно повышение положительной социальной активности подростков, правильной мотивации, культурного и правового уровня способны существенно снизить показатели преступности несовершеннолетних. Положительные результаты такой работы уже отражены в ежегодной статистике преступлений, совершаемых несовершеннолетними, которая на территории Российской Федерации снижается из года в год. Общее количество таких преступлений уменьшилось с 53 736 в 2016 г. до 31 865 в 2021 г., продолжая снижаться: по состоянию на январь — март 2022 г. оно составляет 13 970, что на 5,7 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года¹.

Таким образом, следует сделать вывод, что чем больше государство заинтересовано в развитии досуговой занятости подростков с одновременно принимаемыми мерами по повышению их мотивации в данном направлении в условиях комплексного предупреждения преступности несовершеннолетних, тем благоприятнее выглядит прогноз преступности данного вида в обозримом будущем.

¹ Состояние преступности в России за январь — июнь 2022 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/29705686/> (дата обращения: 25.07.2022).

1. Беженцев А. А. Устранение причин правонарушений несовершеннолетних путем их вовлечения в культурно-досуговую деятельность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (79). С. 68—72.

2. Вилкова А. В. Причины, условия, предпосылки, факторы возникновения и развития девиантного поведения несовершеннолетних // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 2. С. 28—30.

3. Дорожкина О. А., Хромова Т. В. Характеристика контингента несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСНП // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 9. С. 249—254.

4. Юдина А. И. Досуговые предпочтения современных подростков: предупреждение социальных рисков // Вестник Кемеровского государственного института культуры и искусств. 2017. № 38. С. 146—152.

5. Хисматулина Л. Ф. Проблемы законодательного регулирования трудоустройства несовершеннолетних в РФ // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 4 (15). С. 24—29.

Сысолина Наталья Сергеевна,

преподаватель кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
kindgirl-natalie@yandex.ru

Кушнарёва Анна Васильевна,

заместитель начальника
научно-исследовательского отдела
Воронежского института МВД России,
кандидат юридических наук;
akushnareva@mvd.ru

1. Bezhentsev A. A. Addressing the causes of juvenile delinquency by involving them in cultural and leisure activities. Bulletin of the Saint Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 68—72, 2018. (In Russ.).

2. Vilkova A. B. Causes, conditions, prerequisites, factors of appearance and development of deviant behavior of minors. Penal enforcement system: law, economy, management, 28—30, 2018. (In Russ.).

3. Dorozhkina O. A., Khromova T. V. Characteristics of the contingent of minors contained in the CPSAR. Socio-economic phenomena and processes, 249—254, 2011. (In Russ.).

4. Yudina A. I. Leisure preferences of modern adolescents: prevention of social risks. Bulletin of the Kemerovo State Institute for Culture and Arts, 146—152, 2017. (In Russ.).

5. Khismatulina L. F. Problems of legislative regulation of employment of minors in the Russian Federation. Law and order: history, theory, practice, 24—29, 2017. (In Russ.).

Sysolina Nataliya Sergeevna,

lecturer at the criminal law department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
kindgirl-natalie@yandex.ru

Kushnareva Anna Vasilievna,

deputy head of the research department
of the Voronezh Institute of the Russian Ministry
of Internal Affairs of Russia,
candidate of legal sciences;
akushnareva@mvd.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 14.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 14.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.132
doi: 10.25724/VAMVD.A018

ВИДЕОЗАПИСЬ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ИНСТИТУТУ ПОНЯТЫХ

Светлана Лидиевна Виноградова

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
svbantik@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается институт понятых с точки зрения целесообразности его наличия на современном этапе развития уголовного процесса и возможности его замены процессуальной фиксацией следственных действий техническими средствами, в частности средствами видеозаписи.

Имеют место дискуссии как в научных кругах, так и среди сотрудников правоохранительных органов о недостатках данного института, необходимости его реформирования ввиду неэффективности, как не отражающего свое назначение в уголовном процессе. Отмечается и повсеместный формальный подход к поиску и привлечению понятых со стороны лиц, осуществляющих предварительное расследование, и формальное участие понятых в следственных действиях, впоследствии приводящее к бесполезности их показаний в суде. К тому же, подчеркивается архаичность института понятых на фоне возможностей современных информационных технологий, уже нашедших отражение в уголовном судопроизводстве России, говорится о целесообразности замены института понятых при производстве следственных действий средствами видеозаписи.

Помимо всестороннего анализа института понятых, возможностей применения средств фиксации и взаимозаменяемости этих двух методов, нельзя не коснуться более фундаментальных проблем уголовного процесса в Российской Федерации: несоблюдение норм права со стороны органов внутренних дел и тесно связанное с ним низкое доверие граждан сотрудникам данных государственных структур.

В свете неоднократно появляющихся в средствах массовой информации заявлений представителей власти о необходимости упразднения понятых и замене их техническими средствами фиксации, законодательном расширении возможности применения данных средств фиксации, тема исследования представляется более чем актуальной.

Ключевые слова: институт понятых, понятые, видеозапись, видеофиксация, производство следственных действий, фальсификация, уголовный процесс, реформирование, технические средства фиксации

Для цитирования: Виноградова С. Л. Видеозапись как альтернатива институту понятых // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 51—56. doi: 10.25724/VAMVD.A018

VIDEO RECORDING AS AN ALTERNATIVE TO THE INSTITUTE OF WITNESSES

Svetlana Lidievna Vinogradova

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia, svbantik@mail.ru

Abstract. The article discusses the institution of witnesses from the point of view of the expediency of its presence at the current stage of criminal procedure development, and the possibility of its replacement by technical means like video recording.

Both scientists and law enforcement officials discuss the shortcomings of this institution, the need to reform the institution of witnesses due to its inefficiency not reflecting the very purpose of this institution in the criminal procedure. A widespread formal approach both to the search and involvement of witnesses from the side of the persons conducting the preliminary investigation is admitted. The formal participation of witnesses in investigative actions, subsequently leading to the uselessness of their testimony in court often takes place. In addition, the archaism of the institution of witnesses is emphasized against the possibilities of modern information technologies, which have already been used in the criminal proceeding of Russia. The expediency of replacing the institution of witnesses in the investigative activities by means of video recording is noted.

In addition to a comprehensive analysis of the institution of witnesses and the possibilities of using means of recording and the interchangeability of both methods, it is necessary to touch upon more fundamental problems of the criminal process in the Russian Federation: non-compliance with the law on the part of law enforcement bodies and, closely related to it, the citizens' low trust in them.

Officials' statements about the need to abolish witnesses and replace them with technical means of recording as well as legislative expansion of the possibility of using these means also underly significance of the issue.

Keywords: institute of witnesses, witnesses, video recording, investigative activities, falsification, criminal process, reform, technical means of recording.

For citation: Vinogradova S. L. Video recording as an alternative to the institute of witnesses. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 51—56, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A018

Институт понятых, имеющий более чем богатую историю своего развития, насчитывающую около 400 лет, впервые нашел отражение в Соборном уложении 1649 г. [1, с. 134], когда необходимость в привлечении понятых стала необходима для засвидетельствования законности действий, совершаемых должностными лицами, предотвращения возможности фальсификации ими документов.

В прежние времена понятые брались под защиту, им оказывалось высокое доверие, в отдельных случаях мнение понятых вносилось в протокол, а за их убийство была предусмотрена смертная казнь.

Однако несмотря на столь давнюю историю своего развития, нынешняя форма института понятых уже не соответствует тем изменениям, которым подверглась система уголовного судопроизводства. Теперь вместо уважения к процессуальному статусу понятого и убежденности в его неподкупности у населения возникает противоположная реакция — неприятие, недоверие, подозрение в коррумпированности данного лица. Большею частью такое отношение стало складываться из-за того, что недобросовестные сотрудники правоохранительных органов стали брать в понятые своих знакомых, подученных лиц или лиц, уже постоянно выступающих в качестве понятых (для некоторых это даже является своего рода «заработком»). Так, у многих сотрудников имеется список «своих» людей, готовых в любой момент выступить в качестве понятого, а иногда и просто подписаться, где им укажут, даже без своего фактического участия. Соответственно, в подобных случаях ждать незаинтересованности, объективности, а главное — достоверности показаний такого лица не приходится.

Институт понятых уже длительное время является предметом дискуссии как среди ученых-процессуалистов, так и среди сотрудников правоохранительных органов. Одни исследователи [2] сходятся во мнении о формальном подходе к поиску понятого и его формальному участию в следственном действии.

По мнению других ученых [3], лишь присутствие понятых может сохранить законный характер

производимых следователями действий, что позволит предотвратить какую-либо фальсификацию данных, доказательств. Однако эти утверждения теряют свою основательность перед многочисленными фактами незаконных действий сотрудников правоохранительных органов при участии понятых.

Так, в октябре 2021 г. были осуждены шесть сотрудников МУ МВД России «Раменское» за фальсификацию доказательств, а именно специальный подбор наркотических веществ ряду лиц в ходе проведения обыска. Данная процедура происходила с участием понятых¹.

В мае 2021 г. в ходе расследования по делу журналиста Ивана Голунова, у которого в результате проведения обыска были обнаружены наркотические вещества, был доказан факт подброса этих веществ сотрудниками органов внутренних дел, осуществляющими обыск. Процедура обыска происходила с участием понятых, которые были знакомы с данными сотрудниками².

Не менее обсуждаемый случай был зафиксирован в Псковской области в 2020 г., когда сотрудники подразделения по борьбе с наркотиками были задержаны по делу о выращивании конопли, которую они в дальнейшем подбрасывали потерпевшим. Организуемые ими обыски также проходили с участием своих понятых³.

Сообщения в средствах массовой информации об участившихся случаях незаконных действий сотрудников правоохранительных органов в ходе следственных действий при участии понятых, где последние молча наблюдают и закрывают глаза

¹ Нереальные сроки: подмосковные полицейские отделились условкой за системный подбор наркотиков. URL: <https://pasm.ru/archive/326466> (дата обращения: 02.06.2022).

² Суд дал до 12 лет подбросившим Голунову наркотики полицейским. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/05/2021/60b09db79a794722eba41dcf> (дата обращения: 24.05.2022).

³ Причиной задержания ФСБ целого подразделения полиции назвали выращивание конопли // Lenta.ru. 2020. URL: <https://lenta.ru/news/2020/09/16/rastily/?ysclid=l3lxc6pel> (дата обращения: 02.06.2022).

на происходящее, выполняя все действия уполномоченных лиц, только прибавляют недоверия к понятым.

Рассматривая приведенные случаи, можно было бы предположить, что, с одной стороны, понятые могли не видеть моментов подброса наркотиков или, с другой стороны, видели, но молча потакали (боялись или были равнодушными — не имеет значения) незаконным действиям уполномоченных на проведение данных действий лиц. Но тогда напрашивается вопрос: зачем нужны понятые? Ведь само по себе их присутствие при производстве следственных действий по смыслу закона предусматривает удостоверение ими соблюдения законного характера совершения данных действий. В большинстве же случаев участие понятого при производстве следственных действий ограничивается лишь подписанием протокола, и он, как правило, не вносит никаких замечаний в протокол, хотя и имеет на это право, закрепленное нормами ст. 60 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ).

Немаловажным является тот факт, что чаще всего понятыми приглашаются лица, как правило, не обладающие специальными знаниями в области действующего законодательства, которые просто не могут сделать каких-либо замечаний, заявлений, удостоверить правильность и законность действий, совершаемых лицами, производящими следственные действия.

Подобные случаи лишь свидетельствуют о несовершенстве института понятых, а также законодательной базы, регламентирующей его функционирование.

В юридической науке на протяжении последних десяти лет ведется дискуссия о необходимости реформирования института понятых [4] или о его полной замене [5] путем использования при производстве следственных действий средств видеозаписи.

Так, по мнению доктора юридических наук, профессора В. А. Семенцова¹, институт понятых изжил себя, при этом его функционирование связано с рядом проблем, среди которых недоверие населения к сотрудникам правоохранительных органов. Отсюда вытекает и нежелание им помогать, участвовать в следственных действиях. Наряду с этим боязнь участия в следственных действиях сопря-

жена также с необеспеченностью понятых должным уровнем защищенности и безопасности, что влечет за собой низкую степень их желания участвовать в дальнейшем и в ходе судебного разбирательства.

Как показывают рассмотренные нами примеры, сам институт понятых не отражает эффективности своего назначения, а где-то даже пассивным образом содействует совершению незаконных действий сотрудниками правоохранительных органов.

Наиболее эффективной альтернативой института понятых при производстве следственных действий [6] может стать применение средств видеозаписи с дальнейшей возможностью воспроизведения полученных записей на всех этапах уголовного процесса.

Стоит отметить, что о необходимости реформирования института понятых в уголовном процессе России в свое время, еще в 2011 г., говорил бывший президент Российской Федерации Дмитрий Медведев², когда поручил решить вопрос об упразднении института понятых и заменить его фиксацией техническими средствами при производстве следственных действий.

Данный факт подтверждается уже внесенными изменениями, нашедшими отражение в ст. 170 УПК РФ, которая содержит описание тех случаев, когда возможна замена понятых применением технических средств фиксации, на практике чаще всего средствами видеозаписи.

На этапе рассмотрения в 2012 г. законопроекта о внесении изменений в УПК РФ³, в части введения процессуальной фиксации техническими средствами следственных действий и замены ими понятых в отдельных случаях, Комитет Государственной Думы в своем заключении обратил внимание на то, что применение данных средств фиксации выполняет ту же удостоверительную функцию, что и сами понятые, а именно удостоверение факта производства следственного действия, его содержания, хода и результатов. Что уже само по себе уравнивает их назначение, предусмотренное принципами уголовного судопроизводства. Комитетом также было отмечено, что при применении средств фиксации следственных действий сокращается время расследования по уголовному делу и значительно

² Козлова Н. Президент поручил упразднить институт понятых // Российская газета. 2011. № 251 (5627). URL: <https://rg.ru/2011/11/08/ponyatye-site.html> (дата обращения: 04.06.2022).

³ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 33012-6 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/33012-6?1> (дата обращения: 04.06.2022).

¹ Семенцов В. А. О проблемах участия понятых в уголовном судопроизводстве России // Общество и право. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-problemah-uchastiya-ponyatyh-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii> (дата обращения: 04.06.2022).

уменьшаются затраты на процессуальные издержки, связанные с участием понятых. Тем более что во многих странах в уголовном процессе отсутствует институт понятых, среди них стоит выделить Германию, Великобританию, Францию, Китай, Канаду, США, Японию.

В ряде стран институт понятых был упразднен и заменен использованием аудио- или видеосъемки (Грузия) либо поставлен в прямую зависимость от применения средств фиксации при производстве следственных действий, которым отдается первоначальное предпочтение (Азербайджанская Республика), тем самым участие понятых было отнесено на второй план.

Так, в уголовно-процессуальном законодательстве Грузии¹ отсутствует термин «понятой», а видео- и звукозапись имеет статус доказательств (ст. 3 УПК).

В УПК Азербайджанской Республики² закреплено первостепенное применение аудиозаписи и видеосъемки при производстве следственных действий, при этом участие понятых не нужно. К тому же в ст. 246.3 отмечено, что если при личном обыске и выемке не используется видеосъемка, то только в этом случае должны присутствовать понятые, что также свидетельствует о приоритете, отдаваемом средствам аудио- и видеофиксации.

Б. В. Рудаков³ акцентирует внимание на том, что материалы видеозаписи, полученные в результате применения данных средств фиксации при производстве следственных действий, по сравнению с понятыми обладают большей объективностью, «долговременной памятью», полнотой содержания мельчайших деталей зафиксированного в процессе записи. Тогда как человек со временем с трудом может вспомнить детали происшедшего ранее, кроме разве подтверждения самого факта присутствия на следственном действии, в отличие от той же видеосъемки, когда все аспекты происходящего будут детально зафиксированы на цифровом носителе.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии (09.10.2009) // Законодательный Вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=141> (дата обращения: 04.06.2022).

² Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утв. Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ) (с изм. и доп. по сост. на 15.04.2022). URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 02.06.2022).

³ Рудаков Б. В. К вопросу о роли понятых и возможности видеозаписи в российском уголовном процессе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 31. С. 496—500. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970114.htm> (дата обращения: 02.06.2022).

Помимо этого, имеют место случаи подкупа понятых стороной защиты, а иногда доходит до запугивания и угроз, что, в свою очередь, может привести либо к неявке в судебное заседание, либо к даче показаний, которые могут не оправдать ожиданий сторон ввиду бесполезности или же, наоборот, поставить под сомнение ход следственного действия. К тому же большинство граждан не испытывают желания идти понятыми, не желая терять своего времени (ведь некоторые следственные действия могут длиться достаточно долго, причем в любое время суток), а также быть вызванными впоследствии для дачи показаний. Их согласие быть понятыми строится на голом энтузиазме, редко — чувстве долга, патриотизме, где-то — страхе перед сотрудниками правоохранительных органов.

Большинство сотрудников органов предварительного расследования отмечают, какую трудность составляет найти понятого в вечернее или ночное время. Рассматривая жильцов соседних с местом проведения следственного действия квартир или проживающих в данном подъезде в качестве понятых, надо отметить, что факт незаинтересованности этих понятых как таковой вообще может отсутствовать. Соседи по своей природе народ заинтересованный, только каждый по-разному. К тому же их объективность и наличие заинтересованности зависит от их отношений с лицом, у которого проводится следственное действие. Одни согласятся помочь следствию, а другие в силу недружественных отношений в лучшем случае откажутся, а могут и негативно повлиять на расследование (например, направить следствие по ложному следу). Кроме того, сведения, полученные от таких понятых в ходе следственных действий, становятся, несмотря ни на какие предупреждения, общеизвестны, что впоследствии может нарушить ход расследования по уголовному делу.

Однако при применении видеофиксации производства следственного действия в случае необходимости можно воспроизвести полученные материалы для удостоверения его хода и результатов. Благодаря этому исчезает необходимость в вызове понятых в суд в качестве свидетелей.

Многие ученые [7; 8] также говорят о преимуществах применения средств фиксации при производстве следственных действий ввиду их непрерывности, объективности и, что немаловажно, наглядности при воспроизведении полученных материалов видеозаписи.

Недоверие к средствам фиксации из-за возможной фальсификации полученных материалов или их носителей — это своего рода надуманный

страх из-за непривычки к сравнительно недавней цифровизации общества или неприятия научно-технического прогресса в целом.

Случаи фальсификации материалов аудио- и видеозаписи, полученных в ходе фиксации производства следственных действий, или их носителей в судебной практике встречаются крайне редко. На деле может иметь место лишь подделка цифровых носителей или информации на них, представляемой другими участниками уголовного процесса (потерпевшими, подозреваемыми, обвиняемыми, защитниками, в том числе и свидетелями) в качестве доказательств, поскольку данные лица являются заинтересованными в исходе дела.

Отметим при этом, что материалы аудио- и видеозаписи, примененные в ходе производства

следственных действий, так же, как и другие доказательства, подлежат обязательной проверке в соответствии со ст. 88 УПК РФ. При возникновении сомнений в подлинности цифровых носителей или их материалов назначается криминалистическая экспертиза видеозаписей (видеотехническая экспертиза).

Таким образом, учитывая изложенное, в рамках планомерного развития и внедрения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве можно говорить об оправданности и целесообразности реформирования института понятых в уголовном процессе России, и в качестве его альтернативы производить видеофиксацию следственных действий.

---

1. Афонин В. К. Становление института понятых в уголовном судопроизводстве России (краткий исторический аспект и современное и современное состояние) // Вестник Российской таможенной академии. 2008. № 2 (3). С. 132—137.

2. Гришин А. В. Уголовно-процессуальная политика в отношении института понятых в уголовно-процессуальном законодательстве: историко-юридический анализ и современные проблемы отечественного уголовного процесса // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2018. № 4. С. 36—42.

3. Яровенко В. В. Участие понятых в следственных действиях как гарантия достоверности предварительного расследования // Полицейская и следственная деятельность. 2018. № 2. С. 56—64.

4. Белицкий В. Ю. Применение технических средств как альтернатива участию понятых // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 2, № 2 (86). С. 11—13.

5. Михайлов А. Институт свидетелей — архаизм российского уголовного судопроизводства // Законность. 2003. № 4. С. 29—31.

6. Камынин И. Д. Допустимость доказательств // Уголовный процесс. 2016. № 4. С. 64.

7. Жамкова О. Е. Использование видеозаписи в МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № (3). С. 94—96.

8. Лейнова О. С. Проблемы участия понятых в следственных действиях после внесения изменений в УПК РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3. С. 82—84.

---

1. Afonin V. K. The formation of the institution of witnesses in the criminal proceedings of Russia (brief historical aspect and modern and current state). Bulletin of the Russian Customs Academy, 132—137, 2008. (In Russ.).

2. Grishin A. V. Criminal procedure policy in relation to the Institute of witnesses in criminal procedure legislation: historical and legal analysis and modern problems of the domestic criminal process. Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 36—42, 2018. (In Russ.).

3. Yarovenko V. V. The participation of witnesses in investigative actions as a guarantee of the reliability of the preliminary investigation. Police and investigative activities, 56—64, 2018. (In Russ.).

4. Belitsky V. Y. The use of technical means as an alternative to the participation of witnesses. News of Altai State University, 11—13, 2015. (In Russ.).

5. Mikhailov A. Institute of Witnesses — Archaism of Russian Criminal Procedure. Law, 29—31, 2003. (In Russ.).

6. Kamynin I. D. Permissibility of evidence. Criminal process, 64, 2016. (In Russ.).

7. Zhamkova O. E. Using a video in the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 94—96, 2020. (In Russ.).

8. Leynova O. S. Problems of participation of witnesses in investigative actions after amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Bulletin of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 82—84, 2013. (In Russ.).

Виноградова Светлана Лидиевна,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета
МВД России;
svbantik@mail.ru

Vinogradova Svetlana Lidievna,
associate adjunct of the department
of criminal procedure
of the Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia;
svbantik@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.06.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 16.06.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.140.02
doi: 10.25724/VAMVD.A019

**ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ: НЕСОВЕРШЕНСТВО ПРАВА
И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ**

Елена Владимировна Горкина**, *Юлия Сергеевна Митькова***, *Елена Евгеньевна Колбасина***

* Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, lengor43@rambler.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, romanovka297676133@rambler.ru

*** Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия, elena-kolbasina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению освидетельствования с точки зрения возможностей доказывания факта наличия у освидетельствуемого лица состояния опьянения. Авторами акцентировано внимание на том, что несмотря на то, что следственные действия являются основным инструментом собирания доказательств, изъяны юридической техники порождают неоднозначное толкование норм, регламентирующих порядок их производства. Кроме того, при принятии Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации законодателем был допущен ряд ошибок. Так, наделение освидетельствования задачей выявления состояния опьянения, изначально не соответствовало характеру и возможностям данного следственного действия. В результате подобное несоответствие породило логичную ситуацию, при которой правоприменители с осторожностью относятся к использованию средств освидетельствования при определении опьянения. В статье рассматривается сложившаяся правоприменительная ситуация, а также анализируются различные точки зрения, причем некоторые из них подтверждают мнение авторов о необходимости исключения из закона возможности установления состояния опьянения в ходе производства следственного освидетельствования.

Ключевые слова: освидетельствование, следственное действие, медицинское освидетельствование, состояние опьянения, доказывание факта опьянения

Для цитирования: Горкина Е. В., Митькова Ю. С., Колбасина Е. Е. Доказательственный потенциал освидетельствования: несовершенство права и практики применения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 57—63. doi: 10.25724/VAMVD.A019

**EVIDENTIAL POTENTIAL OF EXAMINATION:
IMPERFECTION OF LAW AND PRACTICE IN THE APPLICATION**

Elena Vladimirovna Gorkina**, *Yulia Sergeevna Mitkova***, *Elena Evgenievna Kolbasina***

* Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, lengor43@rambler.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, romanovka297676133 @rambler.ru

*** Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, elena-kolbasina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of examination from the point of view of the possibilities of proving the fact that the person being examined has a state of intoxication. The authors focus on the fact that despite the fact that investigative actions are the main tool for collecting evidence, the flaws in legal technique give rise to an ambiguous interpretation of the rules governing the procedure for their production. In addition, initially, when adopting the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the legislator made a number of mistakes. So giving the examination the task of identifying the state of intoxication initially did not correspond to the nature and possibilities of this investigative action. As a result, such a discrepancy has created a logical situation in which law enforcers are wary of the use of examination tools in determining intoxication. The article discusses the current law enforcement situation, as well as analyzes the various opinions, a number of which confirm the authors' opinion on the need to exclude from the law the possibility of establishing a state of intoxication during the conducting of an investigative examination.

Keywords: examination, investigative action, medical examination, state of intoxication, proof of the fact of intoxication

For citation: Gorkina E. V., Mitkova Yu. S., Kolbasina E. E. Evidential potential of examination: imperfection of law and practice in the application. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 57—63, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A019

Основными средствами получения доказательств совершения преступления и иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, являются следственные действия. Уголовно-процессуальным законодательством предусмотрена их система и механизм деятельности субъектов уголовного судопроизводства при их реализации. Общие правила производства следственных действий образуют канву, на которую накладывается органический потенциал конкретных следственных действий, отражающий их доказательственные возможности. Однако недостаточность юридической техники порождает неоднозначное толкование норм, регламентирующих процедуру производства отдельных следственных действий, что приводит к обоснованным сомнениям в их целесообразности, законности и эффективности. К подобным следственным действиям относится и освидетельствование, нормативная регламентация которого давно подвергается критике и является предметом бесконечных научных дискуссий, но до настоящего времени не претерпела каких-либо существенных изменений. Единственным новшеством, внесенным в ст. 179 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) было включение в нее нормы, согласно которой освидетельствование отнесено к следственным действиям, производимым на этапе проверки сообщения о преступлении¹.

Исследователями неоднократно отмечалось, что правоприменители имеют крайне слабый интерес к данному следственному действию и практика использования его в расследовании преступлений носит единичный и эпизодический характер [1, с. 95; 2, с. 25].

Так, по данным проведенных исследований, в качестве причин отсутствия интереса к освидетельствованию опрошенные сотрудники органов предварительного расследования называют отсутствие знаний тактики производства освидетельствования и отсутствие правоприменительной практики проведения освидетельствования в подразделениях ОВД. В связи с этим следователи считают, что доказательства, полученные в результате осви-

детельствования, могут быть признаны недопустимыми. Отмечается также, что в качестве альтернативных вариантов получения информации об особых приметах, следах преступления, телесных повреждениях, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, обозначенных в качестве целей освидетельствования, опрошенные должностные лица отдают предпочтение судебно-медицинской экспертизе в 68 % случаев, медицинскому освидетельствованию на состояние опьянения — в 28 %, личному обыску — в 4 % случаев [2, с. 25].

С одной стороны, в этом можно усмотреть недооценку правоприменителями потенциала следственного действия, при условиях тактической уместности его производства и соблюдения процессуальных правил. Однако на наш взгляд, не стоит однозначно утверждать о недостаточном профессионализме правоприменителей при выборе средств доказывания, а следует констатировать отсутствие реальной возможности и целесообразности решения задач, поставленных законодателем перед освидетельствованием, посредством его производства.

В ходе проверки сообщения о преступлении и при дальнейшем расследовании возникает необходимость произвести проверку лиц на наличие либо отсутствие состояния опьянения. Этот факт может как иметь квалифицирующее значение, так и выявлять опьянение как обстоятельство, характеризующее личность подозреваемого в момент совершения противоправного деяния и признанное судомотягчающим наказание.

Уголовное законодательство Российской Федерации определяет, что лица, совершившие преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ, подлежат уголовной ответственности (ст. 23 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)).

Совершение преступления в состоянии опьянения не внесено законодателем в перечень обстоятельств, отягчающих наказание, предусмотренных ч. 1 ст. 63 УК РФ, однако суд при назначении наказания, учитывая характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

совершения и личность виновного, может признать данное обстоятельство таковым (ч. 1.1 ст. 63 УК РФ). В связи с этим Пленум Верховного Суда в своем постановлении определяет, что решение о необходимости признания данного состояния отягчающим обстоятельством не может быть принято по умолчанию, а должно быть мотивировано в описательно-мотивировочной части приговора¹.

Особенная часть Уголовного кодекса предусматривает ответственность за совершение преступления в состоянии опьянения по целому ряду составов, причем совершенно понятно, что данный признак является квалифицирующим деяние как более тяжкое. Так, статьей 263 УК РФ «Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена» подобная ответственность установлена в частях 1.2, 2.1 и 4; статьей 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» — в частях 2, 4 и 6. Помимо этого, в 2014 г. в УК РФ введена ст. 264.1, согласно диспозиции которой нахождение в состоянии опьянения при управлении транспортным средством считается преступным деянием².

Уголовное законодательство в примечании 2 к ст. 264 однозначно называет состоянием опьянения факт употребления лицом вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, или в случае наличия в организме этого лица наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ. Между тем в тексте примечания указано, что данное определение используется лишь для целей ст. 263.1, 264, 264.1.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации, разъясняя свою позицию о правилах назначения наказания лицам, совершившим преступление

в состоянии алкогольного опьянения, говорит о том, что судам следует иметь в виду, что при совершении преступлений, предусмотренных чч. 2, 4, 6 ст. 264 и статьей 264.1 УК РФ, состояние опьянения устанавливается в соответствии с правилами, утвержденными обозначенным примечанием. В случаях совершения иных преступлений для подтверждения фактов опьянения могут быть использованы как медицинские документы, так и иные собранные по уголовному делу доказательства³.

Вопрос возможности выявления состояния опьянения посредством производства освидетельствования является одним из наиболее острых. По данным исследований, практика идет по пути определения состояния опьянения в 89 % случаев в ходе медицинского освидетельствования (затем, после возбуждения уголовного дела на основании справки врача назначается экспертиза), а в 11 % случаев — посредством производства следственного освидетельствования, после чего также назначается судебно-медицинская экспертиза [3, с. 113].

Представляется сомнительной необходимость проведения в указанных случаях следственного освидетельствования перед назначением судебной экспертизы. Трудно представить ситуацию, при которой следователь будет лишен возможности направить лицо на медицинское освидетельствование. Возможность же назначения экспертизы до возбуждения уголовного дела теоретически исключает необходимость ее дублирования каким бы то ни было освидетельствованием. Однако не стоит сбрасывать со счетов тот факт, что в этом случае может сложиться ситуация, предполагающая необходимость назначения повторной экспертизы. Часто именно таким образом сторона защиты оказывает противодействие расследованию, ходатайствуя о производстве повторных экспертиз, по причине неознакомления подозреваемого с постановлением о назначении экспертизы до возбуждения уголовного дела. В случае с выявлением состояния алкогольного опьянения это может привести к нежелательному результату, так как присутствие следов опьянения в организме носит кратковременный характер.

Порядок медицинского освидетельствования на состояние опьянения представляет собой исследование, проводимое в несколько этапов, с использованием целого ряда специальных средств

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения: федер. закон от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и методик. Первый этап представляет собой исследование прибором выдыхаемого воздуха на наличие алкоголя. На этом же этапе происходит фиксация в акте освидетельствования клинических признаков опьянения. Вне зависимости от результатов исследования выдыхаемого воздуха, если результат медицинского освидетельствования необходим для расследования по уголовному делу, следующим этапом происходит отбор биологического объекта (моча, кровь) для направления на химико-токсикологические исследования. На основании результатов осмотров и инструментальных и лабораторных исследований, проведенных в рамках медицинского освидетельствования, выносится медицинское заключение. Ход и результаты исследований оформляются в виде акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), который приобщается к материалам проверки сообщения о преступлении¹.

Однако существует мнение, что медицинское освидетельствование является своеобразным «суррогатом» судебной экспертизы [4, с. 44], а также утверждение об абсолютно разной природе, цели и задачах следственного и медицинского освидетельствования [5, с. 10]. Полностью солидаризируясь с указанными позициями, И. А. Даниленко и С. Б. Россинский считают «используемые в настоящее время прикладные технологии, позволяющие диагностировать состояние алкогольного, наркотического или иного опьянения, абсолютно недопустимыми, противоречащими сущности и правилам производства следственных действий и процедуре проведения судебно-экспертных исследований» [6, с. 140]. Единственным процессуально-познавательным приемом, обеспечивающим решение указанных задач, на данный момент, по их мнению, является судебно-наркологическая экспертиза, производимая в порядке гл. 27 УПК РФ.

Но на наш взгляд, это может быть применено не к каждому случаю выявления состояния опьянения, так как достаточно редко возникает необходимость в выявлении его хронических форм (как правило, по делам о незаконном обороте наркотических средств). Судебно-наркологическая экспертиза назначается в случае, когда при производстве по уголовному делу имеются данные о том, что лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, систематически злоупотребляет спиртными напит-

ками или употребляет наркотические средства, и есть основания полагать, что это лицо страдает хроническим алкоголизмом или наркоманией². В рамках же предмета освидетельствования с последующим назначением экспертизы могут решаться вопросы о нахождении лица в состоянии опьянения именно в момент совершения преступления, что играет роль для квалификации преступления или влияет на размер наказания. Факт нахождения в организме человека одурманивающих веществ устанавливается в ходе лабораторного медицинского исследования без подключения специалистов — нарколога и психиатра, специальные знания которых требуются при производстве судебно-наркологической экспертизы.

Описание медицинского процесса выявления признаков опьянения нами приведено для того, чтобы наглядно показать отнюдь не выигрышное положение следственного освидетельствования с точки зрения объективного инструментария собирания доказательственной информации в достижении этой конкретной цели. Анализ научных исследований позволяет сделать вывод о том, что целый ряд ученых акцентируют на этом внимание и высказывают подобное мнение.

Как отмечает В. М. Быков, еще при обсуждении проекта УПК РФ обращалось внимание на недостаток нормы, предполагающей возможность выявления состояния опьянения в ходе освидетельствования. Он также настаивает на том, что для получения доказательства состояния опьянения необходимо назначать судебно-медицинскую экспертизу [7, с. 61].

С. А. Шейфер после принятия УПК РФ также обратил внимание на этот недостаток, отметив, «что следователь путем простого наблюдения не может выявить у освидетельствуемого состояние опьянения» [8, с. 92].

Существует и иная позиция коллег, которые не отвергают определенного потенциала результатов освидетельствования на указанный предмет. Так, согласно мнению авторов, применяя познавательную сущность данного следственного действия, основанную на наглядно-образном восприятии окружающей действительности, следователь может установить и зафиксировать не состояние опьянения объективно и в целом, но внешние его

¹ О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического): приказ Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н (ред. от 25.03.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О Методических рекомендациях (вместе с «Методическими рекомендациями по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных Федеральной службе судебных приставов», утв. ФССП России 15.09.2014 № 0004/22); письмо ФССП России от 18 сентября 2014 г. № 00043/14/56151-ВВ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

признаки (запах алкоголя, неустойчивость походки, нарушение речи, дрожание пальцев рук, покраснение лица, сужение или расширение зрачков, следы от инъекций и т. п.) [6, с. 140].

Однако ранее нами уже отмечалось, что внешние признаки, которые следователь выявит в ходе освидетельствования, отличающие состояние лица от нормального, могут свидетельствовать как о наличии состояния алкогольного опьянения, так и о возможном нарушении отдельных функций деятельности организма: повышенном артериальном давлении, спазме сосудов, признаках острого респираторного заболевания; а причиной запаха изо рта может являться употребление освидетельствуемым лицом спиртосодержащего лекарственного препарата [9, с. 102].

Не отвергая полностью определенного доказательственного потенциала освидетельствования, мы, тем не менее, считаем, что его результаты не могут иметь характера прямого подтверждения состояния опьянения. Кроме того, выявленные в ходе освидетельствования признаки, говорящие об отклонении от нормы, оцениваемые следователем как характерные для опьянения, могут лишь давать основание для принятия решения об исследовании состояния организма человека с применением соответствующих специальных знаний.

Как отмечает Е. В. Брянская, при оценке доказательств недопустимо говорить о том, что какие-либо из них находятся в приоритете перед другими. Нельзя, например, полагаться на заключение авторитетного эксперта как на лучшее из всех доказательств, хотя этот вид фактических данных в отличие от других основывается на достижениях науки [10, с. 12]. Однако несмотря на справедливость данного утверждения, для выбора инструментария доказывания в изучаемом вопросе необходимо объективно отдавать предпочтение медицинским исследованиям, так как возможности следственного освидетельствования в данном аспекте практически равны нулю.

Таким образом, подводя итог изложенному, можно сформулировать следующие выводы. Норма ч. 1 ст. 179 УПК РФ в части возможности установления состояния опьянения в ходе освидетельствования изначально учеными и практиками не воспринималась как обладающая доказательственным потен-

циалом. Правоприменители при расследовании любых преступлений с осторожностью относятся к производству следственного освидетельствования на предмет выявления состояния опьянения, предпочитая ему медицинское освидетельствование и исследование в процессе производства судебно-медицинской экспертизы.

Безусловно, производство медицинского освидетельствования является мероприятием более затратным с точки зрения расходования государственных средств. Однако на наш взгляд, следователь, имея возможность подтвердить факт опьянения средствами, позволяющими установить нахождение одурманивающих веществ в организме человека, не должен ею пренебрегать, ограничиваясь освидетельствованием следственным.

В то же время следует руководствоваться алгоритмом с первоначальным производством медицинского освидетельствования на стадии проверки сообщения о преступлении и последующим назначением судебно-медицинской экспертизы после возбуждения уголовного дела, на которую, помимо прочего, также направляются результаты медицинского освидетельствования.

Несмотря на положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике назначения судами наказаний» (о возможности при совершении преступлений, не связанных с нарушением правил дорожного движения, подтверждения фактов опьянения любыми доказательствами, помимо медицинских заключений), полагаем, что доказательством, достоверно подтверждающим факт нахождения лица в момент совершения преступления в состоянии опьянения, в случае признания судом данного факта обстоятельством, отягчающим наказание, может являться лишь результат медицинского исследования.

Представляется очевидным, что в настоящее время отсутствует возможность определения состояния опьянения в ходе следственного освидетельствования. В связи с этим полагаем необходимым исключить из ч. 1 ст. 179 УПК РФ формулировку «для... выявления состояния опьянения». Мы при этом не исключаем возможности следователя в определенной следственной ситуации произвести освидетельствование для установления признаков опьянения, как иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела.

1. Кузнецов В. А., Пилякин М. И. Освидетельствование: де-юре и де-факто // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 95—98.

1. Kuznetsov V. A., Pilyakin M. I. Examination: de jure and de facto. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 95—98, 2014. (In Russ.).

2. Анешева А. Т., Аксенова Л. Ю. Освидетельствование: сущность и задачи // Уголовная юстиция. 2021. № 17. С. 25—28.

3. Харзинова В. М., Небрatenко Г. Г. Проблемы производства освидетельствования // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 5 (72). С. 111—115.

4. Семенов В. А. Следственные действия: учеб. пособие. Екатеринбург: УРГЮА, 2003. 88 с.

5. Торбин Ю. Г., Баранов Е. В. Освидетельствование подозреваемого на предварительном следствии: учеб. пособие / под ред. Г. Г. Зуйкова. Киев: КВШ МВД СССР, 1981. 68 с.

6. Даниленко И. А., Россинский С. Б. Следственное освидетельствование: практические и технологические аспекты // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 4 (16). С. 135—144.

7. Быков В. М. Фактические основания производства следственных действий по УПК РФ // Журнал российского права. 2005. № 6. С. 59—69.

8. Шейфер С. Проблемы развития системы следственных действий в УПК РФ // Уголовное право. 2002. № 3. С. 90—94.

9. Диденко Н. С., Колбасина Е. Е. Процессуальные проблемы производства освидетельствования как следственного действия // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 1 (88). С. 100—103.

10. Брянская Е. В. Взаимосвязь в процесс доказывания по уголовному делу // Уголовно-правовые и процессуальные аспекты расследования преступлений, подследственных органам внутренних дел: материалы межвуз. науч.-практ. конф. Иркутск, 2017. С. 10—14.

2. Anesheva A. T., Aksenova L. Yu. Examination: essence and tasks. Criminal Justice, 25—28, 2021. (In Russ.).

3. Kharzinova V.M., Nebratenko G.G. Problems of conducting of an examination. Yurist-Pravoved, 111—115, 2015. (In Russ.).

4. Sementsov V. A. Investigative actions. Textbook. Ekaterinburg: URGYuA (Ural State Law University); 2003: 88. (In Russ.).

5. Torbin Yu. G., Baranov E. V. Examination of a suspect during the preliminary investigation. A textbook. Ed. by G. G. Zuykov. Kyiv: KVSh MVD USSR (Kyiv Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR); 1981: 68. (In Russ.).

6. Danilenko I. A., Rossinsky S. B. Investigative examination: practical and technological aspects. Criminalistics: yesterday, today, tomorrow, 135—144, 2020. (In Russ.).

7. Bykov V. M. Factual grounds for investigative proceedings under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Journal of Russian Law, 59—69, 2005. (In Russ.).

8. Sheifer S. Problems of development of the system of investigative actions in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Criminal Law, 90—94, 2002. (In Russ.).

9. Didenko N. S., Kolbasina E. E. Procedural problems of the examination as an investigative action. Yurist-Pravoved, 100—103, 2019. (In Russ.).

10. Bryanskaya E. V. Interrelation in the process of proving in a criminal case. In: Criminal-legal and procedural aspects of the investigation of crimes under investigation by internal affairs bodies. Materials of the interuniversity scientific-practical conference. Irkutsk, 2017: 10—14. (In Russ.).

Горкина Елена Владимировна,

доцент кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
lengor43@rambler.ru

Митькова Юлия Сергеевна,

доцент кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
romanovka297676133@rambler.ru

Gorkina Elena Vladimirovna,

associate professor at the department
of criminalistics of Saint Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
lengor43@rambler.ru

Mitkova Yulia Sergeevna,

associate professor at the department
of criminal procedure of the educational
and scientific complex for preliminary investigation
in the Internal Affairs Bodies
of Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
romanovka297676133@rambler.ru

Колбасина Елена Евгеньевна,
доцент кафедры криминологии
Московского университета МВД России
им. В. Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент;
elena-kolbasina@mail.ru

Kolbasina Elena Evgenievna,
associate professor at the department
of criminology
of Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot,
candidate of juridical sciences, docent;
elena-kolbasina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.06.2022; одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 28.06.2022; approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.296

doi: 10.25724/VAMVD.A020

**ГРАЖДАНСКИЙ ИСК
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ:
ПОНЯТИЕ, НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА,
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИХ РАЗРЕШЕНИЕ**

Эльвира Фаильевна Лугинец*, **Мария Михайловна Бондарь****, **Татьяна Анатольевна Николаева*****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, elfik3000nn@yandex.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, bondar02082014@yandex.ru

*** Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, zyuzina.tatyana.78@mail.ru

Аннотация. В статье авторы исследуют институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, раскрывают его понятие, значение, приводят актуальную нормативно-правовую базу. Проведенный анализ правоприменительной практики, статистической отчетности деятельности судов России за 2017—2021 гг. позволил выявить негативные тенденции возмещения ущерба, причиненного в результате совершения преступления, и, как следствие, нарушение прав потерпевших и других участников уголовного процесса. Такое положение дел подтолкнуло авторов не только проанализировать сущность этих правовых явлений в соответствии с реалиями современного состояния уголовного процесса, но и пересмотреть ряд ключевых положений, составляющих теоретическую основу понятия гражданского иска в уголовном судопроизводстве, а также предложить пути оптимизации деятельности правоприменителей по обеспечению права лица на предъявление гражданского иска в рамках уголовного дела.

Ключевые слова: гражданский иск, уголовное дело, уголовное судопроизводство, гражданское судопроизводство, нормативно-правовая база, гражданский истец, гражданский ответчик, потерпевший, причиненный преступлением вред, имущественный ущерб, физический вред, моральный вред, компенсация

Для цитирования: Лугинец Э. Ф., Бондарь М. М., Николаева Т. А. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве России: понятие, нормативно-правовая база, актуальные проблемы и их разрешение // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 64—75. doi: 10.25724/VAMVD.A020

**CIVIL ACTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA:
DEFINITION, NORMATIVE LEGAL BASE, ACTUAL PROBLEMS
AND THEIR RESOLUTION**

Elvira Failyevna Luginets*, **Maria Mikhailovna Bondar****, **Tatiana Anatolyevna Nikolaeva*****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, elfik3000nn@yandex.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, bondar02082014@yandex.ru

*** Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, zyuzina.tatyana.78@mail.ru

Abstract. In the article the authors investigate the institution of civil action in criminal proceedings of the Russian Federation, reveal its definition, signification, and provide an actual normative legal base. The analysis of law enforcement practice, statistical reporting of the activities of the courts of Russia for 2017—2021, allowed to identify negative trends in compensation for harm caused as a result of the commission of a crime, and, as a result, violation of the rights of victims and other participants in the criminal process. This state of affairs prompted the authors not only to analyze the essence of these legal phenomena in accordance with the realities of the current state of the criminal process, but also to revise a number of key provisions that form the theoretical basis of the concept of a civil action in criminal proceedings, as well as to suggest ways to optimize the activities of law enforcement officers to ensure the right of a person to file a civil action in a criminal case.

Keywords: civil action, criminal case, criminal proceeding, civil proceeding, normative legal base, civil complainant, civil defendant, victim, the harm caused by the crime, property harm, physical harm, moral harm, compensation

For citation: Luginets E. F., Bondar M. M., Nikolaeva T. A. Civil action in criminal proceedings in Russia: definition, normative legal base, actual problems and their resolution. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 64—75, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A020

Анализ правоприменительной практики, анкетирование и интервьюирование практических сотрудников и лиц, пострадавших от преступлений, демонстрируют негативные тенденции возмещения причиненного преступлением вреда и, как следствие, нарушение прав потерпевших и лиц, совершивших преступления (ответственных за них лиц), игнорирование назначения уголовного судопроизводства в целом (п. 1 ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, далее — УПК РФ)¹, превращение его в пустую декларацию.

Актуальность проблем, связанных с возмещением ущерба, причиненного потерпевшим (и другим лицам) в результате совершения преступлений, наглядно подтверждается данными статистики. Результаты анализа сводных статистических сведений о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в Российской Федерации за 2017—2021 гг. демонстрируют следующие показатели (рис. 1). Так, в 2017 г. в суды поступило 916 266 уголовных дел, по которым было рассмотрено 106 148 гражданских исков (72 370 — удовлетворены полностью, 19 328 — удовлетворены частично, 14 450 — оставлены без рассмотрения), т. е. по 916 266 поступившим в суд уголовным делам 91 698 гражданских исков были разрешены полностью либо частично. Таким образом, процент уголовных дел с разрешенными гражданскими исками составил 10 % от числа всех поступивших в суды дел. В 2018 г. в суды поступило 884 143 уголовных дела, по которым было рассмотрено 105 515 гражданских исков (65 036 — удовлетворены полностью, 18 224 — удовлетворены частично), т. е. по 884 143 поступившим в суд уголовным делам 83 260 гражданских исков были разрешены полностью либо частично, что составило 9,4 % соответственно. В 2019 г. в суды поступило 820 414 уголовных дела, по которым был рассмотрен 107 661 гражданский иск (63 188 — удовлетворены полностью, 17 842 — удовлетворены частично), т. е. по 820 414 поступившим в суд уголовным делам 81 030 гражданских исков были разрешены полностью либо частично,

что составило 9,9 %. В 2020 г. в суды поступило 778 172 уголовных дела, по которым было рассмотрено 98 364 гражданских иска (59 866 — удовлетворены полностью, 17 454 — удовлетворены частично), т. е. по 778 172 поступившим в суд уголовным делам 77 320 гражданских исков были разрешены полностью либо частично, что составило 9,9 %. В 2021 г. в суды поступило 782 354 уголовных дела, по которым было рассмотрено 97 349 гражданских исков (58 525 — удовлетворены полностью, 17 963 — удовлетворены частично), т. е. по 782 354 поступившим в суд уголовным делам 76 488 гражданских исков были разрешены полностью либо частично, что составило 9,8 %² (рис. 2).

Таким образом, за истекшие пять лет показатели разрешения гражданских исков в уголовном процессе стабильно продолжают оставаться крайне низкими и не превышают 10 % от рассматриваемых судами уголовных дел. За истекший 2021 г. гражданские иски были заявлены только по 12,4 % направленных в суд уголовных дел, т. е. лишь по каждому восьмому уголовному делу. Из них были удовлетворены в суде (полностью и частично) гражданские иски по 9,8 % уголовных дел, т. е. по каждому десятому уголовному делу. Представленные цифры наглядно демонстрируют состояние дел: какое количество гражданских исков заявляется и реально разрешается судами по рассматриваемым уголовным делам. При этом следует иметь в виду, что одна четвертая из данного числа предъявленных гражданских исков судами де-факто оставлена без рассмотрения вовсе либо передана по подсудности для их рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства (но в рамках данной статьи мы не исследуем судьбу этих исков в гражданском процессе, поскольку нас интересует их разрешение именно совместно с рассмотрением уголовного дела, т. е. в уголовном судопроизводстве)³.

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017—2021 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: офиц. сайт. Разд. «Судебная статистика». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 10.06.2022).

³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017—2021 гг.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

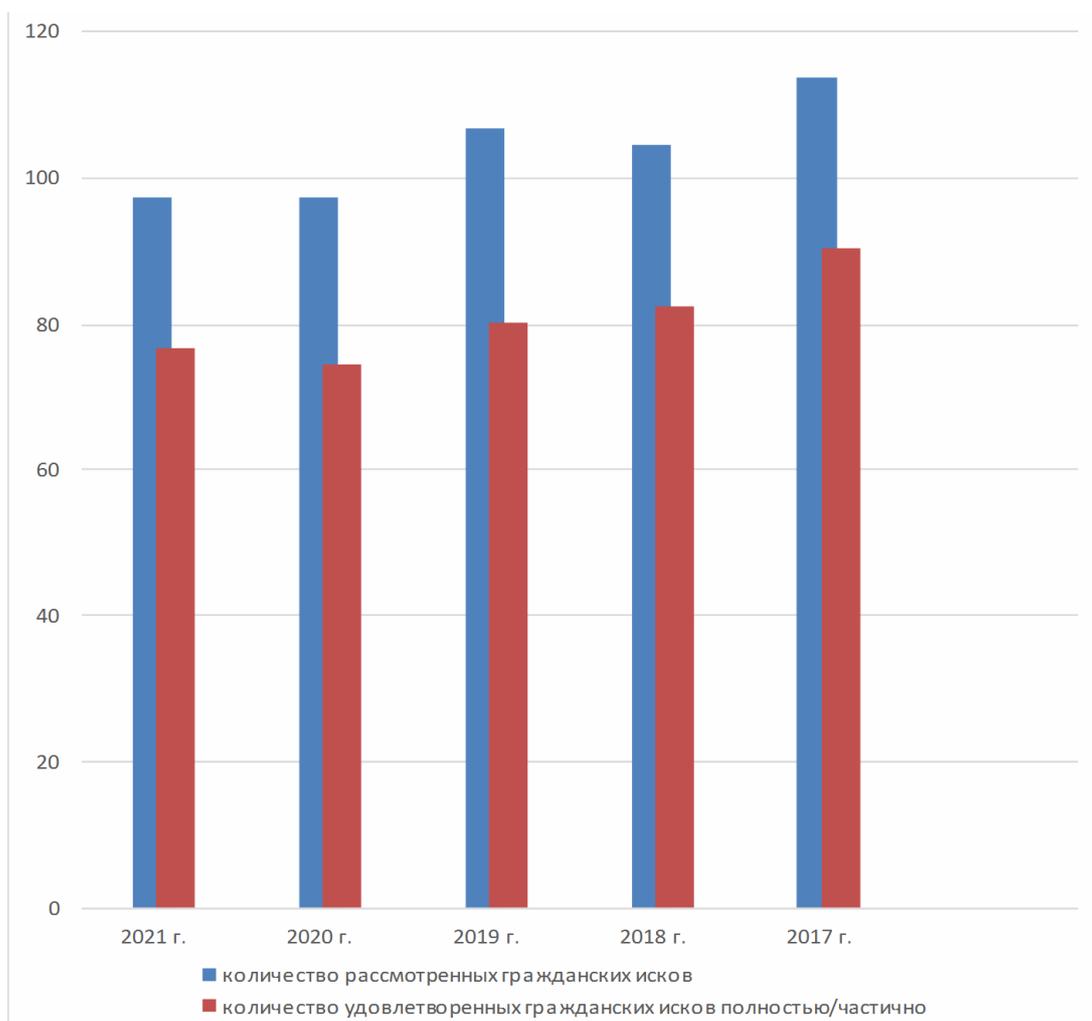

Рис. 1. Количественное соотношение заявленных и разрешенных гражданских исков по уголовным делам

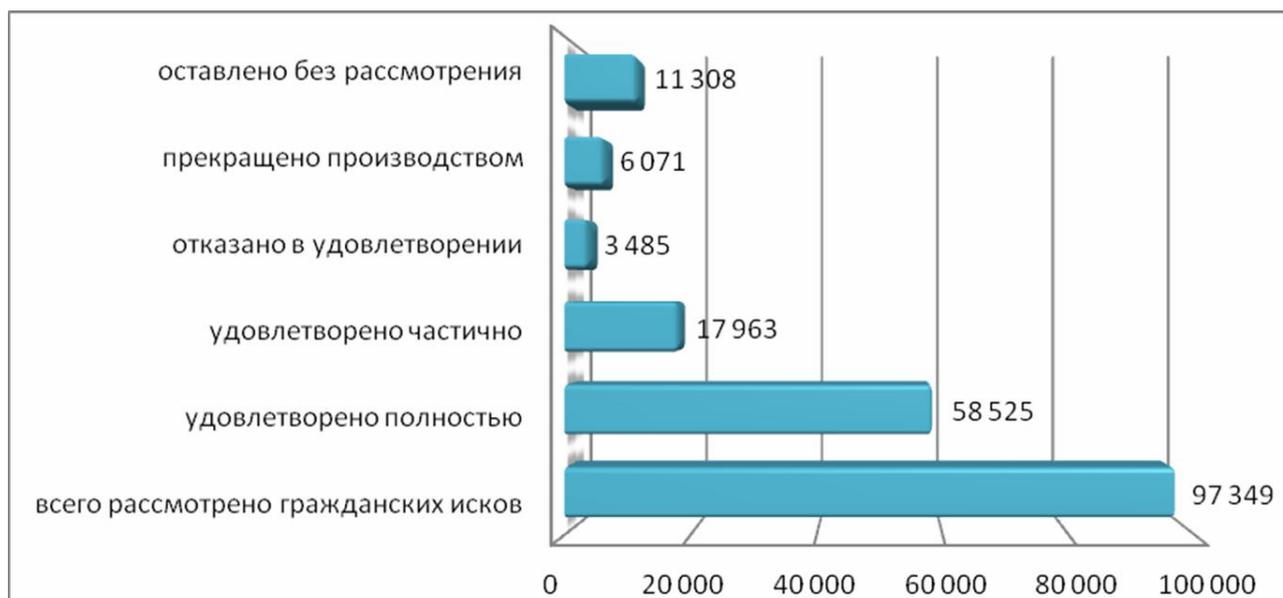

Рис. 2. Результаты рассмотрения гражданских исков, заявленных по уголовным делам в 2021 г.

Законодатель пытается оптимизировать институт возмещения вреда, причиненного преступлением, подтверждение тому — появление в УПК РФ ст. 25¹ «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа», ст. 28¹ «Прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба», ст. 160¹ «Меры по обеспечению гражданского иска, конфискации имущества и иных имущественных взысканий». Данные новеллы направлены на стимулирование лиц, совершивших преступление (других лиц, заинтересованных в их судьбе, и готовых за них платить), к скорейшему возмещению ущерба, причиненного преступлением, что смягчает ответственность за преступление; а также на применение дополнительных мер по обеспечению гражданского иска — наложение ареста на имущество, которое в последующем «возместит» потерпевшему, гражданскому истцу причиненный ущерб.

Обозначенные обстоятельства в значительной степени подтолкнули авторов не только провести анализ озвученных правовых явлений в соответствии с реальным состоянием современного уголовного процесса, но и пересмотреть несколько ключевых положений, представляющих собой теоретическую основу понятия гражданского иска в уголовном судопроизводстве, а также предложить некоторые пути оптимизации деятельности правоприменителей по обеспечению права лица на предъявление им гражданского иска в рамках расследуемого уголовного дела.

Институт гражданского иска не нов для отечественного уголовного процесса, ему уже более 150 лет, и известен он еще со времен Судебной реформы 1864 г. [1, с. 120—252]. Несмотря на столь длительную историю, до сих пор так и не удалось выяснить и разрешить все проблемы, которые не позволяют рассматриваемому институту надежно и эффективно функционировать в настоящее время, поэтому его исследование продолжает оставаться актуальным для развития уголовно-процессуальной науки и практики [2; 3].

Многие преступления, помимо причинения вреда публичным интересам государства, влекут нарушение частных прав граждан. Конституция Российской Федерации (далее — Конституция РФ) декларирует права потерпевших лиц и выступает гарантом их защиты, обеспечивает им доступ к правосудию, а также предоставляет возможности для компенсации причиненного им ущерба (ст. 46, 52)¹.

УПК РФ, в свою очередь, гарантирует защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6), что по своему смыслу подразумевает также и устранение последствий от совершенных преступлений, в том числе путем восстановления нарушенных гражданских прав.

В уголовном процессе обязанность государства обеспечивать надлежащую защиту гражданских прав потерпевших реализуется путем разрешения гражданских исков о возмещении имущественного ущерба, а также имущественной компенсации как морального, так и физического вреда, причиненного преступлением (ч. 1 ст. 44 УПК РФ). Необходимо уточнить, что в кодексе законодатель указывает только имущественный и моральный вред, умалчивая о физическом. Чтобы разобраться, расценивать ли это как «забывчивость» законодателя либо как его «квалифицированное молчание», потребуется провести отдельное исследование. Однако считаем уместным привести здесь замечание Е. В. Смирновой: «Причиненные преступлением *физический и моральный виды вреда являются, в принципе, невозместимыми*. Физический и моральный вред невозможно возместить, как невозможно повернуть время вспять и сделать совершенное преступление несуществовавшим. Компенсация физического и морального вреда не вернет потерпевшего в прежнее положение, а лишь смягчит, компенсирует причиненные ему страдания» [3, с. 94]. Да, действительно, невозможно восстановить утраченный орган или «стереть все шрамы как с тела, так и с сердца», но возможно попытаться загладить причиненный вред хотя бы в денежном эквиваленте, и именно на это должны быть направлены некоторые усилия лица, осуществляющего предварительное расследование по уголовному делу.

Традиционно под термином **«гражданский иск»** в уголовном судопроизводстве понимается «требование физического или юридического лица о возмещении причиненного непосредственно преступлением физического, имущественного вреда или об имущественной компенсации морального (*и физического*) вреда к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому либо лицам, которые в соответствии с законодательством РФ несут ответственность за причиненный ими вред, заявленное при производстве по уголовному делу» (ч. 1 ст. 42, ч. 1 ст. 44 УПК РФ).

Вместе с тем, по мнению М. С. Строговича, «институт гражданского иска в уголовном процессе

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одоб-

ренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обеспечивает охрану имущественных прав граждан путем возмещения потерпевшему от преступления гражданину причиненного им материального ущерба» [4, с. 261].

Я. И. Фойницкий определяет гражданский иск в уголовном процессе как «предъявленное уголовному суду требование о вознаграждении за вред и убытки, причиненные преступным деянием» [5, с. 234].

Заслуживает внимания понятие гражданского иска, которое предложили современные исследователи В. Г. Любан и И. Б. Тутынин. По их мнению, это «обращенное к уполномоченным государственными органами гражданско-правовое требование физического или юридического лица о возмещении вреда, причиненного ему непосредственно преступлением (или уголовно-наказуемым деянием невменяемого), предъявленное при производстве по уголовному делу и подлежащее разрешению совместно с уголовным делом в порядке уголовного судопроизводства» [6, с. 2].

В свою очередь, представители волгоградской школы процессуалистов под гражданским иском в уголовном судопроизводстве понимают «требование физического или юридического лица о возмещении причиненного непосредственно преступлением физического или имущественного ущерба, а также об имущественной компенсации морального вреда» [7, с. 295].

Наши нижегородские коллеги-процессуалисты считают, что это «судебный публично-правовой способ защиты прав потерпевшего, нарушенных преступлением, представляющий собой правопритязательный акт, предъявляемый в связи с предполагаемым причинением преступными действиями обвиняемого вреда потерпевшему (его здоровью, имуществу, чести и достоинству), состоящий в требовании потерпевшего к суду о взыскании с обвиняемого или лиц, несущих за него материальную ответственность, имущественного, физического и морального вреда» [8, с. 130—131].

Для должного понимания сущности гражданского иска в уголовном судопроизводстве прежде всего необходимо уяснить, что право на иск — это охранительное право требования, обязывающее определенное лицо к совершению известного действия и обладающее способностью подлежать принудительной реализации юрисдикционным органом [9, с. 76].

Толковые словари термин «иск» определяют как процессуальное средство защиты нарушенного или оспариваемого субъективного права или охраняемого законом интереса¹. Реализация же данного

конкретного субъективного права возможна в нескольких проявлениях: 1) управомоченное лицо вправе вести себя активно, т. е. совершать как конкретно установленные законом действия, так и прямо не запрещенные; 2) лицо вправе требовать от управомоченного лица совершения активных действий или требовать воздержаться от их совершения; 3) форма выражения — право притязания, т. е. охранительное субъективное гражданское право — возможность обратиться за защитой своего нарушенного права в правоохранительный орган, в том числе в суд.

В уголовном судопроизводстве реализуется именно право притязания, которое Б. Виндштейт определил как «anspruch» — основание (факт), позволяющее одному лицу требовать от другого лица чего-либо, при этом такое лицо имеет право на подобное требование [10, с. 91].

Иском именуется требование, которое адресовано одним лицом другому, основано на материально-правовых претензиях и подлежит рассмотрению в установленном законом процессуальном порядке.

Гражданский иск в уголовном судопроизводстве может возникнуть только тогда, когда вред причинен непосредственно совершенным преступлением. Физические и юридические лица имеют право требовать возмещения ущерба, причиненного преступлением именно путем заявления гражданского иска.

Поскольку институт гражданского иска является межотраслевым, его реализация осуществляется посредством как уголовного, так и гражданского судопроизводства. «Болевой точкой» гражданского иска в уголовном процессе выступает взаимное переплетение в нем норм уголовно-процессуального права с нормами гражданского и гражданско-процессуального права. Это делает его для правоприменителей сложным в понимании и применении в повседневной практической деятельности. Поэтому отдельное внимание в данной статье считаем уместным уделить именно нормативно-правовой базе гражданского иска.

Порой перед учеными и правоприменителями встает резонный вопрос: насколько допустимо разрешение гражданского иска, заявленного в рамках расследуемого уголовного дела, с применением норм гражданского процессуального законодательства?

Существует мнение, что данный вопрос не урегулирован на законодательном уровне, и видится необходимым официально закрепить правило конкуренции уголовно- и гражданско-процессуальных законов, т. е. допустить возможность применения норм Гражданского процессуального кодекса Рос-

¹ Энциклопедия юриста. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/893/%D0%98%D0%A1%D0%9A (дата обращения: 14.05.2022).

сийской Федерации (далее — ГПК РФ) при наличии пробелов в УПК РФ [11, с. 60—64], тем более что применение закона по аналогии для уголовно-процессуального права, в отличие, например, от уголовного права, допустимо.

Отвечая на столь интересный вопрос, отметим следующее: как бы заманчиво ни звучало вышеприведенное мнение, только УПК РФ устанавливает порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 1 УПК РФ). Кодекс четко разграничивает процедуры разрешения требований о возмещении (компенсации) вреда, причиненного преступлением: либо только в соответствии с УПК РФ, либо в порядке гражданского судопроизводства.

Напомним также, что в уголовном процессе неприменимы те процессуальные инструменты, которые присущи сугубо гражданскому судопроизводству. В качестве примеров можно привести процессуальное правопреемство гражданского истца, увеличение суммы компенсации (возмещения) причиненного вреда с учетом индексации в порядке исполнения приговора, предъявление встречного иска и др. [12, с. 103—118].

Таким образом, в своей деятельности, направленной на возмещение вреда, причиненного преступлением, независимо от вида данного вреда, правоприменителю надлежит руководствоваться следующими нормативными правовыми актами:

— *Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью*. В ней жертвами преступлений признаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью¹;

— *Конвенцией о защите прав человека и основных свобод* (ETS № 005, Рим, 4 ноября 1950 г.);

— *Конституцией РФ*. В соответствии с ч. 1 ст. 1 Основного Закона нашего государства Россия является правовым государством, в котором соблюдаются, охраняются и гарантируются права граждан и юридических лиц. «Права потерпевших от преступлений охраняются законом, им обеспечивается

доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба» (ст. 35, 46, 52)²;

— *Гражданским кодексом Российской Федерации* (далее по тексту — ГК РФ), а именно: ст. 15 «Возмещение убытков», гл. 8 «Нематериальные блага и их защита», ст. 53 «Органы юридического лица», ст. 125 «Порядок участия Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в отношениях, регулируемых гражданским законодательством», ст. 151 «Компенсация морального вреда», ст. 152 «Защита чести, достоинства и деловой репутации», ст. 185 «Общие положения о доверенности», ст. 185¹ «Удостоверение доверенности», ст. 186 «Срок доверенности», ст. 196 «Общий срок исковой давности», ст. 200 «Начало течения срока исковой давности», ст. 214 «Право государственной собственности», ст. 215 «Право муниципальной собственности», ст. 395 «Ответственность за неисполнение денежного обязательства», ст. 1064 «Общие основания ответственности за причинение вреда», ст. 1080 «Ответственность за совместно причиненный вред», ст. 1101 «Способ и размер компенсации морального вреда»³;

— *ГПК РФ*, а именно: ст. 31 «Подсудность нескольких связанных между собой дел» (гражданский иск, вытекающий из уголовного дела в случаях, когда он не был предъявлен или разрешен в рамках уголовного дела, предъявляется для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства), гл. 3 «Подсудность», ст. 61 «Основания для освобождения от доказывания»⁴;

— *Уголовным кодексом Российской Федерации* (далее — УК РФ), а именно гл. 15¹ «Конфискация имущества»⁵;

— *УПК РФ*, а именно: ст. 6 «Назначение уголовного судопроизводства», ст. 31 «Подсудность уголовных дел», ст. 42 «Потерпевший», ст. 44 «Гражданский истец», ст. 45 «Представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя», ст. 54 «Гражданский ответчик», ст. 55 «Представитель гражданского ответчика», ст. 250 «Участие

² Конституция Российской Федерации.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14.07.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята 29.11.1985 Резолюцией № 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. 1992. № 2.

гражданского истца и гражданского ответчика», ст. 115 «Наложение ареста на имущество», ст. 115¹ «Порядок продления срока применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество», ст. 116 «Особенности порядка наложения ареста на ценные бумаги», ст. 160¹ «Меры по обеспечению гражданского иска, конфискации имущества и иных имущественных взысканий», ст. 213 «Постановление о прекращении уголовного дела и уголовного преследования», ст. 246 «Участие обвинителя», ст. 250 «Участие гражданского истца или гражданского ответчика», ст. 306 «Резолютивная часть оправдательного приговора», ст. 309 «Иные вопросы, подлежащие решению в резолютивной части приговора»¹.

Отдельно необходимо акцентировать внимание на *разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации* (далее — Пленум Верховного Суда РФ), нашедших свое отражение в постановлениях для обеспечения единства судебной практики при разрешении и рассмотрении гражданских исков по уголовным делам и для разрешения возникающих в связи с этим вопросов. Не являясь нормативными правовыми актами, данные толкования норм права, тем не менее, безусловно, оказывают весомое влияние на правоприменительную практику и учитываются в практической деятельности не только судами, но и органами предварительного расследования:

— Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»;

— Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»;

— Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»;

— Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»;

— Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»;

— Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51

«О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства);

— Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления»;

— Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу»².

Как следует из вышесказанного, одним УПК РФ для надлежащего применения института гражданского иска в уголовном процессе ограничиться не получится, в связи с чем «строгая» статистика и демонстрирует невысокие цифры его реализации совместно с уголовным делом.

Кроме освоения нормативно-правовой базы гражданского иска, правоприменителю необходимо учитывать, что для заявления гражданского иска в уголовном судопроизводстве необходимо наличие ряда оснований.

Во-первых, это *материально-правовые основания*:

— установление наличия события и состава преступления;

— установление факта совершения преступления подозреваемым, обвиняемым (подсудимым) либо совершение общественно опасного деяния невменяемым;

— причинение вреда имущественным интересам потерпевшего в виде непосредственного ущерба от преступления (т. е. возникший вред от совершенного преступления должен находиться в причинно-следственной связи с совершенным деянием и наступившими последствиями). Необходимо отметить, что в рамках уголовного судопроизводства не подлежит взысканию упущенная выгода, за исключением случаев, когда ее наличие входит в элементы состава преступления (например, по составу преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)»);

— наличие причинной связи между преступными действиями виновного и наступлением вреда. Считается неправомерным предъявление в рамках уголовного преследования гражданского иска о возмещении ущерба, хотя и причиненного виновным, но не в результате преступления, или даже и причиненного в результате преступления, но не того,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

² О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

по которому осуществляется данное расследование. Иными словами, в рамках рассматриваемого производства не может быть рассмотрен гражданский иск, вытекающий из иных правоотношений (например, не может быть заявлен и рассмотрен гражданский иск о лишении родительских прав в случае расследования уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего»);

— иск о возмещении вреда, причиненного охраняемым уголовным законом интересам. Например, взяткодатель не может предъявить гражданский иск о возмещении денежных средств — суммы взятки, поскольку сам совершил противоправное деяние¹.

Во-вторых, это *процессуальные основания*:

— наличие процессуальной правоспособности и дееспособности гражданского истца. Нередко в уголовных делах фигура гражданского истца совпадает с процессуальной фигурой потерпевшего (однако не всегда). Для гражданского истца, являющегося физическим лицом, по общему правилу, необходимо достижение 18-летнего возраста (исключением являются эмансипированные несовершеннолетние, обладающие гражданской право- и дееспособностью). А для гражданского истца, являющегося лицом юридическим, необходимо наличие подтвержденного статуса юридического лица;

— гражданский иск, который может быть заявлен иным лицом (не являющимся потерпевшим) тогда, когда в результате преступления причинен вред тому имуществу, которым он фактически владеет;

— подсудность гражданского иска. Подсудность в данном случае определяется подсудностью расследуемого уголовного дела, в рамках которого гражданский иск заявлен;

— исковые требования гражданского истца, которые, по общему правилу, должны быть обоснованы фактом совершенного в отношении него преступления (исключением являются двухобъектные преступления), а также содержанием обвинения, предъявленного обвиняемому. Суд не вправе рассматривать гражданский иск и выносить по нему решение, если иск не связан с предъявленным обвинением;

— непредъявление по данному уголовному делу гражданского иска по тем же основаниям и по тем же требованиям;

— требование о возмещении вреда предъявляется к лицу, непосредственно причинившему ущерб совершенным преступлением (в большинстве случаев гражданским ответчиком признается обвиняемый по уголовному делу), либо к лицам, несущим по закону ответственность за вред, причиненный действиями обвиняемого (например, за вред, причиненный действиями несовершеннолетнего обвиняемого, несут материальную ответственность родители (опекуны, попечители)).

Следует оговориться, что в рамках данной статьи мы не будем останавливаться на фактических и юридических основаниях предъявления гражданского иска.

Таким образом, представив общую характеристику гражданского иска в уголовном судопроизводстве, мы в своем исследовании подошли к ключевым вопросам: почему складывается подобная негативная правоприменительная практика института гражданского иска в уголовном судопроизводстве; почему лица, пострадавшие от преступлений, в большинстве случаев не получают должного возмещения причиненного им вреда; почему их права и законные интересы не только не восстанавливаются в ходе уголовного судопроизводства, но и нередко нарушаются уже самими правоприменителями?

Не ограничившись только данными статистики, но и исследовав следственно-судебную практику, а также проинтервьюировав судей, следователей, дознавателей, помощников прокуроров, адвокатов (в том числе своих бывших коллег), пришли к некоторым выводам: во многом озвученные негативные тенденции связаны с непрофессионализмом правоприменителей (следователей, дознавателей, расследующих уголовные дела), т. е. тех лиц, которые должны своевременно, в полном объеме и доступной форме разъяснять потерпевшим право на заявление ими гражданского иска; в необходимых случаях, по нашему мнению, не просто формально разъяснить данное право, но и помочь его реализовать, т. е. составить иск; незамедлительно принять максимально возможные меры по обеспечению заявленного иска: по розыску имущества, подлежащего изъятию, установлению гражданских ответчиков, наложению ареста на имущество и т. п. Несвершенство механизма возмещения вреда, несбалансированность публично-правовых и частных правовых начал в уголовно-процессуальной дея-

¹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24.12.2019). П. 30. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тельности, некомпетентность (либо недостаточная компетентность) правоприменителей в области гражданского и гражданско-процессуального права, нежелание обременять себя лишними процессуальными обязанностями приводят к недостаточной эффективности реализации гражданского иска в уголовном судопроизводстве [13].

Озвучив некоторые актуальные вопросы применения гражданского иска в уголовном судопроизводстве, считаем необходимым привести несколько направлений, способных исправить сложившуюся негативную практику правоприменения.

Первое направление — это совершенствование уголовно-процессуального законодательства.

Во-первых, необходимо пересмотреть нормативную регламентацию прав потерпевшего и внести изменения в УПК РФ, дополнив ч. 2 ст. 42 «Потерпевший» подпунктом 11¹ в следующей редакции: «знать о праве на предъявление гражданского иска по уголовному делу сразу после признания потерпевшим и заявить о желании его реализовать в устном или письменном виде». Следует заметить, что авторы статьи считают не совсем удачными содержание и последовательность перечисленных в ч. 2 ст. 42 УПК РФ «Потерпевший» прав потерпевшего. Логичнее было бы права потерпевшего перечислить в той последовательности, которая соответствовала бы стадиям уголовного процесса и этапам расследования.

Во-вторых, право потерпевшего на предъявление гражданского иска должно корреспондировать обязанности органов уголовного преследования не просто своевременно (сразу после возбуждения уголовного дела и признания лица потерпевшим) разъяснить указанное право потерпевшему, но и обеспечить его реальное осуществление, чтобы оно не превращалось в пустую формальность. К этому же призывает правоприменителей принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, прямо указывая на обязанность лиц, осуществляющих уголовное преследование, разъяснять участникам уголовного судопроизводства их права и обеспечивать возможность осуществления этих прав (ч. 1 ст. 11 УПК РФ).

В ходе исследования авторы убедились, что нередко момент признания лица потерпевшим и момент признания этого же потерпевшего гражданским истцом существенно расходятся во времени (в статье уже указывалось, что по большинству уголовных дел потерпевший и гражданский истец являются одним и тем же лицом). Например, нередко в правоприменительной практике

следователь признает потерпевшего гражданским истцом уже в конце предварительного следствия, перед ознакомлением с материалами уголовного дела, и делает это формально, не удостоверившись в том, что потерпевшему понятен данный правовой статус и возникающие в связи с ним права и обязанности; либо берет у потерпевшего заявление, что он не желает заявлять гражданский иск в ходе расследуемого уголовного дела (возможно, потерпевший сделает это в последующем в рамках гражданского судопроизводства). Хотя по закону и логике потерпевший должен быть признан гражданским истцом как можно раньше, чтобы иметь возможность полноценно реализовать свои права. Кроме того, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ «при производстве по каждому уголовному делу подлежат обязательному доказыванию характер и размер вреда, причиненного преступлением». Конечно, ряд коллег могут возразить на сказанное, что на начальных этапах расследования может быть не установлено лицо, совершившее преступление, не уточнен причиненный ущерб и т. п., поэтому не стоит торопиться с гражданским иском. Однако законодатель не зря ввел в УПК РФ принцип разумного срока уголовного судопроизводства. Для некоторых уголовных дел, возможно, действительно потребуется время для обдумывания и расчета исковых требований, для других — нет. Например, совершен грабёж, разбой, кража и др., и если преступление очевидное, то правоприменитель может встретиться с потерпевшим всего несколько раз: на этапе подачи им заявления о преступлении в отдел полиции, возбуждения уголовного дела и в конце расследования — при ознакомлении с материалами уголовного дела. Хотя если после возбуждения уголовного дела, признания потерпевшим и его допроса следователь сразу возьмет с него заявление о том, что знакомиться по окончании расследования с уголовным делом он не желает, то следователь данного потерпевшего больше вообще не увидит. Соответственно, потерпевший в данном случае не сможет реализовать свое право на гражданский иск в ходе досудебного производства по уголовному делу.

Вместе с тем ради справедливости следует отметить, что правоприменители, не разъясняя потерпевшим право на предъявление гражданского иска в рамках уголовного дела либо, делая это формально, «для подписи» в процессуальном документе, вводя потерпевшего в заблуждение, что ему будет удобнее и проще заявить граждан-

ский иск позднее — в рамках гражданского судопроизводства, не всегда делают это «злонамеренно». Часто они сами не знают, как нужно правильно оформлять процессуальные документы, связанные с реализацией права на гражданский иск; какие процессуальные действия и в какой последовательности нужно проводить. Выше уже отмечалось, что гражданский иск в уголовном судопроизводстве не ограничивается нормами уголовно-процессуального законодательства, здесь необходимы также знания в сфере гражданского, гражданско-процессуального права, которых следователям иногда просто не хватает.

Поэтому *вторым направлением* для оптимизации гражданского иска в уголовном процессе, по нашему мнению, должно выступать квалифицированное обучение в рамках еженедельной профессиональной и правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел¹, повышения квалификации следователей и т. п. для улучшения их юридической грамотности по гражданскому праву и гражданскому процессу с целью научить квалифицированно работать с гражданскими исками, своевременно проводить процессуальные, в том числе следственные, действия, для их обеспечения, а также «предвидеть» их возможную судебную перспективу. Достойным помощником в этом может стать предложенный в диссертации Е. В. Смирновой алгоритм процессуальных действий по возмещению вреда, причиненного преступлением, служащий основой специализированного программного обеспечения «Процессуальные и иные документы по возмещению причиненного преступлением вреда» для персонального компьютеризированного рабочего места следователя и дознавателя. Разработанный этим автором «навигатор процессуальных бланков» представляет собой базу шаблонных процессуальных документов, заданных в определенной логической последовательности, которые выстраиваются в соответствующую систему в зависимости от введенных правоприменителем исходных данных о виде причиненного преступлением вреда (имущественный, физический, моральный, вред деловой

репутации юридического лица) [3]². Особенно актуально и своевременно предложенное Е. В. Смирновой специализированное программное обеспечение сегодня — в эпоху цифровизации уголовного судопроизводства.

Кроме того, в период обучения будущих правоприменителей, особенно в высших учебных заведениях МВД России, нужно обращать более пристальное внимание на темы, связанные с применением гражданского иска в уголовном судопроизводстве (к сожалению, наблюдается тенденция уменьшения академических часов по ним). При этом следует формировать как теоретические знания по данному институту, так и практические умения и навыки.

Подводя итог, отметим, что гражданский иск в уголовном процессе призван быть не только «льготным», но и действительно эффективным механизмом обеспечения возмещения ущерба, причиненного потерпевшим, восстановления их нарушенных прав и справедливости. Однако проблемы непрофессионализма правоприменителей в вопросах предъявления и дальнейшего обеспечения гражданского иска в уголовном процессе существенно затрудняют успешное функционирование данного института в уголовном судопроизводстве. Решать обозначенные проблемы необходимо своевременно и комплексно: совершенствуя уголовно-процессуальное законодательство и повышая правовую грамотность и ответственность лиц, осуществляющих предварительное расследование по уголовным делам.

¹ Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 (ред. от 25.01.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ. Автоматизированная система составления процессуальных документов / Е. А. Зайцева, Е. В. Смирнова, Е. В. Кульков, В. М. Бакулин. № 2018666430 от 17.12.2018.

1. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X—XX вв.: Судебная реформа. В 9 т. Т. 8 / отв. ред. Б. В. Виленский; под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва: Юрид. лит., 1991. 496 с.

2. Иванов Д. А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2017. 497 с.

3. Смирнова Е. В. Правовое регулирование и вопросы практики возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2017. 280 с.

4. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. Москва: Наука, 1968. 470 с.

5. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1 / под общ. ред. А. В. Смирнова. Санкт-Петербург: Альфа, 1996. 552 с.

6. Любан В. Г., Тутынин И. Б. О некоторых вопросах гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2015. № 9. С. 36—39.

7. Уголовный процесс: учебник. В 3 ч. Ч. 1. Общие положения уголовного судопроизводства / под ред. В. Г. Глебова, Е. А. Зайцевой. 5-е изд., перераб. и доп. Волгоград: ВА МВД России, 2017. 328 с.

8. Уголовный процесс России: учебник / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Сереброва; науч. ред. В. Т. Томин. Москва: Юрайт-Издатель, 2003. 821 с.

9. Крашенинников Е. А. К теории права на иск. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1995. 76 с.

10. Виндштейн Б. Учебник пандектного права. Общая часть: пер. с нем. / под ред. и с предисл. С. В. Пахман. Санкт-Петербург: Гиероглифов и Никифоров, 1874. 375 с.

11. Соиников М. А. Гражданский иск в уголовном процессе: история, современность, перспективы // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 10. С. 60—64.

12. Матейкович М. С. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве: закон, доктрина, судебная практика // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 103—118.

13. Лугинец Э. Ф. О некоторых «наболевших» проблемах предъявления гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Актуальные про-

1. The Statute of Criminal Proceedings of November 20, 1864. In: Russian legislation of the X—XX centuries: Judicial reform. In 9 vols. Vol. 8. Ed. B. V. Vilensky, under the general ed. O. I. Chistyakov. Moscow: Legal literature; 1991: 496. (In Russ.).

2. Ivanov D. A. Pre-trial procedure for compensation of damage caused by a crime: theoretical and legal foundations, problems of law enforcement. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2017: 497. (In Russ.).

3. Smirnova E. V. Legal regulation and issues of practice of compensation for damage caused by a crime in criminal proceedings in Russia. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Volgograd; 2017: 280. (In Russ.).

4. Strogovich M. S. Course of the Soviet criminal process. In 2 vols. Vol. 1. The main provisions of the science of the Soviet criminal process. Moscow: Nauka; 1968: 470. (In Russ.).

5. Foynitsky I. Ya. Course of criminal proceedings. Vol. 1. General ed. by A. V. Smirnov. Saint Petersburg: Alfa; 1996: 552. (In Russ.).

6. Lyuban V. G., Tutynin I. B. On some issues of a civil claim in criminal proceedings. Russian Justice, 36—39, 2015. (In Russ.).

7. Criminal procedure. Textbook. In 3 parts. Part 1. General provisions of criminal proceedings. 5th ed., reprint. and add. Ed. by V. G. Glebov, E. A. Zaitseva. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2017: 328. (In Russ.).

8. Alexandrov A. S., Kovtun N. N., Polyakov M. P., Serebrova S. P. The criminal process of Russia. Textbook. Scientific ed. V. T. Tomin. Moscow: Yurayt-Izdat; 2003: 821. (In Russ.).

9. Krashenninikov E. A. On the theory of the right to claim. Yaroslavl: Publishing House of Yaroslavl University; 1995: 76. (In Russ.).

10. Windstein B. Textbook of pandect law. General part. Translated from German. Ed. and preface: S. V. Pakhman. Saint Petersburg: Hieroglyphov and Nikiforov; 1874: 375. (In Russ.).

11. Soynikov M. A. Civil suit in criminal proceedings: history, modernity, prospects. Arbitration and civil procedure, 60—64, 2017. (In Russ.).

12. Mateikovitch M. S. Civil suit in criminal proceedings: law, doctrine, judicial practice. Journal of Russian Law, 103—118, 2020. (In Russ.).

13. Luginets E. F. On some "painful" problems of filing a civil claim in criminal proceedings. In: Actual problems of preliminary investigation. Collection of materials of the All-Russian Scientific and practical conference. Nizhny Novgorod: Nizhny

блемы предварительного следствия: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. Нижний Новгород: НА МВД России, 2020. С. 226—232.

Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2020: 226—232. (In Russ.).

Лугинец Эльвира Фаильевна,

доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент; elfik3000nn@yandex.ru

Luginets Elvira Failiyevna,

associate professor at the department of criminal procedure of the educational and scientific complex for preliminary investigation in law-enforcement bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent; elfik3000nn@yandex.ru

Бондарь Мария Михайловна,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России; bondar02082014@yandex.ru

Bondar Maria Mikhailovna,

senior lecturer at the department of criminal procedure of the educational and scientific complex for preliminary investigation in law-enforcement bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; bondar02082014@yandex.ru

Николаева Татьяна Анатольевна,

начальник кафедры предварительного расследования Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук; zyuzina.tatyana.78@mail.ru

Nikolaeva Tatiana Anatolyevna,

head at the department of preliminary investigation of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences; zyuzina.tatyana.78@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 15.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.13

doi: 10.25724/VAMVD.A021

**ПУБЛИЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ
И РОЛЬ КАТЕГОРИИ «СОГЛАСИЕ»
В ДОСТИЖЕНИИ ИХ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ**

Александр Александрович Насонов

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, nasonov.aa@mail.ru

Аннотация. В статье определяется круг публичных интересов, существующих в уголовно-процессуальной сфере, предлагаются дефиниция и классификация публичных интересов, раскрываются их системообразующие признаки (способность отражать потребности общества и государства в уголовно-процессуальной сфере; направленность на удовлетворение указанных потребностей; способность иметь своим объектом общественные блага, признанные уголовно-процессуальным законодательством; нормативность; гарантированность их правом; реализуемость их с помощью процессуальных действий властных участников уголовного судопроизводства, являющихся выразителями публичных интересов; взаимосвязанность с частными интересами).

Обосновывается целесообразность классификаций публичных интересов в уголовном процессе по таким основаниям, как виды целей (задач), в которых отражаются публичные интересы; сфера реализации публичных интересов; субъекты, реализующие публичные интересы; объект публичных интересов.

Приводятся аргументы в пользу того, что достижение баланса внутри системы публичных интересов, выразителями которых являются властные участники уголовного процесса, будет весьма проблематичным без процессуальных действий, сопряженных с реализацией категории «согласие». Согласование позиций публичных субъектов способствует более четкому определению подлежащих охране в уголовном судопроизводстве интересов государства, устранению возможного диссонанса в самой системе публичных интересов.

Ключевые слова: публичный интерес, частный интерес, категория «согласие», классификация публичных интересов, признаки публичного интереса, гарантии, баланс интересов, объект публичных интересов

Для цитирования: Насонов А. А. Публичные интересы в уголовном процессе России и роль категории «согласие» в достижении их сбалансированности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 76—84. doi: 10.25724/VAMVD.A021

**PUBLIC INTERESTS IN THE CRIMINAL PROCESS OF RUSSIA
AND THE ROLE OF THE CATEGORY "CONSENT"
IN ACHIEVING THEIR BALANCE**

Alexander Alexandrovich Nasonov

Voronezh Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, nasonov.aa@mail.ru

Abstract. The article defines the range of public interests existing in the criminal procedure sphere, proposes a definition of public interests, proposes a classification of public interests, reveals the system-forming features of public interests (the ability to reflect the needs of society and the state in the criminal procedure sphere; focus on meeting these needs; the ability to have as its object public goods recognized by criminal procedure legislation; normativity; guarantee of their right; their realizability with the help of procedural actions of powerful participants in criminal proceedings who are representatives of public interests; interconnectedness with private interests).

The expediency of classifying public interests in criminal proceedings is substantiated on such grounds as the types of goals (tasks) that reflect public interests; the sphere of realization of public interests; subjects realizing public interests; the object of public interests.

Arguments are given in favor of the fact that achieving a balance within the system of public interests, the representatives of which are the powerful participants in the criminal process, will be very problematic without procedural actions involving the implementation of the category "consent". The coordination of the positions

of public entities contributes to a clearer definition of the interests of the state to be protected in criminal proceedings, the elimination of possible dissonance in the system of public interests itself.

Keywords: public interest, private interest, category of "consent", classification of public interest, signs of public interest, guarantees, balance of interests, object of public interest

For citation: Nasonov A. A. Public interests in the criminal process of Russia and the role of the category "consent" in achieving their balance. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 76—84, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A021

Категория «интерес» чрезвычайно важна как для правотворческой, так и для правоприменительной деятельности. Как верно отмечал Л. Д. Кокорев, интерес является стимулом для процессуальной деятельности [1, с. 13]. И действительно, в основе любой деятельности, осуществляемой человеком, лежит его интерес — стремление удовлетворить потребность в чем-либо. Это связано с тем, что только в ходе деятельности человека возможна реализация указанного стремления.

Однако интерес свойственен не только отдельному человеку. Такая характеристика присуща также и объединению людей. В этом смысле не без оснований можно говорить о существовании интересов общества и государства.

Интерес социума с давних пор считается публичным. Он наряду с частным интересом учитывался для дифференциации права еще римскими юристами [2, с. 23]. Публичный интерес, появившийся одновременно с возникновением его носителя — государства, отображался в источниках права, используемых не только в разных странах, но и в разные исторические эпохи. По-иному и быть не могло, поскольку именно право, оберегая интересы общества и государства, создавало условия для их нормального функционирования и устойчивого развития. Сказанное в полной мере относится и к источникам российского права. На разных этапах эволюции российской государственности публичный интерес не просто учитывался нормативными правовыми актами. Реализация его в той или иной степени была обеспечена правовыми гарантиями, которые сосредоточивались в нормах, регулирующих различные общественные отношения. Не стали исключением в этом смысле и нормы, закрепляющие процедуру установления преступления.

На Руси особенно возрастает служение указанных норм публичным интересам начиная с XV в., что вполне соответствовало укреплению в обществе взгляда на преступление как на посягательство, затрагивающее не только частные, но и государственные интересы [3, с. 11]. Разграничение уголовного и гражданского судопроизводства, завершившееся в России с принятием Устава гражданского судопроизводства и Устава уголовного

судопроизводства в 1864 г., позволило не только уголовно-правовым, но и уголовно-процессуальным нормам больше сконцентрироваться на реализации публичных интересов в соответствующих сферах. Несмотря на то что судебная реформа XIX в., во время которой были приняты упомянутые уставы, проводилась в демократическом ключе и ознаменовалась созданием новых институтов, призванных гарантировать права лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, публичные интересы остались приоритетными для уголовно-процессуальной сферы. Недаром целью уголовного процесса того исторического периода считалось наложение наказания в каждом конкретном случае совершившегося преступления [4, с. 4; 5, с. 24].

Приоритет публичных интересов наблюдался и в последующие исторические периоды развития уголовного процесса, включая и советский. Во многом это связано с тем, что уголовный процесс — отрасль публичного права, призванная наряду с другими отраслями указанной сферы служить в первую очередь общезначимым интересам, т. е. интересам общества и государства [6, с. 565].

Однако объекты публичных интересов, реализуемых в уголовно-процессуальном пространстве, будут некоторым образом отличаться от аналогичных объектов, охраняемых другими отраслями публичного права. Объяснение этому следует искать в специфике той или иной отрасли. Между тем такое сравнение имеет смысл при условии грамотного определения сферы публичных интересов как в уголовно-процессуальном праве, так и в других отраслях публичного права.

Если сравнить объекты публичных интересов, охраняемые нормами отраслей публичного права на современном этапе их развития, то не трудно обнаружить следующую закономерность. Практически во всех кодифицированных актах, обеспечивающих указанные отрасли, в качестве ценности законодатель отмечает защиту прав и законных интересов лиц или их охрану в соответствующей сфере (ст. 1.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, п. 1 ч. 1 ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, п. 2 ч. 1 ст. 3 Кодекса

административного судопроизводства Российской Федерации, ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 2 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации, ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)). Это полностью соответствует отношению российского государства к человеку, его правам и свободам, закрепленному в ст. 2 Конституции Российской Федерации. В них оно видит высшую ценность.

Такую расстановку акцентов в системе социальных ценностей многие авторы не без основания связывают с признанием Российской Федерацией приоритета тех из них, которые бесспорно признаны мировым сообществом [7, с. 229]. Следование им Российской Федерацией способствует поддержанию ею имиджа правового государства (ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации). Однако несмотря на важность указанных обстоятельств, очевидным является то, что повышенное внимание к человеку, его правам и свободам не является только западной ценностью. Оно не навязано нашему государству извне. Подобные предпочтения российского общества являются для него вполне осознанными и в определенной мере исторически обусловленными. Некоторые факторы, повлиявшие на такой выбор, имеют религиозную окраску, ведь любовь к человеку является основой любой религии, включая и христианство. Именно к этой морали не раз обращалась русская интеллигенция. Любовью к человеку пронизаны произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова, Н. С. Лескова, А. П. Чехова и других известных российских писателей и поэтов. Теме человека были посвящены философские работы А. Н. Радищева, А. С. Хомякова, Н. А. Бердяева, М. М. Бахтина и др.

Творческое наследие ушедших поколений не осталось незамеченным. Ему была дана высокая оценка современными учеными [8, с. 7—8, 10—11, 13—14, 15—20].

Однако интерес к человеку и его нуждам был свойственен не только российским писателям, поэтам и философам. Он был характерен и для представителей российской юридической науки, оценивших по достоинству «правозащитные возможности личности (суд присяжных, адвокатская помощь и т. д.)» [9, с. 17], появившиеся в России в XIX в. при проведении судебной реформы.

Проблемы процессуальных прав личности находились также в центре внимания ученых, живших и в советскую эпоху. Отчасти это было связано

с тем, что нормативные акты советского государства, нередко упоминающие права и свободы личности, нуждались в соответствующем научном анализе. Последний можно встретить в работах ряда советских ученых. Профессор М. С. Строгович, чье имя неразрывно связано с развитием науки советского уголовного процесса, писал: «Советское социалистическое правосудие характеризуется подлинным социалистическим демократизмом и гуманизмом... оно обеспечивает как обвиняемым в совершении преступления лицам, так и иным участникам процесса реальную охрану их прав и законных интересов» [10, с. 30]. Однако подобный оптимистический взгляд разделялся далеко не всеми. Авторы не без основания обращали внимание на то, что задачу обеспечения прав можно будет считать решенной, когда указанные права будут реально обеспечены [11, с. 332].

Раздававшиеся в прошлом призывы обратить внимание на человека и его права в наши дни услышаны государствами, поставившими перед собой цель стать правовыми. К таким государствам относит себя и Российская Федерация (ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации). Это дает основание верить в то, что конституционные ценности приживутся в российском обществе.

Однако даже если государство не преследует указанной цели, оно все равно вынуждено заботиться о человеке, охране его прав и законных интересов. В противном случае пострадает сама государственность [12, с. 62]. Л. С. Явич объясняет это тем, что государство не может полностью пренебрегать общими делами, поддержанием условий существования данного общества, его сохранением [13, с. 188]. Л. А. Пожарова и Н. А. Косолапова обращают внимание на то, что «нарушение или несоблюдение государством основных прав и свобод человека и гражданина, отсутствие чувства безопасности в обществе может спровоцировать правовую неуверенность граждан в защите и возможности обеспечить правопорядок со стороны государства, что приводит к подрыву авторитета власти в целом. В ситуации страха за свою жизнь и безопасность, не находя поддержки от государства, человек перестает ценить и уважать силу правовых актов, переходя к неправовым способам защиты, приводящим, как правило, к актам агрессии и насилию» [14, с. 44]. В то же время частный интерес не может полностью обособиться от публичного интереса. Н. В. Бутусова пишет: «...разрушение государственности в результате военных конфликтов, всякого рода переворотов „ударяет“, в первую очередь, по правам и свободам

человека и гражданина, резко ослабляя или вообще уничтожая систему их гарантий» [12, с. 62].

Приведенные доводы свидетельствуют в пользу того, что публичные и частные интересы настолько тесно связаны между собой, что способны взаимообеспечивать друг друга. Данное обстоятельство немаловажно для эффективного функционирования уголовно-процессуальной системы. В связи с этим не лишено логики следующее высказывание: «...частные и публичные интересы, взаимообеспечивая друг друга, способны создавать механизмы, которые более эффективно решают задачи уголовного процесса...» [15, с. 201].

Взаимообеспечение частных и публичных интересов наряду с другими формами их взаимодействия характеризует один из признаков как публичных, так и частных интересов. Именуется он взаимосвязью указанных интересов.

Следующим признаком публичных интересов является их нормативность. «Проникая... в норму, — отмечается в литературе, — интерес оказывается в сущности права, ибо норма немыслима вне его сущности при любом подходе к правопониманию» [16, с. 8]. Отраженный в правовой норме публичный интерес всегда будет законным интересом [17, с. 35], потому что он официально признан государством.

С признаком нормативности тесно связан другой признак публичных интересов — их гарантированность государством. Именно обеспеченность со стороны государства интересов, признанных им в качестве публичных, не дает права кому бы то ни было их ограничивать [18, с. 12], что, без сомнения, способствует их беспрепятственной реализации в уголовном судопроизводстве.

Обеспеченность публичных интересов в уголовном судопроизводстве достигается с помощью процессуальных гарантий. К их числу относятся не только исходные, отправные нормы, но и нормы — правила поведения.

Если говорить об исходных, отправных уголовно-процессуальных нормах как средствах, способных гарантировать публичные интересы, то в первую очередь необходимо обратить внимание на нормы-принципы, которые развивают, конкретизируют содержание такого публичного интереса, как обеспечение прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Среди них нельзя не упомянуть принципы, сквозь содержание которых обеспечивательная деятельность проходит красной нитью: охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ч. 1 ст. 11 УПК РФ), обеспечения подозреваемому и обвиняемому права

на защиту (ст. 16 УПК РФ), языка уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 18 УПК РФ). В главе 2 УПК РФ имеются также нормы-принципы, соблюдение которых способно гарантировать права и свободы лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство [19, с. 103; 20, с. 91] (например, законность при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ); уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ); осуществление правосудия только судом (ст. 8 УПК РФ); разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ); неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ); неприкосновенность жилища (ст. 12 УПК РФ); тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ); презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ); право на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ) и др.).

Однако основная часть гарантий реализации публичных интересов содержится в нормах — правилах поведения, сосредоточенных в других главах УПК РФ. Многие из них посвящены такому публичному интересу, как уголовное преследование. На его осуществление направлена целая система процессуальных действий, выполняемых публичными субъектами, которые нетрудно группировать в большие блоки, соответствующие тем или иным стадиям уголовного судопроизводства. В рамках каждой из них удовлетворяются публичные интересы, конкретизирующие интересы, выраженные в назначении уголовного судопроизводства. Данный тезис полностью согласуется с высказыванием С. В. Зуева и К. И. Сутягина о том, что цель уголовного процесса можно определить как решение задач конкретной стадии уголовного процесса [21, с. 15]. Следовательно, о характере публичных интересов, реализуемых на той или иной стадии уголовного процесса, можно судить по задачам, решаемым в ней.

Приведем несколько примеров в подтверждение сказанного. Так, на стадии возбуждения уголовного дела создаются предпосылки для уголовного преследования путем удовлетворения таких публичных интересов, как установление законности повода к возбуждению уголовного дела, подтверждение достаточности основания для возбуждения уголовного дела.

На этой же стадии осуществляется и правообеспечительная деятельность. Важнейшей ее стороной применительно к лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, является установление процессуальных оснований для отказа в возбуждении уголовного дела. Данная

деятельность также направлена на удовлетворение публичного интереса.

На стадии предварительного расследования в ходе решения задач, поставленных перед ней, также реализуются публичные интересы. Их объектами являются: установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию; выявление лиц, причастных к совершению преступления; создание условий для последующего рассмотрения уголовного дела по существу в судебном заседании (например, применение мер пресечения); выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Судебное разбирательство, решая поставленные перед ним задачи, также вносит свой вклад в реализацию публичных интересов. Их объектами в первую очередь являются установление виновности или невиновности лица; назначение ему наказания или освобождение от наказания.

Анализ публичных интересов, реализуемых на стадиях уголовного процесса, позволяет говорить о том, что виды таких интересов соответствуют видам уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой властными субъектами на этих стадиях.

Очевидно, что упомянутые публичные интересы, которым служит каждая отдельная стадия уголовного процесса, являются более компактными по сравнению с публичными интересами, отраженными в ст. 6 УПК РФ. Они сконцентрированы в задачах стадий уголовного процесса и призваны конкретизировать, детализировать публичные интересы, к которым обращается назначение уголовного судопроизводства. В связи с этим возможна классификация публичных интересов на следующие группы: 1) публичные интересы, отраженные в назначении уголовного судопроизводства; 2) публичные интересы, сконцентрированные в задачах стадий уголовного судопроизводства. Критерием данной классификации являются цели (задачи), в которых отражаются публичные интересы.

Однако разделение публичных интересов на разновидности возможно и по другим критериям. Так, учитывая, что публичные интересы должны защищаться не только в стадийном производстве по уголовному делу, но и в производствах, охватываемых международным сотрудничеством по уголовно-процессуальным вопросам, целесообразно выделять: 1) публичные интересы, подлежащие защите в стадийном производстве по уголовному делу и 2) публичные интересы, подлежащие защите в сфере международного сотрудничества по уголовно-процессуальным вопросам. Основанием дан-

ной классификации является сфера реализации публичных интересов.

Следующая классификация опирается на такой критерий, как объект (предмет) публичных интересов. Как верно отмечается в литературе, «предметом публичного интереса служит то благо, которое необходимо либо весьма желательно для полноценного функционирования и развития общества, отдельных социальных групп» [15, с. 34], а также государства. Следовательно, признак публичных интересов в контексте сказанного можно сформулировать как их способность иметь своим объектом общественные блага, желательные для уголовно-процессуальной сферы, признанные уголовно-процессуальным законодательством и охраняемые им. Наиболее значимыми из них являются обеспечение прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания, отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Эти и другие блага некоторые авторы не без основания отождествляют с ценностями, которых добилось то или иное государство [22, с. 582]. Такие блага-ценности, будучи объектами публичных интересов в уголовно-процессуальной сфере, отвечают потребностям общества и государства в указанной сфере и удовлетворяют их. Направленность на удовлетворение указанных потребностей следует рассматривать еще в качестве одного признака публичных интересов наряду с их способностью отражать потребности общества и государства в уголовно-процессуальной сфере.

Итак, по объекту публичные интересы могут быть распределены на две группы: 1) публичные интересы, объект которых связан с обеспечением прав личности в уголовном процессе (например, обеспечение подозреваемому права на защиту); 2) публичные интересы, объект которых связан с обеспечением надлежащей уголовной процедуры (например, установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию).

С объектом публичных интересов тесно связаны их субъекты. И тот, и другие являются необходимыми элементами публичного интереса. И это позволяет каждый из них рассматривать в качестве основания для классификации публичных интересов.

Говоря о субъектах как критерии для следующей классификации публичных интересов в уголовном судопроизводстве, необходимо отметить, что критерий, лежащий в ее основании, вытекает из такого

признака публичных интересов, как способность государства выступать носителем публичных интересов. Государство способно отстаивать публичные интересы только с помощью государственных органов и должностных лиц. Для этого они наделяются соответствующей компетенцией. Субъектов, представляющих государство как носителя публичных интересов, можно считать выразителями последних. Если принимать во внимание выразителей публичных интересов в уголовно-процессуальных отношениях, то следует выделять публичные интересы, реализуемые участниками со стороны обвинения (следователем, дознавателем, руководителем следственного органа, прокурором, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания, органом дознания), и публичные интересы, реализуемые судом.

Примечательно, что публичные интересы первой группой участников реализуются в основном в досудебном производстве. Это не исключает участия с этой целью некоторых из них, в частности прокурора, и в других стадиях уголовного процесса. Суд же выполняет соответствующую миссию, главным образом, в судебных стадиях. Вместе с тем его участие в других стадиях уголовного процесса в качестве проводника публичных интересов также возможно (например, при осуществлении судебного санкционирования в досудебном производстве).

Способность государства в лице властных участников уголовного судопроизводства выступать носителем публичных интересов является одним из существенных признаков указанных интересов. С ним тесно связан и другой признак публичных интересов — реализуемость их с помощью процессуальных действий властных участников уголовного судопроизводства, являющихся выразителями публичных интересов. Для реализации публичных интересов требуется определенная система предусмотренных законом действий властных участников уголовного судопроизводства. Важное место среди них отводится согласованию. Недаром законодатель в соответствующих нормах обращается к категории «согласие», применение которой позволяет привести к общему знаменателю позиции властных участников по ключевым уголовно-процессуальным вопросам (например, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, производство следственных действий, ограничивающих или затрагивающих конституционные права и свободы граждан, и др.), что позволяет более четко определить подлежащие охране в уголовном судопроизводстве интересы государства, а также создать комфортные условия для реализации соответствующих интересов, при-

знанных государством. Учитывая направленность согласования на устранение возможного диссонанса в системе публичных интересов, не будет преувеличением считать его одним из факторов, отвечающих за качество реализации этих интересов.

Приведенные классификации публичных интересов, несмотря на их условность, позволяют:

— констатировать, что виды публичных интересов, реализуемых на стадиях уголовного процесса, соответствуют видам уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой властными субъектами на этих же стадиях;

— показать, что реализация публичных интересов, имея широкие границы, не замыкается только на стадийном производстве, а затрагивает также международное сотрудничество в уголовно-процессуальной сфере;

— выделить в первую очередь такие признаки публичных интересов, как способность иметь своим объектом общественное благо, признанное уголовно-процессуальным законодательством; способность государства в лице властных участников уголовного судопроизводства выступать носителем публичных интересов; нормативность и реализуемость публичных интересов с помощью процессуальных действий властных участников уголовного судопроизводства, являющихся выразителями публичных интересов.

Указанные признаки наряду с другими (способностью отражать потребности общества и государства; направленностью на удовлетворение указанных потребностей; гарантированностью их правом; человекоориентированностью; взаимосвязанностью с частными интересами) несложно для удобства разбить на три большие группы: 1) признаки, являющиеся общими для всех видов интересов (и для публичных, и для частных); 2) признаки, характерные только для публичных интересов; 3) признаки, свойственные только частным интересам.

Первая группа признаков представлена нормативностью, гарантированностью интересов правом, взаимосвязью публичных и частных интересов, человекоориентированностью.

Ко второй группе признаков относятся: способность отражать потребности общества и государства в уголовно-процессуальной сфере; направленность на удовлетворение указанных потребностей, а значит, и на достижение социально значимого позитивного результата в виде ценностей, признанных в уголовно-процессуальных отношениях; способность иметь своим объектом общественное благо, признанное уголовно-процессуальным

законодательством; способность иметь своим субъектом государство, которое в лице властных участников уголовного судопроизводства выступает носителем публичных интересов; реализуемость их с помощью процессуальных действий властных участников уголовного судопроизводства, являющихся выразителями публичных интересов.

Первые две группы признаков несложно рифмуется в дефиницию публичных интересов в уголовном процессе, которая, на наш взгляд, может выглядеть следующим образом. Публичные интересы в уголовном судопроизводстве — это отраженное государством в правовом регулировании, гарантированное им и реализуемое в процессуальных действиях властных участников уголовного судопроизводства стремление общества и государства удовлетворить свои потребности в уголовно-процессуальной сфере путем достижения социально значимого позитивного результата в рамках уголовно-процессуальных отношений.

Исследование публичных интересов позволяет сделать следующие выводы:

1. К системообразующим признакам публичных интересов в уголовном процессе относятся:

- способность отражать потребности общества и государства в уголовно-процессуальной сфере;
- направленность на удовлетворение указанных потребностей;
- способность иметь своим объектом общественные блага, признанные уголовно-процессуальным законодательством;
- их носителем является государство в лице властных участников уголовного судопроизводства;
- нормативность;
- гарантированность их правом;
- реализуемость их с помощью процессуальных действий властных участников уголовного судопроизводства, являющихся выразителями публичных интересов;
- взаимосвязанность с частными интересами.

Принятие во внимание указанных признаков позволяет сформулировать определение публичных интересов в уголовном процессе, приведенное выше.

2. Классификация публичных интересов в уголовном процессе возможна по следующим основаниям:

— виды целей (задач), в которых отражаются публичные интересы (публичные интересы, отраженные в назначении уголовного судопроизводства; публичные интересы, сконцентрированные в задачах стадий уголовного судопроизводства);

— сфера реализации публичных интересов (публичные интересы, подлежащие защите в стадийном производстве по уголовному делу; публичные интересы, подлежащие защите в сфере международного сотрудничества по уголовно-процессуальным вопросам);

— субъекты, реализующие публичные интересы (публичные интересы, реализуемые судом; публичные интересы, реализуемые участниками со стороны обвинения (следователем, дознавателем, руководителем следственного органа, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания, органом дознания));

— объект публичных интересов (публичные интересы, объект которых связан с обеспечением прав личности в уголовном процессе; публичные интересы, объект которых связан с обеспечением надлежащей уголовной процедуры).

3. Достижение баланса внутри системы публичных интересов, выразителями которых являются властные участники уголовного процесса, будет весьма проблематичным без процессуальных действий, сопряженных с реализацией категории «согласие». Согласование позиций публичных субъектов, как разновидность указанных действий, способствует более четкому определению подлежащих охране в уголовном судопроизводстве интересов государства, а значит, и устранению возможного диссонанса в самой системе публичных интересов.

1. Кокорев Л. Д. Положение личности в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ленинград, 1975. 39 с.

2. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И. С. Перетерского / отв. ред. Е. А. Скрипилев. Москва: Наука, 1984. 456 с.

3. Петрухин И. Л. Правосудие: время реформ. Москва: Наука, 1991. 208 с.

1. Kokorev L. D. The position of the individual in the Soviet criminal proceedings. Abstract of the dissertation of the doctor of juridical sciences. Leningrad; 1975: 39. (In Russ.).

2. Digests of Justinian. Selected fragments in translation and with notes by I. S. Peretersky. Ed. E. A. Skripilev. Moscow: Nauka; 1984: 456. (In Russ.).

3. Petrukhin I. L. Justice: the time of reforms. Moscow: Nauka; 1991: 208. (In Russ.).

4. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство — судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. 343 с.

5. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Общая часть // Теория судебных доказательств в уголовном процессе: конец XIX — начало XX века: хрестоматия / сост. Ю. В. Астафьев, А. Ю. Астафьев. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2016. 313 с.

6. Марченко М. Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2006. 640 с.

7. Соловьев А. Б. Роль прокурорского надзора в соблюдении прав подозреваемого и обвиняемого при расследовании преступлений // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (12 мая 2003 г.) / под ред. д-ра юрид. наук В. Н. Лопатина. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 229—233.

8. Гуревич П. Тема человека в русской философии // Философская антропология. 2020. Т. 6, № 1. С. 6—26.

9. Юнусов С. А. Развитие принципа справедливости и прав человека в правовой системе дореволюционной России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 2. С. 15—20.

10. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса / отв. ред. Н. Н. Полянский. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 704 с.

11. Истина... И только истина! Пять бесед о судебно-правовой реформе / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Ю. И. Стецовский. Москва: Юрид. издат., 1990. 432 с.

12. Бутусова Н. В. Человек, его права и свободы — высшая ценность: только конституционный идеал или достижимая реальность? // Человек в глобальном мире: материалы Междунар. науч. конф. (Воронеж, 18—20 мая 2015 г.) / под ред. Н. В. Бутусовой, Й. Ананиева. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2015. С. 58—63.

13. Явич Л. С. Общая теория права. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 188 с.

14. Пожарова Л. А., Косолапова Н. А. Государство и права человека: проблемы ограничения в условиях пандемии // Правовая парадигма. 2020. Т. 19, № 3. С. 41—46.

15. Панфилов П. О., Шишов В. В. Взаимообеспечение и противостояние частных и публичных интересов при освобождении от уголов-

4. Sluchevsky V. K. Textbook of the Russian criminal process. The judiciary — judiciary. 4th ed., add. and correct. Saint Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich; 1913: 343. (In Russ.).

5. Vladimirov L. E. The doctrine of criminal evidence. General part. In: The theory of forensic evidence in criminal proceedings: the end of the 19th — the beginning of the 20th century. A reader. Comp. Yu. V. Astafiev, A. Yu. Astafiev. Voronezh: Printing house of Voronezh State University; 2016: 313. (In Russ.).

6. Marchenko M. N. Theory of state and law. Textbook. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Prospekt; 2006: 640. (In Russ.).

7. Solovyov A. B. The role of prosecutorial supervision in observance of the rights of the suspect and the accused in the investigation of crimes. In: Human rights in Russia and human rights activities of the state. Collection of materials of All-Russian scientific-practical conference, 12 May 2003. Ed. by doctor of juridical sciences V. N. Lopatin. Saint Petersburg: Juridical Center Press; 2003: 229—233. (In Russ.).

8. Gurevich P. The theme of man in Russian philosophy. Philosophical Anthropology, 6—26, 2020. (In Russ.).

9. Yunusov S. A. Development of the principle of justice and human rights in the legal system of pre-revolutionary Russia. Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 15—20, 2016. (In Russ.).

10. Strogovich M. S. The course of the Soviet criminal process. Executive ed. N. N. Polyansky. Moscow: Academy of Sciences of the USSR; 1958: 704. (In Russ.).

11. Truth... And only truth! Five conversations about judicial and legal reform. Executive ed. doctor of juridical sciences, professor Yu. I. Stetsovsky. Moscow: Juridical publishing house; 1990: 432. (In Russ.).

12. Butusova N. V. Man, his rights and freedoms — the highest value: only a constitutional ideal or an achievable reality? In: Man in the global world. Materials of the International scientific conference. Voronezh, 18—20 May 2015. Eds. N. V. Butusova, Y. Ananiev. Voronezh: Publishing house of Voronezh State University; 2015: 58—63. (In Russ.).

13. Yavich L. S. General theory of law. Leningrad: Publishing House of Leningrad University; 1976: 188. (In Russ.).

14. Pozharova L. A., Kosolapova N. A. State and human rights: problems of restriction in a pandemic. Legal paradigm, 41—46, 2020. (In Russ.).

15. Panfilov P. O., Shishov V. V. Mutual support and confrontation of private and public inte-

ной ответственности // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 196—201.

16. Першина И. В. Интерес в праве: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. 183 с.

17. Маслаков А. В. Публичные интересы и их классификация // Право и государство: теория и практика. 2009. № 2 (50). С. 33—37.

18. Ломаев А. Ю. Публичный интерес как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. 22 с.

19. Колосович М. С., Колосович О. С. Обеспечение прав и соотношение категорий задач и принципов уголовного судопроизводства // Проблемы борьбы с преступностью: Российский и международный опыт / отв. ред. Н. В. Шувалов. Волгоград: ВА МВД России, 2013. С. 101—105.

20. Насонова И. А., Насонов А. А. Руководитель следственного органа и начальник подразделения дознания как субъекты обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2012. № 2. С. 90—92.

21. Зуев С. В., Сутягин К. И. Уголовный процесс: учебник. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ. 2016. 563 с.

22. Епифанова Е. В. Соотношение дефиниций «правовые общественные блага» и «общественная опасность деяний»: постановка проблемы // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 581—585.

Насонов Александр Александрович,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Воронежского института МВД России,
кандидат юридических наук;
nasonov.aa@mail.ru

rests in exemption from criminal liability. Bulletin of economic security, 196—201, 2021. (In Russ.).

16. Pershina I. V. Interest in law. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2002: 183. (In Russ.).

17. Maslakov A. V. Public interests and their classification. Law and state: theory and practice, 33—37, 2009. (In Russ.).

18. Lomaev A. Yu. Public interest as a legal category. Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Kazan; 2012: 22. (In Russ.).

19. Kolosovich M. S., Kolosovich O. S. Ensuring the rights and the ratio of categories of tasks and principles of criminal justice. In: Problems of combating crime: Russian and international experience. Executive ed. N. V. Shuvalov. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2013: 101—105. (In Russ.).

20. Nasonova I. A., Nasonov A. A. The head of the investigative body and the head of the inquiry unit as subjects of ensuring the right to defense to the suspect and the accused. Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 90—92, 2012. (In Russ.).

21. Zuev S. V., Sutyagin K. I. Criminal process. Textbook. Chelyabinsk: Publishing center of South Ural State University; 2016: 563. (In Russ.).

22. Epifanova E. V. Correlation between the definitions of "legal public goods" and "public danger of acts": problem statement. Scientific and methodological electronic journal "Concept", 581—585, 2014. (In Russ.).

Nasonov Alexander Alexandrovich,
senior lecturer at the department
of criminal law and criminology
of the Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;
nasonov.aa@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.06.2022; одобрена после рецензирования 06.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 22.06.2022; approved after reviewing 06.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.13

doi: 10.25724/VAMVD.A022

**ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАПРЕТОВ
В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ
ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ****Ирина Александровна Насонова*, Снежана Святославовна Халимоненко****

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия

* nasonova-amelina@mail.ru

** shalimonenko@yandex.ru

Аннотация. В статье выявляются пробелы в правовом регулировании вопросов международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве, которые могут быть восполнены путем включения в соответствующие статьи Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации уголовно-процессуальных запретов. Анализируются мнения ученых по данному вопросу. Обосновывается тезис о том, что в уголовно-процессуальном законодательстве самостоятельно должны быть учтены не только супружеские отношения, но и отношения свойства, которые непременно должны исключать участие определенного лица в производстве по уголовному делу. Предлагается предусмотреть в уголовно-процессуальном законе правило о том, что свойственники лиц, участвующих в деле, подлежат отводу. Приводятся аргументы в пользу распространения указанного правила как на участников производства по уголовному делу, так и на лиц, занятых в производствах, осуществляемых в сфере международного сотрудничества по уголовно-процессуальным вопросам. Обосновывается необходимость фиксации обстоятельств, исключающих участие лица в экстрадиционной процедуре, круга лиц, имеющих право заявлять отвод, а также круга лиц, уполномоченных его рассмотреть, в главе 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: международное сотрудничество, уголовно-процессуальная эффективность запрета, экстрадиционная процедура, выдача лица, обеспечение запретов, защитник, мера пресечения

Для цитирования: Насонова И. А., Халимоненко С. С. Проблемы совершенствования запретов в международном сотрудничестве по уголовно-процессуальным вопросам // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 85—94. doi: 10.25724/VAMVD.A022

**PROBLEMS OF IMPROVING PROHIBITIONS
IN INTERNATIONAL COOPERATION
ON CRIMINAL PROCEDURE ISSUES****Irina Alexandrovna Nasonova, Snezhana Svyatoslavovna Khalimonenko**

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia

* nasonova-amelina@mail.ru

** shalimonenko@yandex.ru

Abstract. The article identifies gaps in the legal regulation of issues of international cooperation in criminal proceedings, which can be filled by including criminal procedural prohibitions in the relevant articles of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The opinions of scientists on this issue are analyzed. The thesis is substantiated that the criminal procedure legislation should independently take into account not only marital relations, but also property relations, which must necessarily exclude the participation of a certain person in criminal proceedings. It is proposed to provide in the Criminal Procedure Law a rule that the relatives of the persons participating in the case are subject to recusal. Arguments are given in favor of extending this rule both to participants in criminal proceedings and to persons engaged in proceedings carried out in the field of international cooperation on criminal procedural issues. The necessity of fixing the circumstances precluding the participation of a person in an extradition procedure, the circle of persons entitled to challenge, as well as the circle of persons authorized to consider it, is justified in Chapter 54 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation

Keywords: international cooperation, criminal procedural effectiveness of prohibition, extradition procedure, extradition of a person, enforcement of prohibitions, defender, preventive measure

For citation: Nasonova I. A., Khalimonenko S. S. Problems of improving prohibitions in international cooperation on criminal procedure issues. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 85—94, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A022

К числу факторов, оказывающих непосредственное влияние на эффективность системы уголовно-процессуального запрета, относится своевременность и необходимость запрета для уголовно-процессуального права. Для этого важно вовремя выявлять потребности уголовно-процессуальных институтов в новых запретах. В настоящее время такая потребность существует у ряда уголовно-процессуальных институтов, функционирующих в сфере международного сотрудничества, которая притягивает к себе все больше внимания в условиях транснационального характера преступности [1, с. 93].

Нужно отметить, что указанная сфера объединяет различные виды деятельности, существенно отличающиеся от стадийного производства по уголовному делу, на что в литературе уже обращалось внимание [2, с. 59; 3, с. 189]. Вместе с тем уголовно-процессуальные процедуры, реализуемые в рамках международного сотрудничества, являются необходимой составляющей уголовного судопроизводства России. Это связано с тем, что вопросы международного сотрудничества по уголовно-процессуальным вопросам регулируются в том числе уголовно-процессуальными нормами. Недаром законодатель в структуре Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) отвел международному сотрудничеству весьма объемную часть — пятую. Данный аргумент наряду с другими умело был использован в литературе для обоснования необходимости пересмотра существующих в литературе доктринальных определений уголовно-процессуального права, не учитывающих указанное обстоятельство в своем содержании. Следует согласиться с ним в той части, что «уголовный процесс — это не только деятельность, осуществляемая в ходе производства по уголовному делу, но и деятельность по реализации международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства» [4, с. 119]. Конечно же, акцент всегда делался на первый вид деятельности. Именно производство по уголовному делу по традиции всегда находилось под пристальным вниманием законодателя, теоретиков и практиков. Более спокойное отношение вызывали проблемы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Данное обстоятельство в определенной мере способствовало сохране-

нию до настоящего момента ненадлежащей регламентации целого ряда важных вопросов. Среди них: процессуальный статус лица, запрашиваемого к выдаче; участие на его стороне защитника, законного представителя; механизмы реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче; внятная и тщательная регламентация экстрадиционной процедуры; задержание запрашиваемого к выдаче; избрание в отношении него мер пресечения и освобождение его из-под стражи; обжалование постановления судьи об удовлетворении или отказе в жалобе на решение о выдаче; и др.

Неудовлетворительное состояние регламентации насущных вопросов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства выражается либо в полном отсутствии их урегулирования нормами УПК РФ, либо в активной отсылке законодателя при освещении тех или иных проблем к международным договорам. Но международные договоры дают ответы далеко не на все вопросы, нуждающиеся в разрешении. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов случаи, когда международные договоры либо противоречат друг другу, либо не согласуются с национальным законодательством. Данное обстоятельство повышает значимость более тщательного регулирования многих вопросов, возникающих в границах международного сотрудничества, включая их регулирование с помощью запретов. В этом направлении уже был сделан ряд шагов со стороны ученых. Наиболее важными из них являются предложения по коррекции действующего законодательства в части международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве [5, с. 10; 6, с. 13, 188; 7, с. 153]. Значительная их часть посвящена вопросам выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора. В связи с этим стоит упомянуть рекомендацию Д. В. Шинкевича предусмотреть в ст. 464 УПК РФ содержащийся в ст. 4 Европейской конвенции о выдаче 1957 г. запрет на выдачу лиц, совершивших воинские преступления [8, с. 39].

Некоторые авторы систематизировали свои предложения и оформили их в виде проекта федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [9, с. 248]. Особого внимания заслуживает отличающийся очевидной оригинальностью

проект федерального закона, предложенный А. А. Насоновым. Автор создал новую модель экстрадиционного производства, учитывающую не только интересы государства в борьбе с преступностью, но и интересы лица, запрашиваемого к выдаче, снабдив указанную модель необходимыми процессуальными механизмами [4, с. 119]. Кроме того, она адаптирована к современному состоянию уголовно-процессуального законодательства, характеризующемуся нестабильностью. Несмотря на явные достоинства предлагаемых автором изменений и дополнений в УПК РФ им были затронуты не все проблемы экстрадиционного производства, подлежащие разрешению. На тех из них, решение которых неотъемлемо связано с реализацией запретов, остановимся подробно.

Поскольку выдача лица для уголовного преследования относится к уголовно-процессуальной деятельности, то на нее должен распространяться и ряд общих правил, предусмотренных УПК РФ. Среди них важное место занимает положение об отводе участников уголовного процесса, выступающем уголовно-процессуальной санкцией за нарушение законодательного запрета на участие в уголовном судопроизводстве тех или иных лиц. В настоящее время нормы гл. 9 УПК РФ распространяют свое действие на участников производства по уголовному делу, существенно отличающегося от производств, функционирующих в рамках международного сотрудничества по уголовно-процессуальным вопросам (например, выдачи лица для уголовного преследования и исполнения приговора; передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является). Вместе с тем отличия касаются не только процедурных вопросов, но и состава участников. Так, в экстрадиционном производстве отсутствуют потерпевшие, обвиняемые, подозреваемые, гражданские истцы, гражданские ответчики. Нехарактерно для него (впрочем, как и для большинства других производств, охватываемых разделом XVIII УПК РФ) и участие руководителей следственного органа, следователей, начальников подразделения дознания, дознавателей. Кстати, эта особенность повлияла на определение круга практических работников, анкетизируемых по вопросам международного сотрудничества в области уголовного процесса. В него были включены лишь те, статус которых позволяет им участвовать в соответствующих производствах (прокуроры, адвокаты, судьи).

В то же время центральная роль в экстрадиционном производстве отводится лицу, запрашиваемому

к выдаче. На его стороне участвует защитник, а если запрашиваемый к выдаче является несовершеннолетним, то необходим и законный представитель запрашиваемого к выдаче лица. Правда, последний момент прослеживается в законодательстве не очень четко. Спецификой экстрадиционного производства продиктована и необходимость участия переводчика. А участие прокурора в нем сводится к проверке по поступившему запросу о выдаче; избранию меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, если к запросу о выдаче прилагается решение судебного органа иностранного государства о заключении лица под стражу; участию в судебных заседаниях, посвященных избранию меры пресечения в отношении запрашиваемого к выдаче в иных случаях, когда прокурор не вправе применять меру пресечения; проверке по жалобе законности и обоснованности решения прокурора об избрании меры пресечения, а также проверке по жалобе законности и обоснованности решения о выдаче. Судья проводит указанные судебные заседания и принимает соответствующие решения. Коллегиальным составом суда осуществляется проверка в апелляционном порядке законности и обоснованности постановления судьи, вынесенного по результатам рассмотрения жалобы на решение о выдаче.

Лица, задействованные в указанных процедурах, не тождественны участникам, подпадающим под действие гл. 9 УПК РФ. Попытки применить ее нормы к лицам, занятым в процедуре выдачи, вряд ли будут успешными, поскольку в связи с этим возникает много неясностей. И это при том, что некоторые основания для отвода могут оказаться общими как для участников производства по уголовному делу, так и для лиц, занятых в экстрадиционном производстве. На наш взгляд, логичнее было бы для последних сформулировать отдельные правила отвода и разместить их в гл. 54 УПК РФ. Потребность в них может возникнуть, например, в ситуации, когда прокурор, судья находятся в родственных связях и по этой причине не должны участвовать в экстрадиционном производстве. Полагаем, что не только отношения кровного родства, но и некоторые другие отношения должны заслуживать внимания в качестве основания, исключающего участие лиц в уголовном судопроизводстве (причем как в производстве по уголовному делу, так и в производствах, относящихся к сфере международного сотрудничества).

Законодатель, идя по этому пути, уже учел в качестве обстоятельства, исключающего участие в производстве по уголовному делу, супружеские

отношения, для которых не характерно кровное родство (п. 3 ч. 1 ст. 61 УПК РФ). Правда, при этом в п. 4 ст. 5 УПК РФ супруг и супруга указаны как близкие родственники, что вызвало возражение у авторов, обоснованно их таковыми не считающими. Например, В. Т. Томин, критикуя указанную норму, отмечал, что отношения супружества тождественны отношениям свойства [10, с. 29]. Д. М. Борова рассматривает супружество как самостоятельные отношения, не связанные с родством, и в связи с этим предлагает исключить супругов из круга лиц, отнесенных к близким родственникам п. 4 ст. 5 УПК РФ, зафиксировав указанные отношения в правовых нормах самостоятельного свойства [11, с. 20]. В то же время автор конкретной модели предлагаемой новеллы не дает.

Полагаем, что в уголовно-процессуальном законодательстве самостоятельно должны быть учтены не только супружеские отношения, но и отношения свойства, которые, на наш взгляд, непременно должны исключать участие в производстве по уголовному делу. Это связано с тем, что свекор (свекровь), тесть (теща), зять, сноха участника уголовного судопроизводства, вероятнее всего, будут так же, как и сам участник, заинтересованы в исходе соответствующего производства. К сожалению, в настоящее время российское уголовно-процессуальное законодательство в качестве основания для отвода участника уголовного судопроизводства не учитывает отношения свойства и иные близкие отношения, а признает лишь родственные отношения и отношения супружества. В связи с этим следует согласиться с А. В. Смирновым в том, что принятие во внимание только родственных отношений при решении вопроса об отводе и пренебрежение отношениями близких людей, которые в настоящее время отсутствуют в УПК РФ среди оснований для отвода, может спровоцировать парадоксальную ситуацию, напоминающую сюжет из повести Л. Н. Толстого «Воскресенье» [12, с. 199]. Однако нельзя не отметить и то, что другие авторы, комментируя ст. 61 УПК РФ, все-таки допускают применение на практике в качестве легального основания для отвода участника уголовного судопроизводства отношений близости лиц, даже если они остались в прошлом. По их мнению, недопустимо участие в деле «бывшего супруга; отца или матери, с согласия которых их сын или дочь были усыновлены (удочерены) другими лицами; лица, в отношении которых было принято решение об отмене усыновления или удочерения» [13, с. 223]. Полагаем, что мысль относительно возможной заинтересованности указанных бывших

родственников верна, однако, на наш взгляд, требует четкого закрепления в законе. В связи с этим предлагаем статью 5 дополнить пунктом 4 после слов «внуки» словами «а также бывшие супруги; отец или мать, с согласия которых их сын или дочь были усыновлены (удочерены)». Похожий подход применяется грузинским законодателем. Так, согласно ч. 2 ст. 3 УПК Грузии, раскрывающей понятие близких родственников, к данной категории лиц относятся супруги, брак которых расторгнут.

Кроме этой новеллы предлагаем также предусмотреть в уголовно-процессуальном законе правило о том, что свойственники лиц, участвующих в деле, подлежат отводу. Предлагаем распространить указанное правило как на участников производства по уголовному делу, внося соответствующие дополнения в п. 3 ч. 1 ст. 61 УПК РФ, так и на лиц, занятых в производствах, осуществляемых в сфере международного сотрудничества по уголовно-процессуальным вопросам.

Надо сказать, что в настоящий момент заявить отвод свойственникам лиц, участвующих в деле, можно только в российском гражданском процессе (п. 2 ч. 1 ст. 16 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации). Вместе с тем уголовно-процессуальное законодательство зарубежных стран учитывает отношения свойства при формировании системы обстоятельств, исключающих участие в производстве по уголовному делу. Так, УПК Республики Молдова¹ среди обстоятельств, исключающих участие судьи в производстве по уголовному делу, называет прямую или косвенную заинтересованность в исходе дела самого судьи, его супруги (супруга), родственников по восходящей или нисходящей линии, братьев или сестер, а также их детей, *свойственников* и лиц, ставших такими родственниками в результате законного усыновления, равно как и других родственников (п. 1 ч. 2 ст. 33 УПК РФ). УПК Республики Казахстан, регламентируя основания отвода судьи, говорит о том, что судья не может участвовать в рассмотрении дела, если он является родственником потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей, родственником подозреваемого, обвиняемого или его законного представителя, родственником прокурора, защитника, следователя или дознавателя либо *свойственником* кого-либо из участников процесса (п. 5 ч. 1 ст. 87). УПК Республики Беларусь хотя и воздерживается от термина

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (с изм. и доп. по сост. на 16.12.2020). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397729 (дата обращения: 17.06.2022).

«свойственник», однако принадлежность к данной категории лиц учитывается для решения вопроса об отводе участника уголовного процесса. В частности, согласно п. 4 ч. 1 ст. 77 УПК Республики Беларусь судья не может участвовать в рассмотрении уголовного дела, если он является родственником лиц, осуществляющих производство по делу, заинтересованных участников уголовного процесса, лиц, защищающих или представляющих интересы других участников уголовного процесса. К родственникам белорусский законодатель относит лиц, находящихся в родственной связи, имеющих общих предков до прадеда и прабабки, а также супруга (супругу), близких родственников супруга (супруги) (п. 37 ст. 6). Однако родственники одного из супругов для другого супруга и есть свойственники. Наконец, УПК Эстонской Республики¹ использует еще более широкий подход к решению проблемы родства как основания для отвода участника уголовного процесса. Согласно п. 4 ч. 1 ст. 49 УПК Эстонской Республики судья обязан заявить самоотвод от уголовного производства, если он является или являлся близким человеком обвиняемого, потерпевшего или гражданского ответчика согласно ч. 1 ст. 71 УПК РФ. Без сомнения, понятие «близкие люди» включает не только родственников, но и свойственников, и других близких лиц.

Вместе с тем если использовать в УПК РФ подходы, применяемые законодателями указанных стран, то необходима нормативно-правовая дефиниция свойственника, предполагаемая к закреплению в п. 40.1 ст. 5 УПК РФ. В настоящее время данный пункт посвящен следователю-криминалисту. Представляется, что нормативное определение следователя-криминалиста необходимо перенести в п. 40.2 (новый пункт, предлагаемый для введения в ст. 5 УПК РФ). Формулируя дефиницию для п. 40.1 ст. 5 УПК РФ в обновленной редакции, важно исходить из следующих соображений:

- в российском законодательстве понятие свойственника не определяется;
- главным признаком отношений свойства является наличие брака;
- к свойственникам относятся родственники каждого из супругов по отношению друг к другу и по отношению ко второму супругу;
- в силу разной степени свойства в УПК РФ необходимо очертить круг тех свойственников,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики (принят 12.02.2003. RT I 2003, 27, 16. Вступил в законную силу 01.07.2004) (с изм. и доп. по сост. на 20.02.2019). URL: <https://yurotdel.com/zakony/ugolovno-processualnyy-kodeks-estonii.html> (дата обращения: 17.06.2022).

заинтересованность которых в исходе дела будет вероятнее всего. Кстати, по этому пути идет и белорусский законодатель, учитывая в качестве обстоятельств, исключающих возможность участия лица в производстве по уголовному делу, не любые отношения свойства, а лишь принадлежность этого лица к близким родственникам супруга (супруги) государственного обвинителя, прокурора, частного обвинителя, следователя, лица, производящего дознание, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, представителя, представителя умершего обвиняемого, защитника, адвоката свидетеля (п. 37 ст. 6, п. 4 ч. 1 ст. 77 УПК РБ). Для определения круга свойственников, на наш взгляд, подходит рекомендация, которая часто используется при проведении конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы. Согласно этой рекомендации свойственниками считаются братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей².

В контексте сказанного предлагаем следующую формулировку п. 40.1 ст. 5 УПК РФ: «свойственники — братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей».

Родство и свойство как обстоятельства, исключающие участие лица в указанных производствах, — не единственные основания к отводу этих лиц. Не менее актуальными в этом смысле являются: выполнение ранее лицом в экстрадиционном

² О мерах по обеспечению запрета на осуществление трудовой деятельности работниками организации, должности которых предусмотрены перечнем, утвержденным приказом Минтруда России от 27 мая 2013 г. № 223н, в случае близкого родства или свойства (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей) с иными работниками организации, если осуществление трудовой деятельности связано с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому: письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 7 июля 2016 г. № 10-9/10/В-4600. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71343634/> (дата обращения: 17.06.2022); О методике проведения конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Иркутской области в Министерстве транспорта Иркутской области (Приложение № 2): приказ Министерства транспорта Иркутской области от 10 сентября 2013 г. № 8-мпр. URL: <http://docs2.kodeks.ru/document/460183516> (дата обращения: 19.04.2021); О порядке работы конкурсной комиссии и Методике проведения конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Иркутской области (включение в кадровый резерв) в министерстве лесного комплекса Иркутской области и его территориальных управлениях (Приложение № 1): приказ Министерства лесного комплекса Иркутской области от 15 мая 2019 г. № 45-мпр. URL: <http://docs.cntd.ru/document/553284424> (дата обращения: 17.06.2022); и др.

производстве функции другого участника; личная заинтересованность лица в исходе экстрадиционного производства; повторное участие судьи в производстве.

Все эти обстоятельства необходимо зафиксировать в отдельных статьях гл. 54 УПК РФ, которые бы регулировали следующие вопросы: обстоятельства, исключающие участие в производстве по выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора (ст. 463.1 УПК РФ); недопустимость участия в производстве по уголовному делу лиц, подлежащих отводу (ст. 463.2 УПК РФ); недопустимость повторного участия судьи в производстве по выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора (ст. 463.3 УПК РФ); отвод судьи, прокурора (ст. 463.4 УПК РФ).

Комплектовать указанные статьи стоит из правовых норм, базирующихся на запретах, безупречных с нравственной точки зрения. Полагаем, выглядеть они могут следующим образом:

«Статья 463.1. Обстоятельства, исключающие участие в рассмотрении вопросов выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора

1. Судья не может участвовать в рассмотрении вопросов выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора, если он:

1) участвовал в производстве по выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора в качестве прокурора;

2) участвовал в производстве по выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора в качестве переводчика, помощника судьи, секретаря судебного заседания, защитника, законного представителя запрашиваемого к выдаче лица;

3) является родственником или свойственником любого из участников производства по выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора;

4) лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе производства по выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора;

5) повторно участвовал в производстве по выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора.

Статья 463.2. Недопустимость участия в производстве по выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора лиц, подлежащих отводу

1. При наличии обстоятельства, исключающего участие в производстве по выдаче лица для уголовного преследования или исполнения при-

говора, судья, прокурор, переводчик, защитник обязаны устраниваться от участия в производстве по уголовному делу.

2. В случае если лица, указанные в части первой настоящей статьи, не устранились от участия в производстве по уголовному делу, отвод им может быть заявлен запрашиваемым к выдаче лицом, его законным представителем, защитником, прокурором.

3. В случае отказа в удовлетворении заявления об отводе подача повторного заявления об отводе тем же лицом и по тем же основаниям не допускается.

Статья 463.3. Недопустимость повторного участия судьи в производстве по выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора

1. Судья, выносивший решения, предшествующие судебному заседанию по жалобе на решение о выдаче, в которых он высказал свое мнение о законности и обоснованности выдачи лица по поступившему запросу, не может рассматривать жалобу на решение о выдаче лица, а также участвовать в апелляционной инстанции в рассмотрении жалобы на постановления судьи об удовлетворении или отказе в жалобе на решение о выдаче.

2. Судья, рассмотревший жалобу на решение о выдаче, не может участвовать в рассмотрении той же жалобы в апелляционном порядке».

Следует отметить, что решения судьи, предшествующие судебному заседанию по жалобе на решение о выдаче, в которых судья мог высказать свое мнение о законности и обоснованности выдачи лица по поступившему запросу, не являются нормой в деятельности суда. Суд должен воздержаться в своих промежуточных решениях от обсуждения вопросов законности и обоснованности выдачи лица по поступившему запросу, что в определенной мере вытекает из п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41, содержащего запрет суду входить в обсуждение вопроса о виновности лица при избрании меры пресечения. Тем не менее суду не всегда удается выполнить указанный запрет. Отступления от него не исключены в ходе принятия судом решения по ходатайству прокурора либо об избрании меры пресечения в отношении запрашиваемого к выдаче лица, либо о ее продлении, а также решения по жалобе на избрание прокурором меры пресечения в отношении запрашиваемого к выдаче лица (ст. 125 УПК РФ).

Кроме фиксации обстоятельств, исключающих участие лица в экстрадиционной процедуре, необходимо предусмотреть в гл. 54 УПК РФ и круг лиц, имеющих право заявлять отвод, а также круг лиц, уполномоченных его рассмотреть.

Ответы на поставленные вопросы следует сосредоточить в ст. 463.4 УПК РФ, нормы которой предназначены для обеспечения запретов, предусмотренных в ст. 463.1—463.3 УПК РФ.

Содержание ст. 463.4 УПК РФ может выглядеть следующим образом:

«Статья 463.4. Отвод судьи, прокурора

1. При наличии обстоятельств, предусмотренных статьей 463.1 настоящего Кодекса, судье может быть заявлен отвод участниками производства по выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора.

2. Судье может быть заявлен отвод участниками судебного заседания, в котором избирается мера пресечения в отношении запрашиваемого к выдаче лица, рассматривается жалоба на постановление прокурора о заключении лица под стражу, а также проверяется законность и обоснованность либо решения о выдаче, либо постановления судьи об удовлетворении жалобы или об отказе.

3. Заявление об отводе судьи рассматривается по правилам, предусмотренным частями четвертой и пятой статьи 65 настоящего Кодекса.

4. Прокурор не может участвовать в производстве по выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора и подлежит отводу по основаниям, предусмотренным пунктами 2—4 части первой статьи 463.1 настоящего Кодекса.

5. Решение об отводе прокурора в ходе экстрадиционной проверки принимает вышестоящий прокурор, а в ходе судебного заседания — судья, рассматривающий либо ходатайство об избрании меры пресечения в отношении запрашиваемого к выдаче лица, либо жалобу на решение о выдаче, либо жалобу на постановление судьи об удовлетворении жалобы или об отказе».

Однако не только судье и прокурору возможно заявить отвод в экстрадиционном производстве. В аналогичной ситуации могут оказаться еще два участника: переводчик и защитник лица, запрашиваемого к выдаче. И если упоминание о защитнике еще содержится в отдельных статьях части пятой УПК РФ (например, в ст. 463 УПК РФ), то переводчик вообще никак не фигурирует в указанной части УПК РФ. Это вовсе не означает, что производства, функционирующие в рамках международного

сотрудничества по уголовно-процессуальным вопросам, обходятся без участия в них переводчика. Наоборот, переводчик достаточно часто участвует в таких производствах, что позволяет экстрадируемому не только вникнуть в суть осуществляемой в отношении него процедуры, но и облегчить защиту своих интересов [14, с. 47].

Курс на участие переводчика прослеживается и в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11¹, согласно которому при избрании (продлении) меры пресечения, рассмотрении жалобы на решение о выдаче судам следует иметь в виду случаи обязательного участия переводчика и защитника, предусмотренные в УПК РФ.

Выбирая механизмы реализации запрета на участие в экстрадиционном производстве переводчика и защитника, нельзя не учитывать высказанную А. С. Таран точку зрения о том, что правила производства отвода страдают недостатками правовой регламентации [15, с. 547]. Полагаем, что отвод переводчику может быть заявлен прокурором, лицом, запрашиваемым к выдаче, его защитником, законным представителем. Те же участники экстрадиционного производства могут заявить отвод и защитнику лица, запрашиваемого к выдаче, за исключением самого защитника, который при наличии соответствующих обстоятельств должен взять самоотвод. Данное положение наряду с основаниями отвода переводчика и защитника, а также порядком его рассмотрения предлагается зафиксировать в следующих статьях:

«Статья 463.5. Отвод переводчика лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования

1. Переводчик лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, не может участвовать в производстве по его выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора, если он:

1) участвовал в производстве по выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора в качестве судьи, прокурора, секретаря судебного заседания, помощника судьи, защитника, законного представителя лица, запрашиваемого к выдаче;

¹ О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 (ред. от 03.03.2015, № 9-П) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 8; 2015. № 5.

2) является родственником или свойственником кого-либо из лиц, участвующих в производстве по выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора;

3) лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе производства по выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора;

4) обнаружил свою некомпетентность.

2. Решение об отводе переводчика в ходе производства по выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора, при наличии обстоятельств, предусмотренных частью первой статьи 463.5 настоящего Кодекса, принимает прокурор, осуществляющий экстрадиционную проверку, а также судья, рассматривающий вопросы об избрании меры пресечения в отношении запрашиваемого к выдаче лица, проверяющий законность и обоснованность решения о выдаче лица, а также суд, проверяющий законность и обоснованность постановления судьи об удовлетворении жалобы запрашиваемого к выдаче лица на решение о его выдаче или отказе в этом.

3. Отвод переводчику может быть заявлен лицами, участвующими в производстве по выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора.

4. Предыдущее участие лица в производстве по выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора в качестве переводчика не является основанием для его отвода.

Статья 463.6. Отвод защитника лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования

1. Защитник лица, запрашиваемого к выдаче, не вправе участвовать в производстве по его выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора, если он:

1) ранее участвовал в производстве по выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора в качестве судьи, прокурора, помощника судьи, секретаря судебного заседания, переводчика;

2) является родственником или свойственником судьи, прокурора, помощника судьи, секретаря судебного заседания.

2. Решение об отводе защитника принимается в порядке, установленном частью второй статьи 463.5 настоящего Кодекса».

Таким образом, предложенные меры как необходимая составляющая модели развития уголовно-процессуального запрета как минимум должны включать в себя:

1) закрепление в УПК РФ запрета на участие в производствах, формирующихся в условиях международного сотрудничества, лиц, занятых в них, если обнаружены определенные обстоятельства (посредством включения в УПК РФ статей 463.1, 463.3);

2) установление гарантий реализации указанных запретов, включающих, прежде всего, правила отвода лиц, участвующих в производствах в сфере международного сотрудничества по уголовно-процессуальным вопросам (посредством включения в УПК РФ статей 463.2, 463.4–463.6; дополнения статьи 456 УПК РФ частью 3.3).

---

1. Колосович М. С. Конфиденциальность международного сотрудничества при расследовании трансграничных сетевых компьютерных преступлений // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2016. № 1. С. 93—102.

2. Насонов А. А. Лицо, запрашиваемое к выдаче как участник уголовного судопроизводства // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2016. № 1-3. С. 59—65.

3. Насонов А. А. Участие защитника в процедуре выдачи лица для уголовного преследования // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 3. С. 189—194.

4. Насонов А. А. Реализация в уголовном процессе России права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2018. 204 с.

---

1. Kolosovich M. S. Confidentiality of international cooperation in the investigation of cross-border network computer crimes. Crime in the field of information and telecommunication technologies: problems of prevention, disclosure and investigation of crimes, 93—102, 2016. (In Russ.).

2. Nasonov A. A. A person requested for extradition as a participant in a criminal case proceedings. Public safety, legality and law and order in the III millennium, 59—65, 2016. (In Russ.).

3. Nasonov A. A. Participation of the defender in the procedure of extradition of a person for criminal prosecution. Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 189—194, 2017. (In Russ.).

4. Nasonov A. A. Implementation in the criminal process of Russia of the right to protection of a person during extradition for criminal prosecution.

5. Косарева А. Е. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2005. 255 с.

6. Ляtifов Р. Г. Избрание мер пресечения для обеспечения выдачи лица, запрашиваемого иностранным государством в целях уголовного преследования или исполнения приговора: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 202 с.

7. Применение мер пресечения в отношении иностранных граждан в целях их выдачи (экстрадиции) / О. А. Малышева, Р. Г. Ляtifов, В. В. Николюк [и др.]. Москва: Проспект, 2021. 168 с.

8. Шинкевич Д. В. Экстрадиция в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2008. 75 с.

9. Гришин А. С. Организационно-правовой механизм выдачи лица для уголовного преследования в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 250 с.

10. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко; науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт-Издат, 2006. 1120 с.

11. Борова Д. М. Являются ли супруги близкими родственниками (об отношениях родства и супружества в уголовном процессе: терминологические проблемы) // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 20.

12. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова. Санкт-Петербург: Питер, 2003. 992 с.

13. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В. П. Божьев. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт-Издат, 2008. 851 с.

14. Татьяна Д. В. Понятие международных принципов в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2014. № 17-1-1. С. 46—48.

15. Таран А. С. Отвод адвоката как гарантия права на квалифицированную юридическую помощь в уголовном процессе РФ: монография. Самара: Изд-во Самарск. ун-та, 2016. 591 с.

Dissertation of the candidate of juridical sciences. Voronezh; 2018: 204. (In Russ.).

5. Kosareva A. E. Extradition of a person for criminal prosecution or execution of a sentence in Russian criminal proceedings. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2005: 255. (In Russ.).

6. Latifov R. G. Election of preventive measures to ensure the extradition of a person requested by a foreign state for the purpose of criminal prosecution or execution of a sentence. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2019: 202. (In Russ.).

7. Malysheva O. A., Latifov R. G., Nikolyuk V. V. [et al.] Application of preventive measures against foreign citizens for the purpose of their extradition. Moscow: Prospect; 2021: 168. (In Russ.).

8. Shinkevich D. V. Extradition in criminal proceedings. Textbook. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2008: 75. (In Russ.).

9. Grishin A. S. Organizational and legal mechanism of extradition of a person for criminal prosecution in the Russian criminal process. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2010: 250. (In Russ.).

10. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Ed. V. I. Radchenko; scientific eds. V. T. Tomina, M. P. Polyakov. 2nd ed., reprint. and additional. Moscow: Yurayt-Izdat; 2006: 1120. (In Russ.).

11. Berova D. M. Are spouses close relatives (on the relationship of kinship and matrimony in criminal proceedings: terminological problems). Gaps in Russian legislation, 20, 2017. (In Russ.).

12. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Ed. by A. V. Smirnov. Saint Petersburg: Peter; 2003: 992. (In Russ.).

13. Scientific and practical commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. General editorship by V. M. Lebedev; scientific editorship by V. P. Bozhev. 4th ed., reprint. and additional. Moscow: Yurayt-Izdat; 2008: 851. (In Russ.).

14. Tatyana D. V. The concept of international principles in criminal proceedings. Young scientist, 46—48, 2014. (In Russ.).

15. Taran A. S. Withdrawal of a lawyer as a guarantee of the right to qualified legal assistance in the criminal process of the Russian Federation. Monograph. Samara: Samara University Press; 2016: 591. (In Russ.).

Насонова Ирина Александровна,
профессор кафедры уголовного процесса
Воронежского института МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
nasonova-amelina@mail.ru

Nasonova Irina Alexandrovna,
professor at the department of criminal procedure
of Voronezh Institute of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
nasonova-amelina@mail.ru

Халимоненко Снежана Святославовна,
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Воронежского института МВД России,
кандидат юридических наук;
shalimonenko@yandex.ru

Khalimonenko Snezhana Svyatoslavovna,
lecturer at the department
of criminal law and criminology
of Voronezh Institute of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
shalimonenko@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.06.2022; одобрена после рецензирования 06.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 22.06.2022; approved after reviewing 06.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.139
doi: 10.25724/VAMVD.A023

**ИНСТИТУТ ВОЗВРАЩЕНИЯ СУДОМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
ПРОКУРОРУ: МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АНАЛОГИИ**

Алия Рашитовна Шарипова

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, nord-wind23@mail.ru

Аннотация. Уголовно-процессуальный институт возвращения уголовного дела прокурору обсуждается, в основном, с позиции возможности дополнительного расследования или других способов исправления ошибок обвинения по подсказке суда. Многочисленные изменения, внесенные в ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, за годы его действия постепенно превратили институт возвращения уголовного дела прокурору из смыслового аналога возвращения искового заявления в почти точную копию советского возвращения дела судом на дополнительное расследование, не совместимого с принципом состязательности. Отмечается смешанная природа института возвращения уголовного дела прокурору. Устанавливается его связь с уголовно-процессуальным возвращением заявления по делам частного обвинения. Делается предположение о замещении им его технического положения в процессе ролью третьего вида приговора. Проводятся соответствующие исторические и зарубежные аналогии. Сложность и противоречивость института объясняется участием в его структуре разнородных норм, подобия которых в других видах судебных процессов принадлежат разным институтам. Оценивается степень сходства возвращения уголовного дела и возвращения заявлений, оставления заявлений без движения, оставления заявлений без рассмотрения, соединения дел, изменения предмета, основания и размера требований в гражданском, арбитражном, административном процессах. Выявленные отдельные черты родства с этими институтами могут быть основой для развития подходов к решению существующих проблем возвращения уголовного дела прокурору. Делается заключение о перспективности использования межотраслевых сравнений для развития уголовно-процессуальных знаний.

Ключевые слова: уголовный процесс, возвращение уголовного дела прокурору, судебное право, арбитражный процесс, возвращение искового заявления

Для цитирования: Шарипова А. Р. Институт возвращения судом уголовного дела прокурору: межотраслевые аналогии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 95—102. doi: 10.25724/VAMVD.A023

**INSTITUTE FOR THE RETURN OF A CRIMINAL CASE
TO A PROSECUTOR BY A COURT:
INTERSECTORAL ANALOGIES**

Aliya Rashitovna Sharipova

Bashkir State University, Ufa, Russia, nord-wind23@mail.ru

Abstract. The institution of criminal procedure for returning a criminal case to the prosecutor is discussed mainly from the standpoint of the possibility of additional investigation or other ways to correct the errors of the prosecution at the prompt of the court. Numerous changes made to Art. 237 of the Code of Criminal Procedure, over the years of its operation, gradually turned the institution of returning a criminal case to a prosecutor from a semantic analogue of returning a statement of claim into an almost exact copy of the Soviet return of a case by a court for additional investigation, incompatible with the adversarial principle. The mixed nature of the institution of returning a criminal case to the prosecutor is noted. Its connection with the criminal procedural return of an application in cases of private prosecution is established. An assumption is made that he replaces his technical position in the process with the role of the third type of sentence. Relevant historical and foreign analogies are drawn. The complexity and inconsistency of the institution is explained by the participation in its structure of heterogeneous norms, the similarities of which in other types of litigation belong to different institutions. The degree of similarity between the return of a criminal case and the return of applications, leaving applications without movement, leaving applications without consideration,

joining cases, changing the subject, basis and size of claims in civil, arbitration, administrative proceedings is assessed. The identified individual features of kinship with these institutions can be the basis for the development of approaches to solving the existing problems of returning a criminal case to the prosecutor. A conclusion is made about the prospects of using intersectoral comparisons for the development of criminal procedural knowledge.

Keywords: criminal process, return of the criminal case to the prosecutor, judicial law, arbitration process, return of the statement of claim

For citation: Sharipova A. R. Institute for the return of a criminal case to a prosecutor by a court: intersectoral analogies. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 95—102, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A023

На протяжении всего времени действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) вновь учрежденный им институт возвращения уголовного дела прокурору был объектом многих научных исследований и дискуссий.

Преобладающее в науке уголовного процесса мнение о его кардинальном отличии от других процессуальных отраслей, обусловленное публичным характером соответствующих материально-правовых отношений и специфической миссией уголовного судопроизводства, диктует развитию каждого в отдельности института путь, отдельный от межотраслевых закономерностей. В то же время поиск путей конвергенции, основанный на предположении о высокой степени универсальности судебно-процессуальных явлений, показывает неочевидные аналогии между разными отраслевыми институтами.

Несмотря на то что формально возвращение уголовного дела не дублировало советский институт дополнительного расследования, правоприменители и ученые мгновенно уловили их связь: очень быстро соответствующим нормам УПК РФ стало придаваться расширительное толкование, а затем по настойчивому запросу практики законодатель постепенно возвращал видоизмененное дополнительное расследование. Только за первые годы существования института возвращения уголовного дела прокурору ему были посвящены десятки диссертаций, которые продолжают защищаться до сих пор. Почему, казалось бы, «рабочий» уголовно-процессуальный институт привлекает столько внимания? Рассуждая о нем, ученые и практики в действительности спорят о «вечных» вопросах уголовного судопроизводства — материальной истине, активной роли суда и состязательности. Так или иначе, сторонники активного и пассивного суда аргументируют свои позиции с привязкой к этому институту, что отчетливо заметно по тематическим диссертациям (Т. Н. Баева (Москва, 2006), Д. Б. Гаврилов (Москва, 2008), С. В. Дяденькин (Челябинск, 2010), Е. В. Ежова (Уфа, 2006), А. И. Ткачев (Томск, 2007), К. А. Трифо-

нова (Волгоград, 2012), А. А. Тришева (Москва, 2010), В. А. Шиплюк (Москва, 2008)).

Состояние института возвращения уголовного дела (независимо от подбора синонимов к словосочетанию «дополнительное расследование») является маркером состояния состязательности и равноправия сторон в судебном производстве. Истинное положение вещей, скрывающихся за соответствующими нормами ст. 237 УПК РФ, зависит не от ее редакционных деталей, а от понимания судом своей роли в уголовном процессе: борец с преступностью, защитник потерпевших, помощник государственного обвинителя, арбитр в этом конкретном споре или во всех похожих делах одновременно — или всего понемногу. Сторонников укрепления состязательных начал в уголовном процессе в науке и практике как минимум не больше, чем противников. Противниками состязательности уголовного процесса мы позволим себе называть и тех исследователей, которые открыто считают суд обязанным устранить ошибки следствия во время судебного разбирательства [1, с. 103], хотя формально они принцип состязательности и не отвергали. Возложение на суд полномочия поддерживать требования стороны обвинения, подкреплять их доказательствами по собственной инициативе — это и есть фактический отказ от принципа состязательности, в основе которого недопустимость поддержки судом ни одной из состязующихся сторон, какими бы благими мотивами такая позиция ни объяснялась.

Попытки совмещения всех этих ролей показывают, что грань между ними довольно тонкая, из-за чего все то же «процедурно-служебное» возвращение уголовного дела очень часто становится объектом или целью обжалования судебных актов, играя роль равноправного варианта с решением уголовно-процессуального конфликта по существу.

Нередкое явление — отмена итогового судебного акта суда первой инстанции с возвращением дела прокурору, а еще чаще — отмена необоснованного возвращения дела с указанием рассмат-

ривать его по существу. Понятно, что обжалование вряд ли обусловлено нежеланием (или наоборот, стремлением) стороны обвинения выполнять какие-то технически-процедурные детали. Конечно, в огромной массе возвращений дела прокурору речь идет о самых что ни на есть существенных корректировках самого обвинения и его доказательственной базы.

С определенной долей условности можно сказать, что возвращение судом уголовного дела занимает место «третьего вида приговора», примерно соответствующего берущему начало в англо-саксонской традиции «не доказано» или отечественному дореволюционному «оставлению под подозрением». Ключевой особенностью этого «третьего вида» является сохранение возможности рассмотрения дела по существу при повторном обращении с тем же уголовным иском в суд. По мнению М. И. Клеандрова, промежуточное решение между оправданием и обвинением востребовано и сегодня [2], мы же полагаем, что оно и так есть, но если и востребовано, то не законностью, а порочной практикой. По-настоящему такое решение ни одну из сторон устроить не может, но ситуативно такое «половинчатое» решение бывает желанно как стороне обвинения, так и стороне защиты. Так, обжалуя оправдательный приговор, прокурор «не оспаривает, что... в признательных показаниях содержатся противоречия и нестыковки» (помимо дефектов остальных доказательств), но считает, что в таком случае суду следовало вернуть ему дело¹. Если уж с противоречиями в показаниях обвиняемого вся система правоохранительных органов (от раскрывшего преступление оперативного работника, расследовавшего следователя и надзиравшего прокурора) не справилась за несколько месяцев следствия по делу об убийстве, что говорить о более сложных вариантах доказывания? Сколько раз придется возвращать дело прокурору, если проблемы обнаружатся не в том, что оговаривающий себя под давлением «неустановленных сотрудников правоохранительных органов» подсудимый путается в показаниях, а в сложных экспертных заключениях или документах на десятки томов? Почему, если в суде обнаруживаются «проблемы» с обоснованием обвинения, прокуроры тут же просят его вернуть, а не ходатайствуют о приобщении новых доказательств? Не потому ли, что фактически суд возвращает дело не прокурору, а следователю, а при тайне

следствия «доказывается» то, что никак не устанавливается при гласности судебного разбирательства?

Защита обжалует обвинительные приговоры с указанием на необходимость возвращения дела прокурору тогда, когда оправдание никак не усматривается из материалов дела, но и смириться с обвинением по каким-то причинам нет возможности. Так, в случае, если обвиняемый, т. е. подсудимый, до последнего отрицает свою вину, адвокат в силу требований ст. 6 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации обязан настаивать на оправдании вопреки любым доказательствам обвинения, поскольку в этом случае он не вправе делать публичных заявлений о виновности своего доверителя. В такой непростой ситуации «возвращение дела прокурору» может быть той «соломинкой», за которую имеет смысл «ухватиться» и стороне защиты. Юридически это надежнее, чем вопреки очевидным фактам настаивать на бесперспективном оправдании.

По той же логике постановления суда о возвращении уголовного дела прокурору обжалуются самими прокурорами. Прокуроры указывают, что обвинительное заключение не имеет недостатков, препятствующих рассмотрению дела (особенно в случаях повторного возвращения)², а защита считает, что вместо возвращения дела суд должен был выносить оправдательный приговор.

Иными словами, технический институт превращен в способ уклонения от решения конфликта в данный момент. Особенно странной выглядит ситуация, когда постановление о возвращении уголовного дела оспаривает государственное обвинение, которому дали пресловутую вторую попытку, а оно не желает ею пользоваться. Встречаются случаи, когда настойчивое возвращение дела прокурору и обжалование соответствующего постановления им являются способом «переложения» ответственности за прекращение уголовного преследования полностью или в части, перекавалификацию, изменение объема обвинения и т. п. Суд, обнаружив противоречия в обвинительном заключении (в одном месте которого, например, указано, что обвиняемый стрелял по автомобилю, а в другом — по потерпевшему, а квалифицировано содеянное как убийство с прямым умыслом), ожидает, что обвинение устранил их (перекавалифицировав на менее тяжкое деяние, которое автоматически станет бесспорно установленным) и облегчит ему

¹ Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 15 июня 2020 г. по делу № 55-302/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 28 января 2021 г. по делу № 55-49/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

работу, избавив от необходимости аргументировать перекавалификацию или даже оправдание. А обвинение считает, что «и так сойдет», а если суду что-то «не нравится», пусть он это и аргументирует в приговоре. В других случаях обжалование возвращения прокурором бывает тогда, когда ясно, что «вторая попытка» будет еще хуже, чем «первая»: если выясняется, что в ходе расследования нарушались права обвиняемого, а проведение «нового расследования» с их соблюдением не даст нужной доказательственной базы. Например, суд возвратил дело, указав, что слабослышащему обвиняемому не был предоставлен сурдопереводчик¹; значит, стороне обвинения нужно заново собрать все доказательства, полученные без переводчика; сложность такой работы заставляет обвинение обжаловать возвращение уголовного дела, настаивая на позиции обвинения: «он все слышит, понимает и говорит».

Такое положение вещей ставит под сомнение реализацию принципа состязательности сторон и роняет авторитет суда, рассматриваемого законодателем как независимого и властного арбитра. Полагаем, что для возвращения уголовного дела прокурору по мотивам недостатков обвинительного заключения необходимо его ходатайство об этом, при его отсутствии подразумевается, что государственный обвинитель настаивает на рассмотрении судом обвинения в том виде, в котором он его предъявляет. На случай, если это обвинение содержит существенные изъяны, в ст. 302 УПК РФ предусмотрен оправдательный приговор.

Сказанное ранее не является полноценными аргументами в пользу сужения перечня оснований возвращения уголовного дела прокурору, оно лишь демонстрирует процессуальную нелогичность и неестественность актуального состояния этого института.

Полагаем, что искажением смысла института возвращения уголовного дела прокурору, которое по запросу практики осуществил законодатель, во многом стало возможно из-за его сложной внутренней структуры, объединяющей разнородные нормы. Их разнородность можно продемонстрировать при помощи межотраслевых аналогий. Концепция судебного права, идеи которой мы разделяем, предполагает такое родство процессуальных отраслей, которое предопределяет их сходство не только на уровне конкретных норм, но и на уровне логи-

ческих и философских законов. Подобно тому, что следствие всегда бывает позже причины, о чем бы ни шла речь, любой суд, получивший чей-то запрос о рассмотрении спора (иск, заявление, обвинительное заключение в составе уголовного дела) должен иметь право не принимать его к рассмотрению, а вернуть подателю. Анализ оснований возвращения исков (исковых заявлений, заявлений и административных заявлений) (ст. 129 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ), ст. 135 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ), ст. 129 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ)) показывает, что объединяет их отсутствие права у суда рассматривать спор, а не отсутствие возможности установить истину из-за каких-либо недостатков иска. Так, несоблюдение установленного законом досудебного порядка препятствует рассмотрению арбитражных, гражданских и административных дел, поскольку он дает возможность сторонам сохранить партнерские отношения, сэкономить усилия [3], а не потому, что без него нельзя чего-то установить. И в целом основания возвращения искового заявления «представляют собой определенные ограничения, целью которых является недопущение возбуждения необоснованного гражданского судопроизводства» [4, с. 10], т. е. по большому счету недопущение необоснованного «беспокойства» ответчика и расходования ресурсов суда.

В уголовном процессе России первоначально на законодательном уровне был реализован именно такой вариант возвращения уголовного дела. В редакции 2001 г. было всего 3 основания возвращения, и в целом можно было считать данный институт аналогичным гражданскому процессуальному и арбитражному процессуальному институту возвращения искового заявления (КАС РФ еще не был принят). Последующее реформирование уголовно-процессуального института изменило его сущность. Достаточно сказать, что в ныне действующей редакции ст. 237 не осталось ни одного пункта в первоначальном варианте. Современное состояние института возвращения дела прокурору не позволяет признать его аналогичным возвращению искового / административного заявления. Это уникальный институт уголовно-процессуального права, который, однако, состоит из элементов, аналогичных элементам институтов оставления без движения, оставления без рассмотрения, возвращения заявления, соединения дел и изменений исковых требований.

¹ Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 17 февраля 2021 г. по делу № 55-80/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Аналогии с возвращением искового заявления

Наибольшую близость возвращение уголовного дела по-прежнему имеет с возвращением искового заявления. Помимо межотраслевых аналогий между отдельными нормами данных институтов об их родстве говорят, с известными допусками, и логические отношения эквивалентности. С одной стороны, у уголовно-процессуальных возвращения уголовного дела прокурору и возвращения заявления мировым судьей частному обвинителю есть содержательно общие основания, что свидетельствует о близости их природы. Имеется в виду, что сведения, указанные в ч. 4 ст. 318, отсутствие которых влечет возвращение заявления мировым судьей, поглощены по смыслу составлением обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления) с нарушением требований УПК РФ как основания возвращения дела прокурору.

С другой стороны, близкие по смыслу основания есть у уголовно-процессуального возвращения заявления и гражданского процессуального, арбитражного процессуального и административного процессуального возвращения искового / административного заявления. Из этого можно предположить и сущностное родство (но не тождество, конечно) возвращения уголовного дела прокурору и возвращения искового / административного заявления.

Текстуально основания «возвращений» сопоставлять бессмысленно, поскольку они отражают специфику своих процессуальных отраслей, речь может идти только об отдаленных смысловых аналогиях. ГПК РФ предусматривает как основание возвращения искового заявления случай, когда заявленное требование должно быть рассмотрено в порядке приказного производства, т. е. другого вида производства по сравнению с тем (исковым), о котором попросил истец. Кое-что общее у этого основания возвращения заявления мы видим с основанием, предусмотренным п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ: при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела ему не были разъяснены права, предусмотренные ч. 5 ст. 217 Кодекса, т. е. права в соответствующих случаях на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей, коллегией из трех судей или в особом порядке судебного разбирательства.

Неразъяснение указанного права уголовно-процессуальному «ответчику» могло лишить его возможности ходатайствовать об изменении обычного порядка производства в суде первой инстанции, о котором просит уголовно-процессуальный «истец».

Сходство созвучных институтов процессуальных отраслей есть и на уровне последствий для стадийного судопроизводства: «возвращения» во всех четырех отраслях не препятствуют повторному обращению в суд с тем же «иском» и возможности разрешения спора по существу при исправлении тех недостатков, которые были причиной «возврата».

Аналогии с оставлением заявления без движения

Указанный процессуальный институт характерен для гражданского, арбитражного и административного судопроизводства и допускает устранение некритичных недостатков поданных заявлений без их возвращения истцу.

Возвращение уголовного дела прокурору по основанию неознакомления обвиняемого с обвинительным заключением отчасти напоминает такое основание оставления без движения, как неприложение к заявлению доказательств его направления ответчику и другим участникам дела. В обоих случаях невозможность начала судебного производства по делу связана с тем, что процессуальный оппонент инициатора разбирательства не ознакомлен заранее с его позицией и требованиями.

Если обратиться к первоначальной редакции ст. 237 УПК РФ, в ней можно увидеть еще один нюанс, сближающий соответствующий уголовно-процессуальный институт с оставлением заявления без движения: 5-дневный срок для устранения недостатков, обнаруженных судом. Важны сразу два обстоятельства: 1) сам факт установления срока; 2) его непродолжительность. Первое означает, что суд как бы держит дело «у себя», и через 5 дней примет о его судьбе какое-то решение. Второе говорит о том, что недостатки уголовного дела, служащие основанием его возвращения, носят технический характер и не связаны с доказыванием (как в части предмета доказывания, так и перечня доказательств).

Процессуальные аналогии, проведенные между гражданским процессуальным оставлением заявления без движения и уголовно-процессуальным возвращением дела прокурору [5], позволили Д. С. Сарычеву сформулировать предложения по введению возможности отложения судебного разбирательства для исправления недочетов обвинением без возвращения дела [6].

Аналогии с оставлением без рассмотрения

Частично основания возвращения заявления в гражданском и административном процессах пересекаются с основаниями оставления заявления без рассмотрения (например, за счет несоблюдения досудебного порядка, который, в свою очередь,

имеет аналогии с составлением обвинительного заключения с нарушениями УПК РФ [5]).

Стадийность любого процесса логически предполагает, что течение одной из его стадий не позволяет возвращаться на другую без специфического для каждого случая решения, которое бы оправдывало «шаг назад». Именно поэтому в случае обнаружения препятствий для рассмотрения дела по существу после принятия заявления к производству (даже совпадающих с основаниями его возвращения) суд по гражданским, арбитражным и административным делам не возвращает его, а оставляет без рассмотрения.

Последствия такого процессуального решения для истца не отличаются от последствий возвращения его заявления — за ним сохраняется право вновь обратиться с тем же требованием при устранении препятствий для рассмотрения спора — поскольку такие последствия не должны зависеть от того, в какой момент (до или после принятия заявления к производству) суд обнаружил препятствия. Но более правильно то, что такое решение суда в судебном разбирательстве именуется иначе, чем на стадии возбуждения производства по делу. Практика арбитражных судов ориентирована на то, что возвращение искового заявления возможно только на стадии рассмотрения вопроса о его принятии¹.

На основе этой аналогии можно сделать вывод, что «универсальность» уголовно-процессуального возвращения дела прокурору и для стадии подготовки к судебному заседанию, и для судебного разбирательства, и даже для производства в суде второй инстанции выглядит нелогично. Причем эта нелогичность усугублена законодателем в 2014 г., когда в ч. 1 ст. 237 был введен п. 6, указывающий на установление фактических обстоятельств, служащих основанием для возвращения уголовного дела, в *судебном разбирательстве*. Если раньше возвращения уголовных дел позднее стадии подготовки оправдывались процессуальной аналогией, то теперь законодатель сам распространил институт, входящий в предварительное слушание, на последующие этапы судебного производства.

Аналогии с изменением размера исковых требований, предмета и основания иска

Возвращение уголовного дела прокурору для составления обвинительного заключения по делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского харак-

тера (п. 3 ч. 1 ст. 237 УПК РФ), имеет некоторое сходство с изменением предмета иска.

Уголовно-процессуальное возвращение для учета «новых общественно опасных последствий» (п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ), для переквалификации на более тяжкое обвинение изложенных в обвинительном заключении обстоятельств (п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ), для переквалификации на более тяжкое обвинение в связи с отменой по новым или вновь открывшимся обстоятельствам другого приговора (п. 2 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ) имеет общие черты с изменением размера исковых требований.

Результатом исправления недостатков, препятствующих рассмотрению дела судом по всем четырем названным основаниям, является корректировка позиции инициатора судебного рассмотрения относительно предмета его требований. Таким же бывает результат действий истца по изменению размера, предмета и основания иска.

Эта общность диссонирует с явным различием сопоставляемых институтов: цивилистическая и административная процессуальная корректировка требований осуществляется по воле истца без процессуального «нажима» суда на него. Даже если оставить за скобками обсуждение самой возможности корректировки обвинения с ухудшением положения обвиняемого после направления дела в суд, представляется, что она должна происходить только при активном желании государственного обвинителя. Это значит, что первичным должно быть его ходатайство, а не «собственная инициатива суда», как это предусмотрено в чч. 1 и 1.1 ст. 237 УПК РФ.

Аналогии с соединением дел

Арбитражный, гражданский и административный процесс предусматривают возможность соединения дел, производство по которым уже возбуждено судом, из соображений целесообразности, а не законности. Не существует ситуаций, когда нельзя было бы вынести законное решение по каждому из дел в отдельности, если в отношении всех них соблюдены нормы закона при их принятии к производству.

Подобное соединение уголовных дел ради процессуальной экономии, осуществляемое судом, предусмотрено и ст. 239.2 УПК РФ.

Основание же возвращения дела прокурору (п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ) предполагает такую ситуацию, когда суд, не имеющий права соединять дела (в силу досудебной уголовно-процессуальной специфики), не сможет в результате рассмотрения дела отдельно вынести законное решение.

В уголовном процессе не действует переместительный закон сложения, в отличие от процесса

¹ Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 марта 2006 г. № А44-681/03-С1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

гражданского, арбитражного и административного. Так, в литературе ведутся споры о допустимости совместного и раздельного с основным преступлением рассмотрения заранее не обещанного укрыательства преступления. Л. Г. Татьяна приводит пример, когда обвиняемый не заинтересован в соединении дел против него: «Первоначально он может быть осужден за совершение последнего преступления, а последнее судебное разбирательство будет в отношении первого совершенного им преступления... все приговоры в отношении него будут постанавливаться как ранее не судимого лица» [7].

Конечно, различия оснований и последствий соединения дел в разных видах судопроизводства не имеют прямого отношения к возвращению уголовного дела прокурору, однако повод задуматься о природе этого института они дают.

Приведенные аналогии позволяют заключить, что решение внутриуголовно-процессуальных проблем должно осуществляться на основе исследований не только с опорой на традиционные сравнение с зарубежным опытом или отслеживание исторического развития того или иного института, но и на приемлемые межотраслевые подобию.

Предложение более внимательного использования межотраслевых аналогий в законотворческой и правоприменительной практике в сфере уголовного судопроизводства основано на идее исковой природы уголовного обвинения. Эта идея, наиболее четко сформулированная и обоснованная на рубеже

XIX и XX вв. И. Я. Фойницким (под обвинением «разумеется требование судебного признания принадлежащего государству права на наказание в данном случае» [8, с. 3]), на рубеже XX и XXI вв. вновь актуализировалась в связи с очевидной потребностью современного российского общества в действительно независимом суде. Государство в лице следственных органов и прокуратуры — это вовсе не партнер суда в деле борьбы с преступностью, как было принято считать в советские годы. Государство — это истец, просящий признать его правоту в споре, рассудить его спор с тем, кого он обвиняет. Любой иной подход лишает подсудимого права быть услышанным и понятым судом, а уголовное дело предлагает считать разрешенным в пользу государства еще до судебного разбирательства. Как верно писал наш современник В. М. Савицкий, «сама идея правосудия превращается в фикцию, когда закон возлагает на суд выполнение хотя бы некоторых, пусть даже второстепенных, вроде бы технических обязанностей, связанных с осуществлением обвинения» [9, с. XIX].

Подчеркивая возможность и необходимость использования в уголовном судопроизводстве процедурных аналогов «цивилистических» процессов, имеющих несравнимо больший опыт состязательного правосудия, нежели процесс уголовный, мы настаиваем на реальном, а не номинальном ограждении суда от действий обвинительной направленности.

1. Свиридов М. К. Устранение судом следственных ошибок в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 101—108.

2. Клеандров М. И. Обвинительный приговор? Оправдательный? Или что-то третье? // Государство и право. 2019. № 12. С. 7—15.

3. Малявина Н. Б. Претензионный порядок разрешения споров // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 6. С. 21—25.

4. Соловьева Т. В. Возвращение искового заявления в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2007. 23 с.

5. Сарычев Д. С. Возвращение уголовного дела прокурору и аналогичные институты гражданского процесса: сравнительная характеристика // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2. С. 221—229.

6. Сарычев Д. С. Устранение судом первой инстанции недостатков предварительного след-

1. Sviridov M. K. Elimination of investigative errors in court proceedings by the court. Bulletin of the Tomsk State University. Law, 101—108, 2015. (In Russ.).

2. Kleandrov M. I. Guilty verdict? Justifiable? Or something third? State and law, 7—15, 2019. (In Russ.).

3. Malyavina N. B. Claim procedure for resolving disputes. Arbitration and civil procedure, 21—25, 2018. (In Russ.).

4. Solovieva T. V. Return of the statement of claim in civil proceedings. Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Saratov; 2007: 23. (In Russ.).

5. Sarychev D. S. Return of the criminal case to the prosecutor and similar institutions of the civil procedure: a comparative characteristic. Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (Moscow State Law Academy), 221—229, 2018. (In Russ.).

ствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 28 с.

7. Татьяна Л. Г. Выделение и соединение уголовных дел на предварительном слушании // Вестник Удмуртского университета. 2020. Т. 30, вып. 3. С. 447.

8. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург, 1996. Т. 2.

9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Вступительная статья доктора юрид. наук, проф. В. Савицкого. Москва, 1994.

6. Sarychev D. S. Elimination by the court of first instance of the shortcomings of the preliminary investigation. Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2018: 28. (In Russ.).

7. Tatianina L. G. Isolation and connection of criminal cases at the preliminary hearing. Bulletin of the Udmurt University, 447, 2020. (In Russ.).

8. Foinitskiy I. Ya. Criminal Justice Course. Saint PETERSBURG; 1996. Vol. 2. (In Russ.).

9. Criminal Procedure Code of the RSFSR. Introductory article by doctor of juridical sciences, professor V. Savitsky. Moscow; 1994. (In Russ.).

Шарипова Алия Рашитовна,

доцент кафедры уголовного права и процесса Башкирского государственного университета, кандидат юридических наук;
nord-wind23@mail.ru

Sharipova Aliya Rashitovna,

associate professor at the department of criminal law and procedure of the Bashkir State University, candidate of juridical sciences;
nord-wind23@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.10.2021; одобрена после рецензирования 05.09.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 22.10.2021; approved after reviewing 05.09.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.13
doi: 10.25724/VAMVD.A024

РОЛЬ КОМПАРАТИВИСТИКИ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ

Софья Дмитриевна Шестакова

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
shestakova_sofia@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются роль и значение сравнительно-правовых исследований в области уголовного процесса, дается оценка их главным достижениям, излагается авторское видение их перспективных направлений. Среди результатов компаративного изучения и научного осмысления национальных систем уголовно-процессуального права зарубежных государств российскими учеными особо акцентируется внимание на выявлении и раскрытии сущности, а также предпосылок, закономерностей и тенденций процессов их дивергенции, конвергенции и гармонизации. В связи с этим Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и практика Страсбургского Суда по правам человека характеризуются как регуляторы уголовно-процессуальных отношений, их ретроспективный исторический смысл.

Особое значение компаративистики для науки уголовного процесса автор усматривает в расширении представлений о многообразии теорий доказательств как в целом, так и их отдельных положений. Сюда относятся первопричины выбора между объективной (материальной) и формальной (интерпретированной) истиной в качестве цели доказывания, различные подходы к определению критериев допустимости доказательств, процессуальное значение признания и молчания подозреваемого и т. д. Выделяются в статье и иные привлекательные своей актуальностью направления сравнительно-правовых исследований. Это реализация состязательности за счет депонирования показаний и других видов доказательств, надлежащего обеспечения обвиняемому права на допрос свидетелей обвинения, гарантий права обвиняемого на вызов и допрос свидетелей в свою пользу на равных со стороны обвинения условиях; расширение альтернатив мерам пресечения, связанным с изоляцией от общества; формирование правовой основы для перерастания специфичной для несовершеннолетнего меры пресечения в меру воспитательного воздействия как верный шаг на пути становления ювенальной юстиции; и некоторые другие.

В завершение автор напоминает о своей разработанной благодаря обращению к зарубежным доктринам, правотворчеству и правоприменению концепции «Трех ключей к замку уголовно-процессуальной гармонии», раскрывающей взаимосвязь и взаимообусловленность: 1) истины (материальной или формальной) как цели доказывания; 2) состава суда (суд шеффенов или суд присяжных) и 3) свойств доказательств (предъявляемых к ним требований).

Ключевые слова: сравнительно-правовые исследования, процессуальная доктрина, уголовный процесс, доказательства, доказывание

Для цитирования: Шестакова С. Д. Роль компаративистики в развитии российской уголовно-процессуальной доктрины // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 103—108. doi: 10.25724/VAMVD.A024

ROLE OF COMPARATIVE STUDIES IN RUSSIAN DOCTRINE OF CRIMINAL PROCEDURE DEVELOPMENT

Sofya Dmitrievna Shestakova

Saint Petersburg University of the Interior Ministry of Russia, Saint Petersburg, Russia, shestakova_sofia@mail.ru

Abstract. In the article the role and significance of the comparative studies on the field of the criminal procedure are analyzed. The evaluation of their achievements is done. The author's view of their perspective is proposed. Among the results of the comparative analyses of the foreign criminal procedural law systems made by Russian researches the

main attention is paid to the disclosure of the essence of their harmonization as well as its background, regularities and trends. In this concern the European Convention on Human Rights and Strasbourg Court Case Law as the regularities of the criminal procedural relations in Russia and their retrospective historical sense are characterized.

The author recognizes special meaning of the comparative researches for the criminal procedural doctrine in the developing of the knowledge about and diversities of the evidence law concepts. Among it are recognition the nature of the choice between the objective (material) and formal (interpretive) truth as the goal of the proof, various approaches to the criteria of the admissibility of the evidence, procedural significance of the confession and keeping silence by the suspect, etc. Other directions of the further comparative studies which are attractive by their actuality are named in the article. They are the providing of the adversity and equality of the parties by the depositing of the testimony and other types of the evidence by examining judge, adequate guarantees of the accused right to the confrontation with the witnesses and his right to examine the witnesses of the defense on the same conditions which the prosecution in regard to the witnesses of the accusation has got. The experience of the legal basis for the restrictive measures applying to the juveniles during the investigation transforming into the educational impact measures as the alternative to the criminal punishment is also supported as well as some other foreign rules.

In conclusion the author reminds her own concept of the "Three keys to the lock of the criminal procedure harmony" that is the mutual connection and mutual condition of 1) the choice between the material and formal truth as the goal of the proof; 2) the construction of the court: the trial by jury either by the sheffens; 3) the requests to the evidence — criteria of its admissibility, which was worked out thanks to comparative studies of the Continental and Common Law criminal process.

Keywords: comparative legal studies, criminal procedure doctrine, criminal process, evidence, proof

For citation: Shestakova S. D. Role of comparative studies in Russian doctrine of criminal procedure development. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 103—108, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A024

Сравнительное правоведение (компаративистика — от лат. слова *comparativus* — сравнительный) всегда было и остается мощным инструментом в руках научного познания в юридической сфере.

Не является исключением процессуальная наука, современное развитие которой невозможно представить без исследований зарубежных процессуальных доктрин и систем уголовно-процессуального права иностранных государств, обмена опытом на международном уровне.

Во многих государствах функционируют специально созданные для решения задач сравнительного правоведения в области материального, процессуального и международного уголовного права научно-исследовательские учреждения, например Институт исследования преступности, безопасности и права им. Макса Планка (Фрайбург, Германия).

Сравнительные исследования в сфере уголовно-процессуального права проводятся как на макроуровне — максимально высокой степени обобщения в рамках его общей теории, так и на уровне множества его частных аспектов.

Исследование гармонизации уголовно-процессуального права

Сравнительное правоведение позволило распознать и во многом изучить имеющие мировые масштабы процесс гармонизации уголовно-процессуального права государств романо-германской и англосаксонской правовых систем, изначально

противопоставляемых друг другу, а также процессы их конвергенции и дивергенции. Это нашло отражение в докторских диссертациях А. В. Смирнова [1]; С. Д. Шестаковой [2]; Н. Г. Стойко [3], а также кандидатских диссертациях Е. М. Сорокиной [4] и М. С. Кесаевой [5].

Гармонизация уголовного процесса различных государств как явление обретения взаимного соответствия и уменьшения различий происходит главным образом под влиянием международного права. Так, государства — участники Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.¹ — члены Совета Европы, исполняя решения Страсбургского Суда по результатам рассмотрения жалоб на нарушения конвенции, волей-неволей приводят нормы национального уголовно-процессуального права в соответствие с данным международным актом. В результате возникает эффект не механического единообразия, а именно юридической гармонии защиты прав человека в сфере уголовного судопроизводства каждого из этих государств. Гармонизация уголовно-процессуального права в той или иной мере не может не захватить и постсоветские государства, объединенные общим советским прошлым и международ-

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод, также Европейская конвенция по правам человека (ЕКПЧ). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 01.05.2022).

ной правовой основой¹ будущего их правовых систем.

Изучение уголовно-процессуального права государств — членов Совета Европы в контексте решений Страсбургского суда по жалобам их граждан на допущенные при производстве по уголовным делам нарушения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод способствовало совершенствованию отечественного законодательства в целях предотвращения нарушений прав человека. Этот международный договор с приостановлением членства России в Совете Европы и грядущим его прекращением, утрачивая значение для нашего государства в будущем, оставляет неизгладимый след в прошлом. Как известно, Конституция Российской Федерации в части прав и свобод человека готовилась «под Европейскую конвенцию». Напомним хронологию событий: 1992 г. — заявка России на вступление в Совет Европы, 1993 г. — принятие Конституции, 1998 г. — ратификация Европейской конвенции. Многие положения этого международного договора нашли отражение, а зачастую буквальное воспроизведение в главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина». Концепция прав человека на переходный момент от советского государства к правовому, в период замены исходной юридической парадигмы «государство — личность» на «личность — государство», в тех исторических условиях была единственной приемлемо разработанной и пригодной в качестве идейной основы для обновления российской правовой системы. Несмотря на свой неоднозначный, а порой даже экстремистский характер (вплоть до содействия церковному освещению однополых браков в некоторых странах — ее участницах, берущего истоки в интерпретации Страсбургским Судом положений ст. 8 Конвенции), для нашего государства она сыграла положительную роль: заполнила правовой вакуум, образовавшийся с отказом от советской правовой идеологии.

¹ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22.01.1993) (ред. от 28.03.1997) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994). URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942 (дата обращения: 01.05.2022); Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишиневе, 07.10.2002). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901898597> (дата обращения: 01.05.2022); Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств — участников СНГ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901914840/titles/> (дата обращения: 01.05.2022).

Для российского уголовного процесса значение Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод заключается в следующем.

Во-первых, с 1998 по 2022 г. она являлась источником российского уголовно-процессуального права с эффективным механизмом действия, обеспечиваемым Европейским Судом по правам человека, юрисдикцию которого Российская Федерация как член Совета Европы признала для себя обязательной. Российский законодатель отнес решение этого международного органа правосудия, установившего нарушение Конвенции при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, к числу новых обстоятельств, являющихся основаниями к возобновлению уголовного судопроизводства (п. 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)). Во-вторых, Конвенция в интерпретации Страсбургского суда послужила образцом и моделью закрепления и обеспечения прав и свобод человека в национальном уголовно-процессуальном законодательстве. Она стала проводником в теорию и практику концепции прав и свобод человека как ядра правового государства. В-третьих, многие развитые в решениях Страсбургского суда положения Конвенции частично имплементированы в российское законодательство: о разумном сроке уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ); о недопустимости применять заключение под стражу на основе непроверенных данных (ст. 108 УПК РФ); о праве обвиняемого на допрос изобличающих его свидетелей (ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ) и др. С некоторыми требованиями Конвенции связано принятие самостоятельных законодательных актов. Например, Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ². В-четвертых, Конвенция способствовала восприятию российской процессуальной теорией и развитию в ней ряда научных понятий, категорий и даже целых доктрин. Это право на справедливое судебное разбирательство — *right to fair trial*; надлежащая правовая процедура — *due process*; равенство оружия (сторон) — *equality of arms*, а также понятия безотлагательности, незамедлительности, разумности. В-пятых, многие положения Конвенции и решений Европейского Суда по правам человека нашли отражение в практике Конституционного Суда Российской Федерации и постановлениях Пленума Верховного Суда Рос-

² О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: федер. закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сийской Федерации. Наконец, российский уголовный процесс оказался вовлеченным в вышеуказанную гармонизацию уголовно-процессуального права.

Истина как цель доказывания и основные правила формирования доказательств в англосаксонском и романо-германском уголовном процессе

Фундаментальной в отечественной процессуальной науке является дискуссия об истине как цели доказывания по уголовным делам.

Эта дискуссия стала особенно актуальной с взятием в 90-х гг. прошлого столетия российским законодателем курсом на развитие состязательности уголовного процесса и обострилась в связи с введением в него несовместимых с материальной истиной как целью доказывания сделок с правосудием.

Рождению истины в споре об истине как цели доказывания может помочь осознание кардинальных различий в преобладающих философских, а именно гносеологических воззрениях в странах англосаксонского и континентального права на ее познаваемость в принципе. Представители англосаксонской правовой семьи исходят из непознаваемости человеческим разумом объективной (материальной) истины. Вот почему в их уголовном процессе целью доказывания поставлена менее ценная по существу, но реально достижимая субъектом познания формальная (интерпретированная) истина [6, с. 71].

Сравнительно-правовые исследования в области доказательственного права позволили осознать его основные закономерности в странах романо-германской и англосаксонской правовых семей. Их результаты представлены, например, в зарубежной коллективной монографии «Уголовный процесс в Европе» [7], в отечественной литературе в работе К. Ф. Гуценко, Л. В. Головки, Б. А. Филимонова [8], а также в переведенном на русский язык учебнике по немецкому уголовному процессу В. Бойльке [9].

Главной особенностью уголовного процесса государств континентальной правовой системы является формирование основной доказательственной базы в ходе досудебного производства. В результате производства следственных действий (осмотров, допросов, выемок, обысков, экспертиз и др.) образуются «готовые» доказательства, которые представляются в судебное разбирательство и после исследования судом могут быть положены в основу приговора. Показания, данные в ходе досудебного производства, при наличии соответствующих оснований широко используются в качестве доказательств наряду с показаниями, данными в суде. Правда, в связи с развитием состязательности и, прежде всего, вышеупомянутого конвенционного права обвиняемого на равенство оружия со стороны обвинения использования таких дока-

зательств в той или иной мере — в зависимости от государства — ограничено случаями получения их независимым от сторон субъектом — представителем судебного ведомства (следственным судьей, судьей-магистратом и т. п.). Особенно это касается показаний свидетеля и потерпевшего.

В уголовном процессе государств англосаксонской правовой системы, напротив, большинство доказательств формируется в судебном разбирательстве в ходе такого процессуального действия, как перекрестный допрос. Результаты осмотров, обысков, допросов, произведенных должностными лицами, осуществляющими расследование, не имеют доказательственного значения, пока эти лица не будут подвергнуты перекрестному допросу сторонами обвинения и защиты. Доказательствами по уголовному делу являются свидетельские показания, полученные в ходе перекрестного допроса в суде, в том числе от должностных лиц о результатах произведенных ими действий по собиранию информации, имеющей значение для дела, а также и от эксперта, проводившего экспертизу. Исключение имеется в отношении признания подозреваемого, сделанного в ходе расследования, которое при соблюдении ряда условий допускается в качестве доказательства. Более того, в английском уголовном процессе существует правило о том, что в определенных ситуациях суд вправе делать неблагоприятные для подсудимого выводы из факта его молчания на допросе в качестве подозреваемого, что председательствующий разъясняет присяжным в своем напутственном слове [10, р. 211—217].

Подходы к допустимости доказательств

Вкладом в развитие отечественного учения о допустимости доказательств могут стать разработанные в теории уголовно-процессуального права ряда государств Западной Европы доктрины, в соответствии с которыми данное свойство доказательств не сводится к формальному соблюдению субъектом доказывания правил их собирания. Например, по германскому «правилу пропорциональности», при решении вопроса о допустимости доказательства суд оценивает соотношение: 1) его доказательственной ценности; 2) тяжести предъявленного обвинения; 3) значимости нарушенного права и меры его нарушения; 4) степени влияния соответствующего нарушения на достоверность доказательства [7, S. 347].

В большинстве западных государств главное значение придается надежности (*reliability*) доказательств. В уголовном процессе Великобритании и США допустимость доказательства определяется с учетом соотношения его доказательственной ценности и эффекта предубеждения, который оно способно вызвать у присяжных; различаются незаконно

и нечестно добытые доказательства с особыми последствиями того и другого в зависимости от ряда обстоятельств и т. п. Кроме того, в английском уголовном процессе существует правило, в соответствии с которым для решения вопроса о допуске доказательства к участию в деле оно должно пройти тест справедливости. Судья на основании всех обстоятельств дела, включая процесс получения доказательства и его ценность, определяет, что будет более справедливым: допустить его либо признать недопустимым [11, р. 59].

Зарубежный опыт избрания мер пресечения

Привлекательно для национальной процессуальной науки и направление, связанное с реализованными в иностранном уголовном процессе идеями преемственности уголовно-процессуального и уголовно-правового воздействия в рамках института мер пресечения. В ряде государств мера пресечения, примененная в отношении несовершеннолетнего, может в дальнейшем «перерасти» в меру воспитательного воздействия как альтернативу уголовному преследованию или наказанию. Данная возможность предусмотрена, например, в США Законом о суде по делам несовершеннолетних, включенном в Кодекс Калифорнии о социальном обеспечении и учреждениях¹, относительно такой меры, как отдача несовершеннолетнего под надзор родителей или других лиц. В связи с этим возникает идея одного из направлений развития ювенальной юстиции в нашем государстве. Имеет смысл разработка правовой основы для преемственности между избранным несовершеннолетнему запретом посещать определенные места и общаться с определенными лицами (ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ) и (при его эффективности) сходной по содержанию принудительной мерой воспитательного воздействия: установление особых требований к поведению несовершеннолетнего (п. «г» ч. 2 ст. 90 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)). То же можно сказать о присмотре родителей и других лиц за несовершеннолетним как мере пресечения (ст. 105 УПК РФ) и надзоре за ним как принудительной мере воспитательного воздействия (п. «б» ч. 2 ст. 90 УК РФ). В целях минимизации применения мер пресечения, связанных с изоляцией от общества, разумно перенять опыт Франции. Уголовно-процессуальное законодательство этого государства позволяет избирать несколько мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества одновременно², что в ряде случаев способно заменить

заключение под стражу и домашний арест. В российском законодательстве предусмотрена возможность одновременного применения нескольких запретов в рамках единой меры пресечения — запрета определенных действий (ч. 7 ст. 105.1 УПК РФ), но не нескольких различных мер пресечения.

Итак, изучение уголовного процесса зарубежных государств:

- позволяет выйти за пределы (за границы) отечественных теорий и законодательства;
- расширяет научный кругозор за счет знакомства с плюрализмом процессуальных доктрин;
- предоставляет возможность узнать и оценить вариативность концептуальных подходов к решению той или иной научной проблемы.

Перспективными направлениями компаративистики в сфере уголовно-процессуального права являются:

— взаимосвязь и взаимообусловленность «трех ключей к замку уголовно-процессуальной гармонии»: 1) детерминации истины как цели доказывания: объективной (материальной) или формальной (интерпретированной); 2) состава суда (суд шэффенов или суд присяжных) и 3) свойств доказательств (предъявляемых к ним требований). Это авторская концепция, в свою очередь, создана благодаря обращению к зарубежным доктринам, правотворчеству и правоприменению;

— правовые средства обеспечения состязательности в ходе досудебного производства (депонирование показаний и других видов доказательств, надлежащее обеспечение обвиняемому права на допрос свидетелей обвинения, гарантии права обвиняемого на вызов и допрос свидетелей в его пользу на равных со стороны обвинения условиях);

— доказательственное право, прежде всего в смысле пересмотра жестких стереотипов к определению критериев допустимости доказательств, их переосмысление в контексте антитезы: категоричный ультиматум против легитимного компромисса (когда с учетом обстоятельств дела и получения доказательств более справедливым, в том числе как отвечающим интересам потерпевшего, является их допуск, нежели признание недопустимыми);

— расширение системы мер пресечения, в первую очередь за счет альтернатив изоляции от общества;

— развитие системы альтернатив уголовному преследованию (параллельно с системой оснований освобождения от уголовной ответственности по материальному уголовному праву) и введение института медиации в этих целях;

— перспективы ювенальной юстиции.

¹ Кодекс Калифорнии о социальном обеспечении и учреждениях. URL: <https://www.supremecourt.gov/> (дата обращения: 15.04.2022).

² Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1958 г. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affich> (дата обращения:

15.04.2022); О несовершеннолетних правонарушителях: закон (ордонанс) от 2 февраля 1945 г. № 45-174. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affich> (дата обращения: 15.04.2022).

1. Смирнов А. В. Типология уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2001. 348 с.

2. Шестакова С. Д. Генезис метода российского уголовно-процессуального права в условиях конвергенции и дивергенции англосаксонской и континентальной правовых систем: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004. 388 с.

3. Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. 263 с.

4. Сорокина Е. М. Гармонизация уголовно-процессуального законодательства в Европейском Союзе: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016. 226 с.

5. Кесаева М. С. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциация форм досудебного производства по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017. 237 с.

6. Шестакова С. Д. Приоритеты в развитии уголовно-процессуальной науки как средства совершенствования уголовно-процессуального регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (62). С. 71—72.

7. Criminal Procedure in Europe / ed. by R. Vogler, B. Huber. Berlin: Duncker & Humblot, 2008. 656 S.

8. Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств: учеб. пособие / под ред. К. Ф. Гуценко; МГУ им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак. Москва: ЗЕРЦАЛО — М, 2001. 470 с.

9. Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ. Красноярск: Красноярск. гос. ун-т, 2004. 352 с.

10. Welsh L., Skinns L., Sanders A. Sanders and Young's Criminal Justice. Oxford University Press, 2021. 768 p.

11. Mellifont K. Fruit of the poisonous tree. Evidence derived from illegally or improperly obtained evidence. Sydney: The Federation Press, 2010. 224 p.

Шестакова Софья Дмитриевна,

профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
shestakova_sofia@mail.ru

1. Smirnov A. V. Typology of criminal procedure. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2001: 348. (In Russ.).

2. Shestakova S. D. Genesis of the Russian criminal procedure law method under the conditions of convergence and divergence of the anglo-saxon and continental legal systems: theoretical and legal study. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Saint Petersburg; 2004: 388. (In Russ.).

3. Stoiko N. G. Criminal process of Western States and Russia: comparative theoretical and legal study of Anglo-American and Romano-German legal systems. Saint Petersburg: Publishing house of Saint Petersburg State University; 2006: 263. (In Russ.).

4. Sorokina E. M. Harmonization of criminal procedure legislation in the European Union. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2016: 226. (In Russ.).

5. Kesaeva M. S. Problems of harmonization of criminal procedural guarantees of individual rights and differentiation of forms of pre-trial proceedings in criminal cases. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2017: 237. (In Russ.).

6. Shestakova S. D. Priorities in the development of criminal procedure science as a means to improve criminal procedure regulation. Bulletin of the Saint Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 71—72, 2014. (In Russ.).

7. Criminal Procedure in Europe. Ed. by R. Vogler, B. Huber. Berlin: Duncker&Humblot; 2008: 656. (In German).

8. Gutsenko K. F., Golovko L. V., Filimonov B. A. Criminal process of Western States. Study manual. Ed. by K. F. Gutsenko; Moscow State University named after M. V. Lomonosov. Juridical faculty. Moscow: ZERZALO—M; 2001: 470. (In Russ.).

9. Boylke V. Criminal procedure law of Germany. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University; 2004: 352. (In Russ.).

10. Welsh L., Skinns L., Sanders A. Sanders and Young's Criminal Justice. Oxford University Press; 2021: 768. (In English).

11. Mellifont K. Fruit of the poisonous tree. Evidence derived from illegally or improperly obtained Evidence. Sydney: The Federation Press; 2010: 224. (In English).

Shestakova Sofya Dmitrievna,

professor at the department of criminal procedure of the Saint-Petersburg University of the Interior Ministry of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
shestakova_sofia@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 15.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.982.4
doi: 10.25724/VAMVD.A025

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ (НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ)

Станислав Михайлович Бобовкин*, **Яна Александровна Климова****, **Виктор Петрович Полунин*****

* Московский Университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия,
s.m.bobovkin@yandex.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
aya3008@yandex.ru

*** Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Россия,
8 (8639) 25 04 59

Аннотация. Статья посвящена использованию современных возможностей цифровой криминалистики. В настоящее время для эффективного раскрытия и расследования преступлений целесообразно задействовать потенциал информационных технологий и технических средств. На примере производства судебно-почерковедческих экспертиз рассматриваются перспективы применения кибернетических методов. Авторами описывается история, актуальное состояние и тенденции развития данного направления математического моделирования. Анализируется практический опыт европейских, североамериканских и африканских криминалистов, описываются особенности применения некоторых методов: GLOBALGRAF, CEDAR-FOX, Cybid Graphlog, FLASH ID, WANDA, получивших наибольшее распространение. Раскрываются ключевые функции и алгоритмы работы указанных комплексов и программ, отмечаются определенные преимущества и недостатки их применения по отношению к традиционной качественно-описательной методике идентификационной судебно-почерковедческой экспертизы. На основании полученных результатов формируется умозаключение о вспомогательном значении кибернетических методов (методик) и необходимости их использования в дополнение к имеющимся методическим средствам. Такой формат позволит экспертам-почерковедам определять некоторые дополнительные признаки почерка, автоматизировать часть стадий и этапов экспертного исследования, будет способствовать его всесторонности и объективизации, а также повышению научной обоснованности и достоверности получаемых выводов.

Ключевые слова: цифровая криминалистика; судебно-почерковедческая экспертиза; преступления, совершенные с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий; математическое моделирование; кибернетические методы исследования; компьютерные комплексы и программы; автоматизация экспертных исследований; объективизация процесса идентификации; признаки почерка; комплексная методика; повышение научной обоснованности выводов

Для цитирования: Бобовкин С. М., Климова Я. А., Полунин В. П. Использование возможностей цифровой криминалистики (на примере судебно-почерковедческой экспертизы) // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 109—117. doi: 10.25724/VAMVD.A025

THE USE OF DIGITAL FORENSICS CAPABILITIES (ON THE EXAMPLE OF FORENSIC HANDWRITING EXAMINATION)

Stanislav Mikhailovich Bobovkin*, **Yana Aleksandrovna Klimova****, **Viktor Petrovich Polunin*****

* Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia,
s.m.bobovkin@yandex.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, aya3008@yandex.ru

*** Volgodonsk branch of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgodonsk, Russia
8 (8639) 25 04 59

Abstract. The article is devoted to the use of modern possibilities of digital forensics. At present, the potential of information technology and technology is relevant for the effective detection and investigation of crime. The use of forensic handwriting is considered as an example of cybernetic techniques. The authors describe the history, current state and trends of development of this direction of mathematical modeling. The practical experience of European, North American and African forensics experts is analyzed, features of application of some methods are described: "GLOBALGRAF", "CEDAR-FOX", "Cybid Graphlog", "FLASH ID", "WANDA" received the greatest distribution. The key functions and algorithms of operation of the said complexes and programs are disclosed, certain advantages and disadvantages of their application in relation to the traditional qualitative and descriptive method of identification forensic and handwriting examination are noted. On the basis of the obtained results, a conclusion is formed about the auxiliary value of cybernetic methods (methods) and the need for their use in addition to the available methodological tools. This format will allow handwriting experts to identify some additional handwriting attributes, automate part of the stages and stages of the expert study, will promote its comprehensiveness and objectification, as well as improving the scientific basis and credibility of the findings.

Keywords: digital forensics; forensic handwriting expertise; crimes committed using modern information and telecommunication technologies; mathematical modeling; cybernetic research methods; computer complexes and programs; automation of expert studies; objectification of identification process; signs of handwriting; complex methodology; increase of scientific validity of conclusions

For citation: Bobovkin S. M., Klimova Ya. A., Polunin V. P. The use of digital forensics capabilities (on the example of forensic handwriting examination). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 109—117, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A025

На протяжении исторического пути развития человечества внедрение в нашу жизнь научных и технических достижений выступает в качестве необходимого условия совершенствования общественных отношений. В цифровую эпоху особо прослеживается проникновение современных технологий во все области человеческой деятельности. Информационные технологии успешно интегрируются в социально-экономические отрасли, государственное управление, бизнес, здравоохранение, образование и иные сферы общественной жизни. В результате появляются новые — информационные отрасли производства, активно развиваются инновационные технологии, усложняется выпускаемая продукция, реализуется переход к новейшим формам занятости, появляются новые формы научных знаний. Однако обратной стороной обозначенного прогресса выступают нарастающие темпы использования цифровых технологий в криминальной сфере общественной жизни. В практике раскрытия и расследования преступлений появляются новые виды правонарушений, например «противоправные деяния в сфере компьютерной информации», модифицируются способы совершения «традиционных» преступлений.

Наиболее эффективным ответом со стороны государства и правоохранительных органов выступает разработка новых направлений цифровой криминалистики, интеграция в криминалистическую технику современных научных методов, формирование на этой основе новейших криминалистических технологий, а также частных криминалисти-

ческих теорий за счет рационального использования достижений фундаментальных и прикладных наук [1]. В рамках совершенствования криминалистической техники происходит активное внедрение информационных технологий в судебно-экспертную деятельность. В большей степени отмеченное направление реализуется посредством использования достижений математических, технических и естественных наук, а также адаптации ранее разработанных цифровых технологий и информационных систем для обеспечения потребностей судебно-экспертных учреждений. Среди отмеченных путей цифровизации экспертно-криминалистической деятельности наиболее перспективными представляются: разработка современных технических средств, приемов, кибернетических методов и новых методик экспертного исследования, а также использование различных систем искусственного интеллекта, в особенности — робототехники [2].

Обозначенные перспективные направления применения цифровых технологий в полной мере затрагивают один из наиболее распространенных на практике родов (видов) судебной экспертизы — почерковедческой. На современном этапе данная область использования специальных знаний характеризуется появлением новых объектов исследования (в частности, изображений разных рукописей), объективизацией и формализацией процесса идентификации, стандартизацией методического обеспечения, а также разработкой и внедрением новейших технических средств, приемов, методов и методик экспертного исследования [3].

На наш взгляд, особую практическую значимость представляют разработки в области инструментализации и автоматизации практической деятельности эксперта-почерковеда, направленные на объективизацию процесса идентификационного исследования, берущие свое начало с 1963 г. В указанный период широкое распространение в судебном почерковедении получило кибернетическое направление математического моделирования, в рамках которого была доказана эффективность использования компьютерных технологий в целях решения идентификационных и диагностических задач рассматриваемой экспертизы.

Научные работы в этой области связаны с трудами видных математиков В. А. Якубовича, Б. Н. Козинца, В. М. Соколова и криминалиста Р. М. Ланцмана, проводивших свои исследования на базе Литовского НИИ СЭ. В результате широкомасштабных научных исследований данными учеными были разработаны две системы дифференциальных и идентификационных алгоритмов, получивших название «ДИА» и «Прост». В последующие годы они успешно прошли апробацию в структурных подразделениях НИИ СЭ и были внедрены в практическую деятельность государственных судебно-экспертных учреждений. Вместе с тем, несмотря на значительный успех отмеченных экспериментальных разработок, сообщество ученых и практиков рассматриваемого периода пришло к единому мнению о невозможности создания универсальных (единых) алгоритмов почерковедческой экспертизы, которые бы полностью автоматизировали процесс экспертного исследования. Поэтому дальнейшие научные разработки в этой области стали развиваться по пути создания отдельных экспертных алгоритмов, используемых совместно с традиционными методами исследования рукописных объектов, имеющих по отношению к ним лишь вспомогательное значение [4].

В период цифровизации кибернетическое направление математического моделирования переживает новый виток своего развития, что обусловлено потребностями судебно-экспертных учреждений России и иностранных государств в повышении степени научной обоснованности и достоверности выводов эксперта. Так, в XXI в. методическая база судебно-почерковедческой экспертизы пополнилась внушительным количеством кибернетических методов и методик исследований, направленных на объективизацию процесса экспертного исследования. В то же время большее количество из них характеризуется вспомогательным значением для практической деятельности эксперта-почерковеда, тогда

как в рамках алгоритмов некоторых программ предпринимается попытка автоматизации отдельных этапов и всего процесса экспертного исследования.

В данной статье проанализирован зарубежный опыт по применению рассматриваемых методических средств, определены цели, алгоритмы и возможности актуальных компьютерных программ, выделены их преимущества и недостатки, а также намечены перспективы использования кибернетического направления математического моделирования в правоохранительной деятельности.

Среди многообразия компьютерных комплексов, используемых в области судебно-почерковедческой экспертизы, широкое распространение в странах Западной Европы получила **программа Cybid Graphlog**, разработанная польской компанией CYBORG IDEA при сотрудничестве с Институтом Судебных Экспертиз имени профессора Яна Сена, расположенным в г. Кракове. Она эффективно применяется экспертами не только в области судебно-почерковедческой, но и технико-криминалистической экспертизы документов для исследования машинописных и рукописных текстов, а также иных реквизитов документа. Данное программное средство позволяет устанавливать некоторые характеристики письменных знаков и печатного шрифта, в частности в автоматическом режиме устанавливать основные идентификационные признаки, характеризующие форму движений и размерные характеристики почерка (для рукописных записей); определять характеристики шрифта, величины строчных интервалов, отклонения знаков от вертикали, степень смещения оттисков буквенных знаков по горизонтали и вертикали и т. д. (для печатных текстов). Кроме того, отмеченное программное средство позволяет проводить шесть измерений, а именно устанавливать расстояния между двумя заданными точками; показатели углов уклона каждого письменного знака относительно линии письма; соотношения наклонов между двумя письменными знаками; диаметры различных элементов букв, цифр либо в целом рукописей; площади отдельных почерковых объектов; проводить сравнение установленных величин. Помимо рассмотренных измерений программа Cybid Graphlog предоставляет возможность проведения дополнительных измерений, которые в автоматическом режиме определяют характеристики некоторых общих признаков почерка проверяемых лиц. Таким образом устанавливаются абзацный отступ, наклон письменных знаков и конкретной буквы (цифры), расстояние между буквами и словами, междустрочный интервал, площадь

определенной рукописи (например, подписи), соотношение надстрочной и подстрочной части письменного знака к строке (линии письма), пропорции отдельной буквы, характеристики полей, ширина и высота овалных элементов, размер подстрочных и надстрочных компонентов, высота буквы в строке и т. д. Также при помощи отмеченной программы возможно рассчитать масштаб импортированного изображения, провести статистический анализ всех выявленных признаков почерка и подготовить соответствующий отчет о совпадении либо различии отдельных общих признаков почерка и их совокупностей, а также сделать вывод о наличии либо отсутствии принадлежности нескольких объектов к одной и той же группе почерковых объектов.

К числу основных достоинств Cybid Graphlog следует отнести быстрое и точное проведение значительного количества измерений с учетом их высокой степени воспроизводимости, возможность установления характеристик некоторых из ранее указанных признаков в автоматическом режиме, их сохранение и статистический анализ.

Анализ литературных источников и результатов практической деятельности зарубежных коллег свидетельствует о том, что программа Cybid Graphlog является эффективным компьютерным методом, используемым экспертами-почерковедами преимущественно на этапе отдельного и сравнительного исследования признаков почерка в спорной рукописи и образцах предполагаемого исполнителя для автоматизации отдельных этапов работы, а также активно применяется экспертами в области технико-криминалистической экспертизы документов при реализации аналогичных стадий экспертного исследования.

В Соединенных Штатах Америки эффективным методическим инструментом при производстве судебно-почерковедческих экспертиз считается **система криминалистического исследования рукописных объектов CEDAR-FOX**. Данная программа была разработана в Государственном университете Буффало штата Нью-Йорк в США и предназначена для исследования отсканированных рукописей в автоматическом либо полуавтоматическом режиме. Система CEDAR-FOX позволяет создавать архивы почерковых объектов с учетом метаданных документа (его идентификационного номера, принадлежности определенному автору либо исполнителю и иной информации, представляющей интерес для правоохранительных органов), переводить рукописную запись в печатную, также компоновать изображения отдельных фрагментов рукописей, вариантов письменных знаков в целях

их последующего сравнительного исследования с образцами почерка проверяемых лиц и анонимными рукописями, ранее размещенными в базе. В дополнение к указанному при помощи данной программы в автоматическом режиме возможно установление следующих общих признаков: формы движений, размера и разгона письменных знаков, ширины штрихов, наклона почерка, размера интервалов между строками и словами, а также некоторых иных структурных характеристик письменных знаков и слов в целом (не изучающихся при помощи традиционной системы идентификационных признаков почерка).

Процесс почерковедческого исследования рукописи в этой программе реализуется посредством прохождения следующих этапов: анализа страницы, ее разделения на абзацы, строки, слова, и в заключение — отдельные письменные знаки и их сочетания. Затем в установленных структурных элементах определяются идентификационные признаки почерка, которые в дальнейшем сравниваются с аналогичными признаками, содержащимися в образцах предполагаемых исполнителей, загружающихся аналогичным образом в базу данных программы. В рамках этого алгоритма система позволяет в автоматическом либо полуавтоматическом режиме решать вопросы идентификационного характера в части установления исполнителей рукописи.

Ввиду высокой эффективности система CEDAR-FOX успешно используется правоохранительными органами США для решения идентификационных задач судебно-почерковедческой экспертизы. С учетом имеющегося инструментария она может применяться как дополнительный кибернетический метод при осуществлении этапов отдельного и сравнительного исследования рукописных объектов, выступать в качестве самостоятельной методики, направленной на идентификацию исполнителя в автоматическом режиме, а также использоваться для формирования массива рукописей неустановленных лиц [5].

Востребованным кибернетическим методом в правоохранительных структурах США и странах Западной Европы является криминалистическая система по исследованию почерка **FLASH ID**. Она выступает вспомогательным инструментом в процессе почерковедческого исследования рукописных объектов вне зависимости от языка выполнения рукописи. Система предназначена для объективизации процесса сравнительного исследования спорных рукописей и образцов почерка предполагаемых исполнителей, а также оценки полученных результатов.

Работа системы реализуется посредством нескольких последовательных шагов: обработки изображения рукописи, установления идентификационных признаков в исследуемом объекте и построения на основе этих показателей определенных графиков (отражающих характеристики идентификационных признаков), сравнения комплекса идентификационных признаков (представленных в виде графиков) со значениями признаков, характеризующих образцы проверяемых лиц (в том числе с иными почерками анонимных рукописей, загруженных в базу данных программы), оценки результатов и получения определенных выводов (с указанием вероятного сходства в процентном выражении).

В рамках первого этапа программой FLASH ID используется отсканированное изображение документа (в разрешении не менее 300 точек на дюйм), которое сначала разделяется на абзацы и строки, затем каждый из полученных компонентов анализируется в отдельности. В итоге система делит исследуемый рукописный объект на множество фрагментов шириной в один пиксель, которые в дальнейшем трансформируются в комбинацию изогнутых графиков. На втором этапе действия выполняются в следующей последовательности: изначально происходит разделение записей каждой строки на определенные буквосочетания и отдельные буквы, после чего происходит их деление на элементы, а затем — установление формы элементов письменных знаков, показатели которых выступают основанием для построения графиков, позволяющих наиболее полно и всесторонне проводить сравнительное исследование. На третьем этапе реализуется кодирование рукописи путем построения определенных графиков, отражающих показатели характеристик ранее установленных идентификационных признаков почерка. Форма графика при этом находится в прямой взаимосвязи от геометрических соотношений его частей.

Алгоритм работы системы FLASH ID позволяет исследовать почерковые объекты, выполненные различными видами латинской и арабской письменности. Так, несмотря на то обстоятельство, что основным языком в США и Европе выступает английский, в настоящий момент программа успешно протестирована уже более чем на 20 разных языках. В качестве основных достоинств указанного кибернетического метода можно выделить:

— простоту использования (не требуется ручного выделения точек начала и окончания движений), поэтому эксперту-почерковеду достаточно лишь отсканировать исследуемый рукописный объект и сравнить его с образцами почерка в автоматическом режиме;

— сложные алгоритмы, основанные на технологии сравнения графем по их топографическим и геометрическим признакам. В процессе их реализации измеряются формы кривых, а также углы и расстояния между компонентами графика. В результате применения программы FLASH ID в объектах происходит около 200 измерений;

— возможность исследования текстов малого объема (например, от четверти страницы формата А4);

— широкие возможности визуализации идентификационных признаков;

— наличие в арсенале программы значительного количества различных инструментов, направленных на устранение лишних элементов изображения исследуемого объекта и улучшения качества его отображения. К их числу можно отнести: обесцвечивание, удаление шума, посторонних линий, накладывающихся реквизитов документа, изменение формы и отдельных цветов рукописи, повышение контрастности, сглаживание, размытие и преобразование цветного изображения в черно-белое.

Исходя из указанного выше, система FLASH ID выступает эффективным методическим инструментом, позволяющим провести почерковедческую идентификацию исполнителя рукописи в автоматическом режиме. Вместе с тем, не умоляя широкие возможности программы, в практической деятельности судебно-экспертных учреждений Западной Европы и США рассмотренный кибернетический метод рекомендуют использовать в качестве вспомогательного инструментария на стадиях сравнительного исследования и оценки результатов. В целом указанная программа позволяет объективизировать процесс экспертного исследования, а также повысить достоверность и обоснованность выводов эксперта [6].

Научно-практический интерес представляет **компьютерная программа WANDA**, выступающая эффективным методическим инструментом в области криминалистического исследования документов. Указанная система была разработана в Норвежской лаборатории информационной безопасности Nislab на базе Университетского колледжа г. Йевика. Областью ее применения является идентификация автора и исполнителя рукописных объектов. Программа основана на специальных плагинах, реализующих цифровую обработку изображений и распознавание образов. С их помощью возможно проводить точные измерения и устанавливать отдельные идентификационные признаки письменной речи и почерка, получая при этом воспроизводимые результаты. В дополнение к этому в системе име-

ется архив данных WandaXML, предназначенный для обработки, накопления и хранения оцифрованных рукописей, ранее выступавших в качестве объектов исследования в судебно-экспертной практике.

Анализируемый кибернетический метод позволяет в автоматическом режиме проводить десять измерений, а именно определять размеры различных элементов письменных знаков (восходящих, нисходящих, овалных), наклон и разгон букв, характеристики верхних и нижних петель букв, средние расстояния между базовыми линиями (линией письма, срединной линией и верхней линией строки), точками в рукописном тексте и иное.

Главными достоинствами отмеченной программы выступают существенная теоретическая и экспериментальная база (алгоритмы работы программы основываются на теоретических, экспериментальных и методических положениях судебно-почерковедческой и компьютерно-технической экспертизы), точное измерение и определение характеристик признаков, воспроизводимость результатов, высокая защита от целенаправленного внесения изменений в исследуемый документ и процесс экспертного исследования.

Алгоритмы программы и наличие архивов, содержащих значительные эмпирические данные, позволяют экспертам-почерковедам в автоматическом режиме либо вручную анализировать большие массивы данных. Указанные сведения могут быть использованы как в целях статистического анализа почерковой информации, направленного на модернизацию автоматического процесса идентификации исполнителя рукописи, так и для определения новых корреляций между особенностями реализации письменно-двигательного навыка и его отображением в почерке проверяемого лица [7]. На основании вышеизложенного следует отметить, что программа WANDA является не только эффективным кибернетическим методом математического моделирования, но и может быть успешно использована для осуществления дальнейших научных разработок в области судебного почерковедения и судебно-почерковедческой экспертизы.

Широкое распространение в экспертно-криминалистической практике стран Западной Европы и Африки (например, Намибии и Замбии) получил компьютерный программный комплекс **GLOBALGRAF**, основанный на анализе зависимостей между графометрическими, конфигурационными, а также моторными (ритмическими и нажимными) признаками почерка. Основной целью указанной системы является объективизация процесса идентификационного исследования, а также автоматизация и формали-

зация его отдельных стадий и этапов. Рассматриваемый кибернетический метод был разработан в Польше посредством реализации совместного научного проекта Польской ассоциации судебной экспертизы и Варшавского университета. В этот программный комплекс вошли несколько самостоятельных программ: **GRAFOTYP**, **RAYGRAF**, **KINEGRAF**, **SCANGRAF**, отличающиеся своими целями и возможностями использования.

Программа GRAFOTYP применяется в целях установления метрических и геометрических признаков исследуемого почерка и сравнительных образцов, а также их последующего сравнения. В ее рамках определяются и сравниваются некоторые дополнительные общие признаки почерка: коэффициент площади поверхности многоугольника; «коэффициент Шарпа» (квадрат периметра этого многоугольника); коэффициент длины двух выбранных участков в сравниваемых объектах (пропорции размеров). Кроме того, данный инструмент предоставляет возможность сравнивать степень совместимости установленных ранее структурных параметров путем применения специального алгоритма, реализуемого программой.

Компонент RAYGRAF разработан для определения структурно-геометрических характеристик письма. Он позволяет устанавливать следующие признаки: длину участков линии письма (срединной линии и верхней линии строки), угол наклона письменных знаков (при помощи которого затем выявляют коэффициент подобия углов), степень и характер нажима. Показатели подобия указанных соотношений в исследуемых объектах и сравнительных образцах выражаются в процентах.

Программа KINEGRAF используется в целях установления кинетико-геометрических характеристик письма. Данный компонент позволяет сравнивать рукописные объекты на основе значения коэффициента кинетико-геометрического подобия. В процессе реализации этой задачи экспертом-почерковедом устанавливаются такие общие признаки, как направление письма (10 вариаций, в числе которых 8 прямых и 2 изогнутых), степень искривления линий и их длина. Еще одна полезная функция рассматриваемого компонента связана с определением информативности объектов с учетом степени сложности и объема рукописи.

Компонент SCANGRAF предназначен для установления некоторых моторных (нажимных и ритмических) особенностей реализации письменно-двигательного навыка. Алгоритм программы основан на гипотезе о том, что явление затемнения возникает в результате изменения давления, оказывае-

мого пишущим прибором на поверхность следовоспринимающего объекта. Оно вызывает более сильную насыщенность штриха в тех местах, где давление было больше, и, в свою очередь, низкое насыщение в местах с меньшим давлением.

Поэтому основная цель указанной программы заключается в определении в штрихах рукописи (на основе компонентов RGB) мест с самыми темными и светлыми оттенками цвета. Процесс установления данных характеристик базируется на колориметрическом компьютерном анализе объекта. Последующее сравнение исследуемых рукописей и сравнительных образцов реализуется посредством последовательного удаления наименее насыщенных линий, что позволяет сопоставлять уровни распределения затемнения штрихов в почерковых объектах.

Таким образом, многофункциональный программный комплекс GLOBALGRAF предоставляет возможность выявлять и сравнивать идентификационно значимые графометрические, структурно-геометрические, конфигурационные, некоторые нажимные и ритмические особенности реализации письменно-двигательного навыка исполнителя рукописи. В целом использование данного программного комплекса в некоторой степени способствует повышению уровня объективности почерковедческого исследования и положительно влияет на однозначность оценки заключения эксперта органами предварительного следствия и суда. Следует при этом подчеркнуть, что сами авторы отмеченного кибернетического метода указывают на вспомогательное значение компьютерных программ. По их мнению, выбор надлежащей методики, проведение основных стадий экспертного исследования и окончательную интерпретацию получаемых выводов должен осуществлять исключительно эксперт-почерковед [8].

Обобщая вышесказанное, можно выделить следующие положительные аспекты использования кибернетических методов исследования: возможности определения отдельных дополнительных признаков почерка (находящихся за пределами традиционной системы идентификационных при-

знаков), автоматизация стадий отдельного анализа признаков, сравнительного исследования и оценки полученных результатов, объективизация почерковедческой идентификации и диагностики, повышение внутреннего убеждения эксперта, научной обоснованности и достоверности выводов эксперта-почерковеда.

Помимо этого, необходимо отметить и наличие ряда негативных аспектов применения компьютерных комплексов и программ, среди которых: длительный процесс подготовки объектов к исследованию, значительное количество неверных выводов, в частности — разных результатов по одинаковым объектам в зависимости от выставления исходных точек (точек начала, окончания, соединения и пересечения движений), отсутствие возможности анализа классических и специфических диагностических признаков почерка, недопустимость исследования отдельных объектов (например, электрофотографических копий документов), формирование выводов в вероятной форме и т. д. По мнению авторов, учитывая отмеченные недостатки, в настоящее время применение программно-аппаратных комплексов может иметь лишь вспомогательное значение по отношению к традиционной методике судебно-почерковедческой экспертизы, поскольку в полной мере не способны заменить деятельность эксперта-почерковеда.

В результате проведенного исследования авторы пришли к умозаключению о том, что на настоящем этапе развития криминалистики и судебной экспертизы рекомендуется использование кибернетических методов в качестве дополнения к традиционной качественно-описательной методике идентификационной судебно-почерковедческой экспертизы посредством применения комплексной методики для осуществления всестороннего и объективного исследования, а также повышения научной обоснованности и достоверности получаемых выводов. Кроме того, полагаем, что отдельные результаты данной работы могут быть использованы для последующих научных разработок в области криминалистического исследования документов и цифровой криминалистики в целом.

---

1. Россинская Е. Р., Шамаев Г. П. Новый раздел криминалистики: криминалистическое исследование компьютерных средств и систем // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6, № 1. URL: <http://izvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=19969> (дата обращения: 26.06.2022).

---

1. Rossinskaya E. R., Shamayev G. P. New section of criminalistics: forensic research of computer tools and systems. Izvestia of the Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law), 2015. Available from: <http://izvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=19969>. Accessed: 26 June 2022. (In Russ.).

2. Новые информационные технологии в судебной экспертизе: учеб. пособие / Э. В. Сысоев, А. В. Селезнев, И. П. Рак, Е. В. Бурцева. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. 84 с.

3. Бобовкин М. В., Ручкин В. А., Соловьева Н. А. Судебное почерковедение: актуальные вопросы развития // Судебная экспертиза. 2021. № 4 (68). С. 32—41.

4. Козинец Б. Н., Ланцман Р. М., Якубович В. А. Опознавание и дифференциация почерков при помощи электронно-вычислительных машин // Самообучающиеся автоматические системы. Москва: Наука, 1966. С. 21—28.

5. Srihari S. N., Zhixin Shi. Forensic handwritten document retrieval system: proceedings of the First International workshop on document image analysis for libraries (DIALL'04). 2004.

6. Crawford A. M., Berry N. S., Carriquiry A. L. A clustering method for graphical handwriting components and statistical writership analysis // Stat Anal Data Min: The ASADData Sci Journal. 2021. № 14. P. 41—60.

7. WANDA: a generic framework applied in forensic handwriting analysis and writer identification, design and application of hybrid intelligent systems / K. Franke, L.R.B. Schomaker, C. Veenhuis [et al.]. Amsterdam: IOS Press, 2003.

8. Goc M. Computer programmes — possibilities for new quality in handwriting examination // Криминалист первопечатный. 2017. № 14. С. 65—74.

2. Sysoev E. V., Seleznev A. V., Rak I. P., Burtsev E. V. New information technologies in forensic analysis. Training manual. Tambov: Publishing house of Tambov State Technical University; 2006: 84. (In Russ.).

3. Bobovkin M. V., Penkin V. A., Solovieva N. A. Court handwriting: actual development issues. Forensic Expertise, 32—41, 2021. (In Russ.).

4. Kozyinets B. N., Lanzman R. M., Jakubovich V. A. Identification and differentiation of handwriting with the help of computer machines. In: Self-learning automatic systems. Moscow: Science; 1966: 21—28. (In Russ.).

5. Srihari S. N., Zhixin Shi. Forensic handwritten document retrieval system. Proceedings of the First International workshop on document image analysis for libraries (DIALL'04). 2004. (In Eng.).

6. Crawford A. M., Berry N. S., Carriquiry A. L. A clustering method for graphical handwriting components and statistical writership analysis. Stat Anal Data Min: The ASADData Sci Journal, 41—60, 2021. (In Eng.).

7. Franke K., Schomaker L. R. B., Veenhuis C. (et al.) WANDA: A generic framework applied in forensic handwriting analysis and writer identification, design and application of hybrid intelligent systems. Amsterdam: IOS Press; 2003. (In Eng.).

8. Goc M. Computer programmes — possibilities for new quality in handwriting examination. A First Printed Criminalist, 65—74, 2017. (In Russ.).

Бобовкин Станислав Михайлович,

доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук; s.m.bobovkin@yandex.ru

Климова Яна Александровна,

доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук; aya3008@yandex.ru

Bobovkin Stanislav Mikhailovich,

associate professor at the department of document research of the educational and scientific complex of forensic examination of Moscow University of the the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, candidate of juridical sciences; s.m.bobovkin@yandex.ru

Klimova Yana Aleksandrovna,

associate professor at the department of criminology of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences; aya3008@yandex.ru

Полунин Виктор Петрович,
начальник кафедры огневой
и физической подготовки
Волгодонского филиала
Ростовского юридического института
МВД России;
8 (8639) 25 04 59

Polunin Viktor Petrovich,
head of the department of fire
and physical training
of the Volgodonsk branch
of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
8 (8639) 25 04 59

Статья поступила в редакцию 29.06.2022; одобрена после рецензирования 14.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 29.06.2022; approved after reviewing 14.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.132

doi: 10.25724/VAMVD.A026

**ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ
В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ:
К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ЕГО РЕЗУЛЬТАТОВ**

Евгений Иванович Замылин*, Ирина Викторовна Шевчук**

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, efrommm@mail.ru

** Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Волгоградский филиал), Волгоград, Россия, ugovov-crim@vlgr.ranepa.ru

Аннотация. Оценку доказательств в ходе расследования по делу можно рассматривать как процесс познания фактов объективной действительности. Анализируя в данном контексте результаты предъявления для опознания, надо признать, что они, как и другие доказательства, подвергаются критической оценке, т. е. создают основу для выводов следователя относительно существования или несуществования определенного факта. Оценка результатов предъявления для опознания заключается, прежде всего, в выводе о достоверности или недостоверности источника информации, о доказанности или недоказанности факта и его значении для дела. Доказательственная ценность результатов следственного действия предопределена сравнительным анализом показаний фигуранта по делу об индивидуальных признаках ранее наблюдаемого им объекта, полученных на предваряющем процесс опознания допросе, с показаниями в ходе опознания. Результатом предъявления для опознания может быть установление тождества, групповой принадлежности либо различия опознаваемого объекта в числе прочих.

Ключевые слова: расследование, доказательства, следователь, опознание, оценка результатов

Для цитирования: Замылин Е. И., Шевчук И. В. Предъявление для опознания в ходе предварительного расследования: к вопросу об оценке его результатов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (62). С. 118—125. doi: 10.25724/VAMVD.A026

**PRESENTATION FOR IDENTIFICATION
DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION:
TO THE QUESTION OF EVALUATING ITS RESULTS**

Evgeny Ivanovich Zamylin*, Irina Victorovna Shevchuk**

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, efrommm@mail.ru

** Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Volgograd branch), Volgograd, Russia, ugovov-crim@vlgr.ranepa.ru

Abstract. While investigating the case the assessment of evidence can be regarded as a process to know facts of objective reality. Analyzing in this context the results of the presentation for identification in this context, it must be stated, that these results are evaluated critically like other evidence, that is they form a basis for the investigator's inference related to existence or non-existence of a certain fact. The evaluation of the results of the presentation for identification consists, first of all, in the conclusion about the reliability or unreliability of the source of information, about the proof or lack of proof of the fact and its significance for the case. The evidentiary value of the results of the investigative action is predetermined by a comparative analysis of the testimony of the person involved in the case about the individual signs of the object previously observed by him, obtained during the interrogation preceding the identification process, with the testimony during the identification. The result of the presentation for identification may be the establishment of identity, group affiliation or differences of the identifiable object, among others.

Keywords: investigation, evidence, investigator, identification, evaluation of results

For citation: Zamylin E. I., Shevchuk I. V. Presentation for identification during the preliminary investigation: to the question of evaluating its results. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 118—125, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A026

Рассматривая такое следственное действие, как предъявление для опознания, следует признать, что в литературе предложено немало рекомендаций по тактике и психологии его проведения. Представляя собой сложный комплекс психической деятельности, опознание предопределено способностью индивида выделить среди схожих объектов, представленных для обозрения, индивидуальные признаки, присущие одному из них. Результат проведения следственного действия, как комплекс оценочных суждений, обусловлен установлением тождества (сходства) или различия опознаваемого объекта в числе прочих с ранее воспринятым фигурантом по делу.

Уяснение сущности и содержания оценки результатов данного следственного действия обуславливает необходимость обращения к общетеоретическим положениям о доказательствах в уголовном судопроизводстве, на которых она базируется. Принято считать, что «оценка доказательств — информационно-логический процесс. Информационный, потому что связан с переработкой и накоплением информации; логический, потому что по самой своей природе оценка доказательств — мыслительная деятельность, связанная с суждением о ценности доказательственной информации. ...Для того, чтобы оценить доказательства, их нужно исследовать, познать и только после этого определять, „чего стоит“ познанная сущность» [1, с. 144]. При оценке результатов предъявления для опознания следователь прежде всего должен обращать внимание на соблюдение требований уголовно-процессуального законодательства о порядке обнаружения, фиксации, проверки и анализа фактических данных, относящихся к расследуемому преступлению.

Одной из задач оценки доказательств, собранных по уголовному делу, является определение возможности использования полученных фактических данных в уголовном судопроизводстве. А это предполагает тщательную, объективную и всестороннюю их оценку следователем. Несмотря на то что законодателем (ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)) определено, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, оценка фактических данных, полученных в результате предъявления для опознания, производится субъектом доказывания по его внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств.

Исследование теоретических основ и законодательных положений, регулирующих порядок предъявления для опознания, приводит к выводу о том, что оценка результатов предъявления для

опознания заключается, прежде всего, в выводе о достоверности или недостоверности источника информации, о доказанности или недоказанности факта и его значении для дела. Вместе с тем нельзя обойтись и без критического анализа (градации) правильности опознания, нельзя исключать и ошибки опознающего в своем окончательном выводе, который зависит от многих факторов и условий.

Отмечая общие направления деятельности следователя по оценке результатов предъявления для опознания, полагаем целесообразным выделить наиболее существенные, на наш взгляд, моменты, связанные непосредственно с «экспертизой» показаний опознающего. В частности, тщательному анализу и оценке в данном случае подлежат:

- содержание информации, которую опознающий дал об опознаваемом объекте на предварительном допросе;
- условия восприятия опознаваемым объектом на момент совершения расследуемого события и условия, при которых произведено предъявление для опознания;
- физическое и психическое состояние опознающего как на момент совершения противоправного деяния, так и в ходе опознания;
- заинтересованность опознающего в опознании (его процессуальное положение);
- возможная дача опознающим ложных, ошибочных показаний об опознаваемом (мотивы, причины);
- поведение опознающего на предварительном допросе и при предъявлении для опознания;
- степень правдивости, достоверности и обоснованности выводов опознающего о тождестве, различии или сходстве опознаваемого;
- соотношение общих и индивидуальных признаков опознаваемого объекта, полученных от опознающего на предварительном допросе и в процессе предъявления для опознания;
- соотношение фактических данных об опознании с другими доказательствами по делу и значение данного доказательства для выяснения обстоятельств совершенного деяния;
- правильность избрания процессуальной формы, соблюдения процессуальных требований и тактико-психологических рекомендаций проведения опознания.

Изложенный перечень отражает, кроме прочего, особенности личности допрашиваемого, которые самым непосредственным образом сказываются на содержании показаний; не случайно показания опознающего принято относить к категории «личных доказательств».

Как и любое другое следственное действие, предъявление для опознания представляет интерес с точки зрения его эффективности и результативности. Результат предъявления для опознания и его значение определяется тем, какой из фактов, имеющих доказательственное значение, им установлен, какое место отведено данному факту в системе доказательств, добыты ли еще какие-либо доказательства, подтверждающие либо опровергающие данный факт. Особое значение оценка его результатов приобретает при принятии процессуальных, «юридически значимых» решений, таких как предъявление обвинения; прекращение уголовного дела (прекращение уголовного преследования в части); составление обвинительного заключения; вынесение приговора и др. Итоги предъявления для опознания, в числе прочего, создают основу для выводов следователя и суда по поводу существования или несуществования определенного факта, установленного с помощью данного следственного действия. Как и другие виды доказательств, они подвергаются критическому анализу.

Обращение к теоретическим основам оценки доказательств позволяет более предметно рассмотреть сущность, содержание и цели оценки результатов предъявления для опознания. Базируясь на внутреннем убеждении соответствующего должностного лица, оценка доказательств представляет как теоретический, так и практический интерес; независимо от источника получения, ее можно рассматривать как процесс познания фактов объективной действительности, составляющих предмет расследования и судебного рассмотрения.

Вместе с тем оценка доказательств — это не любая мыслительная деятельность субъектов доказывания по конкретному уголовному делу. Во-первых, предметом этой мыслительной деятельности являются процессуально значимые сведения по делу, заключающие в себе отражение действительных обстоятельств противоправного деяния. Во-вторых, эта мыслительная деятельность протекает в рамках уголовного дела, и в связи с этим окончательные выводы по оценке доказательств должны найти объективированное выражение и стать вследствие этого доступными для других заинтересованных лиц, т. е. «оценочные выводы» по доказательственной значимости той или иной информации, как правило, должны быть изложены в процессуальных актах. Соответственно, должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, оценивает результаты предъявления для опознания как факты, нашедшие отражение на материальных носителях (в том числе протоколе).

Оценить процессуальную значимость тех или иных выясненных обстоятельств в ходе производства по делу — значит определить:

- 1) насколько точно установлено каждое из них;
- 2) в какой взаимосвязи с делом и другими доказательствами они находятся;
- 3) какой именно факт, имеющий значение для дела, они устанавливают или опровергают;
- 4) что означает в совокупности вся собранная по делу информация.

Нельзя при этом игнорировать и то, что оценка доказательств, производимая субъектами доказывания, является государственной деятельностью. Давая оценку тем или иным установленным обстоятельствам по делу, соответствующее должностное лицо выступает в качестве представителя государства, осуществляя возложенные на него функции по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел. Выполнение этих функций при оценке доказательств связано не только с мыслительным, но и волевым процессом, который выражается в формулировании соответствующих выводов и принятии решений по делу в рамках должностных обязанностей. Соответствующие выводы и решения возможны лишь на основе правовой оценки доказательств, сущность которой заключается в строгом и неуклонном соблюдении требований закона, регулирующего условия восприятия и исследования доказательств.

Решение этой проблемы следует искать в нормах уголовно-процессуального закона, который регулирует все важнейшие направления мыслительной деятельности по оценке доказательств. Так, постановка задачи и определение цели мыслительной деятельности следователя явно вытекают из содержания ст. 73 УПК РФ (обстоятельства, подлежащие доказыванию). В законе также определено, что и кем подлежит оценке, закреплен принцип непредустановленности силы доказательств, определены гарантии и условия их оценки, о чем уже сказано выше. Тем самым закон оказывает регулирующее воздействие на этапе выполнения поставленной задачи. Кроме этого, нормы уголовно-процессуального права оказывают регулирующее воздействие и на завершающем этапе мыслительной деятельности соответствующего должностного лица по оценке доказательств путем закрепления необходимости отражения выводов в процессуальных решениях (например, ст. 220 УПК РФ — выводы по обвинительному заключению; ст. 225 УПК РФ — выводы по обвинительному акту; ст. 307, 305 УПК РФ — содержание описательно-мотивировочной части приговора, как обвинительного, так и оправдательного).

На основе изложенного можно сформулировать вывод о том, что оценка доказательств поэтапная, она predeterminedена мыслительной деятельностью субъектов доказывания в уголовном судопроизводстве по «градации» их относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Такое понимание обусловлено существующей точкой зрения, где оценка доказательств по делу осуществляется в целях выяснения:

1) допустимо ли использование данного факта как судебного доказательства по делу, не противоречит ли это закону, принципам доказывания;

2) относится ли данное доказательство или совокупность доказательств к делу;

3) в какой связи находится данное доказательство с другими собранными по делу доказательствами, каков характер и значение этой связи;

4) каково значение данного доказательства и совокупности доказательств для обнаружения истины, является ли совокупность доказательств достаточным основанием для принятия того или иного процессуального решения о судьбе дела;

5) как может быть использовано данное доказательство в процессе предварительного расследования, а также при судебном рассмотрении и разрешении уголовного дела [2, с. 236].

Как следствие, оценка результатов предъявления для опознания представляет собой интеллектуальную (мыслительную) деятельность лица, осуществляющего расследование, которая протекает в несколько этапов, и каждый из этих этапов имеет свои особенности. Она производится:

— посредством анализа условий, в которых оно проводилось;

— определения достоверности результатов;

— формулировки выводов о доказательственном значении результатов этого следственного действия и определения дальнейшей возможности их использования.

Для правильной оценки результатов предъявления для опознания большое значение имеют анализ и сравнение показаний потенциального опознающего о приметах ранее наблюдаемого им объекта, полученных на предваряющем процесс опознания допросе. В этом случае определяющим моментом, убеждающим в правильной оценке результатов предъявления для опознания, является совпадение примет опознаваемого, полученных в ходе предварительного допроса опознающего, с теми приметами, которые были зафиксированы в протоколе предъявления для опознания. Отсутствие подобной информации приводит к потере доказательственной ценности результатов рассматриваемого следственного действия.

В связи с этим большое значение имеет полная и точная фиксация в протоколе предъявления для опознания всех данных, позволяющих объективно оценить результаты рассматриваемого следственного действия. Для этого следователю необходимо определить, в какой связи находятся фактические данные, зафиксированные в процессуальных документах, с другими собранными по делу доказательствами.

Оценивая сведения, содержащиеся в показаниях опознающего, нужно прежде всего решить, могут ли они быть допущены в качестве доказательств. Положительный ответ на этот вопрос прямо связан с соблюдением порядка, установленного уголовно-процессуальным законом для проведения допроса опознающего, предшествующего опознанию, и фиксации его показаний. При установлении того или иного отступления от процессуального порядка возникает вопрос о допустимости результата, полученного в ходе проведения опознания, в качестве источника доказательств, поскольку регламентированный законом порядок способствует получению правильной, качественной, достоверной информации.

Так, в результате рассмотрения в судебном заседании уголовного дела по обвинению С. в совершении разбойного нападения было выяснено, что на момент предъявления его в качестве опознаваемого потерпевший предварительно не был допрошен о приметах и особенностях внешности подозреваемого. Следователь ограничился информацией, полученной в ходе предварительной беседы с потерпевшим, не оформив это в соответствии с процессуальными требованиями. Допрос был проведен после предъявления для опознания; притом что доказательственная база виновности С. в основном строилась именно на показаниях потерпевшего. Принимая во внимание, что вывод следователя о виновности С., изложенный в обвинительном заключении, основан на недостаточно исследованных доказательствах, уголовное дело в порядке п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ было возвращено прокурору¹.

Относимость к делу сведений, содержащихся в показаниях опознающего, определяется их сопоставлением с предметом допроса; в целом это позволяет отнести полученную информацию к обвинительным или оправдательным доказательствам, учитывая при этом условность подобного деления. В зависимости от характера связи с устанавливаемым обстоятельством сведения, полученные от опознающего,

¹ По материалам следственной практики г. Пензы.

знающего, могут быть прямым или косвенным доказательством.

Определение достоверности показаний опознающего заключается в установлении соответствия этих показаний объективной действительности. Понятие правдивости показаний определяет субъективное отношение опознающего к сведениям, которые он сообщает. Таким образом, опознающий может быть искренним как в том случае, когда его показания соответствуют объективной действительности, так и в том случае, когда он добросовестно заблуждается. Опознающий, желая рассказать правду, считает, что его показания соответствуют действительности, но в силу свойств памяти (возможностей воспринимать тот или иной объект) он дает недостоверные показания. Следует отметить, что это не снижает значения правильного определения правдивости. Оценка показаний опознающего с таких позиций помогает установить причину их несоответствия действительности и наметить пути к уточнению полученных от него сведений.

В тех же случаях, когда фигурант умышленно искажает сведения об опознаваемом, следует прежде всего выяснить причины дачи заведомо ложных показаний и принять меры к их устранению. В частности, могут быть проведены иные следственные действия, такие как следственный эксперимент, проведение которого может быть связано, например, с необходимостью установления возможности восприятия какого-либо факта, явления и пр. Цель использования результатов, полученных посредством демонстрации опытных действий, — наглядное убеждение со стороны следователя недобросовестного опознающего в том, что он дает ложные показания, и его психологическая подготовка к отказу от противодействия расследованию. Признанию показаний опознающего (полностью или частично) ложными должно предшествовать выяснение вопроса, что послужило тому причиной (добросовестное заблуждение, неприязнь к опознаваемому, боязнь мести, стресс во время первичного восприятия опознаваемого, ошибочное или неполное восприятие общих или индивидуальных признаков опознаваемого и т. п.).

При оценке результатов предъявления для опознания на предварительном следствии сомнения в достоверности показаний опознающего чаще всего возникают у следователя при обнаружении их несоответствия иным доказательствам, в том числе сведениям, содержащимся в показаниях, которые он давал ранее. И все же в этих случаях не следует делать однозначных выводов о том, что его показания являются ложными или ошибочными.

При оценке результатов предъявления для опознания, основанной на логическом отождествлении, большое значение имеет криминалистический метод сравнительного исследования. Сравнение при предъявлении для опознания может касаться признаков опознаваемого лица и признаков того лица, которое воспринималось опознающим на момент совершения расследуемого деяния. Сравнение также может касаться условий восприятия объекта в момент расследуемого события и при предъявлении для опознания. Подлежат сравнению и показания опознающего, которые он дал на предварительном допросе, и его показания во время предъявления для опознания. Как уже отмечалось, сущность опознания заключается в идентификации предъявляемого объекта по его мысленному образу. Идентификация при опознании производится путем сравнения признаков предъявленного объекта с теми признаками воспринимавшегося ранее опознающим объекта, которые запечатлены в его памяти, и оценки результатов этого сравнения для решения вопроса о тождестве.

Достоверность результатов предъявления для опознания обеспечивается достижением необходимого сходства условий восприятия лица в момент расследуемого события и условий предъявления этого лица для опознания. Констатация достижения необходимого сходства есть результат проведенного сравнения этих условий. При сравнении результатов опознания с содержанием показаний на предварительном допросе могут быть зафиксированы: их совпадение или их различие, которое может быть объяснено либо добросовестным, либо недобросовестным изменением показаний опознающего, либо по иным причинам. Во всяком случае, оценка результатов предъявления для опознания путем сравнения сходства условий требует от следователя определения причины этого различия.

Сопоставление показаний опознающего в их совокупности позволяет следователю выяснить, совпадают ли приметы лица (общие и индивидуальные), названные в ходе предварительного допроса, с теми, по которым было опознано лицо в ходе предъявления для опознания. В ряде случаев такое сопоставление может привести к различным выводам. При оценке показаний в этой части следователь может перейти к решению вопроса о достаточности совпадения признаков для формулирования вывода о тождестве опознаваемого с лицом, которое воспринималось опознающим ранее при интересующих следствии обстоятельствах. Нередко сопоставление названных показаний приводит к выявлению в них существенных различий. Установив такое несоответствие, следователь должен, основываясь на кон-

кретных обстоятельствах дела, выяснить возможные причины этого.

При оценке результатов предъявления для опознания следователю прежде всего необходимо учитывать, что отождествление лица должно опираться на приметы внешности человека, а затем уже на сопутствующие признаки. Вполне закономерно, что «...человек не только субъект, но и объект познания, и в качестве такового он предстает перед людьми как индивид, как личность, как индивидуальность. Как индивид он всегда характеризуется определенными морфо-конституциональными, нейротипологическими, половыми и возрастными особенностями. В повседневном общении каждый человек отражает физический облик других людей... Важнейшим элементом в физическом облике человека является лицо» [3, с. 32—33, 35].

Еще во времена Советского Союза Верховный Суд неоднократно подчеркивал, что опознание не может быть признано обоснованным, если опознающий указал такие признаки и приметы, которые вследствие своей неопределенности недостаточны для установления личности обвиняемого. *Так, обосновывая свое решение о возвращении дела по обвинению И. на новое расследование, Судебная коллегия Верховного Суда СССР по уголовным делам не признала достоверным заявление потерпевшего А. при опознании на предварительном следствии о том, что и «по росту и овалу лица» похож на человека, похитившего его автомашину, но что он не может категорически утверждать, что И. и тот человек — одно и то же лицо. В определении по этому делу Коллегия указала, что потерпевший А. не опознал И., а высказал лишь предположение, которое не может быть признано достоверным доказательством [4, с. 28].*

Результатом предъявления для опознания может быть установление тождества, групповой принадлежности либо различия. Приведенные выше положения призваны служить правильному разграничению этих понятий, что имеет большое значение для использования результатов опознания в доказывании. Было бы большой ошибкой принимать имеющееся в действительности сходство объектов за их тождество. Сходство, как известно, предполагает не менее двух объектов, а тождество — лишь одного, данного [5, с. 40—41].

В практике оценки результатов опознания встречаются и категорические утверждения опознающего об опознании. И все же, на наш взгляд, утверждения опознающего типа «категорически опознаю» могут быть признаны доказательствами лишь при наличии определенных условий. Одним из таких

и является перечисление опознающим ряда признаков, создающих уверенность в установлении тождества. Из общих положений криминалистической идентификации следует, что наибольшую ценность имеют особые приметы и признаки. Эти приметы и признаки наиболее индивидуализируют опознаваемые объекты. По отношению к человеку такими приметам будут, например, шрамы, физические недостатки, родимые пятна и т. п.

Оценка результатов предъявления для опознания на предварительном следствии основывается на внутреннем убеждении следователя. Это означает такой порядок, при котором сама оценка составляет исключительную его компетенцию при отсутствии заранее установленных правил о значении и силе доказательств. Внутреннее убеждение с психологической стороны является процессом, в котором субъектом доказывания решается ряд мыслительных задач, основанных на материалах дела, на знании закона и теории. В ходе решения этих задач следователь должен ограждать себя от косного стереотипа, сущность которого заключается в заранее формирующейся уверенности в том, что предъявляется для опознания именно лицо, тождество которого необходимо установить.

Стереотипность в оценке может проистекать из ряда моментов:

- 1) недостаточного ознакомления с материалами дела;
- 2) переоценки своих знаний (отсутствия критического анализа результатов опознания);
- 3) неправильного осмысливания доказательственной ценности произведенного опознания в результате того, что не учитываются условия восприятия опознающего лица.

Оценивая результаты предъявления для опознания, следователь должен учитывать и случаи возможного внушения опознающему желаемого варианта его поведения. Настойчивым и потому опасным является внушение, осуществляемое иногда родственниками обвиняемого в целях возможного смягчения его ответственности за совершенное преступление. В практике встречаются случаи внушения, оказываемого на опознающего со стороны работников органов, занимающихся оперативно-разыскной деятельностью. Варианты подобного внушения могут быть различными: в виде устной беседы, жестов, взглядов, недомолвок и т. п. Его последствиями во всех его вариантах являются серьезные нарушения прав участников уголовного судопроизводства и норм уголовно-процессуального законодательства. Любые формы внушения при производстве опознания недопустимы.

Как известно, одним из результатов предъявления для опознания является установление тождества личности подозреваемого, обвиняемого, свидетеля или потерпевшего. Значение факта тождества определяется тем, наблюдался ли данный субъект непосредственно при совершении преступления либо при иных обстоятельствах. Если при оценке результатов предъявления для опознания усматривается, что опознающий воспринимал опознаваемого в момент совершения преступления, а в протоколах предварительного допроса и предъявления для опознания отражены, причем с достаточной достоверностью, все признаки опознаваемого и дан утвердительный вывод о полном тождестве опознаваемого с тем лицом, которое воспринималось опознающим в момент совершения преступления, такие фактические данные могут рассматриваться в качестве прямого доказательства. Если же опознание лиц наблюдалось при иных обстоятельствах, связанных с преступлением, то факт тождества, закрепленный в материалах опознания, будет выступать в качестве косвенного доказательства. *Например, свидетель дал показания о том, что видел у магазина, из которого была совершена кража, троих молодых людей и описал их приметы. Впоследствии, после задержания этих лиц, они были предъявлены данному свидетелю для опознания, в ходе которого он уверенно опознал каждого из них как находившихся у магазина в интересующий следствие момент.*

Установление тождества личности на основе прямого доказательства (вариант непосредственного восприятия опознающим опознаваемого в момент совершения преступления) служит основанием для определения лица, совершившего преступление, а во втором случае лишь указывает на лицо, причастность которого к преступлению требует доказывания с помощью других данных.

Несколько иную роль играет при оценке результатов предъявления для опознания факт тождества свидетеля или потерпевшего. Их опознание обвиняемым, имеющее место в следственной практике,

приводит к появлению сведений об источнике доказательств, которые затем используются для получения фактических данных, например в ходе допроса.

В целом факт тождества может либо соответствовать собранным по делу данным, либо находиться с ним в противоречии. При соответствии его другим доказательствам необходимо учитывать, могут ли результаты опознания рассматриваться, повторимся, в качестве прямого или косвенного доказательства. В последнем случае следователь должен руководствоваться известными положениями теории доказательств об оперировании косвенными уликами.

Противоречие установленное опознанием тождества иным материалам дела обуславливает необходимость всестороннего их анализа и объяснение того, чем это противоречие вызвано: ошибочным ли опознанием, неверной оценкой их результатов или неправильным выяснением обстоятельств дела. В подобных случаях со стороны следователя, как правило, необходимо производство дополнительных процессуальных действий по проверке результатов опознания или иных противоречащих ему данных.

Таким образом, оценивая результаты предъявления для опознания, необходимо выяснить, соблюдена ли процедура рассматриваемого следственного действия и выполнены ли требования закона о полноте составляемых при этом протоколов. Выводы по результатам предъявления для опознания находят внешнее выражение в процессуальных решениях, документах: в обвинительном заключении, постановлениях должностного лица, осуществляющего расследование, в приговоре суда. Они должны быть аргументированными, содержать критический анализ установленных обстоятельств, быть сопоставимыми с совокупностью других доказательств по делу. В данных документах следователь и суд излагают свое мнение относительно доказательственного значения результатов опознания и используют их для привлечения виновного к уголовной ответственности либо оправдания невиновных лиц.

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. Москва: Юрист, 1997. 408 с.

2. Белкин Р. С. Избранные труды. Москва: Норма, 2008. 768 с.

3. Бодалев А. А. Восприятие человеком человека: монография. 2-е изд. Москва: Энциклопедист — Максимум; Санкт-Петербург: Мир, 2015. 240 с.

4. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1987. № 3.

1. Belkin R. S. Course of criminology. In 3 vols. Vol. 1. General theory of criminalistics. Moscow: Jurist; 1997: 408. (In Russ.).

2. Belkin R. S. Selected works. Moscow: Norma; 2008: 768. (In Russ.).

3. Bodalev A. A. Human perception of a person. A monograph. 2nd ed. Moscow: Encyclopedist — Maximum; Saint Petersburg: Mir; 2015: 240. (In Russ.).

4. Bulletin of the Supreme Court of the USSR. 1987. No. 3. (In Russ.).

5. Салтевский М. В. Идентификация и установление групповой принадлежности: конспект лекций по советской криминалистике. Харьков: Харьк. юрид. ин-т, 1965. 47 с.

Замылин Евгений Иванович,

профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор; efrommm@mail.ru

Шевчук Ирина Викторовна,

доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Волгоградский филиал), кандидат юридических наук, доцент; ugovov-crim@vlgr.ranepa.ru

5. Saltevsky M. V. Identification and establishment of group affiliation. Lecture notes on Soviet criminalistics. Kharkiv: Kharkiv Law Institute; 1965: 47. (In Russ.).

Zamylin Evgeny Ivanovich,

professor at the department of criminalistics of the training and scientific complex of preliminary investigation in law-enforcement bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; doctor of juridical sciences, professor; efrommm@mail.ru

Shevchuk Irina Victorovna,

associate professor at the department of criminal law, criminal process and criminalistics of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Volgograd branch), candidate of juridical science, docent; ugovov-crim@vlgr.ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 29.06.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 29.06.2022; approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.985.7:343.575.4
doi: 10.25724/VAMVD.A027

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ
НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИКОВ,
СОВЕРШЕННОГО БЕСКОНТАКТНЫМ СПОСОБОМ**

Анна Викторовна Пупцева*, **Ольга Марковна Дорошенко****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
anna.pupceva@mail.ru

** Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия,
olka-olga@yandex.ru

Аннотация: При рассмотрении проблемных вопросов выявления, раскрытия и расследования незаконного сбыта наркотиков необходимо учитывать, что способы его совершения изменяются практически ежедневно. Современные технологии применяются как правоохранительными органами, так и преступниками, причем последние достигли в этой области значительных успехов. Собирать доказательства наркопреступлений, совершенных бесконтактным способом посредством сети Интернет, становится все сложнее: личного контакта сбытчика и покупателя наркотиков, как правило, не происходит, что приводит к снижению вероятности привлечения к уголовной ответственности всех участников преступного деяния. Авторами проанализированы данные официальной статистики незаконного оборота наркотиков на территории Российской Федерации; изучены способы их бесконтактного сбыта, алгоритм сокрытия следовой картины; рассмотрены возможные меры по обнаружению доказательств, играющих большую роль при раскрытии и расследовании названных преступлений; указано на необходимость исследования механизма использования современных цифровых технологий для распространения наркотиков.

Ключевые слова: незаконный сбыт наркотиков, бесконтактный способ распространения наркотиков, Интернет, транснациональный наркобизнес, криптостойкие мессенджеры, блокчейн-технологии

Для цитирования: Пупцева А. В., Дорошенко О. М. Проблемные вопросы раскрытия и расследования незаконного сбыта наркотиков, совершенного бесконтактным способом // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 126—130. doi: 10.25724/VAMVD.A027

**PROBLEMATIC ISSUES OF DETECTION, DISCLOSURE
AND INVESTIGATION OF ILLEGAL DRUG SALES
COMMITTED BY CONTACTLESS METHOD**

Anna Viktorovna Puptseva*, **Olga Markovna Doroshenko****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, anna.pupceva@mail.ru

** Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia,
olka-olga@yandex.ru

Abstract. When considering problematic issues of detection, disclosure and investigation of illicit drug trafficking, it should be borne in mind that the methods of its commission change almost daily. Modern technology development is widely used by both law enforcement agencies and criminals, and the latter have achieved quite high success in this area. It is becoming increasingly difficult for law enforcement agencies to collect evidence of drug crimes committed in a contactless way via the Internet, as a rule, there is no personal contact between the seller and the buyer of drugs, which leads to a decrease in criminal prosecution of all participants in the criminal act. The authors analyzed the data of official statistics of drug trafficking on the territory of the Russian Federation; the methods of their contactless and the algorithm for concealing the trace picture sale were studied, was considered possible measures for the detection of evidence that play a significant role in the investigation of these crimes; pointed out the need to study the mechanism for using modern digital technologies for the distribution of drugs.

Keywords: illegal sale of drugs, contactless method of drug distribution, Internet, transnational drug business, crypto-resistant messengers, blockchain technologies

For citation: Puptseva A. V., Doroshenko O. M. Problematic issues of detection, disclosure and investigation of illegal drug sales committed by contactless method. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 126—130, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A027

Проблема бесконтактного сбыта наркотических средств, психотропных, сильнодействующих веществ и их прекурсоров с каждым годом становится все более актуальной. В ходе совместной борьбы с их распространением правоохранительными органами достигнута определенная стабильность, однако развитие общества и технологий требует выработки новых подходов к выявлению, раскрытию и расследованию преступлений рассматриваемого вида.

Согласно статистическим данным МВД России за 3 месяца 2022 г. выявлено 45 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 10,4 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. По сравнению с январем — мартом 2021 г. на 12,5 % уменьшилось количество выявленных преступлений, совершенных в целях сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Кроме того, незначительно снизился их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с 60,1 % в январе — марте 2021 г. до 58,6 % в январе — марте 2022 г. Однако необходимо указать, что в незаконном обороте наркотиков сбыт по-прежнему занимает лидирующее положение (по ст. 228, 228.1, 228,2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) всего зарегистрировано преступлений 43 272, из них за сбыт — 26 397, производство — 197, пересылку — 73, незаконные изготовление, переработку, приобретение, хранение, перевозку или пересылку в целях сбыта, а равно сбыт сильнодействующих веществ — 680, контрабанду — 98)¹. В течение 2021 г. выявлено 179 732 преступления, связанных с незаконным оборотом наркотиков, из них 103 446 — с незаконным сбытом².

Сложность противодействия анализируемому явлению заключается во внутренней и внешней трансформации наркоситуации, вызванной многими факторами, такими как быстрое создание новых видов наркотических веществ, не подпадающих под уголовно-правовой запрет, изменение моделей

потребления, логистики, схем реализации [1]. Одновременно с этим растущие масштабы наркобизнеса, ставшего давно уже транснациональным, сопровождаются увеличением объемов теневого оборота капитала, отмыванием средств и легализацией преступных доходов.

Федеральным законом от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ³ в УК РФ была введена ст. 234.1 о незаконном обороте новых потенциально опасных психоактивных веществ, являющихся в настоящее время наиболее распространенными среди молодежи. Согласно материалам следственно-судебной практики, чтобы уйти от уголовной ответственности, преступники вносят незначительные изменения в химический состав наркотиков, получая новый препарат, не подлежащий законодательному контролю, но не отличающийся по своему воздействию на организм человека, что ведет к возрастающей наркотизации населения [2, с. 3]. Синтетический наркотик Spice представляет собой курительную смесь из трав, пропитанных наркотическим веществом, схожим по своим действиям с марихуаной, но по степени привыкания и урону организму превосходящим ее в несколько раз. По последним данным Организации Объединенных Наций, в настоящее время в мире зарегистрировано 483 новых психоактивных вещества⁴.

Преступные сообщества, ориентированные на незаконный оборот наркотиков, легко и быстро адаптируются к постоянно изменяющимся условиям окружающей действительности, активно используют в своих целях современные цифровые технологии. Так, согласно приговору Заводского районного суда г. Новокузнецка Г., находясь на территории <...>, действуя умышленно, из корыстных побуждений, будучи осведомленной о наличии в сети Интернет

³ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 3 февраля 2015 г. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: О сотрудничестве в Содружестве Независимых Государств по противодействию незаконному обороту наркотических средств. URL: <https://e-cis.info/news/566/83143/> (дата обращения: 21.05.2022); Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901823934?marker> (дата обращения: 21.05.2022).

¹ См.: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — март 2022 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/29705686/> (дата обращения: 21.05.2022).

² См.: Состояние преступности в России за январь — декабрь 2021 года. URL: img-cdn.tinkoffjournal.ru (дата обращения: 21.05.2022).

специальных программ мгновенного обмена сообщениями <...>, используя учетные записи <...>, зарегистрированные на абонентские номера сотовой связи, принадлежащие подставным лицам, достоверно зная, что неустановленные лица, использующие ник-неймы <...>, подыскивают людей, желающих за денежное вознаграждение осуществлять незаконный сбыт наркотических средств, путем переписки вступила с ними в преступный сговор в целях совершения преступного деяния — незаконного сбыта наркотического средства — производных N-метилэфедрона в крупном размере... В функции Г. входило получение сведений через мессенджер <...> о месте нахождения «закладки», ее обнаружение и извлечение наркотического средства, изготовление новых «закладок» с разовой дозой наркотического средства в разных районах города по своему усмотрению¹.

Новая система взаимодействия преступников посредством сети Интернет — бесконтактно — мотивирует людей с низкой социальной ответственностью на совершение преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков. Популярность данного способа имеет свои объяснения.

Во-первых, это возможность использовать преступный сегмент защищенных мессенджеров для решения различных вопросов анонимно. Средствами сбыта наркотиков бесконтактным способом являются:

1) массовая случайная (случайная, произвольная, хаотичная) рассылка информации с предложениями о приобретении наркотиков в мессенджерах и социальных сетях («Вайбер», «Ватсап», «Телеграм»; «Одноклассники», «ВКонтакте», «Фейсбук»², «Инстаграм»³);

2) осуществление продажи на различных форумах;

3) через покупку в онлайн-играх виртуальных бонусов;

4) маскировка сбыта наркотиков под различные интернет-магазины⁴.

¹ См.: Приговор № 1-85/2020 от 7 мая 2020 г. по делу № 1-85/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2p8030Evr6Yx/?regular-txt...13790#snippet> (дата обращения: 18.05.2022).

² Продукт компании Meta, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

³ Продукт компании Meta, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁴ См.: Противодействие преступлениям, связанным со сбытом наркотиков, совершаемым бесконтактным способом с использованием информационных, телекоммуникационных и высоких технологий на территории государств — участников СНГ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai> (дата обращения: 21.05.2022).

Так, из приговора Ангарского городского суда Иркутской области следует, что Б., имея умысел на незаконное обогащение и получение постоянного источника дохода за счет средств, добытых преступным путем, обладая организаторскими способностями, лидерскими качествами и достаточным уровнем знаний в области маркетинговых систем и программных продуктов, создал организованную группу для систематического незаконного сбыта наркотических средств синтетического происхождения на территории г. Иркутска, Иркутского района., г. Ангарска и Ангарского района. Реализуя преступный умысел, Б., используя электронные и иные телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет, и программы-анонимайзеры, разработал схему функционирования преступной группы, которая действовала посредством интернет-магазина «Баба Зина» («Злая Баба Зина» — в программе мгновенного обмена сообщениями «Телеграм»): Б. должен был приобретать наркотические средства синтетического происхождения у неустановленных лиц крупными партиями по оптовым ценам на различных сайтах, а затем вместе с А. и В. сбывать их меньшими партиями по розничной цене на условиях конспирации путем помещения наркотических средств в «закладки», вырученные денежные средства обращать в свою собственность, используя платежные системы «БКВ», «ЯндексДеньги», «Пайер», откуда деньги переводились на приисканные для преступных целей банковские карты и выводились со счетов с помощью криптовалюты⁵.

Во-вторых, охват огромной интернет-аудитории, что дает возможность транснациональной преступности обеспечивать секретность своей деятельности.

В-третьих, отсутствие личного контакта между продавцом и покупателем создает анонимность сторон и позволяет обеспечивать при необходимости алиби.

В-четвертых, и это немаловажный факт, финансовая составляющая вопроса: максимальные затраты на распространение и сбыт уже не требуются.

В-пятых, в Интернете легко обмениваться информацией в криптостойких мессенджерах (Signal, Telegram) с использованием специальных блокчейн-технологий с самоисчезающими сообщениями, невозможностью сделать скриншот экрана и др., что, безусловно, затрудняет их перехват сотрудниками

⁵ См.: Приговор № 1-10/2020 1-1008/2019 от 6 мая 2020 г. по делу № 1-10/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/t0Des0ydnZ5Y/?regular-txt...snippet_pos=3044#snippet (дата обращения: 22.05.2022).

правоохранительных органов. Здесь же разработчиками применяются прямая и обратная секретность, т. е. если ключ шифрования сообщений будет скомпрометирован, расшифровать предыдущую переписку нереально. Благодаря блокчейн-технологии конфиденциальность и надежность совершаемых действий гарантирована, поскольку все данные зашифрованы, идентифицировать получателя и отправителя информации без уникального кода доступа невозможно.

В числе особенностей незаконного распространения наркотиков, поиска и вербовки новых членов преступных сообществ и покупателей нужно назвать широкое использование теневых ресурсов *darken*, *darkweb* и *legal*. С помощью различных программных продуктов происходит подмена личных данных и номеров телефонов. Довольно часто наркопреступники пользуются электронными платежными системами (*WebMoney*, *ЮMoney* и др.) для минимизации общения с банковскими работниками, что не позволяет осуществить проверку законности финансовых операций. Регистрация электронных кошельков осуществляется на подставных лиц, полученные денежные средства обналичиваются, как правило, в других государствах с последующим выводением на банковские счета преступников. Так, согласно приговору Березовского районного суда Красноярского края К. <дата> в дневное время суток, достоверно зная о том, что незаконный оборот наркотических средств на территории России запрещен законом, посредством бесконтактного общения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет заказала у неустановленного лица наркотическое средство. После чего, продолжая реализовывать свой преступный умысел, К., используя сервис электронной платежной системы *QIWI*, перевела на используемый неустановленным лицом счет денежные средства¹.

Итак, установим алгоритм действий преступников, сбывающих наркотические средства, психотропные, сильнодействующие вещества и их прекурсоры через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет:

1) рассылка преступником информации об имеющихся наркотиках и условиях их продажи;

2) после согласования деталей сделки оплата покупателем покупки посредством сервисов электронных платежных систем *WebMoney*, *ЮMoney*,

QIWI и т. д. либо систем переводов денежных средств *WesternUnion*, *UNistream* и т. п. [3, с. 158];

3) отправление после получения денег покупателю СМС с указанием точного местонахождения наркотика — «закладки», откуда тот его забирает самостоятельно. Личного общения сбытчика и покупателя не происходит.

Обычно все используемые в данной схеме сбыта наркотических средств номера сотовых телефонов регистрируются на подставных лиц (нередко умерших, без определенного места жительства, страдающих алкоголизмом или наркоманией) с предоставлением похищенных (потерянных) паспортов либо на лиц, не владеющих информацией ни о действиях преступной группы, ни о ее членах, руководителях, исполнителях и т. п. Банковские счета, куда поступают деньги от продажи наркотических средств, постоянно меняются, как и пластиковые карты.

Члены преступной группы (сообщества) общаются между собой посредством интернет-мессенджеров, используя вымышленные имена, клички, шифры и кодовые выражения [4, с. 148].

Для успешного раскрытия, расследования и пресечения преступлений, связанных с распространением наркотических средств бесконтактным способом, необходимо осуществить ряд действий.

В первую очередь требуется повысить уровень квалификации сотрудников органов внутренних дел, занимающихся выявлением, раскрытием и расследованием названных преступлений. Совместно с правоохранительными органами различных государств российской стороне нужно принимать участие в обучающих тренингах, научно-практических конференциях, рабочих встречах по обмену опытом, включая мероприятия, проводимые международными организациями. Для снижения финансовой целостности преступных организаций при выявлении преступного деяния необходимо незамедлительно блокировать транзакции, проведенные по электронным кошелькам, а также осуществлять обязательную идентификацию их владельцев. По нашему мнению, приведенный перечень мер позволит сократить поступление наркотиков на российский рынок, как следствие — снизить прибыль, получаемую от наркотрафика и затрачиваемую на финансирование других преступлений, а главное — поспособствует сохранению здоровья нации.

¹ См.: Приговор № 1-292/2020 от 26 ноября 2020 г. по делу № 1-292/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/eelYpWac5W6m/?regular-txt...snippet_pos=560#snippet (дата обращения: 22.05.2022).

1. Щербakov А. Д. Уголовно-правовое противодействие незаконному обороту наркотиков в России и США: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016. 28 с.

2. Решняк О. А. Использование компьютерных технологий при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота опасных психоактивных веществ: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Волгоград, 2020. 24 с.

3. Решняк О. А. О некоторых вопросах расследования незаконного сбыта синтетических наркотиков, совершенного бесконтактным способом // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 156—161.

4. Пупцева А. В. Некоторые особенности выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с помощью сети «Интернет» бесконтактным способом // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 3 (46). С. 146—151.

Пупцева Анна Викторовна,

начальник кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
anna.pupceva@mail.ru

Дорошенко Ольга Марковна,

заместитель начальника кафедры педагогики
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России
им. В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;
olka-olga@yandex.ru

1. Scherbakov A. D. Criminal and legal counteraction drug trafficking in Russia and the USA: a comparative legal study. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2016: 28. (In Russ.).

2. Reshnyak O. A. The use of computer technology in the investigation of crimes in the sphere of illicit trafficking in dangerous psychoactive substances. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Volgograd; 2020: 24. (In Russ.).

3. Reshnyak O. A. On some issues of investigation of illegal sale of synthetic drugs, committed in a non-contact way. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 156—161, 2019. (In Russ.).

4. Puptseva A. V. Some features of detection, disclosure and investigation of crimes in the field of drug trafficking committed using the Internet in a non-contact way. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 146—151, 2018. (In Russ.).

Puptseva Anna Viktorovna,

head of the department of criminalistics
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
anna.pupceva@mail.ru

Doroshenko Olga Markovna,

deputy head of the department of pedagogy
of the training and scientific complex
of the psychology of official activity
of the Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot,
candidate of juridical sciences, docent;
olka-olga@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 14.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 14.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК УДК 343.985.7:343.72
doi: 10.25724/VAMVD.A028

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЫПЛАТ

Ольга Александровна Решняк

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, volakdm@va-mvd.ru

Аннотация. Согласно официальным статистическим данным ГИАЦ МВД России, в настоящий момент мошенничество является одним из самых распространенных видов экономической преступности. В результате его совершения негативно воздействию подвергается не только стабильно развивающаяся экономика государства, но и социальная жизнь общества. Борьба с мошенничеством осуществляется десятилетиями, но с каждым годом его формы прогрессируют и выходят на новый уровень, поэтому все более важное значение приобретает качественная работа правоохранительных органов на стадии возбуждения уголовного дела. В статье с учетом современных тенденций развития преступности в сфере получения государственных выплат рассматриваются основные взаимосвязанные и взаимозависимые криминалистически значимые элементы криминалистической характеристики механизма совершения данных видов мошенничеств и их содержание. При анализе элементов криминалистической характеристики была использована судебно-следственная практика. В число наиболее значимых элементов, имеющих существенное значение для практики расследования, вошли: предмет преступного посягательства, способы совершения преступления, обстоятельства, раскрывающие место и время совершения преступления, наиболее характерные материальные и идеальные следы, личность преступника. Перечисленные элементы раскрывают закономерности расследования и напрямую влияют на его эффективность.

Ключевые слова: мошенничества, мошенничества при получении выплат, методика расследования мошенничеств, криминалистическая характеристика мошенничеств при получении выплат, первоначальный этап расследования мошенничеств при получении выплат

Для цитирования: Решняк О. А. Основные элементы криминалистической характеристики мошенничеств в сфере государственных выплат // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 131—136. doi: 10.25724/VAMVD.A028

MAIN ELEMENTS OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF FRAUD IN THE SPHERE OF STATE PAYMENTS

Olga Alexandrovna Reshnyak

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, volakdm@va-mvd.ru

Abstract. According to official statistics from the Main Informational and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, today fraud is one of the most common types of economic crime. As a result of its commission, not only the steadily developing economy of the state, but also the social life of society is negatively affected. The fight against fraud has been carried out for decades, but every year the forms of its commission are progressing and reaching a new level, therefore, the high-quality work of law enforcement agencies at the stage of initiating a criminal case is becoming increasingly important. In the article, taking into account modern trends in the development of crime in the field of receiving state payments, the main interrelated and interdependent criminalistic significant elements of the criminalistic characteristics of the mechanism for committing these types of fraud and their content are considered. When analyzing the elements of criminalistic characteristics, forensic investigative practice was used. Among the most significant elements that are essential for the practice of investigation are: the subject of a criminal offense, methods of committing a crime, circumstances revealing the place and time of the crime, the most characteristic material and ideal traces, the personality of the offender, which reveal the laws of the investigation, and directly affect its effectiveness.

Keywords: fraud; fraud when receiving payments; methodology for investigating fraud; criminalistic characterization of fraud in receiving payments; the initial stage of investigation of fraudulent payments

For citation: Reshnyak O. A. Main elements of the criminalistic characteristics of fraud in the sphere of state payments. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 131—136, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A028

Целью государственной политики Российской Федерации, согласно Конституции, является обеспечение достойных условий жизни граждан, в связи с чем Правительством реализуется ряд различных социальных мер, которые поддерживаются трудовым, семейным, пенсионным и гражданским законодательством.

Социальная политика Российской Федерации предусматривает меры Государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства; пенсии по инвалидности гражданам, являющимся нетрудоспособными; выплаты по безработице лицам, имеющим на то право в соответствии с законодательством Российской Федерации; выплаты государственных пенсий и социальных пособий; безвозмездное предоставление жилого помещения малоимущим лицам, выплаты компенсаций и др.

С марта 2020 г., с момента начала пандемии COVID-19 и введения ограничительных мер, произошла остановка экономической деятельности многих предприятий, что привело к снижению либо отсутствию прибыли и в итоге — к сокращению персонала. В связи с этим многие граждане остались без средств к существованию. Кроме того, непростая экономическая ситуация, сложившаяся в стране с момента объявления Президентом Российской Федерации о начале проведения специальной военной операции на Украине, также повлияла на уровень жизни и доходов граждан. Закрытие и уход из Российской Федерации многих иностранных предприятий, магазинов повлекли увеличение уровня безработицы. Эвакуация беженцев с Украины оказала свое влияние на Российскую экономику и уровень жизни граждан. В то же время Президент и Правительство Российской Федерации предприняли и предпринимают меры по государственной поддержке в виде различных выплат гражданам, оказавшимся в трудной ситуации, а также ввиду пандемии коронавирусной инфекции и экономических санкций, введенных против России. Однако помимо действительно нуждающихся в государственной поддержке граждан пособия и выплаты разного рода стали незаконно получать активизировавшиеся мошенники, что неизбежно повлекло наступление негативных последствий в виде излишнего расходования бюджетных средств в столь непростое время для экономики государства.

Так, по данным статистики ФКУ ГИАЦ МВД России, в 2020 г. всего зарегистрировано 8 796 преступлений по ст. 159.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) (в том числе совершенные в составе группы лиц по предварительному сговору), материальный ущерб от которых составил 965 255 000 рублей. Из всего количества возбужденных дел направлены в суд уголовные дела с обвинительными заключениями в отношении 3 479 человек, из них в группе совершено 1 008 преступлений, организованными группами — 223 преступления. С января по декабрь 2021 г. отмечается рост данных преступлений по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. и составляет 8 998 [1]. В предыдущие годы эти показатели не претерпевали существенных отклонений в количественном измерении.

В настоящее время государством продолжается оказание поддержки гражданам Российской Федерации и беженцам, эвакуированным с Украины, при этом суммы выплат увеличиваются в зависимости от инфляции, разрабатываются новые меры поддержки нуждающимся, упрощаются способы оформления заявлений на выплаты, а поэтому и активность преступности в данной сфере растет. Борьба с данным видом экономической преступности приобретает все более актуальное значение и требует новых разработок в решении вопроса их расследования.

Безусловно, в криминалистической науке предпринимались попытки рассмотрения специфики базовых элементов криминалистической характеристики преступлений в сфере государственных выплат в целях выявления их значения в раскрытии и расследовании [2]. Вместе с тем актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что в большинстве существующих работ определены общие черты элементов криминалистической характеристики указанных преступлений, которые не в полной мере раскрывают особенности механизма совершения преступления и не носят комплексного характера с учетом современных тенденций. В связи с этим возникает необходимость в более подробном рассмотрении особенностей элементов криминалистической характеристики анализируемой группы преступлений. К числу наиболее значимых элементов мы отнесли предмет

преступного посягательства, обстановку совершения преступления, способ совершения преступления, механизм следообразования, личность преступника.

Предмет преступного посягательства. Предметом мошенничества в сфере государственных выплат обычно выступают денежные средства и иное имущество, которое незаконно получает лицо, обратившееся за такими выплатами. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» дается разъяснение по ст. 159.2 УК РФ «Мошенничества при получении выплат». Согласно данным разъяснениям, к указанным преступлениям относится незаконное получение гражданином выплат в виде денежных средств или иного имущества, при этом получаемые выплаты должны быть отнесены к социальным, которые предусмотрены Федеральными законами. Законодательством предусмотрены следующие виды социальных выплат: пособия по безработице, компенсации на питание, на оздоровление, субсидии для приобретения или строительства жилого помещения, на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, средства материнского (семейного) капитала, а также предоставление лекарственных средств, технических средств реабилитации (протезов, инвалидных колясок и т. п.), специального транспорта, путевок, продуктов питания¹. Правильное определение предмета преступного посягательства оказывает решающее значение при квалификации мошенничества в сфере выплат. Необходимо отметить, что не все выплаты, осуществляемые государством, подпадают под действие ст. 159.2 УК РФ, а только те, которые относятся к социальным. Четко сформулированного и закрепленного в законодательстве определения социальных выплат не дается, но данное понятие используется в нормативных правовых актах.

Чтобы определить, относятся ли выплаты к социальным, необходимо, чтобы они соответствовали требованиям, перечисленным в нормативных актах:

— осуществляются за счет средств федерального бюджета, государственных внебюджетных фондов, бюджетов субъектов Российской Федерации и бюджетов муниципальных образований;

— устанавливаются законами и иными нормативными актами, которые должны являться источниками, дающими право на социальное обеспече-

ние по предоставлению денежных выплат лицам, указанным в законе;

— лицо, получающее выплаты, должно отвечать требованиям, предусмотренным нормативными актами, регламентирующими порядок осуществления той или иной социальной выплаты;

— безвозмездность и безвозвратность выплаты;

— целью выплаты должно являться предупреждение или смягчение негативных обстоятельств для субъекта ее получения и членов его семьи в случае наступления социальных рисков, а также для сохранения достойного уровня жизни. К социальным рискам принято относить: безработицу, временную или стойкую утрату трудоспособности, беременность, рождение ребенка, смерть, сиротство и т. п.

Отдельное внимание следует обратить на деление социальных выплат на пособия, компенсации, субсидии и иные выплаты, установленные законодательством.

В целях материального обеспечения граждан назначаются пособия: в период временной нетрудоспособности, по беременности и родам, при рождении ребенка, по уходу за ребенком, на погребение, по безработице и в других случаях наступления социальных рисков.

Субсидии выплачиваются на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, на приобретение жилья, безработным гражданам для создания собственного бизнеса.

Социальной компенсацией признается выплата в том случае, если ее финансирование осуществляется за счет средств федерального бюджета. Например, компенсация затрат на лечение или реабилитацию после COVID-19 в случае финансирования из средств федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации признается социальной, а в случае осуществления выплат за счет средств работодателя компенсация социальной считаться не может.

Официальная статистика Генеральной прокуратуры Российской Федерации свидетельствует, что указанные преступления совершаются в следующих соотношениях: а) при получении пособий неработающими пенсионерами и инвалидами, по безработице, пособий, направленных на поддержку семей, имеющих детей (материнский капитал), — 36 %; б) пенсий по случаю потери кормильца нетрудоспособному члену семьи — 26 %; в) субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, для поддержки малого и среднего бизнеса в соответствии с региональными нормативными актами — 10 %; г) компенсаций за наем, аренду жилого помещения — 6 %; д) доплат (социальные доплаты к пенсии,

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 29.06.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

доплата к пенсии в связи с прохождением обучения в образовательном учреждении, в связи с нетрудоспособностью и по случаю потери кормильца) — 6 %¹.

При расследовании мошенничеств в сфере социальных выплат необходим анализ предмета преступного посягательства, который имеет корреляционные связи между способом совершения преступления и личностью преступника. Знание предмета позволит установить информацию, имеющую доказательственное значение, и выдвинуть обоснованные версии о личности преступника.

Обстановка совершения преступлений в сфере государственных выплат также обладает своей спецификой. От способа совершения преступления напрямую зависит его место. Как правило, им является государственная организация (например, Пенсионный фонд, Управление социальной защиты), расположенная в том районе, в котором зарегистрировано лицо, подавшее заявление на выплату, так как в соответствии с законодательством Российской Федерации заявление подается по месту регистрации гражданина². Но на данный момент процедура подачи заявления упрощена тем, что в информационно-телекоммуникационном пространстве создан и успешно функционирует Единый портал государственных услуг, на котором дистанционно, с использованием в качестве средства совершения преступления смартфона либо компьютерного устройства, можно подать заявление из любой точки мира, не посещая государственной организации. Поэтому важно установить место, где находился преступник в момент оформления и подачи заявления через портал Госуслуг, это может быть место его жительства, место жительства его родственников, друзей и т. д. Что касается *времени совершения указанных преступлений*, необходимо отметить, что в большинстве случаев они совершаются в часы работы государственных организаций, т. е. в дневное время. Дистанционно же это может быть любое удобное время, выбранное преступником, как правило когда он находится один³. Анализ обстановки совершения мошенничества дает возможность следователю выдвигать версии о видах следов противоправной деятельности, сформировавшихся в момент совершения преступления, и мест их обнаружения.

¹ Генеральная прокуратура: офиц. сайт. URL: <https://http://cimestat.ru/analytics/> (дата обращения: 10.06.2022).

² Приговоры судов по ст. 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат». URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-post.-159.2-uk-rf-moshennichestvo-pri-poluchenii-vyplat.html> (дата обращения: 10.06.2022).

³ Приговоры судов по ст. 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат».

Способы совершения преступлений, как правило, предусматривают процесс подготовки, совершения и сокрытия следов преступной деятельности, но по рассматриваемой категории преступлений данный элемент будет не полноструктурным в связи с тем, что здесь отсутствует способ сокрытия следов преступления. Как правило, совершение данного преступления предполагает предоставление в государственные организации (пенсионные фонды, Управление социальной защиты населения) документов, дающих право на получение социальной выплаты. В связи с этим мошенник заранее приобретает или самостоятельно изготавливает подложные документы, например справки из медицинских учреждений об инвалидности, фальшивое свидетельство о рождении ребенка, подложный лист о временной нетрудоспособности, документы о трудовой деятельности и др.⁴

Можно выделить несколько способов совершения мошенничества в сфере социальных выплат.

1. В зависимости от используемых средств подача документов может осуществляться:

— путем личного посещения государственной организации;

— через посредника. В настоящее время существует масса объявлений как в сети Интернет, так и в общественных местах (в транспорте, подъездах, на столбах) о предоставлении услуг по получению социальных пособий, субсидий, компенсаций;

— на Едином портале государственных услуг с использованием смартфона либо компьютерного устройства (ноутбук, планшет, компьютер и др.).

2. Кроме того, мошенничество в сфере социальных выплат может осуществляться путем предоставления подложных документов:

— изготовленных самостоятельно. В данном случае мошенник либо имеет доступ к соответствующим бланкам документов (например, он является работником медицинского учреждения и имеет доступ к медицинским справкам, печатям) либо имеет определенные навыки и с использованием средств компьютерной техники изготавливает необходимые документы;

— изготовленных посредником (например, через знакомого, который работает в медицинском учреждении);

— изготовленных незнакомым лицом, найденным через объявления в сети Интернет или на досках объявлений.

⁴ Приговор Гуковского городского суда Ростовской области № 1-27/2020 1-327/2019 от 20 января 2020 г. по делу № 1-27/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kLhvvYbyuRLO/> (дата обращения: 10.06.2022).

Так, согласно приговору суда за хищение денежных средств, выделяемых из федерального бюджета, при получении выплат, связанных с материальным обеспечением инвалидов, без прохождения медико-социальной экспертизы осужден гражданин Г., «который предоставил в Управление Пенсионного Фонда Российской Федерации в г. Г. справку из медицинского учреждения № <...> от 25.03.2016, содержащую заведомо ложные сведения об установлении у него инвалидности второй группы бессрочно. На основании данной справки 31.03.2016 ему была назначена ежемесячная денежная выплата, а также с 25.03.2016 пенсия по инвалидности и осуществлена единовременная денежная выплата. Таким образом, Г. незаконно получил денежные средства на общую сумму 368 273 рубля 21 копейка. Также Г. такую же справку предоставил в Управление социальной защиты населения Краснодарского края, на основании которой ему были назначены компенсационные выплаты взамен льгот на ЖКУ, на основании чего Г. с указанного периода времени систематически производились выплаты за жилищно-коммунальные услуги до 30.09.2019. Таким образом, Г. незаконно получил денежные средства на общую сумму 24 510 рублей 28 копеек»¹.

3. Несообщение в государственные органы сведений, влекущих прекращение права на получение социальных выплат.

Например, Коченовским судом Новосибирской области было установлено, что гражданка С., которая получала социальную пенсию на несовершеннолетнего ребенка по потере кормильца, была лишена родительских прав. О данном факте она умышленно не сообщила в Пенсионный фонд Коченовского района и продолжила незаконно получать социальную пенсию, таким образом причинив Пенсионному фонду Российской Федерации ущерб на общую сумму 293 359 рублей 10 копеек².

Изучение и анализ способов совершения указанных преступлений позволит следователю выдвинуть версии о возможных местах нахождения следов преступления и разработать конкретный алгоритм мероприятий, направленных на установление источников доказательственной информации.

Важную роль в изучении преступлений, связанных с незаконным получением государственных выплат, представляет такой элемент криминалистической характеристики, как *механизм слеодообразования*.

При совершении исследуемых преступлений остаются материальные следы. Как нами уже отмечалось выше, рассматриваемые виды преступ-

лений совершаются посредством предоставления документов в государственные организации. Поэтому следы будут содержаться в соответствующих документах: в самих бланках, рукописных записях и подписях уполномоченных лиц, выдававших справки, свидетельства и т. д., оттисках печатей и штампов организаций, которыми якобы они были выданы, копиях документов, удостоверяющих личность. Возможно отсутствие водяных знаков на официальных документах (свидетельство о рождении) и наличие следов исправления или травления. Следы преступной деятельности могут также оставаться в компьютерной технике, с помощью которой изготавливались данные документы. Это могут быть файлы с изображениями поддельных документов, приложения для изменения документов (PDFEDITOR, ABBYYFineReader, Sejda PDF, PDFsam, PDF-XChangeEditor и др.), принтеры, на которых распечатывались документы, электронные следы посещения сайтов с образцами документов, объявления об оказании помощи в получении пособий, компенсаций, объявления об изготовлении любого документа за определенную денежную плату. Иногда остается переписка в телефоне (в сообщениях или мессенджерах) лица, получавшего выплаты, с лицами, предоставляющими помощь в их получении либо изготавливающими документы, или знакомыми и родственниками, в которой говорится о получении выплат.

Личность преступника представляет большое значение в раскрытии и расследовании преступления, она напрямую зависит от вида преступления и способа его совершения. Для качественного установления всех обстоятельств произошедшего события следователю необходимо собрать как можно больше информации о личности преступника. Успех предупреждения преступления возможен тогда, когда «основное внимание субъекта этой деятельности будет сосредоточено на личности преступника, поскольку именно личность является носителем причин совершения преступления» [3].

Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2020 г. за совершение мошенничества при получении выплат осуждено 1 946 человек, среди которых 54 % являются лицами женского пола, в том числе беременные и имеющие малолетних детей в возрасте до 3 лет. В 2017 г. доля таких женщин составляла 51 %. Относительно возраста отмечается активность представителей разных возрастных групп. Около 1 % всех мошенничеств, связанных с незаконным получением выплат, совершено лицами в возрасте от 14 до 17 лет, 15 % — от 18 до 24, 12 % — от 25 до 29, 51 % — от 30 до 49, 21 % — от 50 и старше. При этом 5 % лиц, совершивших преступления из рассматриваемой категории, являлись пенсионерами. Стоит отметить, что 25 % осужденных по ст. 159.2 УК РФ имели высшее

¹ Приговор Гуковского городского суда Ростовской области № 1-27/2020 1-327/2019 от 20 января 2020 г. по делу № 1-27/2020.

² Приговор Коченовского районного суда Новосибирской области. Дело № 1-120/2019 от 13 сентября 2019 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LDJT8eYNTfrr/> (дата обращения: 19.05.2022).

образование, что говорит о достаточно высокой грамотности среди лиц, совершающих данные преступления, в отличие от лиц, которые совершают преступления, имеющие другие составы. Среднее профессиональное образование имелось у 33 %, общее среднее — у 30 %, неполное среднее образование — у 12 %. Из осужденных по указанной статье 40 % лиц не имели постоянного источника дохода [4]. Обычно при совершении указанных преступлений мошенник действует в одиночку и лишь в единичных случаях прибегает к помощи соучастников, как правило для изготовления подложного документа. Преступные группы обычно формируются в зависимости от единого преступного умысла, и соучастниками являются чаще всего родственники. Что касается личностных качеств преступника, здесь можно выделить следующие черты: отсутствие ответственности за свои действия, пренебрежение законодательством и нормами морали, уверенность в безнаказанности.

Ярким примером таких качеств может служить приговор Джанкойского районного суда Республики Крым № 1-342/2019 от 9 сентября 2019 г о подготовке к незаконному получению средств материнского капитала за предоставление гражданкой З. в Пенсионный фонд поддельного свидетельства о рождении ребенка, которого она не рожала¹.

1. Чумаков А. В. Особенности методики расследования мошенничества при получении выплат: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2018. 24 с.

2. Шарафиев А. Р. Предмет мошенничества при получении выплат // Молодой ученый. 2016. № 28 (132). С. 716—720.

3. Криминология: учеб. пособие / под ред. С. Я. Лебедева, М. А. Кочубей. Москва: ЮНИТИ: Закон и право, 2007. 519 с.

4. Копейко Т. Г. Криминалистическая характеристика личности преступника, совершающего мошенничество при получении выплат // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 2 (48). С. 44—48.

Решняк Ольга Александровна,
доцент кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
volakdm@va-mvd.ru

Таким образом, изучив статистические данные и проанализировав судебную-следственную практику, мы выделили наиболее характерные элементы криминалистической характеристики преступлений в сфере государственных выплат; рассмотрели предмет преступного посягательства, способы совершения преступлений в сфере незаконного получения государственных выплат, обстановку совершения преступлений, механизм следообразования и личность преступника. Знание особенностей данных структурных элементов криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений напрямую влияет как на квалификацию преступления, так и на планирование расследования. От знания механизма совершения преступления и корреляционных связей между его элементами будет зависеть полнота и скорость сбора доказательств, правильность выдвижения версий и планирование расследования, что эффективным образом будет способствовать качественной работе правоохранительных органов и напрямую влиять на улучшение мер, предпринимаемых в борьбе с преступностью в данном направлении.

1. Chumakov A. V. Features of the methodology for investigating fraud when receiving payments. Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Kaliningrad, 2018: 24. (In Russ.).

2. Sharafiev A. R. The subject of fraud when receiving payments. Young scientist, 716—720, 2016. (In Russ.).

3. Criminology. Textbook. Ed. by S. Ya. Lebedev, M. A. Kochubey. Moscow: UNITI: Law and Right; 2007: 519. (In Russ.).

4. Kopeiko T. G. Criminalistic characterization of the identity of a criminal who commits fraud in receiving payments. Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 44—48, 2020. (In Russ.).

Reshnyak Olga Alexandrovna,
associate professor at the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation in law-enforcement
bodies of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
volakdm@va-mvd.ru

Статья поступила в редакцию 28.06.2022; одобрена после рецензирования 13.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 28.06.2022; approved after reviewing 13.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

¹ URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 20.05.2022).

УДК 343.102

doi: 10.25724/VAMVD.A029

НЕДОПУСТИМОСТЬ РАЗГЛАШЕНИЯ СВЕДЕНИЙ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Леонид Анатольевич Бакланов

Омская академия МВД России, Омск, Россия, kubkaz@rambler.ru

Аннотация. В декабре 2020 г. в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» появилась статья 12.1 «Недопустимость разглашения сведений об осуществлении оперативно-розыскной деятельности». В процессе анализа содержания данной нормы делается вывод о появлении нового вида конфиденциальной информации (новой тайны) — тайны оперативно-розыскных запросов. Данную тайну составляют сведения, содержащиеся в запросах, направляемых гражданам или организациям в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности. Такие запросы, как правило, направляются при проведении оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок». Проводится сравнительный анализ новой тайны с наиболее близкой — следственной. По мнению автора, указанный в запросе запрет на распространение сведений формирует у ознакомившихся с ним лиц обязанность соблюдения конфиденциальности. Определяются ситуации, когда такую запись в запросе следует производить. Предложен примерный вариант такой записи. Обосновывается позиция об обеспечении защиты новой тайны мерами государственного принуждения в виде возможности наступления юридической ответственности. Выделяется три вида ответственности: дисциплинарная, административная, а для должностных лиц, если разглашение сведений привело к существенному нарушению прав и законных интересов граждан или организаций, — уголовная ответственность.

Ключевые слова: тайна оперативно-розыскных запросов, недопустимость разглашения сведений, конфиденциальность оперативно-розыскных данных, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, запрос, содержание оперативно-розыскного запроса, наведение справок

Для цитирования: Бакланов Л. А. Недопустимость разглашения сведений об осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 137—143. doi: 10.25724/VAMVD.A029

INADMISSIBILITY OF DISCLOSING INFORMATION ON OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

Leonid Anatolyevich Baklanov

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia,
kubkaz@rambler.ru

Abstract. In December 2020, Article 12.1 "Inadmissibility of disclosure of information on the implementation of operational-search activities" appeared in the Federal Law "On operational-search activities." In the process of analyzing the content of this norm, it is concluded that a new type of confidential information (new secret) appears — the secrets of operational-search requests. This secret is the information contained in the requests sent to citizens or organizations during the implementation of operational-search activities. Such requests, as a rule, are sent during the operational-search event "Guidance of Inquiries". A comparative analysis of the new mystery is carried out with the closest — investigative. According to the author, the ban on the dissemination of information specified in the request forms the obligation of confidentiality among those who have familiarized themselves with it. Determines when such an entry should be made in the query. An exemplary embodiment of such a recording is provided. The position is justified on ensuring the protection of new secrecy by measures of state coercion in the form of the possibility of legal liability. Three types of liability stand out: disciplinary, administrative, and for officials, if the disclosure of information led to a significant violation of the rights and legitimate interests of citizens or organizations — criminal liability.

Keywords: secret of operational-search requests, inadmissibility of disclosure of information, confidentiality of operational-search data, operational-search activities, operational-search activities, request, content of operational-search request, guidance of inquiries

For citation: Baklanov L. A. Inadmissibility of disclosing information on operational-search activities. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 137—143, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A029

Согласно ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — Закон об ОРД) оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) осуществляется в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Результативность достижения поставленной цели зависит от различных факторов, одним из которых является сохранение в тайне сведений об осуществлении ОРД. Закрепленный в ст. 3 Закона об ОРД принцип конспирации подчеркивает особую значимость защиты сведений в этой области.

В целях обеспечения принципа конспирации ст. 12 рассматриваемого нами закона содержит нормативные предписания, защищающие сведения об органах, осуществляющих ОРД. Согласно указанной норме сведения об используемых или использованных при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах ОРД, о лицах, внедренных в организованные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, а также об организации и о тактике проведения ОРМ составляют государственную тайну. Не акцентируя внимание на имеющихся в данной норме противоречиях [1], сделаем вывод, что она защищает сведения о негласных ОРМ, относя их к государственной тайне. По нашему мнению, сведения о гласных ОРМ (силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах) в силу объективных причин не могут составлять государственную тайну. Таким образом, не относящиеся к государственной тайне сведения об ОРД не имели нормативно закрепленной и эффективной системы защиты.

Оборот не составляющих государственную тайну сведений об ОРД как разновидности информации регламентируется ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации, закрепляющей право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, а также федеральными законами, ограничивающими это право. Часть 4 ст. 6 Федераль-

ного закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ обязывает обладателя информации соблюдать права и законные интересы иных лиц; принимать меры по защите информации; ограничивать доступ к информации, если такая обязанность установлена федеральными законами. Аналогичный подход усматривается и в перечне сведений конфиденциального характера, утвержденном Указом Президента Российской Федерации «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» от 6 марта 1997 г. № 188. Согласно данному нормативному правовому акту к конфиденциальным сведениям относятся, в том числе, служебные сведения, а также сведения, связанные с профессиональной деятельностью, но лишь тогда, когда доступ к ним ограничен в соответствии с законами Российской Федерации. Например, ст. 7 Федерального закона «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ обязывает лиц, получивших доступ к персональным данным, не раскрывать их третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Таким образом, сведения становятся конфиденциальными и, следовательно, защищаемыми только в том случае, если по этому поводу имеется специальная норма в федеральном законе. Иными словами, отсутствие законодательного запрета или ограничения на распространение тех или иных сведений делает их потенциально общедоступными.

Отсутствие нормативно-правового запрета на распространение не составляющих государственной тайны сведений позволяло гражданам, а также работникам различных организаций распространять сведения об ОРД, которые стали им известны в ходе участия в оперативно-розыскных правоотношениях. Распространять можно было даже сведения об ОРД, содержащие персональные данные граждан, если их субъекты давали на то согласие. Исключение составляли лишь сведения об ОРД, полученные в ходе участия отдельных лиц в подготовке и проведении ОРМ, осуществившегося в соответствии со ст. 17 Закона об ОРД.

Наиболее острой была проблема сохранности сведений об ОРД, содержащихся в запросах,

направляемых на предприятия, в учреждения, организации и частным лицам. Распространение сведений об ОРД, ставших известными таким лицам в процессе исполнения направленных им запросов, затрудняло, а иногда и делало невозможным достижение цели ОРД.

Осознавая необходимость повышения качества нормативно-правового регулирования важных общественных отношений, 30 декабря 2020 г. Федеральным законом № 515-ФЗ в Закон об ОРД внесено дополнение, заключающееся в появлении новой статьи 12.1, регламентирующей недопустимость разглашения сведений об осуществлении ОРД.

Новации правового регулирования развивают правовую основу ОРД и требуют научного исследования возникающих правоотношений.

Согласно ч. 1 ст. 12.1 Закона об ОРД сведения, содержащиеся в запросах, направляемых гражданам и организациям в процессе осуществления ОРД, не подлежат разглашению (за исключением случаев, предусмотренных настоящей статьей), о чем указывается в соответствующем запросе. Анализ указанной нормы позволяет сделать вывод, что норма регулирует правоотношения, возникающие в процессе направления запросов. Получение информации, необходимой для решения задач ОРД, путем направления запросов является ОРМ «Наведение справок» [2, с. 50]. Направление запроса предполагает обращение, как правило оформленное в письменной форме, физическому или юридическому лицу, располагающему или могущему располагать интересующими сведениями¹. Получатель или иное ознакомившееся с запросом лицо становится обладателем сведений о подготовке или проведении ОРМ по конкретным фактам или в отношении определенных лиц. Распространение таких сведений способно нанести ущерб интересам ОРД. Ущерб может выражаться в принятии заинтересованными лицами дополнительных мер по сокрытию подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, а также имущества, подлежащего конфискации. Принимаемые меры могут иметь негативные последствия для результативности ОРД, поэтому запрет на разглашение сведений, содержащихся в запросах, направляемых гражданам и организациям в процессе осуществления ОРД, представляется общественно полезным.

¹ Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть: электрон. учеб. изд. Омск: Омская академия МВД России, 2020. 206 с. URL: <https://ordf.ru/uchebnik/page144.html> (дата обращения: 05.02.2022).

Установленная в ст. 12.1 Закона об ОРД возможность запрета на распространение сведений вписывается в существующую систему защиты информации и одновременно нормативно фиксирует расширение перечня сведений конфиденциального характера.

Таким образом, мы столкнулись с ранее не защищавшейся информацией. Анализ изменения, внесенного в Закон об ОРД, позволяет сделать вывод о формировании в Российской Федерации нового вида защищаемых сведений — тайны оперативно-розыскных запросов. Новую тайну составляют не подпадающие под государственную тайну сведения об осуществлении ОРД, содержащиеся в запросах, направляемых по различным основаниям и поводам любым лицам в ходе осуществления ОРД.

Вместе с тем думается, что запрет на распространение сведений не является абсолютным. Во-первых, положения рассматриваемой статьи необходимо применять во взаимосвязи с ч. 3 ст. 5 Закона об ОРД, предусматривающей право лица обжаловать действия органов, осуществляющих ОРД, если оно считает, что эти действия привели к нарушению его прав и свобод, о чем он узнал из соответствующего запроса. Во-вторых, ч. 2 ст. 12.1 Закона об ОРД предусматривает возможность предания гласности содержащихся в запросе сведений с разрешения должностного лица органа, осуществляющего ОРД, и только в том объеме, в котором им будет признано это допустимым, если этого требуют служебные интересы. Обратим внимание, что в части первой используется термин «не подлежит разглашению», а в части второй — «преданы гласности». С учетом того что данные термины регулируют одни и те же отношения, приходим к выводу о необходимости восприятия их в качестве синонимов. Изучая проблему придания гласности сведений о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, а также о лицах, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе, Н. В. Павличенко пришел к выводу, что под преданием гласности необходимо понимать распространение сведений в любой форме (устной, письменной, наглядно-демонстрационной, с использованием средств массовой информации либо технических средств и т. д.), в результате чего они становятся известными любым третьим лицам [3, с. 64]. Проанализировав позицию указанного автора, мы приходим к выводу, что данный термин необходимо трактовать так применительно не только

к сведениям о лицах, но и вообще к любым сведениям в ОРД.

Определив новую тайну, считаем необходимым соотнести ее с наиболее схожей. На наш взгляд, наиболее близкой является тайна предварительного расследования. Статья 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК) называется «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования». Ее название, структура и содержание в значительной степени совпадают со ст. 12.1 Закона об ОРД. Полагаем, что ст. 161 УПК использовалась законодателем в качестве основы для ст. 12.1 Закона об ОРД. Схожесть заключается в однородности защищаемых сведений и наличии документально зафиксированной процедуры предупреждения о недопустимости их разглашения. Защищаются данные, образующиеся в процессе исполнения государственными органами своих полномочий в сфере противодействия преступности. Защищаемые сведения при определенных обстоятельствах также могут стать общедоступными.

Главные отличия основываются на ч. 3 ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой следователь или дознаватель предупреждает участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения, без соответствующего разрешения, данных предварительного расследования, о чем у них берется подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со ст. 310 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Рассмотрим отличия подробно. Отличие первое — для сохранения тайны оперативно-разыскных запросов не отбирается подписка с предупреждением об уголовной ответственности. На наш взгляд, это разумно, так как уголовной ответственности за разглашение тайны оперативно-разыскных запросов до настоящего времени не установлено, в связи с чем оформление такой расписки нецелесообразно. Отличие второе — круг участников правоотношений не обусловлен уголовно-процессуальным статусом. С одной стороны, ими выступают должностные лица органов, осуществляющих ОРД, с другой — любые иные лица, вне зависимости от их правового статуса, ознакомившиеся с содержанием оперативно-разыскного запроса. Заметим при этом, что запрет может касаться не только лиц, получивших доступ к таким сведениям в связи с выполнением ими профессиональных обязанностей, но и граждан, получивших такие сведения вследствие стечения обстоятельств, в том числе случайных. Полагаем, что даже случайное озна-

комление с такой информацией влечет формирование обязанности ее не разглашать. Третье отличие — отсутствие потенциальной уголовной ответственности в случае невыполнения обязанности по сохранению сведений в тайне. Четвертое отличие — единственным способом осведомления о защищаемых сведениях является ознакомление с письменным запросом органа, осуществляющего ОРД.

Существенным отличием, влияющим на эффективность защиты сведений, содержащихся в оперативно-разыскном запросе, является отсутствие потенциальной уголовной ответственности для лиц, не выполнивших обязанности по неразглашению защищаемых сведений. По нашему мнению, вред общественно значимым интересам, который может быть причинен разглашением сведений, содержащихся в оперативно-разыскном запросе, сопоставим с вредом, причиняемым разглашением данных предварительного расследования. Однако внесение предложений по совершенствованию уголовного законодательства считаем нецелесообразным, так как осознаем необходимость проведения тщательных научных исследований данного вопроса.

Таким образом, устанавливая новый вид защищаемых сведений, законодатель не предусмотрел специальной юридической ответственности за несоблюдение режима их защиты. На наш взгляд, это сделано осознанно, поскольку законодатель исходил из достаточности имеющихся средств правовой защиты. В случае разглашения сведений, содержащихся в оперативно-разыскном запросе, работниками (сотрудниками) организаций к ним могут быть применены меры дисциплинарной ответственности, так как разглашение таких сведений вступает в противоречие с выполняемыми работниками трудовыми обязанностями. Однако учитывая специфику правоотношений, особенно в частных организациях, считать такую меру достаточной мы не можем. К тому же, остается нерешенным вопрос и об ответственности за разглашение сведений применительно к частным лицам — гражданам, которые не состоят в трудовых отношениях и не обременены обязанностью сохранения в тайне сведений, ставших им известными в связи с выполнением трудовых обязанностей.

Исследовавший проблему непредоставления информации при проведении ОРМ «Наведение справок» А. А. Шмидт предлагал ее решить путем предупреждения в запросе об ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП), установленном

законодательством сроке исполнения запроса, а также формирования практики привлечения к административной ответственности [4, с. 8]. Аналогичные исследования проводил и Д. В. Кольцов, который тоже пришел к выводу о необходимости и правильности привлечения лиц к административной ответственности за непредоставление запрашиваемой информации при проведении ОРМ «Наведение справок» по ч. 1 ст. 19.3 КоАП [5, с. 148].

Согласно ч. 1 ст. 19.3 КоАП «неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, военнослужащего либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы либо сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации в связи с исполнением ими обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а равно воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей влечет наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток». Предложенный А. А. Шмидтом вариант решения проблемы путем формирования практики привлечения к административной ответственности находит свое практическое применение¹, что свидетельствует о правильности позиции данного автора.

Должностные лица органов, осуществляющих ОРД, являются сотрудниками полиции и осуществляют свои действия в связи с исполнением ими обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. ОРД в юридической науке [6, с. 5] и в правоприменительной практике² воспринимается как разновидность деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Указание в оперативно-разыском запросе запрета на разглашение содержащихся в нем сведений об осуществлении ОРД имеет нормативно-правовое обоснование, выраженное в специальной норме федерального закона. Ознакомившееся с соответствующим запросом лицо обязано воспринимать запрет на разглашение сведений как законное распоряжение представителя органа государственной власти, за невыполнение которого предусмотрена ответственность. Таким образом,

мы приходим к выводу, что ст. 19.3 КоАП может применяться и в случае невыполнения запрета на разглашение сведений, изложенных в форме распоряжения или требования. Сделанный нами вывод корреспондируется с ч. 3 ст. 15 Закона об ОРД, предусматривающей наступление ответственности за неисполнение законных требований должностных лиц органов, осуществляющих ОРД.

Делая вывод о возможности применения дисциплинарной и административной ответственности за разглашение сведений, содержащихся в оперативно-разыских запросах, допускаем привлечение к уголовной ответственности за превышение должностных полномочий, если разглашение должностным лицом защищаемых сведений привело к существенному нарушению прав и законных интересов граждан или организаций.

В целях обеспечения защиты сведений в оперативно-разыском запросе необходимо делать специальную запись, формирующую у ознакомившихся с запросом лиц безальтернативное понимание недопустимости разглашения сведений, ставших им известными. Указанные лица должны понимать важность сохранения сведений и не сомневаться в законности и обоснованности запрета на их разглашение. Для этого в запросе следует указать на недопустимость разглашения сведений и потенциальную возможность наступления юридической ответственности в случае их разглашения со ссылкой на ст. 12.1 Закона об ОРД.

На наш взгляд, формулировка в запросе может выглядеть следующим образом:

«В соответствии со ст. 12.1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ „Об оперативно-разыской деятельности“ сведения, содержащиеся в настоящем запросе, включая факт поступления запроса, являются конфиденциальными и не подлежат разглашению.

Разглашение сведений, ставших известными в ходе исполнения запроса или ознакомления с ним, может повлечь наступление административной или уголовной ответственности».

Вместе с тем рассматриваемый нами механизм защиты оперативно-разыских сведений может быть применен только при направлении письменных запросов. При устном запросе этот механизм работать не будет, в связи с чем, думается, ст. 12.1 Закона об ОРД применяется только в случае направления письменных запросов при осуществлении гласных ОРМ, основным из которых является «Наведение справок».

В ходе опроса сотрудников и руководителей оперативных подразделений, приезжавших на повышение

¹ Постановление Всеволожского городского суда Ленинградской области от 30 июля 2020 г. по делам № 5-732/2020 и № 5-733/2020. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 08.04.2022).

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2004 г. по делу № 72-004-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

квалификации в Омскую академию МВД России в 2021 г., нам не удалось выявить ни одного случая применения ст. 12.1 Закона об ОРД. Респонденты даже не знали о существовании такой нормы. В 2022 г. участники второго этапа Всероссийского конкурса профессионального мастерства среди сотрудников подразделений уголовного розыска на звание «Лучший по профессии» сообщили, что указывают в оперативно-розыскном запросе запрет разглашения содержащихся в нем сведений 36,7 % опрошенных и еще 3,3 % делают такую запись в случае необходимости.

Таким образом, констатируем востребованность ст. 12.1 Закона об ОРД и начало ее применения. Считаем необходимым более активное использование правового механизма защиты оперативно-розыскных сведений путем использования предложенного нами нового элемента оперативно-розыскного запроса [7], что в свою очередь положительно отразится на эффективности ОРД.

Подводя итог нашему исследованию, делаем следующие выводы:

1. Статья 12.1 Закона об ОРД привела к появлению нового вида защищаемых сведений — тайны оперативно-розыскных запросов.

2. Новый вид тайны обеспечен работоспособным механизмом правовой защиты в виде возможности наступления юридической ответственности для лиц, ее разгласивших.

3. Для обеспечения функционирования нового правового режима защиты сведений, содержащихся в запросе оперативно-розыскного органа, направляемом, как правило, в ходе проведения ОРМ «Наведение справок», следует указывать на недопустимость разглашения сведений с предупреждением о возможности наступления административной или уголовной ответственности в случае их разглашения.

---

1. Бакланов Л. А. Допуск участников негласных оперативно-розыскных мероприятий к государственной тайне // Оперативно-розыскное право. 2020. № 1. С. 38—40.

2. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: учеб.-метод. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. В. В. Алексеева, Д. А. Бражникова. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 175 с.

3. Павличенко Н. В. «Конспирация» и «предание гласности» в оперативно-розыскной деятельности: содержание и соотношение // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 1 (11). С. 62—68.

4. Шмидт А. А. Наведение справок в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2012. 24 с.

5. Кольцов Д. В. Запрос как форма реализации оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок» (на примере подразделения ЭБиПК МВД России) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 144—150.

6. Луговик В. Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект. Омск: Омская юридическая академия, 2014. 94 с.

7. Бакланов Л. А. Новый элемент оперативно-розыскного запроса // Оперативно-розыскная деятельность. 2022. № 1 (7). С. 13—16.

---

1. Baklanov L. A. Admission of participants in secret operational-search measures to state secrets. Operational-search law, 38—40, 2020. (in Russ.).

2. Legal foundations of operational-search activities. Educational and methodological manual for university students studying in the field of training "Jurisprudence". Ed. by V. V. Alekseeva, D. A. Brazhnikova. Moscow: UNITY-DANA; 2017; 175. (In Russ.).

3. Pavlichenko N. V. "Conspiracy" and "publicity" in operational search activities: content and ratio. Legal science and law enforcement practice, 62—68, 2010. (In Russ.).

4. Schmidt A. A. Guidance in the operational-search activities of the internal affairs bodies. Abstract of the dissertation of the candidate of legal sciences. Khabarovsk; 2012: 24. (In Russ.).

5. Koltsov D. V. Request as a form of implementation of the operational-search measure "Guidance of Certificates" (using the example of the economic security and anti-corruption unit of the Ministry of Internal Affairs of Russia). Bulletin of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 144—150, 2018. (In Russ.).

6. Lugovik V. F. Operational-search code of the Russian Federation. Author's project. Omsk: Omsk Law Academy; 2014: 94. (In Russ.).

7. Baklanov L. A. New element of the operational-search request. Operational-search activity, 13—16, 2022. (In Russ.).

Бакланов Леонид Анатольевич,
доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности органов внутренних дел
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
kubkaz@rambler.ru

Baklanov Leonid Anatolyevich,
associate professor at the department
of operational-search activities
of the Internal Affairs Bodies
of the Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
kubkaz@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 06.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 06.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.102

doi: 10.25724/VAMVD.A030

**ИНТЕГРАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ
ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ЕДИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ
ОБМЕНА ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫМИ ДАННЫМИ**

Владимир Батоевич Батоев,

ФКУ НПО «СТиС» МВД России, Москва, Россия, vbatoev@mail.ru

Аннотация. В условиях развертывания четвертой промышленной революции основным трендом развития общества принято считать массовое внедрение киберфизических систем, инновационных технологий обработки и передачи данных в производство и жизнедеятельность человека. Цифровая информация приобрела ключевое значение во всех отраслях экономики, а человеческий труд претерпевает преобразования от компьютеризации в масштабах, которые мы только начинаем осознавать. В данной работе освещен один из аспектов «информационной революции» в отдельно взятой области. Иными словами, рассматривается влияние информационных технологий обработки и анализа информации на процесс информационного обеспечения правоохранительной деятельности в целом, оперативно-разыскной деятельности в частности.

Обосновывается мысль о том, что цифровизация общества и государства призвана сократить рутинный труд, интеграция информационных массивов — ускорить деятельность субъектов оперативно-разыскной деятельности, побудить их к более эффективному использованию имеющихся информационных ресурсов, что позволит принимать правильные управленческие, организационные, тактические решения, а также решать задачи оперативно-разыскной деятельности на качественно ином информационном уровне.

В статье обозначается перспектива создания единой информационной платформы обмена оперативно значимой информацией, указываются имеющиеся недостатки, предложены пути их устранения, приведены примеры передового международного опыта по вопросам интеграции информационных массивов государственных и иных органов в единое цифровое пространство и их использования при решении задач борьбы с преступностью.

Ключевые слова: цифровизация, оперативно-разыскная деятельность, X-Road, интеграция, информационное обеспечение, искусственный интеллект, большие данные, достоверная информация, объединение, платформа, данные

Для цитирования: Батоев В. Б. Интеграция информационных ресурсов органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность: перспективы создания единой государственной цифровой платформы обмена оперативно-разыскными данными // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 144—151. doi: 10.25724/VAMVD.A030

**INTEGRATION OF INFORMATION RESOURCES OF BODIES
CARRYING OUT OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES:
PROSPECTS FOR CREATING A UNIFIED STATE
DIGITAL PLATFORM FOR THE EXCHANGE
OF OPERATIONAL SEARCH DATA**

Vladimir Batoevich Batoev,

FKU NPO "STiS" of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, vbatoev@mail.ru

Abstract. As the fourth industrial revolution is unfolding, the main trend in the development of society is the mass introduction of cyber-physical systems and innovative technologies for data processing and transmission

in production and human activities. Digital information has become of key importance in all sectors of the economy, and human labor is undergoing transformation from computerization on a scale that we are only beginning to realize. This paper highlights one aspect of the "information revolution" in a particular field. In other words, it examines the impact of information technology processing and analysis of information on the process of information support of law enforcement activity in general, and operational-search activity in particular.

The article substantiates the idea that the digitalization of society and the state is designed to reduce unnecessary work, the integration of information arrays is designed to accelerate the activities of agents of detective-search activity, to encourage them to more effective use of existing information resources that will allow to make the correct management, organizational, tactical decisions, as well as solve problems of detective-search activity at a qualitatively different level of information.

The article outlines the prospect of creating a unified information exchange platform operationally significant information, specifies the existing shortcomings and proposed ways to address them. The article presents examples of best international experience on the integration of information files of state and other bodies into a single digital space and their use in solving problems of combating crime.

Keywords: digitalization, operational-search activity, x-road, integration, information support, artificial intelligence, big data, reliable information, association, platform, data

For citation: Batoev V. B. Integration of information resources of bodies carrying out operational search activities: prospects for creating a unified state digital platform for the exchange of operational search data. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 144—151, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A030

Ежедневно субъектам оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) приходится добывать, хранить, обрабатывать, анализировать постоянно нарастающие массивы цифровой информации, объем которых постоянно увеличивается и уже настолько обширен¹, что трудно представить спектр задач, которые возможно разрешить посредством их анализа и обработки.

Цифровизация практически всех сфер общественных отношений на фоне развертывания четвертой промышленной революции явилась естественным процессом, а жизнедеятельность человека все больше и больше интегрируется с современными технологическими решениями. Сложно представить современную реальность бытия индивидуума в социуме без оказания государственных онлайн-услуг, цифровой идентификации, цифровой подписи, электронного документооборота, интернет-голосования, онлайн — медицинских услуг, электронной налоговой декларации и др.

Бурное развитие и взятие курса в данном направлении правительствами большинства стран мира стало нормой. Инструментом устойчивого развития стала растущая тенденция отечественного электронного правительства, активно внедряющая практику оказания электронных услуг, использования инструментов электронного правительства для усо-

вершенствования управления и регулирования общественных отношений. Такая тенденция нашла отражение в разработке и реализации национальных программ и стратегий развития общества и государства².

Разумеется, цифровизация плотно укрепилась в правоохранительной сфере, перед которой уже поставлены задачи по цифровому преобразованию деятельности в ближайшей перспективе [1]. Вместе с тем стратегия формирования электронного правительства, цифровизации его деятельности стоит на особом контроле общества и государства [2].

Основные положения цифровой стратегии ставят перед органами исполнительной власти в целом и субъектами ОРД в частности задачи по переходу от аналоговых электронных и механических устройств к цифровым, где ключевым направлением является формирование цифрового пространства, интеграция вычислительных ресурсов в физические процессы, доминирование электронного документооборота, объединение в единую платформу имеющихся информационных систем, баз данных, источников цифровой информации и др.

Особый акцент сделан на аспектах внедрения и использования современных технологий, обеспечивающих доступ, обработку, хранение, кластеризацию и анализ информации более простым и менее затратным способом, что является одним из основ-

¹ По данным исследования, проведенного аналитиками компании International Data Corporation (IDC), в 2020 г. общий объем сгенерированных цифровых данных составил 64,2 зеттабайта (1 зеттабайт — это миллиард терабайт). По прогнозам специалистов, объем цифровых данных в мире к 2025 г. составит 175 зеттабайт.

² См. более подробно: Стратегия развития информационного общества Российской Федерации 2017—2030 гг.: утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ных посылов политики формирования цифрового пространства [3]. Иными словами, нужна автоматизация рабочих процессов с использованием современных цифровых технологических решений 4.0, таких как большие данные¹ [4], искусственный интеллект², интернет вещей³, облачные вычисления⁴ и др.

¹ В общем смысле Big Data (большие данные) — это совокупность структурированной и неструктурированной информации, генерируемой и поступающей из различных источников в объеме, не позволяющим ее обработать вручную, при этом обрабатываемой автоматизированным путем, хранящейся и передаваемой в электронно-цифровой форме.

² Искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. (См. более подробно: Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.: утв. указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». П. «а», ч. 5, разд. I. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

³ Интернет вещей — концепция вычислительной сети физических предметов, оснащенных встроенными технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой, рассматривающая организацию таких сетей как явление, способное перестроить экономические и общественные процессы, исключаяющее из части действий и операций необходимость участия человека. (См. более подробно: Об утверждении методических рекомендаций для внедрения в основные общеобразовательные программы современных цифровых технологий: распоряжение Минпросвещения России от 18 мая 2020 г. № Р-44. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. (разработан Минэкономразвития России). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

⁴ Облачные вычисления — информационно-технологическая модель обеспечения повсеместного и удобного доступа с использованием сети Интернет к общему набору конфигурируемых вычислительных ресурсов («облаку»), устройствам хранения данных, приложениям и сервисам, которые могут быть оперативно предоставлены и освобождены от нагрузки с минимальными эксплуатационными затратами или практически без участия провайдера. (См. более подробно: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 гг.: утв. указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 гг.». П. «и», ч. 4, разд. I. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

В практике ОРД новый подход к получению нового цифрового знания (оперативно значимой информации) подразумевает решение таких практико-ориентированных задач, как создание соответствующей высокотехнологичной цифровой инфраструктуры; интеграция информационных массивов различных видов и уровней; сокращение операционных издержек при поиске информации, ее обработке и анализе; появление новых форм аналитики и получения исчерпывающих данных; использование технологий искусственного интеллекта и больших данных и др., и в то же время проработка аспектов организационно-штатного, кадрового, материально-технического и финансового обеспечения [5].

Первостепенное значение при построении единого цифрового пространства в сфере ОРД имеет специфика интеграции информационных массивов различных видов и уровней ее субъектов. Изучение практики показывает, что информационные массивы субъекты ОРД формируют каждый в отдельности, а их качественные характеристики не лишены признаков разрозненности, противоречивости, дублирования, отсутствия оцифрованности и др., а в ряде случаев вопросы обмена информацией вовсе не рассматриваются в силу отсутствия по различным причинам оперативного интереса [6]. Более того, подобная ситуация характерна для функционирования большинства информационных массивов государственных и негосударственных органов, предприятий, учреждений, действующих на территории нашего государства.

Естественным следствием в сложившихся условиях является наличие негативных моментов в особенностях информационного обеспечения ОРД. Сформировавшийся информационный «голод» заметно сужает вариативность субъектов ОРД по вопросам выбора сил и средств при осуществлении оперативно-разыскных действий, существенно сокращает информационную картину в той или иной оперативно-тактической ситуации. Так, в сложившейся ситуации в силу разрозненности информационных баз данных одно и то же лицо фактически в рамках сбора и систематизации сведений, проверки и оценки результатов ОРД, а также принятия на их основе соответствующих решений субъектами ОРД может являться ключевым звеном по нескольким делам оперативного учета у разных субъектов ОРД. Справедливо возникает вопрос о возможной прогнозируемой эффективности подготовки и проведения оперативно-разыскных мероприятий и действий при соблюдении условия, когда действия субъектов ОРД объединены постоянным обменом оперативно значимой информацией,

концентрирующей в единой информационной базе оперативно-разыскных данных. Ответ в данном случае очевиден.

Рассуждая об интеграции информационных массивов субъектов ОРД и дальнейшем формировании единой государственной цифровой платформы обмена оперативно-разыскными данными (далее — ЕОРД), важно иметь в виду, что наполняемость такой платформы предполагает сбор, обработку, кластеризацию, анализ различной информации открытого и закрытого характера всех субъектов ОРД. Это подразумевает решение задач по вопросам компетентности, подконтрольности и субординации субъектов, многоуровневости доступа к ней, возможности создания и функционирования закрытого защищенного электронного документооборота [7] и обмена информацией с применением технологий кодирования, шифрования, криптографии, стеганографии с соблюдением соответствующих требований по информационной безопасности.

Кроме того, интеграция в ЕОРД подразумевает решение вопросов постоянного наполнения и обновления информации, поступающей из массивов иных государственных органов, предприятий, учреждений и организаций различных форм и видов, с ее последующей обработкой с применением технологий искусственного интеллекта, больших данных и др. На законодательном же уровне потребуются проработка вопросов вменения организациям, предприятиям и учреждениям различных форм по предоставлению доступа к необходимой информации и ее интеграции с системами правоохранительного блока, единого цифрового правительства и пространства. Важно иметь в виду, что с точки зрения обеспечения негласности, соблюдения мер конспирации, а также безопасности самих органов, осуществляющих ОРД, предоставление доступа к информационным массивам должно исключать возможность контроля за действиями субъектов ОРД в информационных базах данных по аналогии с требованиями к системам технических средств для обеспечения функций оперативно-разыскных мероприятий (СОРМ), когда у провайдера или оператора связи технически исключена возможность располагать информацией о произведенных действиях субъектами ОРД на принадлежащих им каналах связи.

Независимо от определения головного субъекта-распределителя по вопросам функционирования ЕОРД подобная платформа открывает новые перспективы развития ОРД и может обеспечить следующие преимущества для системы правоохранительной деятельности в целом и для каждого субъекта ОРД в частности:

— создание защищенного единого информационного пространства с принципом однократного ввода информации и обеспечения достоверности данных;

— предоставление актуальной и достоверной информации;

— взаимодействие различных информационных систем и обмен данными друг с другом;

— существенное сокращение временных, материальных затрат и человеческих ресурсов за счет интегрированной автоматизации ресурсов и распределения СУБД;

— устранение ошибок, «человеческого фактора» при принятии решений на основе анализа достоверной информации;

— обезличивание и полная подконтрольность пользователей с минимизацией возможностей для исключения конфликта интересов, коррупционной и иной составляющей;

— организация взаимодействия субъектов ОРД в контролируемой, предсказуемой и прозрачной форме.

Разумеется, несмотря на перечисленные преимущества, подобные интегративные переходы, как показывает практика, не могут быть одобрены самими субъектами ОРД. Подобное, как правило, объясняется возможной утечкой информации с ее неблагоприятными последствиями. Более того, практическая реализация такой инициативы создает вопросы к существующей инфраструктуре и действующей системе взаимодействия и обмена информацией между субъектами ОРД:

— повышение технических, кадровых, правовых, организационных требований к субъектам, осуществляющим ОРД;

— привлечение дополнительного финансирования для приобретения и разработки оборудования, программного обеспечения, обучения сотрудников, обеспечения защиты информации от утечки и иных угроз;

— увеличение риска совершения кибератак на ЕОРД, разглашения и распространения персональных данных, закрытой и иной конфиденциальной информации и др. [8].

На самом деле, учитывая мировые тенденции в сфере правоохранительной деятельности, передовой опыт применения предиктивных технологий прогнозирования преступной активности объектов оперативной заинтересованности, можно прийти к выводу, что в отечественном укладе в вопросах осуществления полицейской, оперативно-разыскной, уголовно-процессуальной и иной правоохранительной деятельности в основном сделан упор

на карательные формы и методы, где, в частности, задача по предупреждению преступлений носит формальный характер, так как не является показателем оперативно-служебной деятельности и не подлежит количественно-качественному оцениванию. Анализ деятельности правоохранительных органов иностранных государств показывает, что в США, странах Европы основным вектором дальнейшего их развития является формирование упреждающей модели правоохранительной деятельности на основе использования информации из интегрированных в единое пространство информационных баз данных с применением технологий искусственного интеллекта, больших данных и др.

Полагаем, что невозможность формирования единой информационной базы субъектов ОРД можно объяснить непринятием во внимание эффективного передового международного опыта в силу различных причин, и самое главное, отсутствием собственного опыта использования объединенных информационных ресурсов не только на уровне субъектов ОРД, но и на уровне иных государственных и негосударственных информационных массивов в целом.

В целях выработки такого опыта для начала (с учетом основной роли и доли участия органов внутренних дел в выявлении, предупреждении и раскрытии преступлений в целом) предлагается интегрировать информационные массивы оперативных подразделений органов внутренних дел между собой, в том числе параллельно с иными базами данных государственных и негосударственных формирований. Подобный шаг позволит апробировать данное предложение, впоследствии выявить преимущества и проблемные вопросы, выработать эффективные меры устранения недостатков и обозначить направления совершенствования.

Изучение практики показывает, что основу цифровизации в деятельности органов внутренних дел составляет функционирование единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (ИСОД). Анализ ее эффективности указывает на «наличие внутренних факторов, обуславливающих необходимость дальнейшего развития, к числу которых следует отнести:

— построение большинства сервисов ИСОД МВД России с использованием разнородных технологических решений, зачастую излишне усложненных и дорогостоящих как при разработке, так и в процессе дальнейшей эксплуатации;

— использование практически всеми реализованными в настоящее время сервисами ИСОД МВД России локальных баз данных, содержащих рас-

согласованную и дублирующуюся информацию (одну и ту же справочную информацию, имеющую разную кодификацию, а также списки физических и юридических лиц, транспортных средств и других объектов учета, совместно используемых во многих подразделениях МВД России);

— отсутствие интеграции унаследованной инфраструктуры упраздненной ФМС России с инфраструктурой ИСОД МВД России, а также иных ведомственных информационных систем, разработанных и введенных (не введенных) в эксплуатацию;

— отсутствие единой аппаратно-программной платформы ИСОД МВД России, обеспечивающей возможность оперативного проведения поиска и комплексного анализа накопленной разнородной информации;

— нереализованность в полной мере мероприятий по переходу на российское и (или) свободно распространяемое с открытым исходным кодом программное обеспечение, а также на использование российской микроэлектроники;

— отсутствие ведомственного документа, определяющего направления дальнейшего развития ИСОД МВД России» [9] и др.

Далее рассмотрим передовой международный опыт по отдельным вопросам цифровизации общества в целом и создания ЕОРД в частности. В ряде стран (США, Австралия, Великобритания, Швеция, Финляндия, Япония и др.) на основе принятия мер по информатизации и автоматизации различных процессов практически всех сфер общественной жизни стало возможным проведение интеграции имеющихся информационных массивов различных уровней и разной ведомственной принадлежности.

Это позволило эффективно решать различные задачи, в том числе в сфере ОРД. Подобные системы аккумулируют и кластеризируют разнородную цифровую информацию, обрабатывают и анализируют ее с применением технологий искусственного интеллекта, больших данных, что позволяет в конечном виде получать достоверную и ценную информацию.

Ярким примером успешной цифровизации общества на уровне государства в целом и правоохранительной деятельности в частности выступает программное решение X-Road, внедренное на территории Эстонии, объединяющее информационные массивы 99 % государственных, коммерческих и иных органов. Данная децентрализованная система основана на применении цифровой подписи и шифрования, аутентификации пользователей и обязательной регистрации, где четко

сформирован единый интерфейс и протоколы обмена данными. Использование такой технологии способствовало тому, что на территории Эстонии на каждого гражданина сформировано цифровое «досье», практически все государственные услуги оказываются в электронной форме, а «право на Интернет» является конституционным и др.

X-Road позволяет органам государственной власти интегрироваться в единое информационное пространство, а также подключать негосударственные и коммерческие образования с соответствующей субординацией, определением прав доступа к нему. Отсюда субъекты ОРД в частности и правоохранительной деятельности в целом наделены беспрецедентными возможностями в вопросах поиска оперативно значимой информации о фактах, лицах, событиях и др. Фактически индивидуум в таком оцифрованном обществе не может существовать, не оставляя цифровые следы своей жизнедеятельности, которые имеют важное, а порой и ключевое значение при решении задач обеспечения безопасности общества и государства в целом и оперативно-разыскных задач в частности.

Прогнозируя развитие и дальнейшую эволюцию, приходится задумываться уже сейчас, что в ближайшей перспективе отечественный правоприменитель столкнется с цифровыми паспортами и досье, социальными рейтингами, электронным оперативником, следователем, прокурором или судьей. Так, Верховный суд Китайской Народной Республики в рамках системы «Умный суд» с 2015 г. вменил в обязанности судей при принятии решений консультироваться с искусственным интеллектом, где ему отведена роль по проверке судебных дел, даче рекомендаций об использовании тех или иных законов, имеющих отношение к сути дела. Помимо этого, судьям вменена обязанность по письменной мотивации решения в случае отклонения рекомендаций со стороны искусственного интеллекта. На государственном уровне вменена обязанность по ведению судами единой унифицированной цифровой системы с возможностью доступа судей к цифровым информационным массивам полиции, прокуратуры и иных государственных органов. Построенная на интеграции информационных массивов система в круглосуточном формате обрабатывает и анализирует тысячи судебных решений со всей страны, а данные о вынесенных приговорах передаются в систему социального рейтинга. Суть социального рейтинга простыми словами можно объяснить следующим образом: у каждого гражданина имеется свой рейтинговый балл, который формируется с помощью методов и средств контроля,

используемых в основе интегрированные цифровые информационные массивы. Рейтинговые баллы, в зависимости от их количества, предоставляют человеку возможности или влекут введение ограничений по вопросам жизнедеятельности, начиная бесплатным медицинским обслуживанием и образованием и заканчивая отказом в приобретении тех или иных услуг или в трудоустройстве.

Более того, технологии искусственного интеллекта активно применяются и в деятельности органов прокуратуры КНР. Посредством обработки и анализа огромных массивов интегрированной информации искусственный интеллект принимает участие при оценке имеющихся доказательств, выдвижении следственных версий и др., точность которых составляет порядка 97 %¹.

Думается, что изучение и внедрение передового международного опыта, а также разработка отечественных программных продуктов должны стать основными направлениями на пути к цифровой трансформации правоохранительной деятельности в целом. Для этого существуют множество апробированных форм и методов, основу которых составляет доминирующий принцип перенятия лучших практик, а также кастомизации и адаптации инновационных решений под свои задачи.

В заключение отметим, что глобальная цифровизация общественной жизни не только предоставляет человеку блага и влечет негативные последствия для него, но и предлагает уникальные инструменты повышения эффективности обеспечения его безопасности. Осуществление ОРД в качественно новых высокотехнологичных условиях с применением технологий искусственного интеллекта, больших данных — одна из основных целей для субъектов ОРД, а интеграция и функционирование ЕОРД можно представить эффективным инструментом при решении задач ОРД.

¹ Китайские суды обязали консультироваться с искусственным интеллектом. URL: <https://pravo.ru/news/242025/> (дата обращения: 26.07.2022).

1. Миронов С. Б., Миронова Т. Б. Единая автоматизированная информационная система контроля, учета и координации оперативно-розыскных действий правоохранительных органов: необходимость или излишество? // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 2 (10). С. 94—100.

2. Фальшина Н. А. Основные приоритеты правовой политики Российской Федерации в сфере цифровизации // Философия права. 2022. № 1 (100). С. 106—110.

3. Мадатов Я. Г. Единое информационное пространство как основа декриминализации экономики России // Вестник экономической безопасности. 2010. № 9. С. 89—92.

4. Батоев В. Б. «Большие данные (big data)» и предиктивная аналитика в оперативно-розыскной деятельности: проблемы использования и пути решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1 (52). С. 11—17.

5. Горошко И. В. Цифровизация — современный тренд развития правоохранительных органов // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2022. № 2. С. 94—106.

6. Брылев В. И., Лях Л. А. Получение и анализ оперативно-розыскной информации о преступной деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 5-2. С. 3—6; Ageev V. V., Ageeva E. V. К вопросу о поиске оперативно-розыскной информации в Интернете // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 1. С. 65—70.

7. Звонарева А. Ю. Документационное обеспечение управления в органах внутренних дел Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1 (53). С. 40—47.

8. Сценарный анализ проблем трансформации правоохранительной системы в условиях цифровизации / С. А. Бочкарев, В. В. Кульба, И. В. Чернов [и др.] // Вопросы безопасности. 2019. № 4. С. 36—65; Ежеля А. А. Проблемные вопросы использования автоматизированных баз данных в оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы права: теория и практика: сб. науч. работ. Краснодар, 2005. Вып. 4. С. 313—318.

9. Конюшев В. В., Кубасов И. А., Шапкин А. В. МВД России: Дорога к искусственному интеллекту // Искусственный интеллект (большие данные) на службе полиции: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Москва: Академия управления МВД России, 2020. С. 236—243.

1. Mironov S. B., Mironova T. B. A unified automated information system for monitoring, recording and coordinating the operational-search activities of law enforcement agencies: a necessity or an excess? *Siberian criminal procedure and forensic readings*, 94—100, 2016. (In Russ.).

2. Falshina N. A. The main priorities of the judicial policy of the Russian Federation in the field of digitalization. *Philosophy of Law*, 106—110, 2022. (In Russ.).

3. Madatov Ya. G. A single information space as a basis for the decriminalization of the Russian economy. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*, 89—92, 2010. (In Russ.).

4. Batoev V. B. "Big data (big data)" and predictive analytics in investigative activities: problems of use and solutions. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 11—17, 2020. (In Russ.).

5. Goroshko I. V. Digitalization — a modern trend in the development of law enforcement agencies. *Scientific and analytical journal Obzrevatel — Observer*, 94—106, 2022. (In Russ.).

6. Brylev V. I., Lyakh L. A. Obtaining and analysis of operational-search information about criminal activity. *Bulletin of the Tula State University. Economic and legal sciences*, 3—6, 2013; Ageev V. V., Ageeva E. V. On the issue of searching for operational-search information on the Internet. *Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law*, 65—70, 2011. (In Russ.).

7. Zvonareva A. Yu. Documentary support of management in the internal affairs bodies of the Russian Federation: problems and development prospects. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 40—47, 2020. (In Russ.).

8. Bochkarev S. A., Kulba V. V., Chernov I. V. (et al.) Scenario analysis of the problems of transforming the law enforcement system in the conditions of digitalization. *Security Issues*, 36—65, 2019; Yezhelya A. A. Problematic issues of using automated databases in operational-investigative activities. In: *Actual problems of law: theory and practice. Collection of scientific works*. Krasnodar, 2005. Vol. 4: 313—318. (In Russ.).

9. Konyushev V. V., Kubasov I. A., Shapkin A. V. Ministry of Internal Affairs of Russia: The road to artificial intelligence. In: *Artificial intelligence (big data) in the service of the police. Collection of articles of the International scientific-practical conference*. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020: 236—243. (In Russ.).

Батоев Владимир Батоевич,
научный сотрудник
ФКУ НПО «СТиС» МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
vbatoev@mail.ru

Batoev Vladimir Batoevich,
researcher
of the FKU NPO "STiS"
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
vbatoev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 12.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 12.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.9

doi: 10.25724/VAMVD.A031

**ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ
В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХИЩЕНИЯМ
ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ**

Юлия Владиславовна Контемирова*, **Мария Юрьевна Тарасова****, **Михаил Андреевич Шматов*****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, contemirova@yandex.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, tarasovawo.mariya@yandex.ru

*** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, vitaliyshmatov@mail.ru

Аннотация. В современных условиях хищение и реализация автотранспорта приобрели межрегиональный и транснациональный характер. Развитию данного вида криминального бизнеса, приносящего огромные доходы, способствуют постоянно растущие цены на автотранспортные средства и, как следствие, увеличивающаяся криминальная выгода лиц, совершающих хищения и преступления коррупционной направленности во властных и контролирующих структурах.

Анализ оперативной обстановки свидетельствует о низком уровне организации работы по линии противодействия незаконному завладению транспортными средствами с целью хищения на территории районного органа внутренних дел, где раскрытие преступлений затрудняется отсутствием камер наружного наблюдения, профилактические мероприятия не проводятся (в том числе среди владельцев, которые оставляют автотранспорт открытым с документами и ключами, а также в неисправном состоянии на длительный период).

В научной статье на основе изучения правоприменительной практики оперативных подразделений органов внутренних дел по противодействию хищениям транспортных средств обозначены актуальные проблемы, возникающие при осуществлении оперативно-разыскной деятельности и свидетельствующие о необходимости повышения эффективности принимаемых мер со стороны государства и органов власти, а также выработаны рекомендации, направленные на выявление и раскрытие преступлений в указанной сфере.

Ключевые слова: противодействие, хищение, легализация транспорта, организованная преступность, автотранспортные средства, профилактика, оперативно-разыскная деятельность

Для цитирования: Контемирова Ю. В., Тарасова М. Ю., Шматов М. А. Приоритетные направления законодательного регулирования отношений в сфере противодействия хищениям транспортных средств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 152—157. doi: 10.25724/VAMVD.A031

**PRIORITY DIRECTIONS OF LEGISLATIVE REGULATION
OF RELATIONS IN THE SPHERE OF COUNTERING
THEFT OF VEHICLES**

Yulia Vladislavovna Kontemirova*, **Maria Yurievna Tarasova****, **Mikhail Andreevich Shmatov*****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, contemirova@yandex.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, tarasovawo.mariya@yandex.ru

*** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, vitaliyshmatov@mail.ru

Abstract. In modern conditions, the theft and sale of motor vehicles have assumed an interregional and transnational character. The development of this type of criminal business, which generates huge profits, contributes to the ever-increasing price of vehicles and, as a result, the increasing criminal benefits for the perpetrators of embezzlement and corruption-related crimes in power and control structures.

Analysis of the operational situation shows a low level of organization of work in the area of countering the illegal seizure of vehicles for the purpose of theft on the territory of the district internal affairs body, where the detection of crimes is hampered by the absence of surveillance cameras, preventive measures are not carried out (including among owners who leave vehicles open with documents and keys, as well as in a bad condition for an extended period).

The scientific article, based on the study of the law enforcement practice of the operational units of the internal affairs agencies to counter theft of vehicles, highlight current problems encountered in the conduct of operational activities and demonstrate the need to improve the effectiveness of measures taken by the State and authorities and recommendations with a view to identifying and uncovering crimes in this area were drawn up.

Keywords: counteraction, theft, legalization of transport, organized crime, motor vehicles, prevention, operational and search activity

For citation: Kontemirova Yu. V., Tarasova M. Yu., Shmatov M. A. Priority directions of legislative regulation of relations in the sphere of countering theft of vehicles. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 152—157, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A031

Изменения политической ситуации в стране на фоне санкционного кризиса объясняют сложившийся дефицит запасных частей, узлов и агрегатов на автомобили импортного производства, а также резкое увеличение их стоимости.

Вместе с тем в настоящее время поступление новых импортных автомобилей на рынок фактически приостановлено. Более того, большинство автомашин российского производства комплектуются импортными деталями, что при разрыве логистических цепей поставок и невозможности быстрой альтернативы по их замещению ставит в затруднительное положение автомобильную промышленность России.

Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Российской Федерации Владимир Колокольцев на расширенном заседании коллегии МВД России акцентировал внимание на снижении количества хищений транспортных средств на 79 % за последние 10 лет¹.

Снижение регистрации преступлений указанной категории в определенной степени обусловлено продолжающимся периодом введения трансграничных антиковидных мер и падением зарубежного спроса на российском автомобильном рынке.

По статистическим данным ИЦ ГУ МВД России по Волгоградской области, за 5 месяцев 2022 г. зарегистрировано 71 (АППГ — 59, или +20,3 %) преступление, связанное с кражами транспортных средств, раскрыто 17 (АППГ — 26), приостановлено производством 42 (АППГ — 35), раскрываемость снизилась на 13,8 % (с 42,6 до 28,8 %), из них краж автомобилей зарегистрировано 45 (АППГ — 40, или +12,5 %), раскрыто 12 (АППГ — 20), приостановлено 29 (АППГ — 24, +5), раскрываемость снизилась на 16,2 % (с 45,5 до 29,3 %)².

Вместе с тем отмечаются растущие профессионализм и уровень организованности преступ-

ников. До 80 % преступлений рассматриваемого вида совершаются организованными группами, которые активно противодействуют раскрытию и расследованию этих преступлений.

Как отмечает П. В. Эрохин, «современная организованная преступность представляет собой гибридный тип, сформированный из участников региональных и местных ОПГ общеуголовной направленности, в том числе специализирующихся на криминальном автобизнесе, хищении автомашин с применением современных информационных технологий, средств визуального и технического контроля» [1, с. 65].

Участники криминального автобизнеса действуют на всей территории государства, обладают транснациональными связями, абсолютно ориентированы на закономерности изменения ситуации на автомобильном рынке, тем самым получая огромный доход от противоправной деятельности. Организованные группы, специализирующиеся на кражах автомашин, имеют четкое руководство и распределение ролей, необходимое оборудование для совершения преступлений и последующего внесения изменений в идентификационные обозначения частей и агрегатов, места «отстоя», рынок спроса «под заказ» и сбыта для последующей легализации похищенного транспорта на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Своевременное установление корреляционных связей между способом совершения краж автотранспорта, предметом посягательства, личностью потерпевшего и личностью преступника позволяет точно и полно осуществить классификацию конкретных следственных ситуаций, а также способствует построению алгоритма следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, необходимых для отработки версий и формирования доказательственной базы [2, с. 126—128].

Расследование краж автотранспорта невозможно без оперативного сопровождения и проведения всего комплекса оперативно-разыскных мероприятий [3, с. 185].

¹ Заседание коллегии МВД России от 17 февраля 2022 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795> (дата обращения: 25.06.2022).

² Статистический отчет ИЦ ГУ МВД России по Волгоградской области за 5 месяцев 2022 г.

В то же время очередной проблемой для правоохранительных органов становится совершение мошеннических действий под видом хищений дорогостоящего автотранспорта, приобретенного организацией (гражданином) по лизинговым (кредитным) обязательствам, а также автомашин, застрахованных по КАСКО.

В первом случае злоумышленники оформляют так называемую фирму-однодневку на подставное лицо, показывают балансовую отчетность предприятия, заключают договор лизинга для приобретения автомашины премиум-класса, при этом одним из условий является оформление полиса КАСКО, производят первоначальный взнос и несколько последующих выплат по договорным обязательствам, далее по заранее намеченному преступному плану сбывают автомашину зарубеж по заниженной стоимости, а после ее постановки на регистрационный учет в другом государстве и возврата российских документов на автомашину обращаются в правоохранительные органы с заявлением по факту кражи.

Во втором случае злоумышленники инсценируют факт хищения автомашины в целях получения страховых выплат в полном объеме по договору КАСКО. В дальнейшем автомашина может быть реализована на разбор или подвергается идентификационным изменениям для последующего использования с другими документами.

В указанных ситуациях потерпевшей стороной выступает страховая компания, которая по закону обязана возместить материальный ущерб лизинговой компании (кредитной организации) и физическому лицу, застраховавшему транспортное средство.

Перечисленные обстоятельства дают основания полагать, что проблема эффективности противодействия преступным посягательствам в сфере незаконного завладения транспортными средствами с целью хищения остается весьма актуальной.

На современном этапе развития IT-технологий определенное беспокойство вызывает отсутствие единой базы дорожно-транспортных происшествий (ДТП), согласно заключениям страховых компаний, не подлежащих восстановлению, по которым производились страховые выплаты. Указанное обстоятельство затрудняет регулирование оборота регистрационных документов и номерных деталей транспортных средств.

В связи с этим необходимо создание единой всероссийской базы ДТП с внесением информации идентификационного характера о регистрационных документах, владельце, лице, находившемся за управлением, месте, времени совершения,

повреждениях, результатах осмотра специалистом с приложением фототаблиц, размерах страховых выплат или без таковых.

Наличие систематизации позволит сотрудникам ГИБДД при осуществлении регистрационных действий получить возможность дополнительной проверки транспортных средств путем направления на автотехническое исследование (при наличии информации о фактах ДТП с повреждениями, исключающими возможность дальнейшей эксплуатации) для установления подлинности идентификационных номеров и представленных документов на автотранспорт.

Кроме того, единая база, на наш взгляд, будет способствовать выявлению лиц, совершающих мошеннические действия в сфере автострахования на всей территории Российской Федерации.

При осуществлении преступных намерений по легализации автотранспорта для дальнейшего использования основными способами остаются изменение VIN-номера на кузове и шасси автомашины путем сварки металлических пластин, заготовленных с «донора», ударное изменение трафаретом отдельных цифр, замена заводских табличек на подложные в местах их расположения.

Вместе с тем все современные автомашины оборудованы электронным блоком управления, в информационную базу которого внесены марка, модель, номер кузова, шасси, двигателя и модификация. Содержащаяся информация не может быть изменена кустарным способом без вмешательства завода-изготовителя.

Указанное обстоятельство создает предпосылки для оснащения ГИБДД техническими средствами для подключения к электронному блоку управления в ходе осмотра автомашины при постановке на регистрационный учет, использование которого способно исключить возможность визуального искажения подлинности идентификационных признаков проверяемого транспорта.

Замена блока управления автомашины, вышедшего из строя, должна производиться только у официального дилера с оформлением соответствующего сертификата, что будет являться одним из оснований для постановки или снятия с регистрационного учета, а при его отсутствии обязательной будет являться процедура прохождения автотехнического исследования.

В настоящее время сделка по переходу права собственности движимого имущества, предусматривающая оформление договора купли-продажи транспортного средства в простой письменной форме, как нам представляется, имеет существен-

ный недостаток, который выражается в искажении даты составления договора. Это помогает избежать административной ответственности за несвоевременную постановку автомашины на регистрационный учет, дает возможность новому владельцу не производить отчислений транспортного налога, варьировать сумму денежных средств, за которые был продан автомобиль, что исключает необходимость уплаты налога бывшего владельца на прибыль.

Основным недостатком указанной процедуры при выявлении автотранспорта с «криминальным прошлым» является отражение недостоверной информации о количестве фактических владельцев, что затрудняет процесс отождествления личности «промежуточных звеньев» от первоначального собственника к покупателю. Особенно это касается автомашин после ДТП, не подлежащих восстановлению, когда владелец продает транспортное средство в аварийном состоянии с документами на разбор или «перекупщикам». На протяжении определенного времени автомашина не эксплуатируется, а после, в исправном состоянии, проходит регистрационные действия по договору купли-продажи от первоначального собственника на покупателя. По причине возникших сомнений в подлинности VIN-номера и документов на автомашину в рамках материала процессуальной проверки устанавливается факт продажи автомашины первоначальным собственником с документами неизвестным лицам на разукомплектование без сохранения договора. Договор с настоящим владельцем при этом не оформлялся.

В данном случае формально в действиях (бездействиях) покупателя усматриваются признаки преступления, предусмотренного ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации (подделка официального документа, предоставляющего права, в целях его использования), а именно предоставление договора купли-продажи, определяющего право собственности для постановки транспортного средства на регистрационный учет в ГИБДД.

Кроме того, в ходе проведения автотехнического исследования может быть установлен факт подделки или изменения идентификационного номера транспортного средства. В то же время новый владелец утверждает, что стал «жертвой» мошенников, которые продали ему криминальный автомобиль. В результате органами дознания возбуждается уголовное дело в отношении неустановленного лица по признакам преступления, предусмотренного ст. 326 Уголовного кодекса Российской Федерации, перспективы расследования которого вряд ли будут оценены положительно.

Обозначенные недостатки существующих договорных отношений, не предусматривающих юридических обязательств и последствий, требуют разработки урегулированного механизма в сфере оборота транспортных средств.

В связи с этим представляется возможным предложить процедуру оформления комиссионных сделок купли-продажи поддержанных транспортных средств, возложив обязанность по их проведению на страховые компании и юридических лиц, вид деятельности которых связан с перепродажей автомашин по системе trade-in.

Во-первых, при наличии единой базы ДТП и страховых выплат страховые компании и юридические лица при оформлении сделки будут выступать гарантом установления договорных обязательств и удостоверяют факт передачи предмета и денежных средств между сторонами договора. Что, в свою очередь, обезопасит покупателя от нежелательных последствий, которые могли быть скрыты продавцом.

В случае продажи автомашины на разбор или самостоятельного разбора автомашины владельцем и продажи неповрежденных деталей обязательным является аннулирование регистрационных действий, утилизация документов и государственных регистрационных знаков, в том числе если шасси с VIN-номером не имеет существенных повреждений и может быть использовано для оборудования другой автомашины. При постановке транспортного средства на регистрационный учет с конструктивными идентификационными изменениями, проводится автотехническое исследование, по результатам которого автовладельцу выдается направление в аккредитованную организацию для нанесения дополнительной маркировки с выдачей соответствующего сертификата, о чем вносится отметка в свидетельстве о регистрации транспортного средства (далее — СТС).

Во-вторых, присутствие продавца удостоверяет его личность, сводит к минимуму возможность владения транспортом третьими лицами и позволяет установить реальных собственников.

В-третьих, предотвратит факт подделки договоров купли-продажи и обеспечит передачу электронных копий договоров в ГИБДД для исключения несвоевременной регистрации транспорта, а также в налоговые органы в целях выявления недобросовестных налогоплательщиков и снятия обязанности по уплате транспортного налога с продавца, в некоторых случаях — уплате налога на прибыль.

Внедрение процедуры проведения комиссионных сделок создаст предпосылки для пополнения Феде-

ральной информационной системы ГИБДД в целях объективного контроля всего периода эксплуатации каждого транспортного средства.

Указанную процедуру, на наш взгляд, можно рассматривать как один из методов противодействия криминальному автобизнесу на территории российского государства в современных условиях.

Актуальным остается вопрос легализации похищенного автотранспорта на территории других государств, где лица, участвующие в криминальном автобизнесе, в настоящее время отказываются от схемы использования «перегонщиков» и беспрепятственно отправляют целые партии автомобилей на автовозе, осмотр которых производится формально, ограничиваясь проверкой АИПС «Автопоиск» соответствия документов и государственных регистрационных знаков.

Кроме того, при личном вывозе транспортного средства на территорию другого государства водитель и пассажиры проходят пограничный контроль, данные об их личности вносятся в АИС ИБД-Ф, однако указанное правило не распространяется на автомашины, доставляемые на платформе, которые не проходят соответствующей пограничной регистрации.

Для урегулирования отношений в пограничной сфере успешно будет действовать предложенная процедура оформления договорных обязательств между страховыми компаниями и юридическими лицами, осуществляющими деятельность по системе trade-in, с одной стороны, и организациями, оказывающими услуги по транспортировке автомашин на платформе в иностранные государства, — с другой.

Несомненным является усиление пограничного и таможенного контроля частного ввоза и вывоза транспортных средств на территории Российской Федерации.

В настоящее время переход мировой автомобильной промышленности на электронные паспорта транспортного средства (ПТС) исключает возможность фактического залогового обременения документа при оформлении лизинговых и кредитных обязательств.

Вместе с тем в базе данных залогового имущества должна содержаться указанная информация, что позволит ГИБДД при проведении регистрационных действий в СТС вносить отметку «Лизинг», «Кредит». После погашения кредитных обязательств следует исключение транспортного средства из базы залогового имущества с заменой СТС.

При регулировании международных отношений в сфере противодействия хищениям автотранспортных средств предоставление СТС с такими отметками будет являться основанием для отказа в проведении регистрационных действий на территории других государств.

Как нам представляется, предложенная позиция будет являться одной из действенных попыток пресечения мошеннических действий в кредитно-финансовой сфере.

Изучение практики противодействия преступлениям, связанным с хищениями автотранспорта, открывает ряд существенных проблем в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел.

На законодательном уровне, на наш взгляд, требует юридического закрепления оперативно-разыскное мероприятие «Опрос с проведением психофизиологического исследования в отношении потерпевшего при наличии сомнений в объективности заявленного события преступления».

Обоснованием указанной позиции является предотвращение фактов инсценировок хищений автомашин владельцами в целях совершения мошеннических действий в сфере автострахования (кредитно-финансовой сфере). В данной ситуации сотрудники оперативных подразделений сталкиваются с противодействием самого потерпевшего, который в присутствии адвоката обращается в органы внутренних дел с заявлением о совершенном преступлении. В ходе процессуальной проверки устанавливается наличие полиса КАСКО, что косвенно не исключает преступного замысла потерпевшего, а на предложение пройти психофизиологическое исследование следует категорический отказ. Указанная версия также должна быть отработана в полном объеме, что предполагает дополнительное применение сил и средств оперативно-разыскной деятельности.

Одним из условий раскрытия преступлений данной категории является установление маршрута движения и местонахождения похищенного автотранспорта. В связи с этим можно констатировать недостаток камер наружного наблюдения, а в зависимости от погодных условий немало нареканий вызывает и качество видеофиксации.

В заключение необходимо отметить, что решение обозначенных проблем наряду с организацией и проведением профилактических мероприятий будет способствовать успешному выполнению задач по противодействию преступлениям, связанным с хищениями транспортных средств в современных условиях.

1. Эзрохин П. П. Современная организованная преступность в России: текущий анализ проблемы и перспективы развития теоретических основ оперативно-розыскной деятельности подразделений уголовного розыска по борьбе с организованной преступностью // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 2 (80). С. 63—67.

2. Грибунов О. П. Использование специальных знаний в раскрытии краж автотранспортных средств // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). С. 125—133.

3. Можяева И. П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и перспективы развития: монография. Москва: Юрлитинформ, 2018. 350 с.

Контемирова Юлия Владиславовна,
доцент кафедры оперативно-розыскной
деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
contemirova@yandex.ru

Тарасова Мария Юрьевна,
доцент кафедры оперативно-розыскной
деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
tarasovawo.mariya@yandex.ru

Шматов Михаил Андреевич,
профессор кафедры
предварительного следствия
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации;
vitaliyshmatov@mail.ru

1. Ezrokhin P. P. Contemporary organized crime in Russia: current analysis of the problem and prospects for the development of the theoretical foundations of the operational and investigative activities of criminal investigation units to combat organized crime. Bulletin of the Ufa Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, 63—67, 2018. (In Russ.).

2. Grybunov O. P. The use of special knowledge in the disclosure of motor vehicle theft. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 125—133, 2019. (In Russ.).

3. Mozhaeva I. P. Forensic doctrine on the organization of the investigation of crimes: formation and prospects for development. Monograph. Moscow: Yurлитinform; 2018: 350. (In Russ.).

Kontemirova Yulia Vladislavovna,
associate professor at the department
of operational-search activity and special technique
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
contemirova@yandex.ru

Tarasova Maria Yurievna,
associate professor at the department
of operational-search activity and special technique
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
tarasovawo.mariya@yandex.ru

Shmatov Mikhail Andreevich,
professor at the department
of preliminary investigation
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
honored lawyer of the Russian Federation;
vitaliyshmatov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 20.06.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.102
doi: 10.25724/VAMVD.A032

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ, ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ, ПРОФИЛАКТИКА
И ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ
В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Александр Иванович Мелихов

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, M-13913@ya.ru

Аннотация. В статье через призму действующего законодательства в области обеспечения национальной безопасности и оперативно-разыскной науки рассматривается использование терминов «предупреждение», «предотвращение», «профилактика», «предостережение» в оперативно-разыскной деятельности.

По мнению автора, главной целью правоохранительной деятельности является системное обеспечение национальной безопасности как инструмента управления будущим многонационального народа Российской Федерации. Парадигма обеспечения национальной безопасности должна стать основной методологической платформой для всех уголовно-правовых наук. Самыми большими возможностями оперативного воздействия на будущее обладает оперативно-разыскная деятельность, осуществляя задачу по предупреждению правонарушений, другие отрасли административных и уголовно-правовых наук только дополняют ее уникальный негласный инструментарий своими полномочиями.

Автор придерживается точки зрения, что профилактика правонарушений — это воздействие всех институтов публичной власти на потенциально опасные свойства объектов и навыки субъектов общественных отношений, в то время как предупреждение — одна из основных задач оперативно-разыскной деятельности, направленная на проявление упомянутых опасных свойств. Предупреждение не является частью профилактики — они отличаются субъектами и объектами воздействия. Предостережение, совпадая с предупреждением по объекту воздействия, отличается субъективным составом. Расширение полномочий оперативных сотрудников за счет возможности применения такой формы профилактического воздействия, как предостережение, необходимо для предупреждения любых криминально ориентированных деяний, еще не получивших правовой оценки со стороны государства. По итогам проведенного анализа предложен ряд терминологических уточнений для внесения в действующую Стратегию национальной безопасности, Уголовный кодекс Российской Федерации, федеральные законы «Об оперативно-разыскной деятельности» и «О полиции».

Ключевые слова: предупреждение, предотвращение, профилактика, предостережение, национальная безопасность, оперативно-разыскная деятельность, энтропийная преступность, профессиональная преступность, органы внутренних дел

Для цитирования: Мелихов А. И. Предупреждение, предотвращение, профилактика и предостережение в оперативно-разыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 158—165. doi: 10.25724/VAMVD.A032

**REPRESSION, SUPPRESSION, PREVENTION AND CAUTION
IN OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES**

Alexander Ivanovich Melikhov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, M-13913@ya.ru

Abstract. In the article, through the lens of the current legislation in ensuring national security and operational-search science, the use of the terms "repression", "suppression", "prevention", "caution" in investigative activities is considered.

According to the author, the main objective of law enforcement is the systematic provision of national security as a tool for managing the future of the Russian people of all ethnic groups. The national security paradigm should become the main methodological platform for all criminal law sciences. Operational-search activity have the greatest potential for operational influence on the future. Such activities carry out repression of offenses, while other branches of administrative and criminal law sciences only supplement its unique non-public range of tools with their powers.

The author holds to the view that the prevention of offenses is the influence of all public authorities on potentially dangerous properties of objects and the skills of subjects of public relations, while repression is one of the main tasks of operational-search activities aimed at manifesting the mentioned dangerous properties. Repression is not part of prevention — they differ in subjects and objects of influence. "Caution", coinciding with the repression on the object of influence, differs in subjective composition. The expansion of the powers of operatives due to the possibility of using such a form of preventive action as a "caution" is necessary to prevent any criminally oriented acts that have not yet received legal assessment from the state. Based on the results of the analysis, a number of terminological clarifications were proposed for the current National Security Strategy, the Criminal Code of the Russian Federation, the federal laws "Concerning operational-search activities" and "Concerning the Police".

Keywords: repression, suppression, prevention, caution, national security, operational-search activity, entropy crime, professional crime, internal affairs bodies

For citation: Melikhov A. I. Repression, suppression, prevention and caution in operational-search activities. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 158—165, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A032

Четвертая промышленная революция в условиях краха отечественного образования породила огромную массу населения, руководствующегося ненаучными или устаревшими источниками знаний. Современный российский философ А. Г. Дугин так описывает создавшуюся ситуацию: «Из нашей жизни постепенно исчезает смысл. Количество информации, которая валится нам на голову, возрастает в геометрической прогрессии. Первоисточники благодаря новым технологиям становятся все более доступными, но это не ведет к накоплению знаний. Ясности не только не прибавляется, но наоборот, мы понимаем окружающий нас мир все меньше и меньше.

Это происходит потому, что утрачены критерии понимания, пропала та инстанция в нашем сознании, в нашей культуре, в нашем обществе, которая придает факту, событию, явлению смысл, которая вырабатывает смысл, растолковывает действительность, помещает разрозненные факты в соответствующие ячейки»¹.

Указанная тенденция требует усиления образовательного и воспитательного воздействия на население со стороны традиционных институтов воспитания — религии, общества и государства, что становится особо актуальным в связи с объявлением Президентом Российской Федерации 2023 г. годом педагога и наставника².

В контексте изложенного считаем, что с позиций оперативно-разыскной теории поиск смыслов должен начинаться с принятия представителями науки и практики руководящей роли института

национальной безопасности во всех отраслях не только военной, но и правоохранительной деятельности. Внедрение же парадигмы национальной безопасности как института долговременного планирования во все отрасли права говорит о зрелости нашего государства — о вновь обретенной возможности управлять не только своим настоящим, но и будущим. Однако современная практика оперативно-разыскной деятельности (ОРД), и в первую очередь органов внутренних дел (ОВД), настроена на работу от факта преступления, в то время как встраивание этого вида государственного контроля и надзора в парадигму обеспечения национальной безопасности требует перехода от раскрытия преступлений как устранения последствий реализовавшейся криминальной угрозы национальной безопасности в настоящем к предупреждению криминальных угроз в будущем.

Попробуем разобраться в причинах такого узкого понимания практической роли ОРД в обеспечении национальной безопасности как способа управления будущим многонационального народа России.

Воздействие на будущее в уголовно-правовых науках, охваченных шифром научной специальности 5.1.4, обычно воплощено в терминах «предупреждение», «предотвращение», «профилактика», «предостережение».

Согласно результатам проведенной нами индексации и последующего статистического анализа более 3 000 файлов, содержащих более 6 гигабайт результатов научных исследований в области ОРД, не имеющих ограничительных грифов (в том числе 270 авторефератов и диссертаций, 48 номеров журнала «Сыщик», 52 монографии, 30 учебников и 35 учебных пособий), чаще всего упоминается термин «предупреждение» в источниках оперативно-разыскной науки (1 173 источника) и в СТРАС «Юрист» (6 138 источников), на втором месте —

¹ URL: https://vk.com/wall-2789767_39719 (дата обращения: 16.07.2022).

² О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника: указ Президента Российской Федерации от 27 июня 2022 г. № 401. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

«предотвращение» (676 и 1 785 источников соответственно), на третьем — «профилактика» (614 и 2 356 источников) и меньше всего — «предостережение» (95 и 32 источника).

Чтобы понять причины корреляций перечисленных понятий, раскрыть их роль в обеспечении национальной безопасности как направления воздействия на будущее, необходимо обратиться к Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400) (Стратегия) — общей смысловой матрице долгосрочного планирования в сфере безопасности и Уголовному кодексу Российской Федерации (УК РФ) как нормативному акту, содержащему перечень признанных правом криминальных угроз. Выявленные свойства этих понятий и их распределенность во времени по объекту и субъекту мы применим к сфере ОРД через призму федеральных законов «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ФЗ «Об ОРД»), «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ (ФЗ «О профилактике») и ведомственных нормативных правовых актов МВД России.

Термины «профилактика» и «предостережение» в УК РФ практически не используются, что говорит об их относимости к стадии планируемого субъектами профилактики будущего. УК РФ же охватывает стадию прошлого в рамках сроков давности (за исключением наиболее общественно опасных преступлений (ч. 5 ст. 78 УК РФ)), настоящего и стадию планируемого преступника общественно опасного будущего.

В УК РФ субъектом предотвращения является сам преступник (ч. 2 ст. 26; ст. 27; ч. 2 ст. 28; чч. 4, 5 ст. 31; ч. 2 ст. 39; ч. 2 ст. 41; примечание к статьям 205, 205.1, 275, 282.3 УК РФ). Объектом предотвращения является как преступление, так и его последствия.

В противовес предотвращению субъектом предупреждения является орган власти, устанавливающий предупреждение целью наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ), условием применения отсрочек наказания (ч. 2 ст. 82, ч. 2 ст. 82.1 УК РФ), видом мер воспитательного воздействия, состоящим в разъяснении несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступлений, предусмотренных УК РФ (ч. 2 ст. 90, ч. 1 ст. 91). В примечании к ст. 122 и ч. 2 ст. 180 также прослеживается относимость предупреждения к функциям публичной власти.

В рамках данной логики, на наш взгляд, требует корректировки примечание к ст. 205 УК РФ, где преступник предотвращает террористический акт путем своевременного предупреждения органов власти о нем. В данном случае правильно было бы говорить не о предупреждении, а о сообщении, поскольку именно данный термин используется как родовой для института добровольного отказа от преступления (ч. 4 ст. 31 УК РФ) и иных видовых статьях УК РФ.

В ФЗ «Об ОРД» в одном случае термин «предотвращение» используется верно, когда речь идет о ситуациях, связанных с угрозой нарушения антикоррупционных требований (п. 3 ч. 8 ст. 7), поскольку субъектом предотвращения является потенциальный нарушитель. Во втором случае, в нарушение выявленной нами логики, говорится о «предотвращении угроз противоправного посягательства» как мере социально-правовой защиты граждан, содействующих органам, осуществляющим ОРД (ст. 18). Представляется, что в последнем случае правильно было бы говорить об обязанности данных органов — *предупредить* противоправные посягательства на жизнь, здоровье или имущество содействующих лиц.

Указанная логика прослеживается и в Стратегии, но с оговоркой, что если внутренняя уголовно-правовая парадигма характеризуется императивным методом регулирования, то внешняя международно-правовая — договорным.

В Стратегии о предотвращении упоминается в контексте угроз и ущерба конкретным видам безопасности. Объектами предотвращения выступают не только такие угрозы национальной безопасности, как военные конфликты, применение и использование военной силы, деструктивное воздействие, гонка вооружений, распространение оружия, изменение климата, очаги напряженности и конфликтов, инциденты в военной сфере, недружественные действия. К числу таковых также отнесены разновидности ущерба национальной безопасности (п. 7 ст. 57 Стратегии) (негативные экологические последствия, загрязнение окружающей среды, деградация земель, загрязнение вод). Угрозы и ущерб выступают аналогами преступления и его последствий в уголовно-правовой парадигме. Однако здесь «преступления» не наказуемы — они либо сдерживались и предотвращались, либо причиняли ущерб. «Цена» условного выигрыша в игре «национальная безопасность» — недопущение причинения ущерба, в то время как «цена» в уголовно-правовой игре — наказание виновного. Уголовный процесс в этом отношении — игра

с нулевой суммой (или антагонистическая игра), в которой выигрыш одной стороны конфликта в точности совпадает с проигрышем другой стороны. В то время как национальная безопасность — это игра, требующая создать условия, при которых нанесение ущерба будет невыгодным противнику, а следовательно, либо никто не понесет ущерб, либо оппоненту будет причинен больший вред.

Объектом предупреждения в Стратегии являются конкретные угрозы (биологическая угроза, угрозы информационной безопасности, чрезвычайные ситуации, различные виды преступлений и правонарушений). В отношении правонарушений используется временная связка «прогнозирования, выявления и предупреждения», «предупреждение и пресечение», «предупреждения, выявления и пресечения», «предупреждение и нейтрализация» в отношении неодобряемых действий и тенденций.

Нетрудно заметить, что термин «предупреждение» в подавляющем большинстве случаев используется в контексте преступлений и правонарушений в качестве угроз государственной и общественной безопасности, тогда как «предотвращение» используется применительно к внешним военным и природным опасностям и угрозам, не находящимся в подчинении субъектов обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, сравнение нормативно-правовых матриц национальной безопасности и уголовного права позволяет утверждать, что если объекты предотвращения — преступление (проявление опасности объекта) и его общественно опасные последствия (ущерб безопасности) — в них совпадают, то субъекты предотвращения отличаются. Представляется, что это связано с неоднозначностью самого слова «предотвращение».

С одной стороны, приставка «пред-», образованная от наречия «перед», имеет значение действия, производящегося заранее, однако корень данного слова может означать:

— во-первых, вращение как движение вокруг своей оси, что придает ему, несомненно, субъективные, но распространенные образы, ассоциируемые с обеспечением внешней безопасности нашей страны — неумолимо вращающийся земной шар, приближающийся своим движением время наступления мировых катаклизмов, что пробуждает внутреннее желание остановить его и исправить будущее;

— во-вторых, отвращение обозначает сильную человеческую эмоцию отторжения и неприятия чего-либо, что в случае уголовно-правового контекста добровольного отказа от преступления придает

эмоциональную достоверность раскаянию как чувству отвращения преступника к содеянному им.

Что касается термина «предупреждение», то Стратегия полностью восприняла традицию отношения данного термина к сфере деятельности полиции и специальных служб, оставив ее объект воздействия — источники опасности (события преступления и лиц, его совершающих, подготавливающих или замышляющих) и субъект — публичную власть во взаимодействии с институтами гражданского общества (п. 4 ст. 5 Стратегии). Профилактика в Стратегии упоминается несколько раз, как правило в контексте «единой государственной системы профилактики правонарушений», что говорит о ней как о мере обеспечения государственной и общественной безопасности наряду с упомянутой тут же мерой «обеспечение реализации принципа неотвратимости наказания за совершение преступления», являющейся одной из основных профилактических задач уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной и оперативно-разыскной деятельности и в дальнейшем тексте отразившейся в пп. 8 и 12 ст. 47 Стратегии наряду с предупреждением и пресечением различных видов преступлений и правонарушений (пп. 7, 9, 11, 13, 17 ст. 47 Стратегии) — что позволяет допустить их равнозначное толкование в системе обеспечения государственной и общественной безопасности.

Необходимо отметить и тот факт, что в п. 9 ст. 47 Стратегии упоминается профилактика экстремизма и иных преступных проявлений. Однако на наш взгляд, здесь уже следует говорить о профилактике проявлений радикализма и предупреждении экстремистских и иных преступных проявлений, поскольку экстремизм — одно из преступных проявлений радикализма.

В результате можно сделать следующие выводы. Профилактика, предупреждение, предотвращение и предостережение — это разные по смыслу и содержанию законодательные термины. Несмотря на их не всегда корректное использование в нормативных правовых актах, посредством обращения к духу закона, правилам логики и научным источникам можно утверждать, что профилактика и предупреждение — это отличные друг от друга направления деятельности с разными субъектами и объектами воздействия, поскольку «система профилактики», «предупреждение правонарушений» и «обеспечение неотвратимости наказания за совершенные преступления» — отдельные направления обеспечения национальной безопасности.

Введение института национальной безопасности в отечественное законодательство, помимо

цели управления будущим, ставит задачу консолидации усилий человека, общества и государства в этом направлении. Ту же цель — привлечение всех уровней публичной власти к процессу профилактики правонарушений — ставит перед собой ФЗ «О профилактике». Поэтому профилактикой правонарушений, как и обеспечением национальной безопасности, вправе заниматься все субъекты публичной власти в стране, а предупреждение правонарушений находится только в исключительной компетенции государственных правоохранительных органов и специальных служб.

Предотвращение правонарушения в обоих рассмотренных нормативных правовых актах является правом свободного субъекта в условиях формального равенства, а предупреждение — это обязанность органа или должностного лица, представляющего публичную власть. Однако необходимо понимать, что данные термины имеют одинаковые объекты воздействия — факт проявления свойств опасности объекта в настоящем времени в виде угрозы совершения преступления и его опасные последствия в будущем.

Не менее важным объектом для понимания обозначенной проблематики является установление различия объектов предупреждения и профилактики. Если применить систему понятий теории национальной безопасности к понятию «профилактика», то ее объектом будут представляющие опасность свойства участников общественных отношений и их деятельность, природные и антропогенные объекты и действие природных сил, не проявляющихся (или не создающих угрозы) в настоящем. Данные опасные свойства как раз и выступают причинами и условиями, способствующими совершению правонарушений, т. е. объектом воздействия профилактики.

Разность объектов профилактики и предупреждения обуславливает их отличие и по субъективному составу. Представляющие опасность свойства или причины и условия, способствующие совершению правонарушений, — это очень широкий спектр для деятельности, поскольку причинно-следственные связи существующего мира просто невообразимы. Поэтому ни один отдельный государственный орган не может отвечать за профилактику правонарушений, это дело всех актуальных форм существования многонационального народа Российской Федерации — человека, общества, государства, их объединений и созданных ими продуктов искусственного интеллекта и контроля реальности. «Детская болезнь» времен 1990-х — когда за профилактику правонарушений отвечали только органы правопорядка — прошла, поскольку, к примеру, нести ответственность за увеличение краж

в условиях повсеместной невыплаты зарплаты и отсутствия работы должны все участники общественных отношений, а не только участковый уполномоченный полиции.

Определившись с содержанием понятий, перейдем к дальнейшему анализу законодательства от общего к частному. В действующем ФЗ «Об ОРД» напрямую не говорится о профилактике и предостережении. В ст. 18 названного закона упоминается об обязанности предотвратить противоправные действия в отношении лиц, содействующих органам, осуществляющим ОРД, что, по мнению Б. В. Борина и Я. В. Ищука, позволяет говорить о наличии виктимологической профилактики преступности в рамках ОРД [1, с. 384]. Однако, как мы определились ранее, предотвращение — это действия, направленные на будущее, но осуществляемые самим преступником либо в условиях борьбы равных, несоподчиненных друг другу субъектов.

Комментируя данную норму ФЗ «Об ОРД», Н. С. Железняк верно отмечает, что речь в ней идет об обязанности компетентных правоохранительных органов безотносительно к тому, в отношении кого (содействующего оперативным подразделениям или нет) направлены такие действия [2, с. 60]. Поэтому в комментируемой норме ФЗ «Об ОРД» следует говорить о предупреждении, а не о предотвращении противоправных действий в отношении лиц, содействующих органам, осуществляющим ОРД.

Особого внимания, в контексте рассматриваемой проблематики, заслуживают положения ст. 2 ФЗ «Об ОРД». Так, задачами ОРД наряду с выявлением, пресечением и раскрытием преступлений и установлением лиц, их совершивших или совершающих в настоящем и прошлом, являются предупреждение преступлений, выявление и установление лиц, их подготавливающих, а также добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу пяти различным видам безопасности Российской Федерации. Последние задачи как раз касаются управления будущим.

Если сравнить определения «профилактика правонарушений» (данное в ст. 2 ФЗ «О профилактике») и «предупреждение преступлений органами внутренних дел» (данное в ведомственном приказе¹), то мы увидим, что предупреждение — это недопущение преступлений посредством профилактики. Если же рассматривать основные направления профилактики правонарушений, сред-

¹ О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений (вместе с Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений): приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 (ред. от 28.12.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ства их реализации (ст. 6) и основные задачи ОВД по предупреждению преступлений, установленные этим нормативным правовым актом (ведомственным приказом), то выяснится два противоречивых факта:

— с одной стороны, профилактика правонарушений полностью включает в себя направление предупреждения правонарушений (п. 2 ч. 1 ст. 6);

— с другой стороны, не охватывает некоторые задачи предупреждения преступлений, что не позволяет поставить знак равенства между профилактикой и предупреждением либо утверждать, что предупреждение полностью входит в понятие профилактики.

Первая задача, не охватываемая направлениями и средствами профилактики, предупреждения преступлений ОВД — «привлечение к работе по предупреждению преступлений общественных объединений правоохранительной направленности и граждан», является скорее ее средством, а не задачей, к тому же общественные объединения не являются субъектами профилактики правонарушений (ст. 5 Приказа № 19). Ограничение субъектов профилактики кругом публичной власти обусловлено дискредитацией многих общественных организаций как иностранных агентов и сделано в интересах обеспечения национальной безопасности.

А вот следующую задачу, не охватываемую профилактикой — «установление лиц, осуществляющих приготовление к преступлению и (или) покушение на преступление, и принятие мер по пресечению их противоправной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации», — можно назвать сутью предупреждения — тем, что отличает его от профилактики в системе понятий этих двух нормативных правовых актов. Отметим, что предупреждение преступлений одновременно является и задачей ОРД.

Исходя из данной логики, в ст. 2 ФЗ «Об ОРД» говорится о необходимости упреждения во времени двух объектов: события преступления и лица, его совершающего. Целесообразно ли разделение этих двух объектов — преступления и его создателя? Несомненно, да — поскольку современная преступность может программировать наступление преступных последствий в результате череды своих непроступных действий и опосредуя их действиями других лиц. Помимо этого, если брать временное измерение, то после совершения преступления еще возможно избежать последствий. Таким образом, объектом предупреждения должны являться преступления, лица, их замышляющие, подготавливающие и совершающие, общественно опасные последствия преступления.

Аккумулируя сказанное выше, считаем, что обогатить содержание термина «предупреждение» в ОРД можно за счет норм Стратегии и УК РФ.

В частности, можно не только предупреждать общественно опасные последствия, но и «уменьшать степень общественной опасности преступления» (ст. 64 УК РФ), минимизировать ущерб от совершаемого преступления (п. 7 ст. 57 Стратегии).

Обращает на себя внимание также ФЗ «О полиции», где термин «предупреждение» упоминается 12 раз в контексте направления деятельности полиции, что соответствует ранее определенному нами содержанию понятия. Предотвращение упоминается в правильном контексте конфликта интересов — как добровольная, самокритичная деятельность должностного лица, направленная на недопущение возникновения коррупционных угроз в своей деятельности. В части 4 ст. 16, п. 2 ч. 2 ст. 27 о предотвращении говорят как об обязанности сотрудника полиции, а следовательно — это есть предупреждение в выстроенной нами системе понятий. Предостережение упоминается в смысле, данном этому понятию ФЗ «О профилактике» — как одна из форм профилактики правонарушений и право полиции.

Профилактика названа одним из направлений деятельности полиции (п. 4 ч. 1 ст. 12). Однако насколько это относится к ОРД ОВД? Для этого обратимся к ведомственным приказам МВД России.

Показательно, что в приказе МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» необходимость предотвращения и предостережения чего-либо не упоминается, профилактика упоминается только в контексте числа лиц, состоящих на профилактическом учете. Данный критерий при этом характеризует оценку деятельности только сотрудников подразделений участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних.

Что касается предупреждения, то расчет статистической оценки конечных результатов деятельности территориального органа МВД России производится по показателям направления «Предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений». Однако эти показатели никак объективно не связаны с результатами предупреждения криминальных угроз как средством управления будущим, практически все они касаются уже свершившихся фактов преступлений, побегов и лиц, их совершивших. Исключением является показатель преступности среди лиц, за которыми установлен административный надзор, однако указанный сектор работы касается, опять же, участковых уполномоченных полиции. По нашему мнению, тут как минимум должны быть показатели, отражающие структуру и количество выявленных неоконченных преступлений — количество прекращенных уголовных дел и материалов, по которым отказано в возбуждении уголовных дел на основа-

нии факта добровольного отказа от преступления, а также количество уголовных дел по фактам приготовления к преступлению и покушению на него.

Приказ МВД России «Об утверждении формы статистической отчетности „Профилактика“» от 19 февраля 2015 г. № 269 главным образом направлен на участковых уполномоченных полиции как основных субъектов профилактики в системе МВД России. За исключением учета покушений на изнасилование, тут так же нет показателей по количеству неоконченных преступлений, могущих мотивировать деятельность по предупреждению преступлений сотрудниками оперативных подразделений ОВД, осуществляющих ОРД.

Дисбаланс и противоречивость содержания и соотношения терминов «профилактика», «предупреждение» и «предотвращение» характерны и для оперативно-разыскной теории. Наличие оперативно-разыскной профилактики преступлений как самостоятельной формы ОРД признано в ведомственной образовательной и научной среде. Многие учебники по ОРД (под редакцией К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова, А. Ю. Шумилова, О. А. Вагина, Е. С. Лапина, Ю. Н. Михайлова, А. Е. Чечетина, Т. И. Сайфутдинова и др.) включают главу или параграф об оперативно-разыскной профилактике, 36 из 270 проиндексированных нами диссертаций, защищенных по оперативно-разыскной тематике, упоминают термин «профилактика» более 10 раз, в одной работе указанный термин вынесен в название [3].

В то же время, по устойчивому мнению действующего оперативного состава, основной формой профилактики преступлений является для них обеспечение неотвратимости наказания за совершенное преступление, т. е. общая профилактика преступности.

Согласно ФЗ «О профилактике» субъекты ОРД должны вносить вклад в профилактику правонарушений, поскольку в п. 9 ч. 2 ст. 6 этого закона упоминается о проведении «специальных мер профилактики оперативно-разыскного характера в целях предупреждения правонарушений». Однако анонсированные меры были практически не замечены в открытом сегменте оперативно-разыскной науки. В частности, по результатам поиска в вышеупомянутом массиве научных исследований по ОРД об этих мерах упоминается только в трех статьях авторов, работающих в сфере межотраслевого взаимодействия ОРД с уголовной политикой (Б. В. Борин, Я. Г. Ишук) [1], криминологией и уголовным правом (Д. Е. Некрасов, Г. С. Шкабин) [4, с. 138], административным правом (И. Д. Мотрович, В. В. Семенчук, Е. А. Кулеш) [5].

В настоящее же время, в связи с объединением уголовно-правовых наук в одну специальность, наблюдается борьба за доминирование среди них

за определение общей парадигмы дальнейшего существования [6], и как следствие этого — настоячивые попытки «приспособления» ОРД к выполнению целей и задач смежной уголовно-процессуальной, криминологической, административной и административно-процессуальной деятельности [5] посредством наук административного и уголовно-правового цикла. Однако считаем эту проблему искусственной, так как главной целью всех этих видов деятельности является системное обеспечение национальной безопасности как инструмента управления будущим многонационального народа Российской Федерации и форм его существования. Именно парадигма обеспечения национальной безопасности должна стать основной методологической платформой для всех уголовно-правовых наук. Самыми большими возможностями оперативного воздействия на будущее обладает ОРД, другие отрасли уголовно-правовых наук только дополняют ее уникальный инструментарий негласного воздействия своими полномочиями. Поэтому профилактика — это не дополнительное направление работы для ОВД, осуществляющих ОРД, а расширение их полномочий за счет новых форм профилактического воздействия, предусмотренных данным законом, наряду с их широкими полномочиями в сфере административных правонарушений. В этом контексте должностные лица системы МВД России, уполномоченные осуществлять ОРД, несомненно, являются субъектами профилактики правонарушений в сфере действия ФЗ «О профилактике», поскольку согласно ведомственному приказу¹ правомочны применять как минимум такую форму профилактического воздействия, как объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения.

Указанные полномочия необходимы субъектам ОРД для нейтрализации угроз национальной безопасности либо источников опасности, еще не получивших правовой оценки со стороны государства в виде их криминализации или деликтолизации либо установления особого правового режима или статуса объектов, представляющих опасность.

¹ О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения: приказ МВД России от 4 марта 2020 г. № 119. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Поскольку оперативный сотрудник нередко действует в состоянии правового вакуума, столкнувшись с новыми угрозами и источниками опасности, ему необходимо применять имеющиеся у него полномочия для обеспечения национальной безопасности. Но наличие полномочий в сфере профилактики не делает ее целью ОРД. Попытка обременить ОРД иными задачами, кроме указанных в ФЗ «Об ОРД», приведет к профанации полезности данной деятельности, а именно утрате ее опе-

ративности — высокой скорости реакции на криминальные и иные угрозы национальной безопасности.

Однако мы не можем отрицать профилактического воздействия ОРД на опасные свойства участников общественных отношений, их деятельности и природных и антропогенных объектов. Соответственно, профилактика не является задачей ОРД, но выступает ее побочным результатом и необходима для предупреждения преступлений и правонарушений.

1. Борин Б. В., Ищук Я. Г. Понятие оперативно-розыскной профилактики преступлений // Проблемы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 381—386.

2. Железняк Н. С. Законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности в зарубежных странах: научно-практический комментарий. Красноярск: Сиб. юрид. ин-т ФСКН России, 2007. 244 с.

3. Мягмарцэрэн Думбурай. Оперативно-розыскная профилактика преступлений подразделениями криминальной полиции Монголии: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2006. 205 с.

4. Некрасов Д. Е. Основные направления оперативно-розыскного предупреждения преступлений экстремистской направленности // Уголовное и оперативно-розыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования: материалы межведомств. науч.-практ. конф. (Рязань, 20 октября 2017 г.) / под ред. Е. Н. Билоуса, Г. В. Ищука, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. Москва: Юриспруденция, 2017. С. 137—146.

5. Мотрович И. Д., Семенчук В. В., Кулеш Е. А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в административно-юрисдикционном производстве // Административное право и процесс. 2018. № 11. С. 48—55.

6. Александров А. С., Александрова И. А. О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 — Уголовно-правовые науки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 4 (58). С. 6—19.

Мелихов Александр Иванович,

доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент; M-13913@ya.ru

1. Borin B. V., Ishchuk J. G. The concept of operative-search prevention of crimes. Gaps in the Russian legislation, 381—386, 2017. (In Russ.).

2. Zheleznyak N. S. Legislative regulation of operational and search activities in foreign countries: scientific and practical commentary. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the FSKN of Russia; 2007: 244. (In Russ.).

3. Myagmartseren Dumburai. Criminal investigation prevention units of the criminal police of Mongolia. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2006: 205. (In Russ.).

4. Nekrasov D. E. Main trends in the detection and detection of extremist crimes. In: Criminal and operational legislation: problems of intersectoral linkages and prospects for improvement. Materials of the interdepartmental scientific and practical conference. 20 October 2017, Ryazan. Eds. E. N. Bilouss, G. V. Ishuk, A. V. Kovalev, G. S. Shkabin. Moscow: Jurisprudence; 2017: 137—146. (In Russ.).

5. Motrovich I. D., Semenchuk V. V., Kulesh E. A. Use of the results of operational and tracking activities in administrative and jurisdictional production. Administrative law and process, 48—55, 2018. (In Russ.).

6. Alexandrov A. S., Alexandrova I. A. On the philosophical and legal claims of the theory of criminal procedure on the general theoretical and methodological basis of the scientific specialty 5.1.4 — Criminal Sciences. Legal Science and Law Practice, 6—19, 2021. (In Russ.).

Melikhov Alexander Ivanovich,

associate professor at the department of constitutional and administrative law of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent; M-13913@ya.ru

Статья поступила в редакцию 24.06.2022; одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 24.06.2022; approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.102
doi: 10.25724/VAMVD.A033

**СОДЕЙСТВИЕ ГРАЖДАН
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ
КАК ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

Андрей Иванович Тамбовцев*, **Николай Владимирович Павличенко****

* bestcopat@mail.ru

** Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов, Сочи, Россия,
pavlichenko.pro@mail.ru

Аннотация. В результате исследования авторы пришли к выводу, что на протяжении почти 30 лет с момента выхода в свет первого закона об оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации (а фактически на протяжении всего периода существования Советского Союза и по настоящее время) функционально-правовой институт содействия не имеет структурированной и системной нормативно-правовой регламентации, обеспечивающей его максимально эффективную реализацию в строго определяемых законом функционально-правовых, технических, социально-психологических и иных границах. Множественность нормативных правовых актов уровня федеральных законов и их внутренняя и внешняя противоречивость и несоответствие порождают правовую неоднозначность и функционально-смысловую неопределенность используемой юридической терминологии и правовых норм, что в свою очередь делает и без того юридически ущербные нормы малоэффективными, а порой — нерабочими и декларативными. Современное российское оперативно-разыскное законодательство, изначально нацеленное на одновременное решение многочисленных правоохранительных задач государства и на всеобъемлющее социально-правовое обеспечение и защиту конфиденентов, помогающих эти задачи решать, к сожалению, не способно обеспечить все вышеизложенное в своем современном состоянии и статусе.

Ключевые слова: содействие, сотрудничество, оперативно-розыскная деятельность, закон

Для цитирования: Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Содействие граждан правоохранительным органам как правовой институт: постановка проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 166—174. doi: 10.25724/VAMVD.A033

**CITIZENS' ASSISTANCE TO LAW ENFORCEMENT AGENCIES
AS A LEGAL INSTITUTION: STATEMENT OF THE PROBLEM**

Andrey Ivanovich Tambovtsev*, **Nikolay Vladimirovich Pavlichenko****

* bestcopat@mail.ru

** Sochi Institute (branch) of the RUDN University, Sochi, Russia, pavlichenko.pro@mail.ru

Abstract. As a result of the study, the authors came to the conclusion that for almost 30 years since the publication of the first law on the Operational Search Activities in the Russian Federation (and in fact throughout the entire period of the Soviet Union and to the present) functional-legal institute of assistance does not have a structured and systematic regulatory and legal regulation, ensuring its maximum effective implementation in the functional-legal, technical, socio-psychological and other borders strictly defined by the law. The multiplicity of normative legal acts at the level of the Federal laws and their internal and external inconsistency and inconsistency give rise to legal ambiguity and functional and semantic uncertainty of the legal terminology and legal norms used, which in turn makes already legally damaged norms ineffective, and sometimes — non-working and declarative. Modern Russian operative-search legislation initially aimed at simultaneously solving numerous law enforcement tasks of the state and at comprehensive social and legal provision and protection of confidential persons helping to solve these tasks, unfortunately, it is not able to ensure all the above in its current state and status.

Keywords: assistance, cooperation, operational search activity, law

For citation: Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V. Citizens' assistance to law enforcement agencies as a legal institution: statement of the problem. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 166—174, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A033

Оперативно-разыскная деятельность является тем видом человеческой деятельности, где объект и субъект воздействия имеют противоположные цели. Цель одной стороны — «защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств» (ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ФЗ об ОРД)), а второй — скрыть противоправное поведение (в первую очередь — преступление) и принять меры, чтобы оно не было раскрыто. Эффективность достижения цели «светлой стороны» противоборства зависит от принятых мер организационного, правового, тактического характера, и среди этих мер содействие заинтересованных лиц играет важнейшую роль.

Оперативно-разыскная деятельность практически во все времена и на всех этапах своего генезиса оставалась и остается наиболее закрытой от посторонних взглядов социальной сферой. А содействие, оказываемое гражданами (любыми лицами) органам, осуществляющим ОРД, особенно негласное, в свою очередь было (и также остается) наиболее закрытой областью самой оперативно-разыскной деятельности. Своего рода «святая святых» ОРД! Соответственно, и нормативно-правовое регулирование обеих этих сфер (особенно открытое, в рамках общедоступных законов государственного уровня) осуществлялось, прежде всего, с оглядкой на государственную и ведомственную тайну, закрытость (секретность) организационно-тактических аспектов.

Кроме того, нормативно-правовое регламентирование данной сферы осуществлялось с полной уверенностью юридической общественности и законодателей во вспомогательном (обеспечивающем) характере оперативно-разыскной деятельности и ее подчиненности целям, задачам и принципам уголовного судопроизводства, обуславливающим необязательность ее отдельной от уголовного процесса нормативно-правовой регламентации. Стоит указать при этом, что реальной нормативной регламентации рассматриваемых общественных отношений, даже в рамках уголовно-процессуального законодательства, фактически не было, за исключением кратких отдельных упоминаний, что результаты ОРД не могут являться доказательствами, если не удовлетворяют предъявляемым к ним требованиям.

На основании указанного парадокс, связанный с нормативно-правовым регламентированием оперативно-разыскной деятельности, заключается в том, что, существуя и активно функционируя в реальности, обеспечивая уголовное судопроизводство

необходимой оперативной поддержкой, институт ОРД в целом, особенно содействие лиц оперативным подразделениям, длительное время оставался фактически «нормативно пустым», не считая ведомственных наставлений и инструкций организационно-тактического характера, предназначенных для очень узкого круга субъектов (должностных лиц оперативных подразделений) и потому не выполняющих регулятивных функций, какими должен обладать нормативный правовой акт по отношению к основным пользователям — гражданам государства, народу.

Считаем допустимыми вполне обоснованные возражения оппонентов, что прикладная правоприменительная практика требует определенного (иногда достаточно длительного) времени для воплощения своих функциональных аспектов в правовые нормы, а именно в текст конкретных статей конкретного закона. Иными словами, данный случай якобы есть прямое отражение мудрейшего наблюдения древних юристов, выраженного в постулате: «Per varios actus, legem experiential facit — через многие действия опыт создает право (т. е. право создается опытом)» [1, с. 320].

Да, это так — воплощение существующих отношений в правовую норму требует длительного времени, но... В объективной дуалистической взаимосвязанной и взаимозависимой общественной формации «базис — надстройка» право, как надстройка, всегда является следствием и объективно зависит от базиса — совокупности реально развивающихся экономических общественных отношений. Именно базис, как причина, определяет надстройку, а последняя не только отражает и закрепляет базис, но и создает (или тормозит) нормативно-правовые условия его развития¹. Казалось бы, рассматриваемая ситуация является полным тому подтверждением, и оперативно-разыскные отношения не являются исключением из этого постулата, а потому их правовая регламентация всегда будет лишь более или менее запоздалым следствием перманентного развития общественных отношений, о чем ранее нами уже упоминалось [2, с. 20].

Полностью поддерживая данную позицию, авторы, тем не менее, задаются следующим вполне логичным вопросом. Учитывая объективность данного постулата, следует также учесть его всеобъемлющий характер и равнозначное влияние на любую сферу, в том числе на сферы уголовного процесса

¹ Базис и надстройка. Новая философская энциклопедия // Электронная библиотека ИФ РАН. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHad6abc624895ad21e87aad> (дата обращения: 13.05.2020).

и оперативно-разыскной деятельности. Основываясь на разделяемом нами утверждении многочисленных исследователей о едином начале уголовного процесса и оперативно-разыскной деятельности (см., напр.: [3]), необходимо признать, что их постепенное разделение и последующее самостоятельное развитие происходило параллельно — в абсолютно одних и тех же социально-экономических условиях, в один и тот же исторический (временной) промежуток времени, а значит и степень влияния базиса (социально-экономических условий) на надстройку (нормативное правовое регулирование) должна быть примерно одинаковой по своему объему, уровню и последствиям, ну или хотя бы сравнимой. Почему же при одних и тех же объективных факторах, обуславливающих развитие нормативных составляющих, разделившихся ранее уголовного процесса и ОРД, уголовное судопроизводство имеет кодифицированное, четко структурированное действенное процессуальное законодательство, в то время как регламентация ОРД находится в зачаточном нормативном состоянии, порождающем множество проблем?

Ответ на этот вопрос нам видится в единстве двух составляющих:

1. Как упоминалось выше, оперативно-разыскная деятельность на протяжении длительного времени считалась вспомогательным инструментом уголовного судопроизводства (а также производной дисциплиной от криминалистики и административной деятельности), не требующим собственной (отдельной) нормативно-правовой базы. Сторонников указанных научных взглядов мы находим среди видных представителей криминалистики и административистики.

В то время пока уголовно-процессуальное законодательство развивалось и оптимизировалось, вырабатывая все более и более эффективный следственный инструментарий и главное — нормативную основу самой деятельности, ОРД оставалась фактически без какой-либо нормативной регламентации, хотя, несомненно, совершенствовалась в своих организационно-тактических и функционально-технических аспектах. Подтверждение этому находим в трудах современных правоведов, исследовавших данную проблематику (см., напр.: [4]).

2. Во все времена Государство само в лице законодателей не стремилось к открытому нормативному регулированию данной сферы. Традиционно свойственная оперативно-разыскной деятельности и смежным с нею сферам закрытость (секретность) объективно предоставляла ее субъектам (как в лице непосредственных исполнителей, так и ведомствам в целом) определенные тактические (и даже

стратегические) преимущества в решении непосредственных правоохранительных задач. В отдельные периоды жизни страны (например, такие, как предреволюционная ситуация в России конца XIX — начала XX в.) подобная закрытость и отсутствие вообще какого-либо открытого официального нормативного регулирования ОРД являлось фактически гарантом государственной целостности, безопасности и вообще самого существования социально-экономического строя и политического режима того времени. Придание же указанной сфере хотя бы частичной гласности путем принятия нормативного правового акта уровня Федерального закона немедленно и закономерно повлекло бы раскрытие определенных корпоративных (и государственных) тайн — организационно-тактических аспектов ОРД.

Кроме того, это вполне ожидаемо и предсказуемо обусловило бы незамедлительное снижение эффективности оперативно-разыскной и правоохранительной деятельности в целом, а также сильнейшее критическое осуждение со стороны криминальной, политической, юридической и прочей оппозиционной и реакционной части общества, попытки запретить и максимально ограничить подобную деятельность субъектов ОРД, вплоть до требований обнародовать поименные списки лиц, оказывавших негласное содействие субъектам ОРД.

Следует признать, что именно это и произошло немедленно после опубликования закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» в 1992 г. и продолжается до сих пор. Указанные же неоднократные попытки введения люстрации (обнародование данных лиц, оказывавших конфиденциальное содействие субъектам ОРД) являлись фактически обязательным признаком революционных событий конца XX — начала XXI в. в ряде европейских стран бывшего социалистического лагеря и крайне резко критиковались российскими правоведами: «Особой правовой регламентации требует вопрос обеспечения безопасности граждан, сотрудничающих на конфиденциальной основе с органами сыска. Их судьба не должна зависеть от смены политического режима в стране, субъективных качеств ее руководства и других случайных факторов» [5, с. 63]. Полностью разделяем данную позицию! В нашем государстве тоже есть «новаторы», которые в своих работах осуждают деятельность конфиденентов, описывают ее как доношительство, привнесение в общество духа всеобщей подозрительности, слежки, вторжения в личную жизнь. Кроме того, регулярно возникают лозунги рассекретить фамилии содействующих лиц в годы репрессий и иные периоды Советского Союза. Одним

из примеров является предложение И. Л. Петрухина об обнародовании имен лиц, содействующих правоохранительным органам в 30—50-х гг. XX в., как это сделано в Польше, Чехии, Прибалтике (см., напр.: [6, с. 43]).

Помощь отдельных лиц правоохранительным органам всегда считалась одним из наиболее рациональных и эффективных путей и способов решения задач в правоприменительной и смежных с ней сферах, что констатируется и отечественными (см., напр.: [7]), и зарубежными исследователями (см., напр.: [8]). Несмотря на то что в современном Российском обществе конфиденциальное содействие правоохранительным органам популярным среди населения не является, содействие населения оперативным службам настолько высоко оценивалось и оценивается исследователями, что даже считается некоторыми из них одним из принципов деятельности правоохранительных органов (см., напр.: [9]), что имеет свое хотя и небезупречное, но вполне убедительное аргументированное обоснование.

Вместе с тем российскими правоведами отмечена закономерность, важная для института содействия граждан оперативным подразделениям независимо от территориальности и государственно-правового устройства социума: эффективность негласного сотрудничества граждан находится в прямой зависимости от детальной правовой регламентации условий такого сотрудничества и профессионализма должностных лиц органов, осуществляющих ОРД [10]. Полагаем, что данный постулат равноприменим к любому из ранее существовавших и ныне существующих государств, экономических и политических формаций.

В то же время этот социально-правовой феномен (институт, явление) представляет собой сложнейший симбиоз человеческих (общественных) отношений, прямо или косвенно затрагивающий многочисленные сферы жизни отдельного индивида и общества в целом и огромное число федеральных законов, кодексов и подзаконных нормативных правовых актов в различных отраслях права, регулирующих данные сферы. В связи с этим юридическое (нормативное) закрепление и имплементация этого правового института в жизнь есть непростой процесс синтеза и нормативного, содержательного, понятийного (терминологического) и т. п. согласования широкого ряда законов (или отдельных норм).

Казалось бы, рассматриваемые (как и многие другие) правоотношения регламентированы законами со всех сторон... Однако правоприменители сталкиваются с проблемой, обусловленной не недостатком, а именно чрезмерным множеством федеральных

законов одинаковой юридической силы, прямо или косвенно регламентирующих одни и те же или смежные правоотношения и содержащих одни и те же юридически значимые термины, но в различных, порой противоположных значениях. Это порождает конфронтацию юридических мнений (а по сути — правовую коллизию) при интерпретации положений и предписаний закона, как в процессе его теоретического осмысления, так и в процессе его прикладной реализации, что, на наш взгляд, представляется более важным.

Кроме того, правовой приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) над всеми остальными законами и кодексами, имплементируемый ст. 7 «Законность при производстве по уголовному делу» УПК РФ, автоматически аннигилирует (или как минимум нивелирует) значение норм всех иных нормативных правовых актов. Данная норма, декларируя, что «суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий настоящему Кодексу... Суд, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта настоящему Кодексу, принимает решение в соответствии с настоящим Кодексом», тем самым устанавливает юридическую доминанту (приоритет) положений УПК РФ (в том числе прямо или косвенно относящихся к институту содействия и использующих одни и те же термины с иными законами) по отношению к нормам иных законов в сфере уголовного судопроизводства.

Компаративный анализ положений и предписаний нормативных правовых актов (законов и кодексов), а также широкого ряда научных работ и комментариев (см., напр.: [11]) позволяют нам сделать интересные (порой неожиданные и даже парадоксальные) наблюдения и выводы о сложившейся функциональной, социально-психологической и юридической (правовой) ситуациях в сфере использования содействия граждан органам, осуществляющим ОРД. И, несмотря на то что упомянутые статьи, комментарии, пособия и другие работы наших коллег исключительно научной и научно-практической направленности не имеют юридической силы нормативного правового акта, следует признать, что, основываясь на результатах многолетних всесторонних исследований указанной проблематики, они содержат научные воззрения, идеи и рекомендации отдельных исследователей, авторских коллективов и научных школ, достойные имплементации в действующее оперативно-разыскное законодательство, и не должны

игнорироваться правоведами, и особенно — законодателями.

Обратим внимание на два важнейших и взаимосвязанных правовых нюанса данной сферы правоотношений, выявленных нашими предшественниками, но остающихся актуальными и не нашедшими своего разрешения до настоящего времени, а именно: множественность (дублирование) правовых норм, регламентирующих содействие, в разных законах одинакового юридического статуса (уровня); обусловленная указанной множественностью проблема правовых коллизий норм разных законов, не имеющая единого механизма разрешения.

Во-первых, правоведа совершенно обоснованно подвергают сомнению саму идею (увы, уже реализовавшуюся на практике!) и целесообразность дублирования норм о содействии (как, впрочем, и многих других) в нескольких федеральных законах равной юридической силы (см., напр.: [10]). Действительно, в настоящее время произошли глобальные изменения в нормативных правовых актах, регламентирующих оперативно-разыскную деятельность. Появились новые оперативно-разыскные ведомства со своими целями и задачами, деятельность которых регламентирована собственными нормативными правовыми актами: Федеральным законом «О Федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ; Федеральным законом «О государственной охране» от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ; Федеральным законом «О внешней разведке» от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ и др.

В связи с этим достаточно серьезно изменена ведомственная нормативная регламентация правоохранительных органов и, как следствие, возникли межведомственные противоречия органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также органов, осуществляющих контрольные функции за ней. Так, при наличии единого для всех оперативно-разыскных органов Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» каждый из них имеет свой ведомственный нормативный правовой акт, регламентирующий организацию и тактику оперативно-разыскной деятельности, где представлено сугубо ведомственное понимание содержания отдельных оперативно-разыскных мероприятий и иных действий.

В реальности же только термин «содействие» в рассматриваемом нами аспекте прямо упоминается не менее чем в 18 нормативных правовых актах, причем порой в различных (вплоть до противоположных!) значениях, что порождает противоречия между смыслом нормы и словесным ее выражением, которых быть не должно [12, с. 388]. Подобная

множественность и, что очень важно, неоднозначность предписаний равных по статусу правовых источников, их смысловая противоречивость и противоположность порождают, во-первых, сложность поиска нужной (единственно правильной) информации не только для опытного специалиста, но особенно для обычного индивида, не имеющего юридического образования, каким и является большинство лиц, оказывающих содействие, или простых граждан, а во-вторых, сложность юридического толкования найденной нормы и выбор единственно правильной интерпретации из весьма значительного количества возможных вариаций.

Мало того, что нормы не являются «завершенными и самодостаточными», а их правильное толкование возможно лишь в совокупности с одной или несколькими иными, так многие из них еще и являются отсылочными, ставя правоприменителя перед необходимостью дальнейшего самостоятельного поиска норм (не всегда прямо упомянутых в первоисточнике) в других правовых источниках. Происходит «рассеивание, распыление» содержания единого направленных правовых норм по значительному числу законов, что фактически приводит к ситуации неопределенности, которую с учетом имеющихся иных недостатков закона в виде «черных дыр и белых пятен» [13] можно условно сравнить с правовым вакуумом между формально имеющимися неконкретными или противоречивыми правовыми нормами.

В итоге правоприменитель сталкивается с ситуацией «Ubi jus incertum, ibi nullum — когда закон неопределен, закона нет» [1, с. 449], которая совершенно логично расценивается правоведами как условие для противоречивого толкования закона (см.: [14, с. 25]). А по нашему убеждению — условие, не случайно возникшее из ниоткуда, а искусственно (хоть и не преднамеренно, без злого умысла) созданное.

Самым простым, ярким и «болезненным» примером этого является декларированное ч. 6 ст. 18 «Социальная и правовая защита граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность» ФЗ об ОРД (т. е. совершенно конкретной статьей федерального закона) право на пенсионное обеспечение лица, содействующего по контракту, не имеющее действенного механизма реализации, обеспечивающего полную конфиденциальность и гарантирующего наличие пенсионных выплат. Приходится, к сожалению, констатировать, что вышеуказанные нормативные предписания о пенсионном обеспечении являются декларативными, что нами будет убедительно доказано ниже.

Таким образом, законодательно провозглашенное право есть, а реализовать его практически невозможно! До настоящего времени, т. е. уже практически почти 30 лет, не прекращается острейшая научная полемика о путях реализации данного предписания, в то время как практики (и главное — конфидененты!) не имеют единого конкретного, ясного и действенного механизма оформления пенсии и вынуждены идти на всевозможные ухищрения (порой граничащие с должностными преступлениями и подлогом документов) для обеспечения возможности реализации конфидентом права на заработанное пенсионное обеспечение, гарантированное законом об ОРД. Указанные проблемы делают фактически «мертвой» рассматриваемую норму, что в подтверждение выводов наших предшественников наглядно и убедительно подкрепляется результатами наших эмпирических исследований (см.: [15]). В современных условиях ситуация еще больше усугубляется, так как предлагаемые различными учеными способы легализации трудовых отношений невозможно реализовать в эпоху цифровой трансформации без ущерба для конфиденциальности содействующего лица.

Во-вторых, следует признать очевидную коллизионность равнозначных по своему юридическому статусу перечисленных федеральных законов, изданных одним органом и регулирующих одну и ту же сферу правоотношений — содействие лиц органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность.

Современная юриспруденция оперирует несколькими общепризнанными способами разрешения подобных правовых коллизий, а именно противоречий норм равных по юридическому статусу законов — «толкование, принятие нового акта, отмена старого акта, внесение изменений или уточнений в действующие акты» [16, с. 366]. Однако изучение генезиса и хронологии изменения оперативно-разыскного законодательства и иных вышеупомянутых законов и кодексов, имеющих комментариев и постатейных материалов к ним позволяют нам утверждать, что указанные способы устранения конкуренции норм, к сожалению, не были и не могут быть применимы в данной правовой ситуации.

Для преодоления подобных юридических коллизий многовековая правоприменительная практика выработала единое правило, потенциально применимое в данном случае. Во всех рассмотренных нами ситуациях мы сталкиваемся с так называемой темпоральной коллизией — конкуренцией норм правовых актов одинаковой юридической силы, изданных в разное время. Тогда коллизия разрешается по

принципу «*Lex posterior derogate legi priori*» (позднейший закон отменяет закон предшествующий) [1, с. 238], предпочтением более позднего по времени издания акта. Однако проведенный анализ имеющихся противоречий норм и перспектив их устранения данным способом показывает абсолютную его бесперспективность и невозможность использования в контексте нашей работы. Попытки устранения одинаковых коллизий между разными законами данным способом приводят к прямо противоречащим друг другу результатам, что для юриспруденции и правоприменения является недопустимым.

Убедительным примером может служить ситуация с коллизией между нормами ФЗ об ОРД и Федерального закона «О федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ, с одной стороны, и аналогичными нормами ФЗ об ОРД и Федерального закона «О внешней разведке» от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ — с другой. Ранее мы уже предпринимали попытку проанализировать рассматриваемую ситуацию, не нашедшую своего разрешения и остающуюся полемичной до настоящего времени [17]. Одинаковые по своей сущностной природе коллизии норм, регламентирующих содействие, разрешаются согласно этому принципу в данном случае диаметрально противоположно.

Исходя из сказанного, отметим, что современное Российское оперативно-разыскное законодательство, изначально нацеленное на одновременное решение многочисленных правоохранительных задач государства и всеобъемлющее социально-правовое обеспечение и защиту конфидентов, помогающих эти задачи решать, к сожалению, не способно обеспечить все изложенное выше в своем современном состоянии и статусе. Поэтому мы актуализируем проблему нормативного регламентирования института содействия и «реанимацию» научной дискуссии по данному вопросу. Некоторую тревожность вызывает успокоение современных ученых сложившимся состоянием нормативного обеспечения содействия граждан оперативно-разыскным органам, невозможностью обеспечить декларированные оперативно-разыскным законом социальные гарантии содействующим лицам, отсутствием должного (гарантированного государством) права на возмещение негативных последствий конфиденциального и иного содействия и, конечно, непреодолимым негативным отношением социума к данному институту оперативно-разыскной деятельности. В связи с этим мы в очередной раз хотели бы инициировать научную дискуссию по данному вопросу на страницах данного научного издания.

1. Латинско-русский словарь юридических терминов и выражений для специалистов и переводчиков английского языка / авт.-сост. М. Гамзатов. Санкт-Петербург, Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 508 с.

2. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Эволюция оперативно-розыскных мероприятий: монография. Москва: Акад. Управления МВД России, 2021. 160 с.

3. Лядов А. О. Уголовный сыск в дореволюционной России (историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1997. 186 с.; Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. Москва: Новое литературное обозрение, 1999. 720 с.; Амплеева Т. Ю. История уголовного судопроизводства России (IX—XIX вв): дис. ... д-ра юрид. наук. Москва: Моск. Гос. ин-т междунар. отношений, 2009. 457 с.; Шахматов А. В. Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности (историко-правовое исследование Российского опыта): дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2005. 438 с.; и др.

4. Луговик В. Ф. Оперативно-розыскное право: проблемы формирования // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. материалов Междунар. науч. конф. (15—16 февраля 2007 г.): в 2 ч. / отв. ред. С. Д. Назаров. Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2007. Ч. 2. С. 228.

5. Казак А. Е. Социальная и правовая защита участников оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие. Краснодар: Краснодар. юрид. ин-т МВД России, 2001.

6. Петрухин И. Л. Личные тайны (человек и власть). Москва: Ин-т государства и права РАН, 1998. 230 с.

7. Соловей Ю. П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации. Омск: ВШМ МВД России, 1993. 501 с.; Грушко В. Ф. Судьба разведчика: кн. воспоминаний. Москва, 1997. 221 с.; и др.

8. Fondevila G. Controlling the madrinas: the police informer management and control system in Mexico // *The Police Journal*. 2013. № 86. P. 116—142; Swanson Ch. M. R., Chamelin N. C., Territo L., Taylor R. W. *Criminal investigation*. 12th ed. New York: McGraw-Hill Education, 2019. 774 p.; и др.

9. Сурков К. В. Принципы оперативно-розыскной деятельности и их правовое обеспечение в законодательстве, регламентирующем сыск. Санкт-Петербург: С.-Петерб. юрид. ин-т МВД России, 1996; и др.

1. Latin-Russian dictionary of legal terms and expressions for specialists and translators of the English language. Author-compiler M. Gamzatov. Saint Petersburg: Publishing house of the Saint Petersburg university; 2002: 508. (In Russ.).

2. Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V. Evolution of operational and search measures. Monograph. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2021: 160. (In Russ.).

3. Lyadov A. O. Criminal investigation in pre-revolutionary Russia (historical and legal aspect). Dissertation of the candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 1997: 186. (In Russ.); Anisimov E. V. Dyba and whip. Political investigation and Russian society in the XVIII century. Moscow: New Literary Review; 1999: 720. (In Russ.); Ampleeva T. Y. History of Criminal Procedure of Russia (IX—XIX centuries). Dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow: Moscow State University of International relations; 2009: 457. (In Russ.); Shakhmatov A. V. Undercover work in the operative-search activity (historical-legal research of the Russian experience). Dissertation of the doctor of juridical sciences. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2005: 438. (In Russ.); et al.

4. Lugovik V. F. Operative-search law: problems of formation. In: Actual problems of combating crime in the Siberian region. Collection of materials of International conference (15—16 February 2007). In 2 parts. Ed. S. D. Nazarov. Krasnoyarsk: Siberian Juridical Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2007; Part 2: 228. (In Russ.).

5. Kazak A. E. Social and legal protection of participants of operative-search activity. Study manual. Krasnodar: Krasnodar Juridical Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2001. (In Russ.).

6. Petrukhin I. L. Personal secrets (man and power). Moscow: Institute of State and Rights of the Russian Academy of Sciences; 1998: 230. (In Russ.).

7. Solovey Y. P. Legal regulation of militia activities in the Russian Federation. Omsk: HSM of the Russian Ministry of Internal Affairs; 1993: 501. (In Russ.); Grushko V. F. Destiny of the scout. Book of memories. Moscow; 1997: 221. (In Russ.); et al.

8. Fondevila G. Controlling the madrinas: the police informer management and control system in Mexico. *The Police Journal*, 116—142, 2013. (In Eng.); Swanson Ch. M. R., Chamelin N. C., Territo L., Taylor R. W. *Criminal investigation*. 12th ed. New York: McGraw-Hill Education; 2019: 774. (In Eng.); et al.

9. Surkov K. V. Principles of operative-search activity and their legal support in the legislation regulating investigation. Saint Petersburg: Saint

10. Гусев В. А. Права оперативных подразделений полиции: законодательство и практика: монография. Москва: Изд. дом И. И. Шумиловой, 2014. 127 с.

11. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / А. Ю. Шумилов, В. И. Зажицкий, В. И. Михайлов, А. Б. Наумец. Москва: Вердикт-1М, 1997. 208 с.; Горяинов К. К., Кваша Ю. Ф., Сурков К. В. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: комментарий. Москва: Новый Юрист, 1997. 570 с.; Маршунев М. Н. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в схемах и таблицах: постатейный комментарий. Москва: Герда, 1998. 349 с.; Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: науч.-практ. комментарий / под ред. В. В. Никулюка, В. В. Кальницкого, А. Е. Чечетина. Изд. перераб. и доп. Омск: ОЮИ МВД России, 1999; Смирнов М. П. Комментарий оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран: учеб. пособие. Москва: Экзамен, 2003. 543 с.; Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека / О. А. Вагин [и др.]; вступ. ст. В. Д. Зорькина. Москва: Норма, 2006; и др.

12. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Эксмо, 2010. 510 с.

13. Железняк Н. С. «Черные дыры» и «белые пятна» в законодательном определении понятия и задач оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2005. № 2 (3). С. 10—13.

14. Язык закона / С. А. Боголюбов, И. Ф. Казьмин, М. Д. Локшина, С. С. Москвин [и др.]; под ред. А. С. Пиголкина. Москва: Юрид. лит., 1990. 192 с.

15. Тамбовцев А. И. Анализ законодательных запретов на конфиденциальное содействие граждан по контракту органам, осуществляющим ОРД // Вестник Омской юридической академии. 2013. № 1. С. 91—100; Павличенко Н. В. Правовая охрана лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: монография Омск: Омская академия МВД России, 2011. 247 с.

16. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2011. 525 с.

17. Тамбовцев А. И. Законодательный запрет на конфиденциальное содействие по контракту: вопросы и... вопросы // Вестник СПбУ МВД России. 2016. № 3 (71). С. 134—137.

Petersburg Juridical Institute of the Interior Ministry of Russia; 1996. (In Russ.); et al.

10. Gusev V. A. Rights of operational police units: legislation and practice. Monograph. Moscow: Publishing House of I. I. Shumilova; 2014: 127. (In Russ.).

11. Shumilov A. Y., Zazhitsky V. I., Mikhailov V. I., Naumets A. B. Comment to the Federal Law "On Operative-Search Activity". Moscow: Verdict-1M; 1997: 208. (In Russ.); Goryainov K. K., Kvascha Y. F., Surkov K. V. Federal Law "On Operative-Search Activity". Commentary. Moscow: New Lawyer; 1997: 570. (In Russ.); Marshunov M. N. Federal Law "On operative-search activity" in charts and tables. Article-by-article comment. Moscow: Gerda; 1998: 349. (In Russ.); Federal Law "On Operative-Search Activity". Scientific-practical. comment. Ed. by V. V. Nikolyuk, V. V. Kalnitsky, A. E. Chechetin. Revised and additional. Omsk: Omsk Juridical University of the Russian Ministry of Internal Affairs; 1999. (In Russ.); Smirnov M. P. Comment on the operational and wanted legislation of the Russian Federation and foreign countries. Study manual. Moscow: Exam; 2003: 543. (In Russ.); Vagin O. A. (et al.) Comment to the Federal Law "On operative-search activity". Enclosing the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights. Introductory article by V. D. Zorkin. Moscow: Norma; 2006. (In Russ.); et al.

12. Morozova L. A. Theory of State and Law. Textbook. 4th ed., revised and add. Moscow: Exmo; 2010: 510. (In Russ.).

13. Zheleznyak N. S. "Black holes" and "white spots" in the legislative definition of the concept and tasks of operational search activity. Operative (investigator), 10—13, 2005. (In Russ.).

14. Bogolyubov S. A., Kazmin I. F., Lokshina M. D., Moskvin S. S. (et al.) Language of Law. Ed. A. S. Pygolkin. Moscow: Juridical literature; 1990: 192. (In Russ.).

15. Tambovtsev A. I. Analysis of legislative prohibitions on confidential assistance of citizens under contract bodies, implementing the ORD. Bulletin of the Omsk Law Academy, 91—100, 2013. (In Russ.); Pavlichenko N. V. Legal protection of persons providing confidential assistance to bodies carrying out operational and investigative activities. Monograph. Omsk: Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs; 2011: 247. (In Russ.).

16. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of State and Law. Textbook. 4th ed., revised and add. Moscow: Publishing House "Case" of RANEPА; 2011: 525. (In Russ.).

17. Tambovtsev A. I. Legislative ban on confidential assistance under contract: questions and... questions. Bulletin of the Saint Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 134—137, 2016. (In Russ.).

Тамбовцев Андрей Иванович,
кандидат юридических наук, доцент;
bestcopat@mail.ru

Tambovtsev Andrey Ivanovich,
candidate of juridical sciences, docent;
bestcopat@mail.ru

Павличенко Николай Владимирович,
профессор кафедры
уголовного права и процесса
Сочинского института (филиала) РУДН,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации;
pavlichenko.pro@mail.ru

Pavlichenko Nikolay Vladimirovich,
professor at the department
of criminal law and procedure
of the Sochi Institute (branch)
of the RUDN University,
doctor of juridical sciences, professor,
honored lawyer of the Russian Federation;
pavlichenko.pro@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 15.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.102
doi: 10.25724/VAMVD.A034

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПОМЕЩЕНИЯХ КАМЕРНОГО ТИПА СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МВД РОССИИ

Асхар Кальбекович Тимришев*, **Александр Витальевич Артюхов****

* ОМВД России по Приволжскому району Астраханской области, с. Началово, Астраханская область, Россия, atimrisv@gmail.com

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, alex.v.artuhov@yandex.ru

Аннотация. В статье без освещения достаточно специфичных организационно-тактических аспектов работы с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие и сотрудничество органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность на территории Российской Федерации, в силу отнесения указанной информации к сведениям, составляющим государственную и служебную тайны, проанализированы положения действующих открытых нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы осуществления оперативно-разыскной деятельности в помещениях камерного типа в специальных учреждениях МВД России. Речь идет о вопросах, раскрывающих правовую основу нахождения конкретных задержанных (арестованных) и иных категорий лиц на законных основаниях в условиях изоляции от общества. В то же время в статье обращено внимание не только на декларативность отдельных международных нормативных правовых актов, являющихся международными договорами и как следствие — составной частью правовой системы Российской Федерации, но и на невозможность их практического применения в связи с тем, что ряд решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации, в их истолковании противоречат Конституции Российской Федерации. В совокупности это свидетельствует о существующих проблемах реализации принципа законности в оперативно-разыскной деятельности. С учетом сказанного предложены конкретные варианты разрешения обозначенной проблематики путем изучения системы законодательных актов, регламентирующих вопросы осуществления оперативно-разыскной деятельности в помещениях камерного типа в специальных учреждениях МВД России.

Ключевые слова: помещения камерного типа, оперативно-разыскная деятельность, государственная тайна, задержанные (арестованные) лица, оперативно-разыскные мероприятия

Для цитирования: Тимришев А. К., Артюхов А. В. Отдельные вопросы правовой регламентации осуществления оперативно-разыскной деятельности в помещениях камерного типа специальных учреждений МВД России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 175—182. doi: 10.25724/VAMVD.A034

SOME ISSUES RELATED TO LEGAL REGULATION WHILE CONDUCTING DETECTIVE ACTIVITY IN THE CHAMBER-TYPE PREMISES OF THE SPECIAL INSTITUTIONS OF THE INTERIOR MINISTRY OF RUSSIA

Askhar Kalbekovich Timrishev*, **Alexandr Vitalyevich Artyukhov****

* Interior Ministry of Russia of the Privolzhsky District of the Astrakhan Region, s. Nachalovo, Astrakhan Region, Russia, atimrisv@gmail.com

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, alex.v.artuhov@yandex.ru

Abstract. Without determining rather specific organizational and tactical aspects of work with the persons giving confidential assistance and cooperation to the bodies carrying out detective activity on the territory of the Russian Federation due to the attribution of this information to that one that constitutes the state and official secrets the given article analyzes the provisions of current open regulatory legal acts regulating the implementation of detective and search activity in chamber-type premises in the special institutions of the Interior Ministry of Russia. Namely, the issues that reveal the legal basis for staying the specific detainees (arrested) men and other categories

of persons on the legal grounds in conditions of isolation from the society. At the same time the article deals with not only the declarative nature of certain international regulatory legal acts that are international treaties and, as a result, an integral part of the legal system of the Russian Federation, but also the impossibility of their practical application due to the fact that a number of decisions of interstate bodies, adopted on the basis of the provisions of international treaties of the Russian Federation in their interpretation contradict the Constitution of the Russian Federation. Taken together this shows the existing problems of implementing the principle of legality in detective activity. Taking it into account, the specific options to solve the mentioned issues by studying the system of legislative acts regulating the implementation of detective activity in chamber-type premises in the special institutions of the Interior Ministry of Russia are proposed.

Keywords: chamber-type premises, detective activity, state secrets, detained (arrested) persons, detective actions

For citation: Timrishev A. K., Artyukhov A. V. Some issues related to legal regulation while conducting detective activity in the chamber-type premises of the special institutions of the Interior Ministry of Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 175—182, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A034

Традиционно большинство подзаконных нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) в помещениях камерного типа специальных учреждений МВД России (далее — ПКТ ОВД), содержат сведения о силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах ОРД. В соответствии с ч. 4 ст. 5 закона Российской Федерации «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1¹ (далее — Закон РФ «О государственной тайне») такие сведения подлежат засекречиванию.

Кроме того, исходя из положений ст. 7 Закона РФ «О государственной тайне» не относятся к государственной тайне и не подлежат засекречиванию сведения: о привилегиях, компенсациях и социальных гарантиях, предоставляемых государством гражданам и должностным лицам; о состоянии преступности.

В то же время согласно ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) верховенство над подзаконными нормативными правовыми актами имеют официально опубликованные федеральные законы². Неопубликованные законы не имеют юридической силы и не применяются. Соответственно, любые нормативные правовые акты, определяющие права, свободы и обязанности человека и гражданина, в том числе содержащихся в ПКТ ОВД, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

¹ О государственной тайне: федер. закон от 21 июля 1993 г. № 5485-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания: федер. закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ. Ст. 3. Там же.

Во-первых, отметим, что к числу ПКТ ОВД отнесены: изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых; специальные приемники для лиц, арестованных за совершение административных правонарушений; специальные приемники для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации; центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей. Подробнее правовой режим их функционирования раскроем далее.

Не менее важным в контексте настоящей статьи является закрепление в нормах уголовно-процессуального законодательства оснований, порядка и правил документального оформления применения мер процессуального принуждения в отношении подозреваемых и обвиняемых.

Согласно п. 2 ст. 94 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) если в отношении подозреваемого не была избрана мера пресечения в виде заключения его под стражу, то по истечении 48 часов с момента задержания он подлежит освобождению.

В части 1 ст. 16 УПК РФ установлено, что подозреваемому (обвиняемому) обеспечивается право на защиту, которое он может осуществлять как лично, так и с помощью защитника. Показателен и тот факт, что постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 обращено внимание судов на то, что обеспечение права на защиту является одним из принципов уголовного судопроизводства, который действует на всех его стадиях³.

³ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Существенно также закрепление в нормах УПК РФ содержание понятия «результаты оперативно-розыскной деятельности», представляющего собой «сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лица, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда» (п. 36.1 ст. 5).

Значимы для понимания правового аспекта содержания задержанных лиц, подозреваемых в совершении преступлений, в ПКТ ОВД также положения Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее — УК РФ). Он раскрывает понятие преступления, определяет перечень уголовно наказуемых деяний, что позволяет осуществлять поиск признаков, образующих состав преступления, в действиях (бездействии) конкретных лиц.

Во-вторых, опасность наиболее тяжких преступных посягательств заключается в их скрытом и замаскированном характере, который не позволяет реализовать принцип неотвратимости наказания за их совершение. Даже в случае привлечения к уголовной ответственности лиц, причастных к таким преступлениям, в качестве обвиняемых, а позже и подсудимых, избрания в отношении них меры пресечения в виде заключения под стражу существует настоятельная потребность установления дополнительных данных, свидетельствующих о фактах их преступной деятельности, в том числе оставшихся неизвестными правоохранительным органам, а также иных сведений, позволяющих нейтрализовать возможное противодействие уголовному судопроизводству. Это обуславливает необходимость не только постоянного применения всего арсенала гласных и негласных сил, средств и методов ОРД на конкретной «вольной» территории, обслуживаемой сотрудниками оперативных подразделений, но и осуществления оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) в отношении лиц, изолированных от общества в ПКТ ОВД — задержанных, арестованных. Значимо также решение схожих задач и для иных категорий задержанных, не связанных с проверкой их причастности к совершенным преступлениям, содержащихся на законных основаниях в условиях кратковременной изоляции на строго определенных объектах.

Отметим, что вопросы совершенствования правовой регламентации осуществления оперативными подразделениями ОРД в ПКТ ОВД являлись пред-

метом постоянного внимания к ней со стороны многих ученых и специалистов в области ОРД: А. И. Алексеева, В. Г. Боброва, Б. Е. Богданова, Б. Н. Блинова, А. С. Вандышева, Д. В. Гребельского, А. И. Назарова, О. Б. Воронова и др. Их исследования посвящены различным вопросам, раскрывающим специфику использования сил, средств и методов ОРД в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений, установлении лиц, их подготавливающих, совершающих и совершивших, в том числе в условиях ПКТ ОВД.

Несмотря на несомненную теоретическую и практическую значимость этих исследований, необходимо признать, что они не смогли охватить всех аспектов оперативной работы, осуществляемой на современном этапе. Это связано с тем, что в таких исследованиях акцент делался на освещении вопросов организации и тактики именно ОРД, без должного раскрытия компонента, предусматривающего реализацию принципа законности как правовой основы нахождения конкретных задержанных (арестованных) и иных категорий лиц в ПКТ ОВД. В связи с этим с учетом гипотезы настоящей статьи акцентируем внимание на вопросах правового регулирования ОРД в ПКТ ОВД, которые, априори основываясь на положениях упомянутых ранее Конституции РФ и Законе РФ «О Государственной тайне», не подлежат засекречиванию.

Несомненно, базовым в контексте обозначенной проблемы является конституционный уровень, который составляют нормы Конституции РФ и решения Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) по вопросам конституционности норм, определяющих специфику применения сил, средств и методов ОРД, а также функционирования мест кратковременной изоляции подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений и иных категорий граждан.

Так, в ст. 2 Конституции РФ в качестве обязанности государства и основной задачи ОРД провозглашена защита человека, его прав и свобод. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что подозреваемые (обвиняемые) в совершении преступлений пользуются правами, установленными для граждан Российской Федерации, с определенными ограничениями. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Анализ данного конституционного принципа позволяет сделать вывод, что на законодательном уровне установлены специфические

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ограничения прав и свобод подозреваемых (обвиняемых).

Подзаконный уровень правовой регламентации ОРД в ПКТ ОВД представлен широким перечнем нормативных правовых актов. Среди них базовым является Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699, утвердивший Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типовое положение о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации¹. Согласно данному источнику права (подп. 43 и 44 п. 11) к полномочиям МВД России относится организация содержания задержанных и (или) заключенных под стражу лиц, находящихся в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, а также лиц, подвергнутых административному наказанию в виде административного ареста, а также содержания в специальных учреждениях иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации.

Порядок содержания в специальных учреждениях иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, регламентирован Правилами содержания (пребывания) в специальных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации².

В настоящий момент на сотрудников оперативных подразделений МВД России возложено решение значительного перечня задач, определенных действующим законодательством и подзаконными

нормативными правовыми актами. Не ставя в рамках данной работы цель их детального рассмотрения, считаем необходимым обратить внимание на то, что в соответствии со ст. 12 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ сотрудникам полиции для выполнения возложенных на них обязанностей предоставляется не менее значительный объем прав. В частности, ст. 13 этого закона закреплены права, реализация которых связана не только непосредственно с фактами преступной деятельности, но и нарушением административного законодательства.

Вместе с тем порядок реализации сотрудниками полиции таких прав определен положениями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ³ (далее — КоАП РФ), а также ведомственными нормативными правовыми актами МВД России.

С учетом рассматриваемой проблематики хотим обратить внимание на то, что в соответствии со ст. 23.3, 28.3 КоАП РФ на должностных лиц органов внутренних дел (далее — ОВД) возложена обязанность не только выявлять широкий перечень административных правонарушений, но и составлять протоколы об административных правонарушениях.

В соответствии со ст. 27.6 и 27.3 КоАП РФ к органам, исполняющим административное наказание в виде административного ареста, относятся ОВД.

В 2013 г. был принят Федеральный закон «О порядке отбывания административного ареста» от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ⁴, в ст. 3 которого определено, что местами отбывания административного ареста являются подразделения территориальных органов федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел.

Положения Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (далее — ФЗ № 103-ФЗ) являются не менее актуальными. Статья 33 комментируемого закона обязывает соблюдать правила раздельного размещения в ПКТ ОВД. С учетом рассматриваемых вопросов хотим обратить внимание, что положе-

¹ Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии: постановление правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. № 1306. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О порядке отбывания административного ареста: федер. закон от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния этой нормы распространяют свое действие не только на ПКТ ОВД, но и аналогичные объекты следственных изоляторов ФСИН России и ФСБ России. Так, раздельно должны содержаться:

— мужчины и женщины, несовершеннолетние и взрослые (в исключительных случаях с согласия прокурора в камерах, где содержатся несовершеннолетние, допускается содержание положительно характеризующихся взрослых, впервые привлекаемых к уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести);

— лица, впервые привлекаемые к уголовной ответственности, и лица, ранее содержавшиеся в местах лишения свободы;

— подозреваемые и обвиняемые, а также осужденные, приговоры в отношении которых вступили в законную силу;

— подозреваемые и обвиняемые, проходящие по одному уголовному делу.

Отдельно от других содержатся подозреваемые и обвиняемые:

— в торговле несовершеннолетними, грабеже и разбое, терроризме, бандитизме, посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа и т. д.

— в совершении преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства и преступлений против мира и безопасности человечества, убийств, изнасилования, насильственных действий сексуального характера;

— при особо опасном рецидиве преступлений;

— являющиеся или являвшиеся судьями, адвокатами, сотрудниками правоохранительных органов, военнослужащими и т. п.;

— больные инфекционными заболеваниями или нуждающиеся в особом медицинском уходе и наблюдении.

По решению администрации места содержания под стражей либо по письменному решению лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, также отдельно от других могут содержаться подозреваемые и обвиняемые, жизни и здоровью которых угрожает опасность со стороны других подозреваемых и обвиняемых.

Подчеркнем, что и ст. 34 ФЗ № 103-ФЗ закрепляет необходимость проведения ОРМ в целях выявления, предупреждения и раскрытия преступлений в местах содержания под стражей.

Отметим, что оперативная работа в условиях ПКТ ОВД осуществляется не только в рамках поиска первичной оперативно значимой информации или отработки уже подтвержденной в отношении конкретных лиц, но и в процессе реализации

значительного перечня мер профилактического характера. Таким образом, при осуществлении ОРД в ПКТ ОВД оперативные подразделения ОВД решают значительный перечень задач, позволяющих достичь основной цели этой деятельности — защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Исходя из этого, конкретизируем перечень частных задач, решаемых сотрудниками оперативных подразделений ОВД в процессе осуществления ОРД в условиях ПКТ ОВД независимо от их вида. В их числе:

— получение сведений, позволяющих раскрыть преступление, совершенное арестованным. К таким сведениям относятся данные о личности разрабатываемого, причастности его к совершенному преступлению; обстоятельствах совершения преступления; сообщниках разрабатываемого; местах хранения оружия, наркотиков, орудий преступления, похищенного имущества, предметов и документов, которые могут быть вещественными доказательствами; лицах, которые могут быть свидетелями, и т. п.;

— выявление оставшихся на свободе преступных связей арестованных и их преступных намерений в целях принятия мер по предотвращению новых преступлений;

— выявление и предупреждение намерения арестованных договориться с сообщниками о поведении на следствии и суде, уничтожить избыточные доказательства, скрыть деньги и ценности, нажитые преступным путем, совершить побег, покончить жизнь самоубийством;

— установление лиц, скрывшихся после совершения преступления;

— изучение личности арестованных для определения методов воздействия, с помощью которых можно убедить разрабатываемых в необходимости чистосердечного признания своей вины и отказа от преступных намерений в будущем, и т. д.

В совокупности это не только способствует всестороннему, полному и объективному расследованию преступлений, а также выявлению в ходе ОРМ лиц, находящихся на свободе и замышляющих или подготавливающих совершение преступления, но и позволяет вести успешную работу по предупреждению преступлений на обслуживаемой территории и решать иные задачи, стоящие перед ОВД.

В качестве положительного примера проведения ОРМ в условиях ПКТ ОВД стал результат раскрытия резонансного преступления, потрясшего всю Астра-

ханскую область, — убийства семьи владельца парфюмерной сети «Лескаль» Сергея Агафонова. Так, в ночь с 10 на 11 июня 2010 г. преступники в целях хищения 3 млн рублей ворвались в домовладение предпринимателя. Пытаясь получить деньги, они сначала утопили его 4-летнюю дочь, а затем, чтобы не оставлять свидетелей, задушили 15-летнего сына, 37-летнюю супругу и главу семьи. Добычей налетчиков оказалось всего лишь 500 тыс. рублей. По данному факту следователем Следственного Управления Следственного Комитета России по Астраханской области возбуждено уголовное дело по признакам составов преступлений, предусмотренных пп. «а», «б» ч. 4 ст. 162, пп. «а», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Однако раскрыть убийство по «горячим следам» правоохранительными органами региона не удалось. Лишь в 2012 г. было возобновлено производство по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам. Основанием для производства следственных действий и ОРМ послужила поступившая оперативная информация в период нахождения в изоляторе временного содержания УМВД России по г. Астрахани подозреваемого в краже местного жителя, Артура Шаяхметова, и впоследствии оформленная в соответствии со ст. 142 УПК РФ в виде явки с повинной.

Астраханский областной суд 9 декабря 2013 г. на основании вердикта присяжных заседателей признал Шаяхметова и установленных соучастников, в зависимости от роли каждого, виновными. Суд назначил Артуру Шаяхметову пожизненное лишение свободы, Елшаду Сарыеву — 7 лет колонии строгого режима. В отношении третьего соучастника данного преступления уголовное дело было прекращено в связи с его смертью. В рамках расследования уголовного дела был установлен факт убийства Шаяхметовым своего поделчика, так как последний мог дать признательные показания¹.

Данный пример, кроме прочего, иллюстрирует необходимость взаимодействия между оперативными подразделениями ОВД и уголовно-исполнительной системы (далее — УИС). И хотя в понятийном аппарате УПК РФ и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ² (далее — ФЗ «Об ОРД») отсутствует термин «взаимодействие», необходи-

мость согласованных действий между сотрудниками всех служб и подразделений различных правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с преступностью во многих формах ее проявления, вытекает из смысла содержания этих законов.

Так, положения ч. 5 ст. 13 ФЗ «Об ОРД» позволяют оперативным подразделениям органов, осуществляющих ОРД, в том числе и ОВД, проводить совместно с работниками УИС ОРМ в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы.

Кроме того, в соответствии с ч. 4 ст. 14 ФЗ «Об ОРД» оперативные подразделения ОВД обязаны информировать иные субъекты ОРД о ставших им известными фактах противоправной деятельности, относящихся к их компетенции, и оказывать им необходимую помощь.

В дополнение к сказанному неслучайно термин «взаимодействие» нашел свое отражение в положениях Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ³ (в отличие от УПК РФ и ФЗ «Об ОРД»). Так, в соответствии с ч. 3 ст. 18.1 этого законодательного акта ОРД при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, осуществляется оперативными подразделениями УИС как самостоятельно, так и во взаимодействии с оперативными подразделениями иных государственных органов, определенных ФЗ «Об ОРД», в пределах их компетенции.

Таким образом, каждый субъект такого взаимодействия при осуществлении ОРД как стремится к достижению общей цели — защите жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечению безопасности общества и государства от преступных посягательств, так и решает частные задачи, присущие отдельно каждому ведомству.

К числу задач, решение которых, в основном, для территориальных ОВД принято считать относительно второстепенными, также необходимо отнести оказание содействия оперативным подразделениям УИС в целях установления местонахождения и задержания лиц, совершивших побег из-под стражи, лиц, уклоняющихся от отбытия уголовного наказания, от получения предписания о направлении к месту отбытия наказания либо не прибывших к месту отбывания наказания в установленный в указанном предписании срок. Порядок оказания

¹ См.: URL: <https://pravo.ru/news/view/95523/> (дата обращения: 28.06.2022).

² См.: Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. от 24 июня 2013 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

³ См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (с изм. от 24 июня 2013 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

такого содействия регламентирован совместным приказом МВД России и ФСИН России, имеющим ограничительный доступ.

Рассматривая международный уровень правовой регламентации ОРД в ПКТ ОВД, необходимо остановиться на анализе большой группы решений Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) — судебного органа Совета Европы, созданного в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод¹. Вслед за Е. Н. Хазовым и Н. В. Бердниковым полагаем, что присоединение Российской Федерации к этой конвенции дало возможность гражданам обратиться в ЕСПЧ [1].

Однако с учетом вопросов, рассматриваемых в данной статье, считаем целесообразным акцентировать внимание на Минимальных стандартных Правилах обращения с заключенными², которые определяют порядок приема и содержания в специальных учреждениях МВД России иностранных граждан, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, требования к их содержанию, и т. п.

Рассматривать многочисленные решения ЕСПЧ нецелесообразно по двум причинам.

Во-первых, в связи с вступлением в силу Постановления КС РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П³, закреп-

ленное в новой редакции ст. 79 Конституции РФ⁴. Согласно позиции КС РФ «Общепризнанные нормы международного права являются составной частью правовой системы Российской Федерации. Конвенция о защите прав человека и основных свобод является международным договором Российской Федерации». Соответственно, постановления ЕСПЧ должны исполняться на началах признания их частью правовой системы Российской Федерации с учетом высшей юридической силы Основного закона. Статья 79 Конституции РФ устанавливает, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

В связи с этим разделяем точку зрения Л. А. Тереховой, которая считает, что ЕСПЧ не является вышестоящей инстанцией для национальных судов, следовательно, он не может отменять их решения [2].

Во-вторых, 15 марта 2022 г. принятая Комитетом министров в рамках процедуры, начатой в соответствии со ст. 8 Устава Совета Европы, на заседании заместителей министров резолюция постановила, что Российская Федерация перестает состоять в Совете Европы с 16 марта 2022 года.

В свою очередь 15 марта 2022 г. Правительство Российской Федерации уведомило Генерального секретаря о своем выходе из состава Совета Европы в соответствии с Уставом Совета Европы и своем намерении денонсировать Европейскую конвенцию о правах человека⁵.

В заключение отметим, что проведенный в данной статье анализ значительного перечня положений отечественных законодательных и подзаконных нормативных правовых актов позволяет говорить о существовании устоявшейся системы правового регулирования ОРД в ПКТ ОВД. Без изучения и знания этой системы законодательных актов невозможно на высоком профессиональном уровне осуществлять борьбу с преступностью, не имеющей территориальных, межведомственных и возрастных рамок.

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 24 июня 2013 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² См.: Минимальные стандартные Правила обращения с заключенными (приняты на Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Женева, 30 августа 1955 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

³ По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.).

⁵ См.: URL: <https://www.coe.int/ru/web/moscow/-/resolution-cm-res-2022-2-on-the-cessation-of-the-membership-of-the-russian-federation-to-the-council-of-europe#:~:text=%> (дата обращения: 28.06.2022).

1. Хазов Е. Н., Бердников Н. В. Международно-правовой механизм защиты прав человека в Европейском суде по правам человека // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 144—148.

2. Терехова Л. А. Постановление ЕСПЧ как основание для пересмотра решения национального суда // Правоприменение. 2017. Т. 1, № 1. С. 173—183.

Тимришеев Асхар Кальбекович,
заместитель начальника полиции
(по оперативной работе)
ОМВД России по Приволжскому району
Астраханской области;
atimrisv@gmail.com

Артюхов Александр Витальевич,
доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
alex.v.artuhov@yandex.ru

1. Khazov Ye. N., Berdnikov N. V. International and legal mechanism to protect human rights in the European Court of Human Rights. Vestnik of the Moscow University of the Interior Ministry of Russia, 144—148, 2016. (In Russ.).

2. Terekhova L. A. Decree of the European Court of Human Rights as the basis to review a decision of the National Court. Law Enforcement, 173—183, 2017. (In Russ.).

Timrishev Askhar Kalbekovich,
deputy chief of police (on operative activity)
of the Interior Ministry of Russia
of the Privolzhsky District of the Astrakhan Region;
atimrisv@gmail.com

Artyukhov Alexandr Vitalyevich,
associate professor at the department
of detective activity
and special technic equipment
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
alex.v.artuhov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 08.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 08.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

УДК 343.985.7:343.34
doi: 10.25724/VAMVD.A035

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА
ВИНОДЕЛЬЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ,
СОВЕРШЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА**

Алина Владимировна Кубицки

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, kuba.alin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей обстоятельств совершения преступлений, связанных с фальсификацией и контрафакцией винодельческой продукции в Республике Молдова. На основе анализа материалов судебной практики, представленных на Национальном портале судебных инстанций Республики Молдова, были выделены наиболее специфичные элементы криминалистической характеристики экономических преступлений, связанных с незаконным оборотом винодельческой продукции на территории Республики Молдова. Эти элементы имеют ряд отличий от своих аналогов, характеризующих схожие составы преступлений, совершаемых в Российской Федерации.

Автор предлагает дифференцировать все предметы преступного посягательства по видам продукции: бесцветная жидкость со специфическим алкогольным запахом; алкогольная и спиртосодержащая продукция; коньяки (дивины); вина. В числе элементов криминалистической характеристики были выделены сведения о предмете преступного посягательства, характеристика способов, используемых в процессе совершения рассматриваемого вида преступлений, механизм их совершения, место (территориальность) совершения преступления, а также данные, характеризующие субъектов преступной деятельности. Каждый выделенный элемент детерминирован и играет важную роль в формировании совокупности объективных криминалистически значимых сведений о преступлениях в сфере незаконного оборота винодельческой продукции и способствует раскрытию и расследованию данного вида преступлений.

Ключевые слова: фальсификация, контрафакция, экономические преступления, спиртосодержащая продукция, винодельческая продукция, криминалистическая характеристика

Для цитирования: Кубицки А. В. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере незаконного оборота винодельческой продукции, совершенных на территории Республики Молдова // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 183—189. doi: 10.25724/VAMVD.A035

**CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES
RELATED TO ILLEGAL TRAFFICKING OF WINE PRODUCTS
COMMITTED IN THE TERRITORY
OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA**

Alina Vladimirovna Kubitsky

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, kuba.alin@mail.ru

Abstract. The given article deals with the study of the specific nature of the circumstances of committing crimes related to falsification and counterfeiting of wine products in the Republic of Moldova. Based on the analysis of the materials of judicial practice represented on the national portal of the court instances, the author of the article identified the most specific elements of the criminalistic characteristics of the economic crimes related to illegal trafficking of wine products on the territory of the Republic of Moldova. These crimes differ from their counterparts to be typical for similar offenses (corpus delicti) on the territory of the Russian Federation.

The author of the article proposes to differentiate all objects of criminal encroachment according to the type of the product: colorless liquid with a specific alcoholic odor (straw); alcoholic and alcohol-containing products; cognacs (divins); wines. Among the elements of the criminalistic characteristics the author of the article determined the information about the object of criminal encroachment, the description of the methods used while committing the

mentioned type of crimes, the mechanism to commit them, the place (territoriality) where the crimes were committed as well as the data about the subjects of criminal activity. Every such element is determined and plays an important role in the formation of a set of objective criminalistically significant information about crimes in the sphere of illegal trafficking of wine products as well as contributes to solution and investigation of the type of crime mentioned above.

Keywords: falsification, counterfeiting, economic crimes, alcohol-containing products, wine products, forensic characteristics

For citation: Kubitsky A. V. Criminalistic characteristics of crimes related to illegal trafficking of wine products committed in the territory of the Republic of Moldova. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 183—189, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A035

Согласно данным Международной организации винограда и вина (International Organisation of Vine and Wine, OIV) Республика Молдова входит в список ведущих стран — производителей и экспортеров винодельческой продукции в мире. Как сторонник легитимного рынка винодельческой продукции, специализированные подразделения Генерального инспектората полиции Министерства внутренних дел (Центра по Международному полицейскому сотрудничеству) и Таможенной службы Республики Молдова организуют и проводят международные, федеральные и региональные мероприятия, направленные на выявление и пресечение незаконного товарооборота.

Уголовно-правовое регулирование противодействия незаконному обороту винодельческой продукции в Республике Молдова имеет ряд специфических особенностей. Несмотря на то что в теории уголовного права ряд правоведов (В. Г. Бужор, В. И. Гуцуляк, И. А. Спыну и др.) [1] действия, связанные с незаконным оборотом алкогольной продукции, предлагают квалифицировать по ст. 216 «Производство, транспортировка, хранение, реализация, предоставление за плату или бесплатно продуктов (товаров), оказание услуг, опасных для жизни или здоровья потребителей» Уголовного кодекса Республики Молдова (УК РМ)¹, в следственной и судебной практике преимущественно применяется ч. 2 ст. 246 «Фальсификация и контрафакция продукции» УК РМ. Данная статья применяется самостоятельно, а также может квалифицироваться по совокупности со ст. 250 «Перевозка, хранение или реализация подакцизных товаров без маркировки их контрольными или акцизными марками» и ст. 361 «Изготовление, владение, сбыт или использование поддельных официальных документов, печатей, штампов или бланков» УК РМ.

Опасность реализации поддельной алкогольной продукции состоит как в потенциальной возмож-

ности причинения вреда здоровью потребителей, так и в значительных финансовых потерях государства и добросовестных производителей, несущих дополнительные затраты на поддержание маркетинговых показателей товара. К примеру, в Ниспоренском районе Республики Молдова организаторы подпольного цеха по производству фальсифицированных вин и дивинов известных марок KVINT, CRICOVA, NISTRU осуществляли производство алкогольной продукции в антисанитарных условиях с применением упрощенных схем изготовления, тем самым причинив производителям материальный ущерб на общую сумму 45 тыс. леев (около 340 тыс. рублей), а также моральный ущерб путем дискредитации качества продукции ведущих марок [2].

За период с 2016 по 2021 г. противоправная деятельность в Республике Молдова в сфере незаконного оборота алкогольной продукции в целом сохраняла относительно стабильные показатели, которые составляли в 2016 г. — 130; 2017 г. — 113; 2018 г. — 97; 2019 г. — 105; 2020 г. — 110; 2021 г. — 95 преступлений², что позволяет отметить отсутствие резкой стагнации в данной сфере современной преступности.

Изучение судебной практики за период с 2000 по 2021 г., представленной на Национальном портале судебных инстанций Республики Молдова³, позволило выделить наиболее специфичные элементы криминалистической характеристики преступлений рассматриваемой группы, совершаемых на территории республики, и сопоставить их с аналогичными, свойственными для незаконного оборота алкогольной продукции в Российской Федерации, нашедшими отражение в научных и учебно-методических материалах [3—5].

² Отчетные данные Генерального инспектората полиции Республики Молдова. URL: <https://politia.md/> (дата обращения: 20.05.2022).

³ Национальный портал судебных инстанций Республики Молдова. URL: <https://instante.justice.md/> (дата обращения: 20.05.2022).

¹ Уголовный Кодекс Республики Молдова № 985 от 18 апреля 2002 г. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=17781&lang=ru (дата обращения: 20.05.2022).

В число таких элементов вошли: предмет преступного посягательства; способ и место (территориальность) совершения преступления; механизм совершения преступления; характеристика субъектов противоправной деятельности. Безусловно, общий перечень традиционных элементов криминалистической характеристики, составляющих рассматриваемые виды преступлений, более обширен, однако для демонстрации совпадающих и различающихся одноименных элементов мы использовали наиболее специфичные.

Рассмотрение основного предмета преступного посягательства ранее выявленных преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной (винодельческой) продукции Молдовы позволило сделать вывод о том, что от общего количества фальсифицированной и контрафактной алкогольной продукции более 45 % составляет именно винодельческая. К данной категории может быть отнесена обширная группа алкогольной продукции, которую, согласно Закону «О винограде и вине» № 57 от 10 марта 2006 г.¹, составляют не только вина, но и продукция, полученная на основе сусла (сусло виноградное свежее, сусло виноградное сульфитированное, сусло виноградное концентрированное, сусло виноградное концентрированное ректифицированное, сусло виноградное частично сброженное, сусло виноградное частично сброженное из заизюмленного винограда, мистель, другая разрешенная продукция), на основе вина (дистиллят для дивина, дистиллят винный, дистиллят из виноградной выжимки, дистиллят из винных дрожжей, спирт этиловый виноградно-винодельческого происхождения, дивин, бренди, ракию винный, ракию из виноградной выжимки, ракию из винных дрожжей, напиток виноградный алкогольный), вторичная продукция виноделия, а также полученная в результате переработки вторичной продукции виноделия (выжимка виноградная, барда винная, барда дрожжевая, сок диффузионный, пикет, камень винный, сусло гребневое, дрожжи винные).

Изучение материалов уголовных дел позволило дифференцировать все предметы преступного посягательства по видам продукции: бесцветная жидкость со специфическим алкогольным запахом — 28 %; алкогольная и спиртосодержащая продукция — 26 %; коньяки (дивины) — 24 %; вина — 22 %.

Большая часть продукции ненадлежащего качества, выявленная и изъятая из незаконного оборота,

находилась в канистрах (пластиковых и из нержавеющей стали), бочках. Остальные изделия (25 %) были тарированы в бутылки (стеклотару, пластиковые бутылки) объемом 0,5—1,5 л (новые и повторно утилизированные). Данная продукция в 50 % случаев сопровождалась поддельными этикетками; в 70 % — поддельными акцизными марками; у 80 % продукции отсутствовало документальное сопровождение оборота.

Следует отметить, что среди анализируемых материалов уголовных дел определенное отличие предмета преступного посягательства преступлений, совершенных на территории Республики Молдова, от российских аналогов отмечалось только в отношении винодельческой продукции. Этот факт может быть объяснен традиционной особенностью сельскохозяйственного сектора Молдовы, для которого характерна высокая плотность виноградников, которые являются источником основного сырья для получения данных напитков. В Российской Федерации в качестве предмета преступного посягательства по рассматриваемым видам преступлений преобладает спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, предусматривающая использование в качестве первичного сырья иных видов сельскохозяйственной продукции (преимущественно злаковых и зерновых культур).

Особенность предмета преступного посягательства сопряжена с его несоответствием требованиям, установленным международными и молдавскими государственными стандартами, вследствие умышленного нарушения технических и технологических требований производства, влекущего изменение свойств винодельческой продукции и ухудшение качественных и количественных характеристик. Преобладающими способами фальсификации данной категории алкогольных напитков в Республике Молдова являются: 1) разбавление вина водой, соком или более дешевыми виноматериалами для увеличения объема; 2) маскировка винной жидкости путем добавления спирта, красителей или других компонентов (применение неразрешенных консервантов); 3) галлизация — добавление сахара и воды в целях снижения кислотности; 4) шапталлизация — обработка закисающих вин щелочными реагентами; 5) петиотизация — настаивание и брожение сахарного сиропа в мезге, которая остается после отделения виноградного сока, и др. Все эти способы вызывают изменение свойств винодельческой продукции, значительно снижая ее качественные характеристики, а в случаях применения недоброкачественного сырья, запрещенных консервантов, несоблюдения санитарных требований могут

¹ О винограде и вине: закон № 57 от 10 марта 2006 г. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=25280&lang=ru (дата обращения: 05.05.2022).

причинить вред жизни и здоровью потребителя. В Российской Федерации, напротив, преобладает такой вид фальсификации, как замена высококачественного спирта низкокачественным (к примеру, замена пищевого спирта на технический). В то же время такие нарушения, как ассортиментная фальсификация алкогольных напитков (подмена одного вида другим), их качественная фальсификация (введение добавок, не предусмотренных рецептурой, разбавление водой), встречаются одинаково часто как в Республике Молдова, так и в России.

Усложняет ситуацию и тот факт, что винодельческая продукция представляет собой наиболее сложную для идентификации группу алкогольных товаров, учитывая ее ассортиментное разнообразие и многокомпонентный химический состав, трансформирующийся под воздействием различных факторов (климатических, агротехнических, технологических и др.).

С учетом вида предмета преступного посягательства, его свойств, характеристик и признаков могут быть дифференцированы способы совершения преступления. Изученные материалы судебной практики Республики Молдова позволяют выявить зависимость повторяемости и устойчивости способов совершения рассматриваемого вида преступлений от технологии производства недоброкачественной винодельческой продукции, оказывающей непосредственное влияние на качественные параметры фальсифицированной, контрафактной, не отвечающей требованиям безопасности продукции. Специфика способа совершения рассматриваемых преступлений заключается в приобретении (выращивании) первичного сырья, особенностях процесса изготовления винодельческой продукции, ее транспортировки, сбыта готового товара.

Нарушение технологических и правовых требований, предъявляемых к производственным процессам и последующим действиям, связанным с поступлением готовых товаров в оборот, осуществляется разными категориями производителей:

1. Легальные предприятия-изготовители с применением промышленного оборудования:

— нарушающие условия лицензирования, выражающиеся в превышении объемов выпуска продукции, которая указана в лицензии, с последующей реализацией нелегальной винодельческой продукции коммерческим организациям без отражения в бухгалтерских учетных документах (неучтенное производство);

— не контролирующее качество первоначального сырья или нарушающие технологические процессы изготовления, в результате чего в оборот поступают

суррогаты алкоголя, характеризующиеся добавлением различных малоценных добавок, выжимок, соков, настоев; практикующие «исправление» недоброкачественного виноматериала за счет добавления щелочных агентов и сахара-рафинада до и после стадии брожения (шапталлизация вина); ложное купажирование, смешивание различных фракций сусла (сусло-самотек, самая высококачественная фракция, смешивается с низкосортными прессовыми фракциями); фальсифицирование сроков выдержки вина (за марочные выдаются вина ординарные).

В результате перечисленных манипуляций внешний вид товара соответствует его оригинальному аналогу. Нередко применяются оригинальные этикетки, кольеретки, тара, присутствуют сопроводительные документы для транспортировки и т. д.

Отдельно отметим способ, связанный с маскировкой незаконного производства и реализацией фальсифицированной продукции под видом ведения легальной деятельности официальных предприятий, предоставляющих услуги по розливу и упаковке материала, предоставленного «заказчиками». Так, в Унгенском районе Республики Молдова была выявлена организация, осуществлявшая легальную деятельность по розливу вина. В результате проведенных оперативных мероприятий и последующих следственных действий было установлено, что помимо основной деятельности преступная группа незаконно производила и реализовывала винодельческую продукцию [6].

2. Небольшие производства, размещенные в частных домовладениях, изготавливающие товары с помощью кустарных приспособлений в целях дальнейшей реализации потребителям (самогон, настойки, вина и прочие алкогольные напитки домашнего изготовления, легальное изготовление которых предусматривает процедуру получения лицензии на осуществление данного вида деятельности). Как правило, в данном случае преступники не прибегают к грубым методам фальсификации, но иногда осуществляют разведение своих либо закупленных виноматериалов водой и малоценными настоями с последующим доведением сахаристости, кислотности, крепости «напитка» до определенных значений (галлизация вина).

Данная продукция разливается преимущественно в пластиковую тару, не сопровождаемую этикетками, или в стеклянные бутылки, снабжаемые самодельными или покупными этикетками; сопроводительная документация и акцизные марки отсутствуют.

3. Нелицензированные производители винодельческой продукции, применяющие промышленное или кустарное оборудование. К примеру, розлив винодельческой продукции в тару меньшего объема, смешивание доброкачественного сырья с более дешевыми синтетическими аналогами, или купажирование, заключающееся в смешивании в определенных соотношениях различных виноматериалов, часто с введением дополнительных компонентов (этилового спирта, вакуум-сусла, бекмеса и др.) или добавлением красителей и ароматизаторов, имитирующих натуральные.

В ряде случаев недобросовестные производители привлекают в качестве соучастников обслуживающий персонал из заведений ресторанного типа (баров, кафе, ресторанов), который выступает в качестве посредника и передает пустые бутылки из-под алкогольной продукции для вторичного использования (бутылки укупоривают и закрепляют термоусадочный колпачок, нагревая строительным феном, при этом сохраняя оригинальную этикетку производителя, но сопроводительная документация и акцизные марки отсутствуют).

Раскрывая особенности механизма совершения преступлений по производству и реализации фальсифицированной и контрафактной винодельческой продукции, отметим, что как в Республике Молдова, так и в Российской Федерации характер и алгоритм деятельности преступников по подготовке, совершению и сокрытию данного вида преступлений совпадают, а механизм их совершения отражает закономерные связи между отдельными этапами, факторами, обстоятельствами преступления и позволяет воссоздать его полную картину.

Однако в связи с тем, что в Республике Молдова винодельческая продукция относится к категории пищевой, ее продажа, реклама, способы доставки потребителю и другие элементы, сопровождающие этап реализации, не имеют территориальных, временных и иных ограничений. Анализ судебной практики показал, что винодельческая продукция, нарушающая требования молдавских государственных стандартов, реализуется в большей степени на оптовых и мини-рынках (50 %), как в столице (г. Кишиневе), так и в отдаленных регионах республики, через коммерческие магазины (25 %), киоски, предприятия общественного питания (столовые, шашлычные, рестораны и т. п.). Местом реализации может быть и частное домовладение (50 %), нередко случаи продажи товара непосредственно с машины (25 %), а также торговли винодельческой продукцией (преимущественно вином) в торговых точках, где осуществляется продажа на розлив.

Есть основания констатировать, что в преддверии праздников и выходных легальные предприятия-изготовители, нарушающие условия лицензирования, допускают существенные превышения объемов выпуска продукции, которые указаны в лицензии, с последующей реализацией нелегальной винодельческой продукции коммерческим организациям без отражения в бухгалтерских учетных документах.

При расследовании преступлений в сфере незаконного оборота винодельческой продукции следственные и иные процессуальные действия в основном производятся лишь в местах реализации алкогольных напитков, без установления точек производств и выявления поставщиков первоначального сырья и путей поставок готовой продукции, не соответствующей требованиям молдавских государственных стандартов и закона «О производстве и обороте этилового спирта и алкогольной продукции» № 1100 от 30 июня 2000 г.¹ Между тем способ совершения преступления тесно связан с таким элементом криминалистической характеристики незаконного оборота винодельческой продукции, как место (территориальность) совершения преступлений, включающим и местность произрастания первичного виноматериала (виноградников), и территории размещения производств, транспортной логистики, хранения и реализации. Результаты изучения судебной практики показывают, что для Республики Молдова характерны варианты совпадений точек произрастания первичного виноматериала, территорий размещения производств с местами первичной реализации винодельческой продукции.

В 65 % случаев преступления, связанные с незаконным оборотом винодельческой продукции, совершаются в регионах, где сконцентрировано наибольшее количество виноградных насаждений (Центральном (Кодры), Южном, Северном и Юго-восточном регионах Республики Молдова). Отметим, что в Российской Федерации такая взаимосвязь совпадений точек произрастания первичного виноматериала (Краснодарский край, Республика Крым, Ростовская область, Ставропольский край) с местами производства и реализации винодельческой продукции ненадлежащего качества отсутствует.

Данная территориальная особенность оказывает определенное влияние и на характеристику субъектов совершения преступлений. Изучение материалов уголовных дел показало, что преступления рассматриваемой группы совершают преимущественно

¹ О производстве и обороте этилового спирта и алкогольной продукции: закон № 1100 от 30 июня 2000 г. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=108518&lang=ru (дата обращения: 11.04.2022).

мужчины, являющиеся гражданами Молдовы — 75 %, гражданами других государств — 25 % (Грузия). Большинство преступлений совершается группами по предварительному сговору (не менее 2 человек) — 50 %, а также организованными группами (от 5 до 10 человек) — 25 %, осуществляющими кустарное производство алкоголя и контролирующими этапы реализации фальсифицированной и контрафактной винодельческой продукции. Во всех организованных группах прослеживается устойчивость коллектива, сплоченность и распределение обязанностей, нередко выполняемых лицами, находящимися в близком родстве, для которых данный вид деятельности является передаваемым из поколения в поколение.

Среди лиц, совершающих данный вид преступления, преобладают субъекты от 40 до 50 лет (50 %), далее идет возрастная группа от 35 до 40 лет (25 %) и старше 50 лет (25 %). Эта возрастная особенность субъектов совершения преступления в Республике Молдова существенно отличается от своего российского аналога, где средний возраст преступников указанной категории составляет 25—40 лет.

Таким образом, анализ судебной практики, связанной с преступлениями в сфере незаконного оборота винодельческой продукции, позволил выделить ряд специфических для Республики Молдова элементов криминалистической характеристики:

— криминалистически значимые сведения о предмете преступного посягательства (к которым относится изучение основных свойств винодельческой продукции и измерение таких параметров, как удельная плотность жидкости, количество спирта и сахара), так как более 45 % фальсифицированной продукции в Республике Молдова составляет винодельческая (вина, дивины и др.);

— способы совершения рассматриваемого вида преступлений (нарушение правовых и технологических требований, предъявляемых к производственным процессам и последующим действиям, связанным с поступлением готовых товаров в оборот, разными категориями производителей: 1) легальные

предприятия-изготовители с применением промышленного оборудования; 2) небольшие производства, размещенные в частных домовладениях, изготавливаемых с помощью кустарных приспособлений; 3) производство нелегальной винодельческой продукции нелегальным производителем с использованием промышленного или кустарного оборудования);

— механизм совершаемого преступления, включающий классический алгоритм деятельности преступников по подготовке, совершению и сокрытию преступлений в сфере незаконного оборота винодельческой продукции. В большинстве случаев (95 %) виновные готовились к совершению преступлений: искали помещения для производства и хранения продукции, приобретали сырье, фурнитуру, тару, оборудование, приспособления для закупки бутылок и наклейки этикеток, а также места реализации готовой винодельческой продукции, которая в основном осуществляется на оптовых и мини-рынках (50 %), как в Кишиневе, так и в селах Республики Молдова, через коммерческие магазины (25 %), киоски, предприятия общественного питания (столовые, шашлычные, рестораны и т. п.), частные домовладения (50 %) и непосредственно с машины (25 %);

— место (территориальность) совершения преступления (для Республики Молдова характерно совпадение точек произрастания виноградников, мест производства с местами реализации винодельческой продукции);

— данные, характеризующие субъектов преступной деятельности (преобладание среди них лиц мужского пола, возрастной категории от 40 до 50 лет (50 %), большинство преступлений совершается в группах по предварительному сговору либо лицами, состоящими в близком родстве).

Каждый элемент криминалистической характеристики находится в прямой зависимости с причинной обусловленностью совершенного преступления в сфере незаконного оборота винодельческой продукции.

1. Бужор В. Г., Гуцуляк В. И., Спыну И. А. Комментарий к уголовному кодексу Республики Молдова (общая и особенная часть). Кишинев: Кишинэу, 2015. 454 с.

2. Архив Ниспоренского районного суда Республики Молдова. Дело № 1-16-10 от 10 марта 2016 г.

3. Дронова О. Б. Обстановка совершения преступления в сфере потребительского рынка

1. Buzhor V. G., Gutsulyak V. I., Spynu I. A. Commentary on the Criminal Code of the Republic of Moldova (General and Special Part). Chisinyev: Chisinau; 2015: 454. (In Russ.).

2. Archive of the Nisporen District Court of the Republic of Moldova. Case No. 1-16-10 on 10 March 2016. (In Russ.).

3. Dronova O. B. Situation of committing a crime in consumer market as a main element of criminal-

как основной элемент криминалистической характеристики // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 258—262.

4. Дронова О. Б. Концептуальные основы использования специальных знаний в ходе противодействия противоправной деятельности в сфере потребительского рынка. Москва: Юрлитинформ, 2019. 254 с.

5. Дронова О. Б. Использование специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений в сфере производства, хранения и сбыта товаров, не соответствующих установленным требованиям. Москва: Юрлитинформ, 2017. 167 с.

6. Архив Унгенского районного суда Республики Молдова. Дело № 4-17-13 от 13 октября 2017 г.

Кубицки Алина Владимировна,

адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
kuba.alin@mail.ru

istic characteristics. Society and Law, 258—262, 2016. (In Russ.).

4. Dronova O. B. Conceptual basis of using special knowledge while countering illegal activity in consumer market. Moscow: Yurlitinform; 2019: 254. (In Russ.).

5. Dronova O. B. Using special knowledge while detecting and investigating crimes in the sphere of production, storage and sale of goods that do not meet requirements. Moscow: Yurlitinform; 2017: 167. (In Russ.).

6. Archive of the Unghen District Court of the Republic of Moldova. Case No. 4-17-13 on 13 October 2017. (In Russ.).

Kubitsky Alina Vladimirovna,

associate adjunct
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
kuba.alin@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.06.2022; одобрена после рецензирования 04.07.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 23.06.2022; approved after reviewing 04.07.2022; accepted for publication 08.09.2022.

* * *

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров. ISSN 2074-8183

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России». Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 22761.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

— представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;

— представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;

— информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;

— обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных организаций;

— аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право.

2. Уголовный процесс.

3. Криминалистика.

4. Оперативно-разыскная деятельность.

5. Трибуна молодого ученого.

Представляемая к изданию рукопись должна:

— по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;

— содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;

— предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

— заголовок на русском и английском языке;

— аннотацию¹ на русском и английском языке (рекомендуется не менее 120 слов);

— ключевые слова² на русском и английском языке;

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, дей-

- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристрастный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- код универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте mkolosovich@mvd.ru;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400075, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: mkolosovich@mvd.ru

Тел.: (8442) 24-83-55, +7 (902) 380-00-88.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакция направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, после устранения замечаний проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакция журнала отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования принимается окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ствующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

ЗАЯВКА¹
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
 прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »
название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, а также перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденным приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, перечню служебных сведений ограниченного распространения и документов, их содержащих, образующихся в деятельности органов внутренних дел, образовательных и научно-исследовательских учреждений МВД России, утвержденным приказом МВД России от 15 декабря 1997 г. № 825 дсп. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения²:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (рекомендуется не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20____ *подпись* *фамилия, инициалы³*

¹ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

² Таблица заполняется на каждого автора.

³ Заявка подписывается каждым автором.